

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГАЗЕТѢ

„ТРУДЪ“.

ДѢЛО

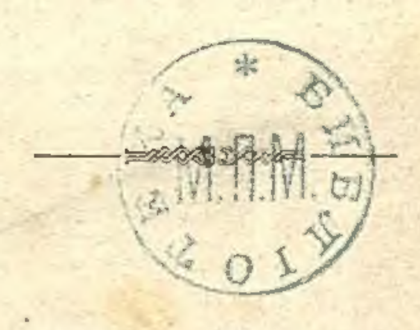
о

СОВЕРШЕННОМЪ 1-го МАРТА 1881 ГОДА ЗЛОДѢЯНІИ,

жертвою коего палъ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШІЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., соб. домъ.
1881.

Дозволено цензурою, Кіевъ, 12-го мая 1881 года.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ газетѣ

„ТРУДЪ“.

Дѣло о совершенномъ 1-го марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

(Засѣданіе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣла о государственныхъ преступленіяхъ).

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано:

Составъ присутствія: первоприсутствующій, сенаторъ Э. Я. Фуксъ; присутствовали сенаторы: Н. Н. Биппенъ, Н. С. Писаревъ, И. Н. Орловъ, А. И. Синицынъ и А. В. Бѣлостоцкій; сословные представители: предводители дворянства: С.-Петербургскій губернскій—графъ А. А. Бобринскій и Петергофскій уѣздный—баронъ М. Н. Корфъ, Московскій городской голова Третьяковъ и волостной старшина Московской волости, С.-Петербугской губерніи и уѣзда А. Гелькеръ, при оберъ секретарѣ В. В. Поповѣ. Обвинялъ исполняющій обязанности прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената товарищъ прокурора С.-Петербургской судебной палаты Н. В. Муравьевъ.

Защитники подсудимыхъ, присяжные повѣренные: Унковскій—Рысакова, Хартулари—крестьянина Тимоѳея Михайлова, Герке 1-й—мѣщанки Геси Гельфманъ, Герардъ—сына священника Николая Кибальчича и Кедринъ—дворянки Софьи Перовской.

Подсудимый, крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, защитника имѣть не пожелалъ.

Засѣданіе 26-го марта 1881 года.

Засѣданіе открыто въ 11 часовъ дня объявленіемъ первоприсутствующаго о подлежащемъ разсмотрѣнію Особаго Присутствія дѣла о подсудимыхъ Рысаковѣ, Михайловѣ, Гельфманъ, Перовской, Кибальчичѣ и Желябовѣ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Затѣмъ были введены подсудимые, которые заняли на скамьѣ подсудимыхъ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Рысаковъ, 2) Михайловъ, 3) Гельфманъ, 4) Кибальчичъ, 5) Перовская и 6) Желябовъ.

По распоряженію первоприсутствующаго, оберъ-секретарь прочелъ предложенія г. Министра Юстиціи Особому Присутствію, изъ коихъ видно, что по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, испрошенному на основаніи 2-го пункта 1.031 ст. уст. уг. суд. (по прод. 1879 г.), настоящее дѣло отнесено къ вѣдѣнію Особаго Присутствія Правительствующаго Сената.

Первоприс. Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, Особое Присутствіе Правительствующаго Сената приступаетъ къ разсмотрѣнію означеннаго дѣла.

Подсудимый Рысаковъ, объявите ваше званіе, имя, отчество и фамилію.

Подсудимый Рысаковъ. Мѣщанинъ города Тихвина, Николай Ивановъ Рысаковъ.—В. Сколько вамъ лѣтъ?— О. 19-ть.—В. Какого вѣроисповѣданія?—О. Православнаго.—В. Гдѣ проживали послѣднее время?—О. Въ Петербургѣ, на Пескахъ и на Петербургской сторонѣ.—В. Получили копіи съ обвинительнаго акта?—О. Получилъ.

На тѣ же вопросы, обращенные къ остальнымъ подсудимымъ, они отвѣчали:

Михайловъ—крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоѳей Михайловъ, 21 года; православный; занимался котельными работами; жилъ на Пескахъ. Копіи съ обвинительнаго акта получилъ.

Гельфманъ—мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ; проживала въ Телѣжной улицѣ; занималась революціонными дѣлами; 26 лѣтъ. Копіи съ обвинительнаго акта получила.

Кибальчичъ—сынъ священника Николай Кибальчичъ; православный, жилъ по Лиговкѣ, № 83; занимался отчасти литературой; 27 лѣтъ. Копіи съ обвинительнаго акта получилъ.

Перовская—дворянка Софья Перовская, 27 лѣтъ; жила по 1-й ротѣ Измайловскаго полка; занималась революціонными дѣлами.

Желябовъ—Я получилъ документъ...

Первоприс. Прежде объясните суду ваше званіе, имя и фамилію.

Подсуд. Желябовъ. Крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ. Я получилъ документъ, относящійся къ этому дѣлу. По нѣкоторымъ признакамъ я сомнѣваюсь, чтобы онъ исходилъ отъ того учрежденія, которое въ немъ значится, и прошу удостовѣрить подлинность этого документа. Документъ за нумеромъ неизвѣстнымъ; полученъ мною безъ 20-ти минутъ въ 11-ть часовъ сегодня. Онъ озаглавленъ: „Объявленіе отъ исполняющаго обязанность прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената"; подписанъ: „Плеве". Сравнивая его съ постановленіемъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената въ распорядительномъ засѣданіи 22-го марта, я нахожу большую разницу. Не говоря о томъ, что первый документъ не имѣетъ нумера, въ немъ не сказано, изъ кого состояло Особое Присутствіе Сената, и постановленіе его подписано ли кѣмъ-нибудь, или нѣтъ. Между тѣмъ этотъ документъ отвѣчаетъ на заявленіе, имѣющее по дѣлу крайне серьезное значеніе, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію. Я 25-го числа подалъ въ Особое Присутствіе изъ крѣпости заявленіе о неподсудности моего дѣла Особому Присутствію Сената, какъ суду коронному, такъ какъ признаю Правительство одною изъ заинтересованныхъ сторонъ въ этомъ дѣлѣ, и полагаю, что судьею между нами, партіей революціонеровъ, и Правительствомъ можетъ быть только одинъ—всенародный судъ или черезъ непосредственное голосованіе народа, или въ лицѣ его законныхъ представителей, избранныхъ правильно въ учредительное собраніе. Полагая, что настоящая форма суда лично къ намъ непримѣнима, я заявлялъ о томъ, что, по справедливости и по духу даже

нашихъ русскихъ законовъ, наше дѣло подлежитъ разсмотрѣнію суда присяжныхъ засѣдателей, какъ представляющихъ собою общественную совѣсть, и просилъ на это заявленіе отвѣта. Я получилъ это объявленіе, и прошу удостовѣрить, дѣйствительно ли это есть постановленіе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената въ распорядительномъ его засѣданіи.

Первоприс. Я сейчасъ разрѣшу ваше сомнѣніе. Г. оберъ-секретарь, прочтите опредѣленіе Особаго Присутствія, состоявшееся въ распорядительномъ засѣданіи сегодня.

Оберъ-секретарь прочелъ слѣдующее: 1881 года марта 26-го дня, въ распорядительномъ засѣданіи Особаго Присутствія, по указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: Заявленія подсудимаго Желябова о неподсудности его дѣла Особому Присутствію и о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе суда присяжныхъ засѣдателей. Заявленіе это онъ основываетъ на томъ, что дѣйствія, за которыя онъ преданъ суду, направлены противъ Правительства; что Правительство есть заинтересованная сторона; что Особое Присутствіе, состоящее изъ правительственныхъ чиновниковъ, не можетъ разсматривать это дѣло, и оно должно подлежать разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей, какъ суда представителей общественной совѣсти. Выслушавъ это заявленіе и заключеніе исполняющаго обязанности прокурора, Особое Присутствіе находитъ, что отводъ о неподсудности дѣла, за силою 2 п. 1.031 ст. уст. угол. суд., 2-й части XV т. свод. закон., по продолженію 1879 года, и 600 ст. того же устава, лишенъ всякаго основанія и не подлежитъ удовлетворенію, а потому опредѣляетъ: заявленіе Желябова оставить безъ послѣдствій, о чемъ ему и объявить.

Желябовъ. Я этимъ объясненіемъ удовлетворенъ.

Первоприс. Опредѣленіе это подписано всѣми членами присутствія.

Желябовъ. Я удовлетворенъ.

Первоприс. Теперь я приглашаю васъ отвѣтить на мои вопросы: сколько вамъ лѣтъ?

Подс. Желябовъ. 30 лѣтъ.—В. Вѣры православной?—О. Крещенъ въ православіе, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса Христа признаю. Эта сущность

ученія среди моихъ нравственныхъ побужденій занимаетъ почетное мѣсто. Я вѣрю въ истину и справедливость этого вѣроученія, и торжественно признаю, что вѣра безъ дѣлъ— мертва есть, и что всякій истинный христіанинъ долженъ бороться за правду, за права угнетенныхъ и слабыхъ, и если нужно, то за нихъ и пострадать: такова моя вѣра.— В. Гдѣ вы проживали въ послѣднее время и чѣмъ занимались?—О. Въ послѣднее время я жилъ въ первой ротѣ Измайловскаго полка, и вообще жилъ тамъ, гдѣ требовало дѣло, указанное мнѣ исполнительнымъ комитетомъ. Служилъ я дѣлу освобожденія народа. Это мое единственное занятіе, которому я много лѣтъ служу всѣмъ моимъ существомъ.—В. Получили копіи съ обвинительнаго акта?—О. Получилъ копіи съ трехъ обвинительныхъ актовъ, въ томъ числѣ одну съ дополнительнаго обвинительнаго акта.

Первоприс. Вторую копію вы получили взамѣнъ первой. Г. судебный приставъ, всѣ ли лица вызванныя явились?

Судебн. приставъ. Имѣю честь доложить, что не явилось четверо: полковникъ Дворжицкій, ротмистръ Кулебякинъ, городовой Денисовъ и сынъ купца Гольденбергъ.

Оберъ-секретарь доложилъ особому присутствію причины неявки означенныхъ свидѣтелей, а именно: первые трое, по медицинскимъ удостовѣреніямъ, не могли явиться вслѣдствіе болѣзни отъ ранъ и поврежденій, а Гольденбергъ— за смертью.

Первоприс. Прошу заключенія г. прокурора.

Исп. об. прокурора Муравьевъ. Принимая во вниманіе, что свидѣтели Дворжицкій, Кулебякинъ и Денисовъ не явились въ судъ вслѣдствіе законно удостовѣреннаго болѣзненнаго состоянія и руководствуясь 4 пунк. уст. уг. суд., я полагалъ бы неявку ихъ признать законною. Затѣмъ, признавая эти показанія имѣющими въ дѣлѣ существенное значеніе и, на основаніи 626 ст. уст. уг. суд., подлежащими прочтенію по ходатайству сторонъ, я отсутствіе ихъ не считаю препятствіемъ къ слушанію дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣю сдѣлать заявленіе, касающееся умершаго Гольденберга. Обвинительная власть указала свидѣтеля Гольденберга въ спискѣ, приложенномъ къ обвинительному акту, и тѣмъ самымъ заявила о своемъ предположеніи воспользоваться на судѣ показаніемъ этого свидѣтеля посред-

ствомъ его прочтенія, на основаніи 626 ст. уст. уг. суд., разъясненной рѣшеніями Правительствующаго Сената. Руководствуясь этими рѣшеніями, именно 1869 года № 137, того же года № 831, затѣмъ 1874 года № 456, я въ настоящее время имѣю честь заявить, что показаніе Гольденберга, имѣющее значеніе свидѣтельскаго показанія по отношенію къ другимъ подсудимымъ, должно быть прочитано на судебномъ слѣдствіи, и подъ условіемъ этого прочтенія обвинительная власть считаетъ возможнымъ продолжать судебное слѣдствіе.

Первоприс. Что можетъ заявить защита по вопросу о продолженіи засѣданія?

Прис. пов. Унковскій. Я съ своей стороны полагаю, что неявка четырехъ свидѣтелей не можетъ служить препятствіемъ къ продолженію дѣла, и также не вижу никакой причины къ неудовлетворенію ходатайства г. прокурора.

Прис. пов. Хартулари. Я присоединяюсь.

Прис. пов. Герке 1 й. Я тоже.

Прис. пов. Герардъ. Я не вижу препятствія къ слушанію дѣла, но что касается показанія умершаго Гольденберга, то въ свое время, когда явится моментъ для прочтенія его показанія, я прошу предоставить мнѣ слово о возможности или невозможности чтенія этого показанія.

Первоприс. Не признаете ли вы возможнымъ сдѣлать это заявленіе теперь же?

Прис. пов. Герардъ. Я полагаю, что чтеніе показанія Гольденберга съ формальной стороны не можетъ быть допущено въ настоящемъ засѣданіи. Я это основываю на слѣдующемъ соображеніи. Правительствующій Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ многократно разъяснялъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. прокуроръ, что показанія умершихъ сообвиняемыхъ могутъ читаться какъ показанія свидѣтелей; но Гольденбергъ никогда не былъ сообвиняемымъ съ настоящими подсудимыми. Онъ судился по совершенно другому дѣлу, и въ преступленіи 1-го марта Гольденбергъ не обвиняется; онъ не былъ привлекаемъ ни въ качествѣ свидѣтеля, ни въ качествѣ обвиняемаго. Поэтому чтеніе его показанія съ формальной стороны не можетъ быть допущено и не можетъ оправдываться ни закономъ, ни рѣшеніями Кассаціоннаго Сената.

Прис. пов. Кедринъ. Я присоединяюсь къ только что высказанному заявленiю.

Прокур. Въ объясненiяхъ г. защитника подсудимаго Кибальчича очевидно есть недоразумѣнiе. Дѣйствительно, Гольденбергъ не былъ преданъ суду и за смертью не могъ привлекаться къ дѣлу о преступленiи 1-го марта; но подсудимый Желябовъ, одинъ изъ настоящихъ подсудимыхъ, подлежалъ привлеченiю къ суду и не былъ привлеченъ только за неразысканiемъ, по тому же дѣлу, по которому былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго при своей жизни Гольденбергъ. Поэтому Гольденбергъ и Желябовъ являются обвиняемыми по одному и тому же дѣлу. Въ числѣ обвиненiй, падающихъ на Желябова, есть обвиненiе въ приготовленiи взрыва на лозово-севастопольской желѣзной дорогѣ, подъ городомъ Александровскомъ, падающее также и на Гольденберга. Въ виду изложенныхъ фактовъ, обвиненiе продолжаетъ настаивать на прочтенiи показанiя Гольденберга.

Прис. Пов. Герардъ. Въ такомъ случаѣ Особое Присутствiе можетъ изъ показанiя Гольденберга ограничиться прочтенiемъ только тѣхъ частей, которыя касаются виновности Желябова и Гольденберга относительно взрыва подъ Александровскомъ.

Первоприс. Г. прокуроръ, вы просите прочесть все показанiе Гольденберга или только выдержки, относящiяся до Желябова?

Прок. На основанiи рѣшенiя Сената по дѣлу Багрянцова, на представителя стороны, требующей прочтенiя показанiя такого свидѣтеля, какъ Гольденбергъ, возложена обязанность точно указать въ свое время чтенiя, какихъ именно частей онъ желаетъ; эту обязанность и исполнитъ обвинительная власть. Она имѣетъ въ виду воспользоваться не всѣмъ показанiемъ Гольденберга, а лишь извѣстными частями, касающимися Желябова, Перовской и Кибальчича.

Желябовъ. Я имѣю сдѣлать заявленiе. Мое заявленiе касается вызова или, правильнѣе сказать, ссылки г. прокурора на показанiе Гольденберга. Я въ русскихъ законахъ не силенъ и потому становлюсь подъ защиту суда въ отношенiи толкованiя закона. На мою просьбу вызвать свидѣтелями Кошурникова и Колоткевича, Особое Присутствiе отвѣ-

чало (читаетъ): „Особое Присутствіе Правительствующаго Сената, останавливаясь на ходатайствѣ Желябова о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей Кошурникова и Колоткевича, находитъ, что по общему смыслу законовъ, относящихся до свидѣтелей, къ числу ихъ не могутъ быть отнесены такія лица, которыя совмѣстно преслѣдуются за одно и то же дѣяніе; что цѣль допроса свидѣтелей состоитъ въ успѣшномъ разъясненіи обстоятельствъ дѣла въ интересахъ истины; а такъ какъ отъ лицъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности вмѣстѣ съ подсудимыми за одно и то же преступленіе, нельзя ожидать безпристрастныхъ, согласныхъ съ истиною, показаній, и законъ разрѣшаетъ свидѣтелямъ не отвѣчать“, и т. д., то Кошурникова и Колоткевича не вызывать. Обвиняемый Гольденбергъ находится въ томъ же положеніи, какъ Кошурниковъ и Колоткевичъ, т. е. состоитъ обвиняемымъ по одному со мною дѣлу. Спрашивается: духъ русскаго закона, распространяющійся на Кошурникова и Колоткевича, не долженъ ли распространяться и на Гольденберга, смерть котораго, т. е. причина его неявки, не удостовѣрена пока, и я прошу удостовѣрить, дѣйствительно ли Гольденбергъ умеръ и какія есть на это данныя. Причины неявки Дворжицкаго и другихъ свидѣтелей удостовѣрены медицинскими свидѣтельствами, и я желалъ бы знать, какія имѣются доказательства, что Гольденбергъ дѣйствительно умеръ?

Особое Присутствіе удалилось для совѣщанія.

По возобновленіи засѣданія первоприсутствующій объявилъ слѣдующее: Особое Присутствіе, по выслушаніи доклада оберъ-секретаря, заключенія прокурора и заявленій защиты и подсудимаго Желябова, постановило слѣдующее опредѣленіе: признавая причину неявки свидѣтелей Дворжицкаго, Кулебякина и Денисова законною, отвѣтственности ихъ не подвергать; судебное засѣданіе, не смотря на неявку свидѣтелей—продолжать, и показанія ихъ, согласно 626 ст. уст. угол. суд., прочесть въ свое время. Что касается до заявленія подсудимаго Желябова и защитниковъ другихъ подсудимыхъ относительно непрочтенія показанія Гольденберга, о смерти коего имѣется удостовѣреніе въ приложенномъ къ дѣлу производствѣ о 16 лицахъ, осужденныхъ за государственныя преступленія, то въ виду имѣющихся по сему предмету кассаціонныхъ рѣшеній, Особое Присутствіе

признаетъ, что Гольденбергъ—одинъ изъ обвиняемыхъ по упомянутому выше преступленію, оговорившій при жизни своихъ соучастниковъ и не допрашиваемый по содержанію сего оговора за смертью, находится въ иномъ положеніи, нежели лица, указанныя Желябовымъ, такъ какъ послѣднія являются сообвиняемыми съ нимъ по дѣлу еще въ отношеніи ихъ не оконченному, посему и постановляетъ показаніе Гольденберга въ частяхъ, относящихся до подсудимыхъ по настоящему дѣлу, прочесть.

Затѣмъ, по распоряженію первоприсутствующаго, оберъ-секретарь прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

которымъ предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственыхъ преступленіяхъ: Тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ *Рысаковъ*, 19-ти лѣтъ; крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки Андрей Ивановъ *Желябовъ*, 30-ти лѣтъ; дворянка Софья Львова *Перовская*, 27-ми лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилкова Тимоѳей *Михайловъ*, 21-го года, и Мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова *Гельфманъ*, 26-ти лѣтъ, обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ.

I.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ третьемъ часу пополудни, въ Петербургѣ, на набережной Екатерининскаго канала, противъ сада Михайловскаго дворца, совершилось величайшее злодѣяніе, жертвою котораго палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ. Неслыханное, по гнусности своей и бѣдственнымъ послѣдствіямъ, преступленіе это и сопровождавшее его причиненіе смерти и пораненій многимъ лицамъ совершены были посредствомъ двухъ, произведшихъ взрывы, метательныхъ снарядовъ.

Обстоятельства злодѣянія, изслѣдованнаго дознаніемъ въ порядкѣ, установленномъ въ 1-й главѣ 2-го разд. 3-й

книги уст. угол. суд., 2-й ч. XV-го т. св. зак., изд. 1876, по продолж. 1879 года, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, были выяснены какъ осмотрами мѣста и вещественныхъ доказательствъ преступленія, такъ и показаніями нижепоименованныхъ свидѣтелей-очевидцевъ полиціймейстера 1-го отдѣленія полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха, ротмистра терскаго казачьяго эскадрона собственнаго Его Императорскаго Величества конвоя Кулебякина, конвойныхъ казаковъ: унтеръ-офицера Кузьмы Мачнева и рядовыхъ Михея Луценко и Петра Кузьменко, адъютанта петербург. крѣпостной артиллеріи штабсъ-капитана Кюстера, офицеровъ кадроваго баталіона лейбъ-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитановъ: Новикова и Франка и подпоручика Рудыковскаго, лейбъ-гвардіи кавалергардскаго полка поручика графа Гендрикова, 139-го моршанскаго пѣхотнаго полка подпоручика Митрофана Крахоткина, камеръ-пажа Косинскаго, младшаго медицинскаго фельдшера лейбъ-гвардіи павловскаго полка Василія Горохова, рядовыхъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Ивана Евченко и Платона Макарова, городоваго 3 участка александро-невской части Василія Несговорова, отставнаго рядоваго Петра Павлова и крестьянина новгородской губерніи, старорусскаго уѣзда, деревни Пятигорки Михаила Назарова.

На основаніи совокупности приведенныхъ данныхъ горестное событіе преступленія представляется въ нижеслѣдующемъ общемъ видѣ:

Въ третьемъ часу дня нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ, въ сопровожденіи обычнаго конвоя, изъ Михайловскаго дворца по Инженерной улицѣ, по выѣздѣ изъ которой карета повернула направо по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ театральному мосту. Позади быстро слѣдовавшей кареты Государя Императора, на разстояніи не болѣе двухъ саженъ отъ нея, ѣхалъ въ саняхъ полиціймейстеръ полковникъ Дворжицкій, а за нимъ капитанъ Кохъ и ротмистръ Кулебякинъ. На разстояніи саженъ 50-ти отъ угла Инженерной улицы, въ 2¹/₄ часа пополудни, подъ каретою раздался страшный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣеромъ. Выскочивъ изъ саней и въ тоже мгновеніе замѣтивъ, что на панели,

со стороны канала, солдаты схватили какого-то человѣка, полковникъ Дворжицкій бросился къ императорской каретѣ, отворилъ дверцы и, встрѣтивъ выходившаго изъ кареты невредимымъ Государя Императора, доложилъ Его Величеству, что преступникъ задержанъ. По приказанію Государя, свидѣтель проводилъ Его по тротуару канала къ тому мѣсту, гдѣ находился, уже окруженный толпою народа, задержанный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи тихвинскимъ мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Стоявшій на тротуарѣ подпоручикъ Рудыковскій, не узнавъ сразу Его Величество, спросилъ: „что съ Государемъ?“ на что Государь Императоръ, оглянувшись и не доходя шаговъ десяти до Рысакова, изволилъ сказать: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ!..“ указывая при этомъ на лежавшаго около кареты раненаго казака и тутъ же кричавшаго отъ боли раненаго мальчика. Услыхавъ слова Государя, Рысаковъ сказалъ: „Еще слава-ли Богу?“ Между тѣмъ, опередивъ на нѣсколько шаговъ Государя, полковникъ Дворжицкій принялъ отъ лицъ, задержавшихъ Рысакова, вынутые изъ платья его револьверъ и небольшой кинжалъ. Приблизившись къ задержанному и спросивъ, онъ ли стрѣлялъ, Его Императорское Величество, послѣ утвердительнаго отвѣта присутствующихъ, спросилъ Рысакова, кто онъ такой, на что тотъ назвалъ себя мѣщаниномъ Глазовымъ. Затѣмъ, какъ только Государь, желая посмотрѣть мѣсто взрыва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по панели канала по направленію къ экипажу, сзади у самыхъ ногъ Его раздался новый оглушительный взрывъ, причемъ поднятая имъ масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла на нѣсколько мгновеній все пространство. Когда же она разсѣялась—пораженнымъ взорамъ присутствующихъ, какъ пострадавшихъ, такъ и уцѣлѣвшихъ, представилось ужасающее зрѣлище: въ числѣ лицъ, поверженныхъ и раненыхъ взрывомъ, находился и Государь Императоръ. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, полусидѣлъ на ней возлюбленный Монархъ, окровавленный и трудно дышавшій. Обнажившіяся ноги Вѣнценоснаго Страдальца были раздроблены; кровь сильно струилась изъ нихъ; тѣло висѣло кусками; лицо было въ крови. Тутъ же лежала шинель

Государя, отъ которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненый рядомъ съ Государемъ Императоромъ полковникъ Дворжицкій, приподнявшись съ земли, услышалъ едва внятно произнесенныя слова Государя: „Помоги“ и, вскочивъ, подбѣжалъ къ Нему вмѣстѣ со многими другими лицами. Кто-то подалъ платокъ. Государь, приложивъ его къ лицу, очень слабымъ голосомъ произнесъ: „Холодно, холодно“. Тогда, приподнявъ Государя, уже начинавшаго терять сознаніе, окружавшія Его лица, въ числѣ которыхъ были юнкера павловскаго военнаго училища и чины проходившаго мимо караула отъ 8-го флотскаго экипажа, при подоспѣвшемъ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, понесли Его къ санямъ полковника Дворжицкаго, причемъ поручикъ графъ Гендриковъ покрылъ своею фуражкою обнаженную голову Страдальца. Наклонившись къ своему Августѣйшему Брату, великій князь спросилъ, слышитъ ли Его Величество, на что Государь Императоръ тихо отвѣчалъ: „Слышу“. На дальнѣйшій вопросъ Его Высочества о томъ, какъ Государь себя чувствуетъ, Государь Императоръ изволилъ сказать: „Скорѣе... во дворецъ“, а затѣмъ, какъ-бы въ отвѣтъ на услышанное Имъ предложеніе штабсъ-капитана Франка внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, Его Императорское Величество произнесъ: „Несите Меня во дворецъ... тамъ... умереть...“ То были послѣднія, слышанныя свидѣтелями, слова умирающаго Монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденною взрывомъ, почему Его Величество помѣстили въ сани полковника Дворжицкаго, куда сѣлъ ротмистръ Кулебякинъ и, съ помощью конвойныхъ казаковъ Козьменко и Луценко, повезъ Государя Императора въ Зимній дворецъ.

Неисповѣдимыя велѣнія Промысла совершились. Объявленіями отъ министра внутреннихъ дѣлъ, опубликованными того-же 1 марта, возвѣщено, что при вышеописанномъ второмъ взрывѣ Его Императорское Величество Государь Императоръ былъ тяжело раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ, и въ тотъ-же день, въ 3 ч. 35 м. пополудни, въ Бозѣ почилъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ при дознаніи, оказывается, что изъ свиты Государя Императора при взрывахъ было

болѣе или менѣе опасно ранено девять человѣкъ, изъ которыхъ одинъ уже скончался, а изъ числа чиновъ полиціи и постороннихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ преступленія, ранено 11, изъ которыхъ двое (въ томъ числѣ 14-ти-лѣтній крестьянскій мальчикъ Николай Максимовъ) умерли черезъ нѣсколько часовъ.

По соображеніи данныхъ, обнаруженныхъ осмотромъ мѣстности преступленія и оказавшихся на ней предметовъ, спрошенные въ качествѣ экспертовъ: командиръ гальванической учебной роты полковникъ Лисовскій, командиръ 1-го военно-телеграфнаго парка подполковникъ Шахъ-Назаровъ и капитанъ 4-го саперного баталіона Родивановскій пришли къ заключенію, что, по внѣшнему виду и свойствамъ вышеозначенныхъ предметовъ, взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки, причемъ зарядъ каждаго состоялъ, приблизительно, изъ пяти фунтовъ ударнаго состава и взрывчатаго вещества, повидимому, нитроглицерина.

Метательный снарядъ, причинившій первый взрывъ, какъ установлено единогласными свидѣтельскими показаніями, былъ брошенъ подъ карету Государя Императора именно Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ. Свидѣтели Назаровъ и Гороховъ видѣли Рысакова, передъ самымъ проѣздомъ Государя, тихо шедшимъ по панели канала на встрѣчу Императорской каретѣ, причемъ Гороховъ замѣтилъ у него въ рукахъ что то круглое, въ родѣ тарелки, завернутое въ бѣлый платокъ, а Назаровъ удостовѣрилъ, что, поровнявшись съ каретой Государя, Рысаковъ бросилъ подъ лошадей что-то бѣлое, похожее на комъ снѣга, и побѣжалъ, но былъ задержанъ бросившимися на него свидѣтелями. По словамъ Назарова, Рысаковъ, по задержаніи его, казался спокойнымъ и даже смѣялся, а по объясненію свидѣтелей Горохова, Несговорова и Макарова, доставившихъ Рысакова въ управленіе градоначальника, онъ просилъ ихъ оградить его отъ разъяреннаго народа, за исполненіе чего благодарилъ ихъ.

Что же касается до виновника втораго взрыва, то крестьянинъ Петръ Павловъ показалъ, что когда Государь, отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то неизвѣстный человѣкъ, стоявшій бокомъ и при-

слонившись къ рѣшеткѣ, выжидалъ приближеніе Государя Императора на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ и, приподнявъ руки вверхъ, бросилъ что-то на панель, отчего и послѣдовалъ второй взрывъ.

Не смотря на отсутствіе прямыхъ указаній на личность упомянутаго виновника втораго взрыва, при производствѣ дознанія были собраны данныя, приводящія съ полною вѣроятностью къ заключенію о томъ, что означенный взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ пострадавшихъ отъ него-же— неизвѣстнымъ человѣкомъ, который былъ поднятъ на мѣстѣ преступленія и доставленъ въ безсознательномъ состояніи въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства, гдѣ и умеръ, спустя восемь часовъ, придя нѣсколько въ себя и отвѣтивъ передъ смертью на вопросъ о своемъ имени и званіи: „не знаю".

По судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа этого неизвѣстнаго человѣка, на тѣлѣ его и преимущественно на передней части тѣла, въ томъ числѣ, въ особенности, на правой рукѣ, оказалось множество пораненій, причиненныхъ, по мнѣнію врачей-экспертовъ, при взрывѣ, который, по характеру поврежденій, въ связи съ свойствами взрывчатаго вещества, долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи отъ умершаго,—не далѣе, какъ на три шага.

II.

При производствѣ совокупнаго разслѣдованія по дѣламъ о предшествовавшихъ покушеніяхъ на жизнь священной особы нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора: 2 апрѣля, 18 го и 19-го ноября 1879 года и 5-го февраля 1880 года, были обнаружены данныя, послѣдовательный рядъ которыхъ приводилъ къ предположенію о задуманномъ и уже готовящемся въ средѣ извѣстныхъ по прежнимъ дѣламъ преступныхъ дѣятелей новомъ таковомъ-же посягательствѣ, а при возникновеніи настоящаго дѣла выяснились указанія на принадлежавшихъ къ этой средѣ истинныхъ зачинщиковъ и руководителей злодѣянія 1-го марта 1881 года. Изъ имѣющихся въ настоящемъ дѣлѣ свѣдѣній объ означенныхъ данныхъ, составляющихъ предметъ еще производящагося,

но уже близкаго къ окончанію особаго дознанія, видно, что въ ноябрѣ 1880 года былъ арестованъ дворянинъ Александръ Михайловъ, проживавшій подъ фамиліей Поливанова, при обыскѣ у котораго найденъ динамитъ и другіе предметы, свидѣтельствующіе о его преступной дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ, при дальнѣйшихъ розыскахъ, были обнаружены двѣ занимаемыя членами партіи квартиры, изъ которыхъ въ первой, по Большой Подьяческой улицѣ, д. № 37, производилось заготовленіе значительнаго количества динамита, а въ другой, по Подольской улицѣ, д. № 11-й, помѣщалась тайная типографія. Посѣтители этихъ квартиръ, проживавшіе подъ чужими именами и по подложнымъ видамъ на жительство, были задержаны одинъ за другимъ, причемъ въ числѣ ихъ оказались извѣстные по прежнимъ розыскамъ и процессамъ агитаторы Фриденсонъ (Агаческуловъ), Баранниковъ (онъ-же Кошурниковъ и Алафузовъ) и Колодкевичъ (Петровъ). Затѣмъ результаты изслѣдованія привели къ заключенію, что въ кружкѣ означенныхъ лицъ играли видную и вліятельную роль проживавшій подъ своимъ собственнымъ именемъ дѣйствительный студентъ Михаилъ Тригони и крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, розыскиваемый по обвиненію въ покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества, совершенномъ 18-го ноября 1879 года, близь города Александровска, Екатеринославской губерніи. Желябовъ былъ арестованъ 27-го февраля сего года, одновременно съ Тригони, въ квартирѣ послѣдняго, на углу Невскаго проспекта и Караванной улицы, въ домѣ Лихачева.

По обнаруженіи мѣста жительства Желябова, проживавшаго вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіей Антоновою Войновою, по 1-й ротѣ измайловскаго полка, въ домѣ № 37-й—18 й, кв. № 23 й, подъ именемъ Николая Иванова Слатвинскаго, въ квартирѣ его, утромъ 1-го марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до совершенія злодѣянія, жертвою котораго палъ нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки изъ-подъ

конфектъ и одна изъ-подъ сахара, съ остатками въ четырехъ жестянкахъ (трехъ изъ-подъ конфектъ и одной изъ-подъ сахара) чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки.

По заключенію эксперта, завѣдывающаго химическою лабораторіей михайловской артиллерійской академіи и училища, генералъ-майора Ѳедорова, означенное вещество есть черный динамитъ, а каучуковыя трубки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ нижеупомянутыхъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Въ названныхъ жестянкахъ, по мнѣнію генерала Ѳедорова, могло помѣщаться около двухъ пудовъ динамита.

Женщина, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Лидіи Войновой, скрылась изъ вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28 февраля, вечеромъ, и была задержана лишь 10 марта, на Невскомъ проспектѣ, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ.

Задержанная оказалась дворянкою Софіею Львовою Перовскою, обвиняемою и разыскиваемою по дѣлу о покушеніи на жизнь священной особы Государя Императора, совершенномъ 19 ноября 1879 года, близь города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

По обыску, при Перовской были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи: отъ 2 марта 1881 года по поводу событія 1 марта, 18 экземпляровъ отъ „исполнительнаго комитета“ и 14 экземпляровъ отъ „Рабочихъ членовъ Народной Воли“.

Дознаніемъ выяснено, что въ іюнѣ 1880 года Перовская, подъ именемъ Войновой, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ и еще неразысканною, выбыла изъ дома № 32—4, петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерскихъ улицъ и переѣхала на жительство въ квартиру № 23-й, домъ № 17—18, по 1-й ротѣ Измайловскаго полка. Въ октябрѣ Сиповичъ уѣхала, по заявленію ея, въ Ораніенбаумъ, а вскорѣ послѣ ея отъѣзда у Перовской, подъ видомъ ея брата, поселился Желябовъ, проживавшій подъ именемъ Николая Ивановича Славтинскаго.

Изъ показаній свидѣтелей: старшаго дворника дома № 17-й—18 й, крестьянина Харитона Пѣтушкова, его подручнаго дворника, запаснаго рядоваго Григорія Аѳанасьева, и содержательницы мелочной лавочки въ томъ-же домѣ, крестьянки Ирины Аѳанасьевой, называвшіеся Слатвинскимъ (Желябовъ) и Войновою (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писемъ не получали, прислуги не имѣли, такъ что Войнова (Перовская) сама покупала провизію и готовила кушанье. 27 февраля она вышла изъ квартиры вмѣстѣ съ Слатвинскимъ (Желябовымъ), который уже болѣе не возвращался; Войнова-же (Перовская) вернулась вечеромъ и провела ночь дома. 28-го февраля она два раза, чрезъ задній ходъ, приходила въ лавочку Аѳанасьевой, причемъ въ первый разъ купила коленкора, а во второй тесьмы, говоря, что покупаетъ это для платья. Въ оба свои прихода въ лавочку она выходила изъ нея чистымъ входомъ прямо на улицу, причемъ, послѣ вторичнаго ея появленія у Аѳанасьевой, около девяти часовъ вечера, Войнову (Перовскую) уже въ домѣ не видѣли и 1-го марта, по пріѣздѣ должностныхъ лицъ для производства обыска въ квартирѣ Желябова, квартира эта оказалась пустою.

III.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ властями при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу, о томъ, что по Тележной улицѣ, въ домѣ № 5-й, находится такъ-называемая „конспиративная“ квартира, т. е. такое помѣщеніе, въ которомъ собирались злоумышленники и производились приготовленія къ преступленію 1-го марта, въ означенномъ домѣ, въ квартирѣ № 5-й, сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностнымъ лицамъ, явившимся на обыскъ, о цѣли ихъ прибытія, лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ какая-то женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ, направо, они нашли лежащимъ на полу, окровавленнымъ, только-что, повидимому, застрѣлившагося человѣка. По заключенію приглашеннаго для по-

дачи ему медицинской помощи врача Павлова, человѣкъ этотъ нанесъ себѣ выстрѣлами изъ револьвера нѣсколько ранъ, въ томъ числѣ одну безусловно смертельную въ високъ. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный тутъ-же вскорѣ умеръ. По осмотрѣ домовой книги и по показаніямъ свидѣтелей оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5-й, вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней, женщиною, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ по подложному паспорту на имя коллежскаго регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкаго.

При разслѣдованіи, произведенномъ съ цѣлью обнаружить личность застрѣлившагося человѣка, проживавшаго подъ именемъ коллежскаго регистратора Ивана Фесенко-Навроцкаго, подполковникъ 1-го лейбъ-гренадерскаго екатеринославскаго пѣхотнаго полка Иванъ Алексѣевъ Саблинъ призналъ въ предъявленномъ ему фотографическомъ снимкѣ застрѣлившагося роднаго брата своего, дворянина Николая Алексѣева Саблина, который въ 1878 году выѣхалъ изъ Москвы неизвѣстно куда, причемъ съ тѣхъ поръ родные его никакихъ извѣстій о немъ не имѣли.

Женщина, задержанная въ „конспиративной" квартирѣ, оказалась мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. По ея объясненію, проживавшій вмѣстѣ съ нею въ этой квартирѣ неизвѣстный, называвшійся Фесенко-Навроцкимъ и застрѣлившійся предъ обыскомъ, былъ дѣйствительно Николай Алексѣевъ Саблинъ.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній видно, что означенный Саблинъ въ 1873 и 1874 годахъ, принадлежа къ революціонному кружку, образовавшемуся въ Москвѣ, и дѣйствуя какъ здѣсь, такъ и въ ярославской губерніи, занимался преступною пропагандой въ народѣ совмѣстно съ скрывающимися нынѣ революціонными дѣятелями Николаемъ Морозовымъ и Иванчинымъ-Писаревымъ. Затѣмъ, уѣхавъ въ 1874 году заграницу, Саблинъ, въ мартѣ 1875 года, вмѣстѣ съ Морозовымъ, возвратился въ Россію, причемъ былъ задержанъ въ пограничномъ селеніи Кибарты, съ прусскою легитимаціонною картою на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный къ дѣлу о революціонной пропагандѣ въ имперіи и преданный суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государствен-

ныхъ преступленіяхъ, Саблинъ былъ признанъ виновнымъ во вступленіи въ преступное тайное сообщество, предусмотрѣнное 2 отд. ст. 250-й улож. о наказ., съ знаніемъ о цѣляхъ его, за что, какъ изложено въ приговорѣ особаго присутствія, состоявшемся 18 октября 1877 г., 23 января 1878 г., онъ подлежалъ наказанію, указанному въ 3 степ. 31 й ст. улож. о наказ., причемъ особое присутствіе, принявъ во вниманіе обстоятельства, смягчающія, въ числѣ другихъ, и его, Саблина, вину въ размѣрахъ, выходящихъ изъ предѣловъ власти суда, и, между прочимъ, долговременное содержаніе его подъ стражей и молодость, опредѣлило: ходатайствовать предъ Монаршимъ милосердіемъ о вмѣненіи ему въ наказаніе предварительнаго ареста, на каковое ходатайство и послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора соизволеніе.

По обыску въ „конспиративной" квартирѣ былъ найденъ рядъ вещественныхъ доказательствъ, имѣющихъ непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1 го марта. Изъ числа означенныхъ вещественныхъ доказательствъ особое значеніе, по заключенію экспертовъ, представляютъ нижеслѣдующіе предметы: 1) двѣ метательныя мины, взрывающіяся при бросаніи отъ удара, въ жестянкахъ, заключающихъ въ себѣ, какъ подробно объяснено въ заключеніи и чертежахъ генералъ-маіора Өедорова, взрывчатый аппаратъ, который представляетъ систему сообщающихся другъ съ другомъ снарядовъ: а) съ сѣрною кислотой, б) съ смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сюрьмы, в) съ гремучею ртутью и г) изъ пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Передавая другъ другу посредствомъ стопина воспламененіе, вслѣдствіе удара или сотрясенія, снаряды эти доводятъ его, наконецъ, до смѣси гремучаго студня съ камфорой, дѣйствующаго при взрывѣ въ шесть разъ сильнѣе пороха; часть означеннаго аппарата устроена вдвойнѣ, такимъ образомъ, чтобъ взрывъ послѣдовалъ при паденіи метательной мины въ какомъ бы то ни было направленіи; 2) колба и реторта, служащія для химическихъ опытовъ; 3) стеклянные шарики съ сѣрною кислотою; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 5) фарфоровая ступка, въ которой перетиралась бертолетовая соль; 6) записка на

*

клочкѣ бумаги о вышеупомянутой смѣси бертолетовой соли съ сахаромъ и сюрьмой; 7) рисунокъ карандашомъ на оборотѣ транспаранта какого-то аппарата для производства гальваническаго тока, неимѣющій, впрочемъ, отношенія къ метательнымъ снарядамъ; 8) планъ города Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ, на зданіи Зимняго дворца и съ слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго дворца и по Екатерининскому каналу и 9) сдѣланный карандашемъ на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ города Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ дворцомъ и Караванною улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой-Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ посрединѣ Малой Садовой. /

IV.

По указаніямъ, сдѣланнымъ обвиняемымъ Рысаковымъ, была обнаружена квартира, въ которой обвиняемая Гельфманъ проживала до переѣзда своего въ домъ № 5-й по Телѣжной улицѣ. Квартира эта помѣщалась подъ № 25, въ домѣ № 27-й—1-й по Троицкому переулку, причемъ Гельфманъ жила въ ней подъ именемъ Елизаветы Андреевой Николаевой, вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, проживавшимъ подъ именемъ московскаго мѣщанина Андрея Иванова Николаева, котораго она выдавала за своего мужа.

Осмотромъ домовой книги означеннаго дома № 27-й—1-й, а также показаніемъ дворника его, отставнаго рядоваго Усмана Булатова, удостовѣрено, что Николаевы записаны переѣхавшими въ этотъ домъ 15-го сентября 1880 года изъ Петергофа, а выбывшими 17-го февраля 1881 года въ Москву. По словамъ Булатова, Николаева (Гельфманъ), жившая съ мужемъ очень скромно и уединенно, носила куда-то изъ своей квартиры картонные листы. Человѣкъ, называвшійся Николаевымъ, выбылъ изъ квартиры за нѣсколько дней раньше Гельфманъ, причемъ отмѣтился выбывшимъ

въ Москву. Вскорѣ и Гельфманъ, заявивъ, что мужъ ея умираетъ въ Москвѣ и что она ѣдетъ къ нему, продала свою мебель и съ однимъ чемоданомъ выѣхала изъ квартиры.

3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, гдѣ были оставлены чины полиціи съ приказаніемъ задерживать каждаго, кто придетъ въ обысканную квартиру, явился молодой человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Мирономъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго, куда онъ идетъ? неизвѣстный, спросивъ кучера, указалъ на квартиру № 12-й, каковой вовсе въ домѣ не имѣется, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ квартиру № 5 й, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задерживавшихъ его полицейскихъ чиновъ, изъ которыхъ нанесъ схватившему дуло револьвера городовому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану въ правый пахъ, а помощнику пристава 1-го участка александро-невской части Слуцкому—контузію груди съ ушибомъ праваго легкаго. Обезоруженный и, вслѣдствіе описаннаго сопротивленія, связанный, неизвѣстный человѣкъ былъ доставленъ въ управленіе петербургскаго градоначальника, гдѣ и оказался крестьяниномъ смоленской губерніи, сычевскаго уѣзда, ивановской волости, деревни Гаврилкова, Тимоѳеемъ Михайловымъ.

Изложенное удостовѣряется показаніями прикомандированнаго къ 1-му участку александро-невской части, коллежскаго асессора Рейнгольдта, помощника пристава Слуцкаго, околоточнаго надзирателя Зезюкина, городовыхъ Ивана Шлыкова, Ефима Денисова и дворника Мирона Сергѣева, а также протоколами обыска у Тимоѳея Михайлова и судебно-медицинскаго освидѣтельствованія Слуцкаго.

При обыскѣ у Тимоѳея Михайлова былъ найденъ печатный экземпляръ Высочайшаго манифеста, отъ 1-го марта 1881 года, о восшествіи на всероссійскій престолъ Его Императорскаго Величества Императора Александра III-го; на оборотѣ этой бумаги оказались написанными карандашемъ адресы трехъ пунктовъ въ городѣ Петербургѣ, съ означеніемъ при каждомъ извѣстныхъ часовъ и, между прочимъ,

съ указаніемъ кондитерской Исакова, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой, съ отмѣткою противъ этой записи о четырехъ часахъ.

Вслѣдствіе такого указанія, въ означенной кондитерской, въ четвертомъ часу пополудни, 3 го марта, были приведены въ извѣстность всѣ лица, оказавшіяся въ ней въ этотъ часъ, причемъ былъ задержанъ сынъ священника Иванъ Григорьевъ Орловъ, назвавшійся мѣщаниномъ Козыревымъ, имѣвшій при себѣ чужой видъ на жительство на это последнее имя, а также небольшой кинжалъ. У него-же, по обыску, кромѣ противоправительственныхъ изданій и рукописей, указывающихъ на его преступную агитаціонную дѣятельность въ народѣ, оказалось два исписанныхъ листа бумаги, въ которыхъ говорится о бѣдственномъ положеніи крестьянъ и рабочихъ.

Листы эти, по собственному признанію Тимоѳея Михайлова, оказались писанными его рукою.

О задержанномъ при вышеприведенныхъ обстоятельствахъ сынѣ священника Орловѣ, заявившемъ при допросѣ о принадлежности своей къ „соціально-революціонной партіи", возбуждено и производится особое отъ настоящаго дѣла дознаніе.

V.

4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома № 56 й—8-й (графа Менгдена), находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, того самаго, въ которомъ помѣщается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о томъ, что содержатель сырной лавки въ подвальномъ этажѣ того же дома крестьянинъ Евдокимъ Ермолаевъ Кобызевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Ѳедоровой, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, мѣстная полиція произвела осмотръ означенной лавки, оставленной хозяевами, причемъ, по приглашеніи на мѣсто судебнаго слѣдователя, изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ, былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую.

По осмотру судебнымъ слѣдователемъ, при участіи экспертовъ: генералъ-майора Ѳедорова, военнаго инженера

штабсъ-капитана Родивановскаго, командира гальванической роты полковника Лисовскаго и офицеровъ той-же роты: штабсъ-капитана Линденера и поручика Тишкова, какъ внутренности лавки и смежныхъ съ ней помѣщеній, такъ и самаго подкопа, изслѣдованнаго съ помощью поименованныхъ экспертовъ и нижнихъ чиновъ гальванической роты, оказалось въ общихъ и наиболѣе существенныхъ чертахъ нижеслѣдующее: въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры и оставлены разныя записки, неимѣющія значенія по своему содержанію; въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боковыхъ стѣнъ, сложена земля. Въ смежномъ жильѣ такая же земля найдена подъ сидѣньемъ дивана, а рядомъ, въ подвальномъ помѣщеніи, девять деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ землею, и шесть мокрыхъ мѣшковъ, въ которыхъ, повидимому, носили землю. Въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопные и минные инструменты, какъ то: буравъ съ его принадлежностями, ручной фонарикъ съ лампочкою и проч. Въ жильѣ стѣна подъ первымъ отъ входа окномъ пробита и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы. Въ отверстіи оказалась стклянка съ жидкостью (двухромокислымъ кали) для заряженія гальванической баттареи, системы Грене, четыре элемента которой найдены тутъ-же въ корзинѣ. Отъ баттареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся зарядомъ. По заключенію генералъ-майора Ѳедорова, зарядъ этотъ состоялъ изъ системы чернаго динамита, количествомъ около двухъ пудовъ, капсюля съ гремучею ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такая система вполнѣ обезпечивала взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до двухъ съ половиною саженъ въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были-бы вышиблены оконныя рамы и могли-бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной въ лавкѣ Кобызева, то, по заключенію полковника Лисовскаго, количество ея соотвѣтствуетъ объему земли, вынутой изъ галлереи.

Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобызевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгдена

въ декабрѣ 1880 года, по контракту, за 1.200 р. въ годъ, и, переѣхавъ въ январѣ, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ свидѣтелей, какъ несоотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ. Торговля производилась неумѣло и какъ бы лишь для виду; Кобызевъ казался человѣкомъ, стоящимъ гораздо выше своего состоянія; жена его обнаруживала привычки, не свойственныя женѣ простаго торговца; кромѣ того, часто не ночевала дома. Вслѣдствіе павшаго поэтому на лавку Кобызевыхъ подозрѣнія, въ лавкѣ ихъ, 28 февраля 1881 года, по распоряженію градоначальника, мѣстною полиціей, при участіи техника генералъ-майора Мровинскаго, произведенъ былъ осмотръ подъ видомъ техническихъ и санитарныхъ цѣлей. Осмотръ этотъ не далъ никакихъ результатовъ, причемъ, однако же, по удостовѣренію свидѣтелей: Мровинскаго, пристава 1-го участка, спасской части, Теглева, и дворника Никифора Самойлова, Кобызевъ казался смущеннымъ и испуганнымъ. Послѣ осмотра, 1-го и 2-го марта Кобызевы, поочередно, уходили изъ дома, а 3-го марта Кобызевъ ушелъ утромъ, жена-же его вечеромъ, послѣ чего они болѣе не возвращались.

Изложенное удостовѣряется, кромѣ показаній Мровинскаго, Теглева и Самойлова, еще показаніями посѣщавшихъ лавку Кобызевыхъ: управляющаго домомъ графа Менгдена Георгія Петерсона, дворниковъ Никифора Ульянова и Павла Андреева, околоточнаго надзирателя Исаія Дмитріева, старшаго помощника пристава Лереланда, петербургскаго 2-й гильдіи купца Өедора Новикова, содержателя живописно-лакировальной мастерской Ивана Шмидта.

Паспортъ, по которому проживали Кобызевы, оказался подложнымъ; настоящій Евдокимъ Андреевъ Кобызевъ— безвыѣздно проживающимъ въ Воронежѣ.

Дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ было обнаружено, что до переѣзда своего въ лавку на Малой Садовой Кобызевы, съ 25-го ноября 1880 года, проживали въ домѣ № 75-й, на углу Невскаго проспекта и Новой улицы, въ меблированныхъ комнатахъ Аөанасьева, гдѣ дочь хозяина, Екатерина Аөанасьева, видѣла у нихъ на столѣ сторублевые кредитные билеты, которые они, уходя, оставляли неприбранными.

По показаніямъ дворниковъ: Никифора Самойлова и Никифора Ульянова, въ лавку Кобызевыхъ ходили люди, казавшіеся подозрительными. Такъ, свидѣтель Самойловъ замѣтилъ, что двое изъ этихъ людей, прошедшихъ мимо него 27-го февраля, закрывали свои лица воротниками. Узнавъ отъ Самойлова о приходѣ къ Кобызевымъ одного изъ этихъ людей, молодаго человѣка, высокаго роста, съ усами, безъ бороды, околоточный надзиратель, Исаія Дмитріевъ, прослѣдилъ его отъ лавки Кобызевыхъ до угла Невскаго и Малой Садовой, гдѣ означенный человѣкъ нанялъ извощика, такъ называемаго „лихача“, на Вознесенскій проспектъ, за 1 рубль. По словамъ этого извощика, крестьянина Өедора Гордина, неизвѣстный дорогой измѣнилъ цѣль своей поѣздки и приказалъ ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ на углу 1-й роты и Тарасова переулка, остановивъ извощика по срединѣ улицы, сошелъ, бросилъ ему 3 р. 20 к., повернулъ въ переулокъ сзади саней и скрылся.

По предъявленіи всѣхъ четырехъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу дворникамъ Никифору Самойлову и Никифору Ульянову, они признали въ Андреѣ Желябовѣ, первый—положительно, а второй—по сходству, одного изъ людей, приходившихъ къ Кобызевымъ 27 февраля.

По предъявленіи обвиняемаго Тимоөея Михайлова околоточному надзирателю Исаію Дмитріеву и извощику Өедору Гордину, они признали въ немъ большое сходство съ тѣмъ вышеупомянутымъ человѣкомъ, который, 27-го февраля, выйдя изъ лавки Кобызевыхъ, нанялъ Гордина на Вознесенскій проспектъ, а затѣмъ сошелъ въ Измайловскомъ полку.

При производствѣ упомянутаго выше обыска въ квартирѣ Желябова и начатаго еще утромъ 1 марта осмотра всего, при этомъ обыскѣ найденнаго, между предметами, находившимися у Желябова, оказались четыре куска сыру, изъ которыхъ два круга русскаго зеленаго сыру съ клеймомъ „С. А. С.“, одинъ кругъ русскаго голландскаго сыру и одинъ—русскаго честера. По сличеніи чрезъ экспертовъ этихъ сыровъ съ найденными въ лавкѣ Кобызева, они оказались совершенно тождественными между собою, причемъ въ лавкѣ были и сыры съ клеймами „С. А. С.“

VI.

По задержаніи и привлеченіи къ настоящему дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ Николая Рысакова, Андрея Желябова, Софьи Перовской, Геси Гельфманъ и Тимоѳея Михайлова, означеннымъ дознаніемъ было обнаружено, что между названными лицами, соединенными другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, существовали близкія отношенія и постоянныя оживленныя сношенія, непосредственно предшествовавшія злодѣянію и несомнѣнно свидѣтельствующія о принадлежности ихъ къ одному и тому-же тайному сообществу, которое, замысливъ это злодѣяніе, привело его въ исполненіе.

Признаки таковаго сообщества усматриваются, независимо отъ изложенныхъ ниже показаній обвиняемыхъ, въ слѣдующихъ данныхъ настоящаго дознанія:

Вслѣдъ за арестомъ обвиняемаго Рысакова были обнаружены двѣ квартиры его; въ первой изъ нихъ, на углу 9-й улицы Песковъ и Мытнинской, въ домѣ № 32-й—44-й, квартиры № 17-й онъ нанималъ комнату подъ именемъ вятскаго мѣщанина Макара Егорова Глазова, у коллежскаго регистратора Ермолина, представивъ и паспортъ на означенное имя; во второй квартирѣ, на углу 5-й улицы Песковъ и Греческаго проспекта, въ домѣ № 6-й—14-й, квартиры 18-й, онъ проживалъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, нанимая комнату у вдовы надворнаго совѣтника Ксеніи Холодковской. Въ первой изъ означенныхъ квартиръ, кромѣ разныхъ рукописей противоправительственнаго содержанія, были найдены: 1) №№ 2 и 3 „Народной Воли"; 2) рукопись подъ заглавіемъ: „Объяснительная записка къ программѣ рабочихъ членовъ партіи Народной Воли"; 3) печатный экземпляръ самой программы, и 4) рукопись подъ заглавіемъ: „Задачи боевой рабочей организаціи", содержащая воззваніе къ „товарищамъ", которые приглашаются вести борьбу съ Правительствомъ путемъ открытыхъ насильственныхъ дѣйствій.

Изъ показаній хозяекъ квартиръ, въ которыхъ проживалъ Рысаковъ—Ксеніи Холодковской и Прасковьи Ермолиной, видно, что у первой изъ нихъ онъ жилъ до 31-го января сего года, причемъ къ нему ходилъ лишь одинъ моло-

дой человѣкъ, котораго онъ называлъ своимъ товарищемъ-студентомъ. Во время проживанія Рысакова у Ермолиной его посѣщали по вечерамъ, вмѣстѣ и порознь, 6 человѣкъ его знакомыхъ, съ которыми онъ и уходилъ вмѣстѣ, возвращаясь домой поздно ночью.

3-го марта, по указаніямъ Рысакова, была обнаружена и квартира того самаго неизвѣстнаго человѣка, который умеръ отъ поврежденій, полученныхъ имъ при взрывѣ 1-го марта. Подъ именемъ виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, онъ проживалъ на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

По осмотру вещей, оставшихся въ квартирѣ Артамоновой, въ числѣ ихъ, кромѣ 6 экземпляровъ „Рабочей Газеты", напечатанныхъ въ „Летучей типографіи Народной Воли", и экземпляра упомянутой уже, найденной и у Рысакова, „Программы рабочихъ членовъ партіи", оказались еще: 1) счетъ въ израсходованіи за ноябрь 33 рублей, съ подписью внизу: „отчетъ Федора", и 2) платокъ съ мѣткою „Н. Н. Р".

По предъявленіи Артамоновой и служанкѣ ея, солдатской вдовѣ Акулинѣ Смѣлковой, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ Придворномъ госпиталѣ, онѣ признали въ немъ своего жильца Ельникова.

Изъ показанія Смѣлковой видно, что Ельниковъ переѣхалъ къ Артамоновой 15-го января 1881 года и велъ весьма уединенную жизнь, принимая лишь по вечерамъ гостей: 3-хъ мужчинъ и 2-хъ женщинъ, изъ которыхъ одинъ мужчина, высокій и черный, приходилъ обыкновенно вмѣстѣ съ женщиною съ большимъ лбомъ, казавшеюся его женою. Въ ночь на 26-е февраля Ельниковъ первый разъ ночевалъ дома, 26-го числа вечеромъ пришли къ нему упомянутые мужчина съ женщиной и кромѣ того еще другой свѣтло-русый его знакомый, причемъ пробыли у него до 12 час. ночи; 27-го и 28-го февраля Ельникова дома не было, а 1-го марта онъ всталъ раньше обыкновеннаго, въ 8 час. утра, быстро одѣлся и ушелъ, послѣ чего уже не возвращался.

По предъявленіи Смѣлковой обвиняемыхъ: Рысакова, Желябова, Софьи Перовской и Геси Гельфманъ, свидѣтельница признала въ нихъ лицъ, приходившихъ къ Ельникову,

и, въ частности: въ Рысаковѣ—свѣтло-русаго человѣка, нерѣдко приходившаго съ высокимъ, чернымъ мужчиною и его спутницею, и бывшаго у Ельникова съ ними же 26-го февраля; въ Желябовѣ—человѣка, приходившаго къ Ельникову не менѣе 3 разъ; въ Перовской—упомянутую спутницу высокаго чернаго мужчины; въ Гельфманъ—женщину, три раза не заставшую дома и въ послѣдній разъ оставившую ему записку.

По предъявленіи свидѣтельницѣ трупа Николая Саблина, проживавшаго въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, подъ именемъ Фесенко-Новроцкаго и застрѣлившагося предъ обыскомъ въ ночь на 3-е марта, Смѣлкова признала въ немъ высокаго, чернаго мужчину, часто приходившаго къ Ельникову вмѣстѣ съ упомянутою женщиною съ большимъ лбомъ.

По предъявленіи того же трупа Саблина свидѣтельницѣ Ермолиной, она признала въ немъ сходство съ однимъ изъ шести лицъ, посѣщавшихъ Рысакова въ ея квартирѣ.

Сверхъ упомянутыхъ уже выше предметовъ, найденныхъ по обыскамъ у Желябова, у Саблина и Гельфманъ, въ домѣ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, и у Перовской, у нихъ, между прочимъ, оказались:

У Желябова—кромѣ нумеровъ „Земли и Воли“ и „Народной Воли“: 1) нѣсколько прокламацій, въ томъ числѣ отъ „исполнительнаго комитета“ по поводу взрыва, въ Зимнемъ Дворцѣ, 5-го февраля 1880 года; 2) гектографированная „Программа дѣйствій великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ“, съ объяснительною запискою, и 3) шестнадцать экземпляровъ фотографическихъ группъ осужденныхъ государственныхъ преступниковъ.

У Саблина и Гельфманъ—1) печатная прокламація отъ „исполнительнаго комитета“ съ надписью внизу: „исполнительный комитетъ. 1-го марта 1881 года. Типографія „Народной Воли“. 2-го марта 1881 года“, по поводу злодѣянія 1-го марта, въ которой о немъ объявляется какъ о совершившемся уже событіи, съ изложеніемъ его причинъ и требованій, предъявляемыхъ такъ называемою „соціально-революціонною партіею“ къ будущему; 2) многія революціонныя періодическія изданія и брошюры на русскомъ языкѣ; 3) два револьвера съ принадлежностями и кастетъ; 4) кусокъ

грифеля съ вырѣзанною на немъ печатью московскаго генералъ губернатора и 5) записка безъ адреса, подписи и числа, на небольшомъ клочкѣ бумаги, относящаяся, повидимому, до организаціи преступной дѣятельности „партіи". Въ запискѣ этой говорится о добываніи и присылкѣ револьверовъ, кинжаловъ, паспортовъ, печатей мѣщанскаго старосты, о дѣйствіи силою, и между прочимъ значится: „*дѣло пошло какъ по маслу; нужна бы женщина, еврейка, для не интеллигентной роли; попросите отъ меня Гесю, не возмется ли она за это; если нѣтъ, то тогда пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ*".

У *Перовской*—1) печатная программа „исполнительнаго комитета"; 2) два экземляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли"; 3) 17 экземпляровъ „приложенія къ № 2 „Рабочей Газеты"; 4) рукопись, подъ заглавіемъ: „Подготовительная работа партіи", содержаніе которой, послѣ введенія, трактующаго объ общихъ приготовленіяхъ къ возстанію, излагается по отдѣламъ со слѣдующими заглавіями: а) центральная организація, б) организаціи мѣстныя и спеціальныя, в) городскіе рабочіе, г) войско, д) интеллигенція и молодежь, и е) Европа; 5) листки бумаги съ цифрами (повидимому шифромъ) и разными замѣтками противоправительственнаго направленія; 6) записная книжка съ разными чертежами и замѣтками, представляющими какъ бы условные слова и знаки.

Кинжалъ, бывшій при Рысаковѣ на мѣстѣ преступленія и полученный имъ, по его показанію, отъ Желябова, по внѣшнему своему виду, имѣющимся на немъ знакамъ и выдѣлкѣ, оказался совершенно тождественнымъ съ кинжалами, отобранными: 1) у называющаго себя харьковскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Яковенко, арестованнаго въ Петербургѣ въ день задержанія Тригони и Желябова и обвиняемаго по дѣлу объ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, такъ называемыхъ „террористахъ", и 2) у вышеупомянутаго сына священника Орлова, задержаннаго 3-го марта въ кондитерской Исакова, по одному изъ адресовъ, найденныхъ у обвиняемаго Тимоѳея Михайлова.

VII.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше прямыхъ и косвенныхъ доказательствъ, показанія, данныя при разслѣдованіи настоящаго дѣла Рысаковымъ, представляя, кромѣ полнаго его сознанія, еще и важныя разоблаченія, вполнѣ освѣщаютъ планъ, обстановку и самое совершеніе злодѣянія 1-го марта 1881 года.

Показанія эти, пространно и подробно изложенныя Рысаковымъ собственноручно, при девяти послѣдовательныхъ допросахъ и въ поданномъ имъ особо заявленіи, касаются, по своему содержанію, нижеслѣдующихъ главныхъ предметовъ.

1. *Вступленіе въ соціально-революціонную партію и отношеніе къ ней.*

Сочувствіе къ соціально-революціонному движенію явилось у Рысакова еще до поступленія его въ горный институтъ, т. е. до сентября 1879 года, но до января 1881 года участія въ активной дѣятельности партіи „Народной Воли“ онъ не принималъ. Съ начала учебнаго 1880—81 года Рысаковъ возымѣлъ мысль вступить въ революціонную рабочую организацію, такъ какъ сознавалъ невозможность достигнуть какихъ-либо результатовъ при единоличномъ дѣйствіи. Въ это же время, на квартирѣ студента Урсыновича, Рысаковъ познакомился съ Желябовымъ, называвшимся „Захаромъ“, знакомство съ которымъ дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою дѣятельность среди рабочихъ. Въ виду успѣшнаго сближенія Рысакова съ рабочими, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, въ январѣ 1881 года Желябовъ привелъ Рысакова въ 7-ю роту Измаиловскаго полка, въ квартиру, занятую, по словамъ Желябова, легальными людьми, и тамъ познакомилъ его съ какимъ-то человѣкомъ, который предложилъ ему вступить въ партію членомъ рабочей организаціи. Человѣкъ этотъ доставилъ Рысакову свѣдѣнія о цѣляхъ, составѣ и средствахъ партіи и, между прочимъ, обѣщалъ ему матеріальную помощь въ размѣрѣ 30 рублей въ мѣсяцъ.

Сближаясь съ рабочими подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, Рысаковъ старался организовать рабочіе кружки, возбуждая ихъ къ открытому возстанію съ цѣлью экономи-

ческаго и политическаго переворота. Какъ членъ организаціи, Рысаковъ бывалъ на собраніяхъ агитаціонной группы и раза два или три эти собранія происходили у него. На этихъ сборищахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ Желябовымъ, обсуждались вопросы чисто спеціальные и агитаціонные, а о террористическихъ предпріятіяхъ говорилось только, какъ о способѣ къ оживленію рабочаго движенія и къ охраненію партіи отъ шпіоновъ, но разсужденія эти носили на себѣ характеръ общій, принципіальный и личности для исполненія предпріятій еще не намѣчались.

Не раздѣляя всѣхъ воззрѣній „Народной Воли" и считая ее не знаменемъ, а партіею, онъ тѣмъ не менѣе думалъ, что такъ какъ народъ, неподготовленный къ открытому возстанію, можетъ выйти изъ своего пассивнаго положенія только въ томъ случаѣ, если во главѣ его станетъ смѣлый и рѣшительный предводитель, какимъ прежде были самозванцы, то роль эта должна быть выполнена партіею „Народной Воли". Въ составъ рабочей организаціи входили: а) *агитаціонная группа*, для пропаганды и руководства движеніемъ, и б) образовавшаяся среди рабочихъ въ февралѣ 1881 года, по иниціативѣ Желябова—*боевая дружина* рабочихъ или *террористическій отдѣлъ* для охраненія движенія и рабочихъ отъ шпіоновъ. Агитаціонная группа относилась къ исполнительному комитету какъ подгруппа къ группѣ. Къ агитаціонной группѣ принадлежали, кромѣ него, Рысакова, Желябова и Перовской,—человѣкъ,называвшійся „Инвалидомъ", и человѣкъ, извѣстный ему, Рысакову, подъ названіемъ „Михаила Ивановича" или „Котика", котораго онъ призналъ въ предъявленномъ ему трупѣ неизвѣстнаго, умершаго въ Придворномъ госпиталѣ и проживавшаго подъ именемъ Ельникова въ д. № 59, по Симбирской улицѣ. Террористическій же отдѣлъ состоялъ всего изъ 5—6 человѣкъ, а именно: изъ него, Рысакова, Желябова и Михаила Ивановича, какого-то изъ „интеллигентныхъ" и, кажется, Тимоѳея Михайлова.

2. *Организація и совершеніе злодѣянія 1-го марта*, по словамъ Рысакова, не должны были явиться и въ дѣйствительности не были прямымъ дѣломъ „террористическаго" отдѣла рабочихъ. Исходя отъ исполнительнаго комитета,

это преступленіе было лишь предложено „комитетомъ" рабочей боевой дружинѣ, причемъ онъ, Рысаковъ, даже думалъ сначала, что самое посягательство будетъ совершено кѣмъ-либо изъ членовъ „комитета".

Рѣчь о цареубійствѣ зашла на собраніяхъ террористическаго отдѣла, происходившихъ сначала въ квартирѣ Рысакова, а затѣмъ въ конспиративной квартирѣ (Геси Гельфманъ), по Троицкому переулку; на этой послѣдней квартирѣ, недѣли за полторы до 1-го марта, Желябовъ „кликнулъ кличъ", или, другими словами, вызвалъ добровольцевъ, желающихъ совершить новое покушеніе на жизнь Государя Императора, рѣшенное „исполнительнымъ комитетомъ". Послѣ этихъ собраній состоялось еще одно, въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ снова обсуждался вопросъ о покушеніи; сначала событіе, о которомъ Желябовъ говорилъ съ Рысаковымъ въ видѣ предположенія, еще до упомянутыхъ собраній, представлялось отдаленнымъ, но затѣмъ Рысаковъ сталъ замѣчать въ Желябовѣ и его товарищахъ лихорадочную поспѣшность, которую Рысаковъ объясняетъ тѣмъ, что составъ и силы партіи были разстроены только что постигшими ее арестами. На категорическое предложеніе Желябова совершить покушеніе, Рысаковъ согласился приблизительно за недѣлю до 1-го марта, послѣ чего вступилъ въ непосредственныя сношенія съ кружкомъ лицъ, устроивавшихъ посягательство, и былъ введенъ въ новую конспиративную квартиру по Тележной улицѣ, которая, по словамъ Желябова, и была нанята исключительно для подготовленія цареубійства. На призывъ Желябова совершить преступленіе отозвались, кромѣ его, Рысакова, еще „Михаилъ Ивановичъ" и Тимоѳей Михайловъ, а также, повидимому, и человѣкъ, называвшійся „Михаиломъ", съ которымъ незадолго передъ тѣмъ его познакомилъ Желябовъ, какъ съ товарищемъ по дѣлу". Сверхъ названныхъ лицъ, на „конспиративной квартирѣ" появилась и Перовская, съ которою Желябовъ познакомилъ его, Рысакова, еще въ началѣ зимы, причемъ Рысаковъ принялъ тогда же участіе, вмѣстѣ съ «Михаиломъ Ивановичемъ», въ постоянномъ и правильномъ наблюденіи за выѣздами Государя Императора, которое было организовано Перовскою. На конспиративной квартирѣ, по Тележной улицѣ, собирались добровольцы, т. е. онъ,

Рысаковъ, »Михаилъ Ивановичъ«, Тимоѳей Михайловъ и »Михаилъ«. Здѣсь же Рысаковъ видѣлъ Гесю Гельфманъ, а также человѣка, признаннаго имъ въ предъявленномъ ему трупѣ Саблина. На первое же собраніе, вслѣдъ за Желябовымъ, явился человѣкъ, котораго называли «техникомъ» и который подробно объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ по принесеннымъ имъ образцамъ. 28-го февраля онъ, Рысаковъ, »техникъ«, Тимоѳей Михайловъ и »Михаилъ Ивановичъ« ходили за городъ въ пустынное мѣсто, за Смольнымъ монастыремъ, пробовать образецъ снаряда; снарядъ этотъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ и удачно разорвался. Оттуда участники задуманнаго преступленія отправились на конспиративную квартиру, для полученія какихъ-то указаній отъ Желябова, который однако же не пришелъ, причемъ, кажется, Гельфманъ, сказала, что если онъ не придетъ, „то значитъ занятъ". На другой день, 1-го марта, въ 9 часовъ утра, согласно состоявшемуся наканунѣ уговору, всѣ вновь сошлись на конспиративной квартирѣ, для полученія снарядовъ и необходимыхъ указаній. Здѣсь были: онъ, Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ" и „Михаилъ". Вскорѣ пришла Перовская и принесла съ собою узелъ съ снарядами, въ которомъ ихъ было не больше двухъ; она сообщила объ арестѣ Желябова и объяснила, что, не смотря на работу въ теченіе всей ночи, не успѣли изготовить предположеннаго прежде количества снарядовъ. „Можетъ быть и еще принесутъ", сказала Перовская:—„нужно довольствоваться малымъ". Затѣмъ явился техникъ и, какъ кажется Рысакову, также принесъ снаряды. Всѣ указанія для совершенія злодѣянія были даны Перовскою, которая начертила на конвертѣ планъ мѣстности и каждому изъ участниковъ указала на немъ назначенный ему пунктъ. При этомъ состоялось слѣдующее распредѣленіе: на Малой Садовой имѣлъ произойти взрывъ при проѣздѣ Государя, а лица, вооруженныя метательными снарядами, были разставлены по близости. Онъ, Рысаковъ, долженъ былъ стать у Екатерининскаго сквера, а „Михаилъ" на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой. На противоположномъ концѣ этой улицы, на углу Б.-Итальянской, близь Манежной площади, какъ на опаснѣйшемъ мѣстѣ, должны были помѣститься лица, бо-

лѣе другъ съ другомъ знакомыя, болѣе опытныя и съ лучшимъ революціоннымъ прошлымъ; здѣсь могли стать „Михаилъ Ивановичъ" и Тимоѳей Михайловъ. При взрывѣ на Малой Садовой, гдѣ, по словамъ Перовской, Государя „уже ждутъ", всѣ лица съ снарядами должны были, на случай неудачи, спѣшить къ мѣсту взрыва. Въ случаѣ же, если бы Государь Императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, то свиданіе съ Перовскою было условлено на Михайловской улицѣ, гдѣ она должна была подать знакъ о томъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго Дворца. Когда же оказалось, что Государь Императоръ прослѣдовалъ въ манежъ не по Малой Садовой, а изъ манежа, послѣ посѣщенія Михайловскаго Дворца, направился по Екатерининскому каналу, то онъ, Рысаковъ, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросилъ свой снарядъ, завернутый въ платкѣ, подъ ноги лошадямъ ѣхавшей ему на встрѣчу Императорской кареты, послѣ чего и былъ задержанъ. Тутъ же на набережной онъ, какъ ему кажется, видѣлъ предъ собою на далекомъ разстояніи „Михаила Ивановича".

3. Стараясь объяснить *причины, побудившія его рѣшиться на цареубійство,* Рысаковъ показалъ, что партія „Народной Воли" считаетъ терроръ однимъ изъ средствъ предпринятой ею политической борьбы: во 1-хъ) для охраненія революціоннаго движенія; во 2-хъ) для того, чтобы доказать народу силу и тѣмъ „высоко держать свое знамя и доставить ему обаяніе"; въ 3-хъ) какъ отвѣтъ на строгія репрессивныя мѣры Правительства. Этими же соображеніями обусловливалась и рѣшимость партіи стремиться къ цареубійству. Не раздѣляя ихъ въ цѣломъ ихъ составѣ и не сочувствуя террору вообще, какъ постоянному средству борьбы, онъ, Рысаковъ, однако же видѣлъ въ террорѣ и въ особенности въ посягательствѣ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Монарха, въ данное время, единственный, по его мнѣнію, выходъ изъ общаго натянутаго и тягостнаго положенія, единственное средство создать новыя, удобнѣйшія условія жизни и дѣятельности соціалиста, какъ дѣятеля во имя блага народа. „*Соціалистъ*", заявляетъ обвиняемый, „*если образно выразиться, носилъ свое право въ дулѣ револь-*

вера". Въ частности, съ своей собственной точки зрѣнія, онъ, Рысаковъ, видѣлъ въ удачномъ цареубійствѣ средство: 1) прекращенія вообще террора, уже не нужнаго при новомъ строѣ; 2) свободнаго развитія мирной соціалистической пропаганды; 3) устраненія экономическихъ причинъ, могущихъ вызвать кровавый деревенскій, аграрный терроръ, направленный противъ ближайшихъ враговъ крестьянства, или безформенный народный бунтъ, недоступный руководству партіи и притомъ столь страшный по своимъ послѣдствіямъ, что, по подлиннымъ словамъ Рысакова, даже „*мы, закоренѣлые злодѣи, и тѣ пугались его*" и, наконецъ, 4) устраненія непримиримо-враждебнаго отношенія Верховной Власти къ соціалистамъ. Въ силу всего этого, онъ, по справедливому выраженію Желябова, дѣйствительно рвался на цареубійство. Такимъ образомъ онъ, Рысаковъ, выступивъ по предложенію Желябова добровольцемъ для совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, въ сущности совершенно расходился со всею партіею во взглядахъ на значеніе и цѣли этого дѣянія, посредствомъ котораго онъ хотѣлъ вызвать, при измѣнившихся условіяхъ внутренней политической жизни всей страны, переходъ отъ несочувственной ему исключительно политической борьбы къ болѣе согласной съ его убѣжденіями мирной экономической борьбѣ за истинныя, чуждыя посторонней примѣси, соціалистическія начала. Поэтому, давая Желябову согласіе на преступленіе 1-го марта, онъ поступалъ не какъ слѣпое орудіе, а, по его выраженію, *по чистой совѣсти и побужденіямъ своей души и сердца*.

Въ разъясненіе прошедшей жизни и личной обстановки Рысакова, дознаніемъ обнаружены нѣкоторыя характеристическія данныя, а именно:

Сынъ управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, Рысаковъ родился 2-го мая 1861 года, а въ 1874 году поступилъ въ череповецкое реальное училище, гдѣ успѣшно окончилъ курсъ въ 1878 году и затѣмъ поступилъ въ горный институтъ, отъ котораго, по крайней бѣдности, неоднократно получалъ единовременныя пособія въ 30—50 руб., въ томъ числѣ деньги для внесенія платы за слушаніе лекцій и на практическія занятія. Кромѣ того онъ получалъ еще изъ конторы

Громова по 30 руб. въ мѣсяцъ за счетъ своего отца. Въ декабрѣ 1879 года, по арестованіи государственнаго преступника Степана Ширяева, Рысаковъ, съ товарищемъ своимъ Коновкинымъ, явился на квартиру Ширяева требовать выдачи оставшихся послѣ него вещей, вслѣдствіе чего и былъ задержанъ, причемъ оказалось, что предъ этимъ Рысаковъ жилъ на одной квартирѣ съ обвиняемою по одному съ Ширяевымъ дѣлу, Анною Долгоруковою. Въ декабрѣ 1880 года былъ произведенъ обыскъ у заподозрѣннаго въ политической неблагонадежности рабочаго Ивана Гаврилова, у котораго проживалъ и Рысаковъ. Это обстоятельство, по объясненію Рысакова, и побудило его, во избѣжаніе ареста, перейти на такъ называемое „нелегальное" положеніе, т. е. проживать по чужому паспорту на имя Глазова. Съ того же времени, приблизительно съ января 1881 года, онъ окончательно примкнулъ къ соціально-революціонной партіи" и сталъ чрезъ Желябова получать содержаніе изъ ея фонда по 30 руб. въ мѣсяцъ. За недѣлю до перехода его на нелегальное положеніе, Желябовъ, заявивъ ему о крайней недостаточности средствъ „соціально революціонной партіи", просилъ его достать денегъ, вслѣдствіе чего Рысаковъ, подъ предлогомъ практическихъ занятій, взялъ у кассира Громова свое содержаніе за 3 мѣсяца впередъ, изъ котораго и передалъ Желябову около 50 рублей.

По отзывамъ свидѣтелей, знавшихъ Рысакова въ череповецкомъ реальномъ училищѣ и въ горномъ институтѣ, онъ учился усердно и велъ весьма скромную жизнь.

По показанію свидѣтельницы Ермолиной, Рысаковъ, обыкновенно встававшій послѣ ночныхъ отлучекъ весьма поздно, 1-го марта всталъ рано и, въ противоположность своей всегдашней угрюмости, казался особенно веселымъ и разговорчивымъ. На вопросъ Ермолиной, куда онъ собрался такъ рано, Рысаковъ, уходя, отвѣчалъ: „служба", а на замѣчаніе ея, что сегодня воскресенье и нигдѣ присутствія нѣтъ, обвиняемый сказалъ, что онъ идетъ въ гости и что это—„все равно служба".

Обвиняемый Андрей Ивановъ Желябовъ, признавая фактическую сторону приписываемыхъ ему преступныхъ дѣяній и сообщая нѣкоторыя подробности объ организаціи

„соціально-революціонной партіи“, объяснилъ, что служитъ дѣлу народнаго освобожденія и принадлежитъ къ партіи „Народной Воли“, которая считаетъ уничтоженіе правителей однимъ изъ средствъ активной борьбы для достиженія своихъ цѣлей. Состоя агентомъ третьей степени при „исполнительномъ комитетѣ“, т. е. пользуясь его полнымъ довѣріемъ, онъ получилъ отъ „комитета“ порученіе организовать посягательство на жизнь Государя Императора. Для этой цѣли изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ партіи, которыхъ въ распоряженіи „комитета“ имѣется нѣсколько и въ томъ числѣ боевая рабочая дружина, были вызваны „добровольцы“. Изъ числа отвѣтившихъ на этотъ призывъ 47 человѣкъ, онъ, Желябовъ, выбралъ наиболѣе, по его мнѣнію, пригодныхъ, въ томъ числѣ и Рысакова, котораго онъ считалъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ революціонному дѣлу дѣятелей, но которому, однако же, онъ, Желябовъ, отводилъ лишь мѣсто пособника, для выправки изъ него самостоятельнаго бойца на будущее время. Не сообщая объ этомъ Рысакову, обвиняемый заставлялъ его переживать самыя серьезныя ожиданія. Тѣмъ не менѣе вліяніе его, Желябова, подъ которымъ въ извѣстной степени находился Рысаковъ, не исключало его самобытнаго развитія и таковой же дѣятельности. Для совершенія цареубійства были избраны метательные снаряды. Тимоѳей Михайловъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Что же касается до него, Желябова, то арестъ помѣшалъ ему принять физическое участіе въ посягательствѣ на жизнь Государя Императора; нравственное же его участіе было полное.

2-го марта обвиняемый Желябовъ прислалъ на имя прокурора С.-Петербургской судебной палаты заявленіе, въ которомъ, высказывая свою совершенную солидарность съ Рысаковымъ и требуя, по его выраженію, »пріобщенія его, Желябова, къ дѣлу 1-го марта«, объясняетъ, »что онъ многократно покушался на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и не принялъ физическаго участія въ преступленіи 1-го марта лишь по »случайности«. Далѣе, восхваляя Рысакова, онъ выражаетъ опасеніе, что Правительство »за недостаткомъ формальныхъ уликъ противъ него, »ветерана революціи«, предпочтетъ »внѣшнюю законность внутренней справедливости«, во избѣжаніе чего онъ,

Желябовъ, и проситъ о привлеченіи его къ настоящему дѣлу.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній о личности и прошедшемъ Желябова, котораго умершій обвиняемый по дѣлу о такъ называемыхъ террористахъ Гольденбергъ характеризуетъ какъ личность »въ высшей степени развитую и геніальную«, оказывается, что Желябовъ въ 1872 году былъ исключенъ изъ новороссійскаго университета за безпорядки, затѣмъ судился по дѣлу о революціонной пропагандѣ и по оправданіи, по собственному его показанію, проживалъ подъ разными именами, въ разныхъ мѣстахъ, на средства изъ фонда народа.

Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая какъ принадлежность свою къ партіи »Народной Воли«, такъ и свое участіе въ посягательствѣ 1-го марта 1881 года, показала, что она занимается революціонною дѣятельностью, а средства къ жизни получаетъ частью изъ фонда партіи. Получивъ домашнее образованіе и поступивъ въ 1869 году на высшіе женскіе курсы при 5-й С.-Петербургской мужской гимназіи, она въ 1870 году оставила родительскій домъ и послѣ нѣкотораго подготовленія сдѣлалась народною учительницей, а въ 1872 году примкнула къ революціонному движенію, причемъ нѣсколько разъ подвергалась аресту и судилась по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Въ 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылкѣ въ Олонецкую губернію, но съ пути слѣдованія скрылась и съ тѣхъ поръ жила »нелегально« подъ разными фамиліями и по подложнымъ видамъ на жительство. Въ іюнѣ 1880 года, подъ фамиліею Войновой, она поселилась въ Петербургѣ, въ домѣ № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, вмѣстѣ съ своею знакомою, настоящей фамиліи которой она назвать не желаетъ и которая проживала подъ фамиліею Сиповичъ. Въ сентябрѣ къ ней на квартиру вмѣсто уѣхавшей Сиповичъ переѣхалъ Желябовъ. Какъ членъ „партіи“ „Народной Воли“ и „агентъ исполнительнаго комитета“, она знала обо всемъ происходившемъ въ террористической отрасли дѣятельности этой партіи и принимала непосредственное участіе какъ въ приготовленіяхъ къ преступленію 1-го марта и

въ происходившихъ по поводу его совѣщаніяхъ между соучастниками, такъ и въ самыхъ дѣйствіяхъ по исполненію замысла. Уже за нѣсколько времени до 1-го марта она вмѣстѣ съ другими лицами слѣдила за обычными выѣздами Государя Императора и затѣмъ участвовала въ состоявшемся 28-го февраля соглашеніи дѣйствовать именно 1-го марта. Подкопъ по Малой Садовой былъ устроенъ на случай проѣзда Государя по этой улицѣ. Независимо отъ этого подкопа, предстояло еще дѣйствіе метательными снарядами, часть коихъ, именно два, она, Перовская, утромъ привезла въ д. № 5, по Телѣжной улицѣ, въ квартиру, хозяевами которой были застрѣлившійся въ ней передъ обыскомъ человѣкъ (Саблинъ) и Геся Гельфманъ. Своихъ снарядовъ въ означенной квартирѣ не было, но откуда они были принесены туда обвиняемою, а также сколько ихъ всѣхъ было, считая въ томъ числѣ и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желаетъ. По спѣшности дѣла и краткости срока, истекшаго со времени принятаго наканунѣ рѣшенія совершить преступленіе 1-го марта, не могло быть приготовлено большаго количества снарядовъ, о чемъ она, Перовская, и объяснила своимъ соучастникамъ, по пріѣздѣ своемъ на квартиру по Телѣжной улицѣ, утромъ названнаго дня. Здѣсь же, при окончательномъ распредѣленіи участія каждаго, она нарисовала на конвертѣ найденный по обыску въ квартирѣ Саблина и Гельфманъ планъ мѣстности, на которомъ и объяснила лицамъ, отправлявшимся со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Сколько ихъ было, она сказать не желаетъ, равнымъ образомъ не желаетъ назвать ихъ, кромѣ Рысакова, также получившаго снарядъ. По заранѣе составленному плану, отправивъ на условленныя мѣста лицъ, вооруженныхъ снарядами, обвиняемая также отправилась на мѣсто дѣйствія, причемъ находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, для того, чтобы наблюдать за направленіемъ пути, принимаемымъ Государемъ Императоромъ. Увидя, что Его Величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и такимъ образомъ благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ, направляется изъ манежа въ Михайловскій Дворецъ, а затѣмъ имѣетъ слѣдовать по Екатерининскому каналу, она, Перов-

ская, пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ встрѣченнымъ ею лицамъ съ снарядами, въ томъ числѣ и Рысакову, подала, молча, сморкаясь въ платокъ, условленный сигналъ, означавшій, что нужно идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ. Сама-же она снаряда при себѣ не имѣла, такъ какъ таковаго для нея въ этотъ день не достало. Подавъ сигналъ, обвиняемая вышла на Невскій проспектъ и затѣмъ по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининскаго канала, для того, чтобы оттуда наблюдать за дѣйствіемъ метательныхъ снарядовъ. Во время обоихъ взрывовъ она находилась на противоположной сторонѣ Екатерининскаго канала и по совершеніи ихъ удалилась.

Что же касается до мотивовъ своей преступной дѣятельности въ составѣ „партіи Народной Воли", то Перовская дала имъ слѣдующее объясненіе: стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа, а также уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, члены партіи, съ цѣлію пробудить въ народѣ общественную жизнь и сознаніе гражданскихъ правъ, стали селиться въ разныхъ мѣстностяхъ среди народа для пропаганды. Когда же Правительство отвѣтило на это рядомъ репрессивныхъ мѣръ и тѣмъ сдѣлало такую постановку дѣятельности невозможною, „партія", послѣ долгаго колебанія, была вынуждена перейти къ политической борьбѣ противъ существующихъ государственныхъ формъ, какъ главнаго препятствія къ достиженію цѣлей „партіи". Большинство »партіи« не сочувствовало этой борьбѣ, порицало ее, но она тѣмъ не менѣе была предпринята и притомъ, главнымъ образомъ, посредствомъ »террористическихъ фактовъ«. Упорство же въ покушеніяхъ на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора было вызвано убѣжденіемъ, что усопшій Государь никогда не измѣнитъ „ни Своего отношенія къ „партіи", ни Своей внутренней политики.

Кромѣ вышеприведенныхъ, сообщенныхъ самою обвиняемою, Перовскою, свѣдѣній о ея прошломъ, изъ дѣла видно: 1) что въ 1871 году Софья Перовская, бывшая тогда 18-ти лѣтъ отъ роду, привлекалась по дознанію о Николаѣ Гончаровѣ и тайномъ кружкѣ, въ составъ котораго входили, кромѣ Гончарова, обвинявшіеся впослѣдствіи въ государственныхъ

преступленіяхъ Натансонъ, Чудновскій и др.; 2) что по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи Перовская привлекалась къ суду по обвиненію въ принадлежности къ тайному преступному кружку „Чайковцевъ", образовавшемуся въ 1873 году, но была оправдана.

Обвиняемая Геся Мирова Гельфманъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, первоначально отказалась дать какія-либо объясненія какъ по содержанію предъявленныхъ къ ней обвиненій, такъ и вообще по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, а затѣмъ, на допросѣ 12 марта сего года, по признаніи ея свидѣтелемъ Усманомъ Булатовымъ за личность, жившую въ д. № 27—1, по Троицкому переулку, подъ именемъ Николаевой, показала, что она дѣйствительно жила въ этой квартирѣ, которая была „конспиративною", съ человѣкомъ, называвшимся ея мужемъ, Андреемъ Николаевымъ; настоящаго же имени его она сказать не желаетъ. Здѣсь бывали у нихъ Желябовъ, Перовская и человѣкъ, умершій 1-го марта въ Придворномъ госпиталѣ, извѣстный ей, Гельфманъ, подъ именемъ „Михаила Ивановича" или „Котика". Здѣсь же у Гельфманъ и ея сожителя помѣщалась тайная типографія „Рабочей Газеты", 1-й нумеръ которой, также „Программа рабочихъ членовъ партіи", и были ими напечатаны, причемъ она, Гельфманъ, исполняла обязанности наборщицы. „Рабочую Газету" она сама раздавала между рабочими. Желябовъ былъ сотрудникомъ этой газеты, печатаніе которой у нихъ въ квартирѣ прекратилось недѣли за двѣ до переѣзда обвиняемой изъ Троицкаго переулка, когда всѣ принадлежности типографіи были куда-то увезены отъ нихъ. Послѣ того какъ называвшійся мужемъ ея Николаевымъ былъ, по выраженію Гельфманъ, „отозванъ по дѣлу", она вмѣстѣ съ Саблинымъ, который подъ именемъ Фесенко-Навроцкаго назывался также ея мужемъ, переѣхала въ д. № 5 по Тележной улицѣ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ, Геся Гельфманъ была осуждена въ 1877 году по дѣлу о распространеніи книгъ преступнаго содержанія въ губерніяхъ Московской и другихъ и приговорена особымъ присутствіемъ Правительствующаго Сената за принадлежность къ преступному тайному сообществу (по 2 отд. ст. 250 улож. о нак.), по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, къ заключе-

вію въ рабочемъ домѣ на 2 года. Приговоръ этотъ былъ обращенъ къ исполненію, причемъ срокъ содержанія Гельфманъ въ рабочемъ домѣ истекъ 7-го мая 1879 года.

Обвиняемый Тимоѳей Михайловъ, отказываясь отвѣчать на бо́льшую часть предложенныхъ ему вопросовъ, между прочимъ и на вопросы о предметахъ обвиненія, призналъ свою принадлежность какъ къ той части „русской соціально-революціонной партіи", которая придерживается террористическаго направленія, такъ въ частности и къ „боевой рабочей дружинѣ", имѣющей, по его словамъ, цѣлью охранять рабочихъ отъ ихъ враговъ, напр., отъ шпіоновъ, а также подвергать избіенію нелюбимыхъ рабочими мастеровъ. Дружину эту обвиняемый называетъ „терроромъ". 3-го марта онъ пришелъ въ домъ № 7 по Телѣжной улицѣ, по приглашенію своего товарища, назвать котораго не желаетъ. Все, что въ показаніяхъ Рысакова относится до него, Михайлова, онъ признаетъ ложью. Предъ задержаніемъ своимъ онъ проживалъ на углу Дегтярной и 5-й улицъ Песковъ, въ д. № 33—14, подъ именемъ и по паспорту черниговскаго мѣщанина Сергѣя Лапина.

По собраннымъ при дознаніи свѣдѣніямъ, Тимоѳей Михайловъ, по прозвищу Махровъ, ремесломъ котельщикъ, прибылъ въ С.-Петербургъ съ родины лѣтъ 6 тому назадъ и затѣмъ работалъ на разныхъ заводахъ, причемъ, по удостовѣренію сына дьячка Александра Бѣличева, работавшаго вмѣстѣ съ Михайловымъ на заводѣ Фридланда, Михайловъ уже года 1½ тому назадъ, повидимому, принадлежалъ къ тайному сообществу или кружку рабочихъ, въ которомъ читались запрещенныя брошюры и газета „Земля и Воля". По показанію брата Тимоѳея Михайлова, Григорія Михайлова, онъ жилъ вмѣстѣ съ братомъ, въ началѣ февраля, на заводѣ, бывшемъ Макферсона, гдѣ Тимоѳей Михайловъ проработалъ всего полтора дня, и затѣмъ, взявши свой паспортъ, ушелъ, послѣ чего братъ его уже болѣе не видѣлъ.

VIII.

Сверхъ вышеизложенныхъ предметовъ настоящаго дѣла, на обвиняемыхъ Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую падаетъ еще обвиненіе въ участіи вмѣ-

стѣ съ другими лицами: на перваго—въ покушеніи на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, произведенномъ 18-го ноября 1879 года, близь города Александровска, Екатеринославской губерніи, а на вторую—въ таковомъ же покушеніи, совершенномъ 19-го того же ноября, близь города Москвы, на линіи московско-курской желѣзной дороги.

1. Къ изобличенію Желябова въ выше указанномъ преступленіи служатъ слѣдующія данныя дознанія:

Привлеченный къ дознанію по обвиненію въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Крапоткина, совершенномъ 9-го февраля 1879 года въ городѣ Харьковѣ, въ покушеніи на жизнь Священной Особы Государя Императора, совершенномъ 2 апрѣля 1879 года, сынъ купца Григорій Гольденбергъ, нынѣ умершій, въ показаніи своемъ, данномъ въ маѣ 1880 года, между прочимъ объяснилъ, что во второй половинѣ іюня мѣсяца 1879 года, въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, состоялся общій съѣздъ дѣятелей соціально-революціонной партіи въ Россіи, для пересмотра программы народнической партіи и совѣщанія о мѣрахъ противодѣйствія строгимъ правительственнымъ распоряженіямъ. Въ числѣ лицъ, собравшихся въ Липецкѣ, въ количествѣ около 15 человѣкъ, на съѣздѣ этомъ былъ крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, проживавшій въ то время подъ именемъ Чернявскаго. Совѣщанія Липецкаго съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣлый рядъ покушеній на жизнь Священной Особы Государя Императора, и между прочимъ—произвести взрывъ полотна желѣзной дороги близь города Александровска, Екатеринославской губерніи, во время слѣдованія Императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма. По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года, въ городъ Харьковъ прибыли: нѣкто Кошурниковъ и Андрей Прѣсняковъ (нынѣ казненный), которые привезли съ собою около трехъ пудовъ динамита и проволоку для употребленія ихъ при взрывѣ близь города Александровска; въ то же время въ городѣ Харьковѣ устраивали сходки для обсужденія вопроса о способѣ осуществленія этого посягательства на жизнь Государя Императора. Здѣсь Гольденбергъ и Желябовъ (подъ именемъ Борисова), доказывая на сходкахъ необходимость террористическаго образа дѣйствій, подготовляли все нужное для приведенія въ исполненіе своего преступнаго умысла.

Изъ числа лицъ, участвовавшихъ на сходкахъ—Желябову, Акимовой (тоже Баска) и нынѣ осужденныхъ Тихонову и Окладскому было поручено произвести взрывъ подъ Императорскимъ поѣздомъ въ городѣ Александровскѣ, куда Желябовъ послѣ этого и отправился подъ именемъ купца Черемисова. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ 1879 года, какъ удостовѣрили спрошенные при дознаніи свидѣтели: мѣщане—Тимоѳей и Марья Бовенко, въ городъ Александровскъ пріѣхалъ молодой человѣкъ, назвавшійся ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, и сталъ хлопотать объ отводѣ ему участка земли для устройства кожевеннаго завода. Получивъ разрѣшеніе думы на устройство этого завода, онъ выбралъ себѣ участокъ земли близь полотна желѣзной дороги, но въ отводѣ этого участка ему было отказано, послѣ чего онъ указалъ другой участокъ, вблизи селенія Вознесенки, въ сторонѣ, противоположной отъ желѣзной дороги. Въ концѣ октября мѣсяца Черемисовъ (Желябовъ) поселился въ домѣ мѣщанъ Бовенко съ какою-то женщиною, которую онъ называлъ своею женою. Съ этого времени у него стали появляться новыя лица, изъ коихъ двое оставались и жили у него—одинъ около мѣсяца, а другой нѣсколько дней; постоянно говоря съ своими хозяевами и сосѣдями о своемъ намѣреніи устроить кожевенный заводъ, онъ однако же не принималъ никакихъ мѣръ къ его устройству; въ половинѣ ноября мѣсяца выѣхала изъ города Александровска женщина, называвшая себя женою Черемисова, а въ двадцатыхъ числахъ ноября уѣхали оттуда—Черемисовъ и находившіяся съ нимъ въ сношеніяхъ два лица; при этомъ Черемисовъ наскоро продалъ имѣющихся у него лошадей и телѣгу и оставилъ въ домѣ Бовенко всю мебель. По справкѣ въ ярославской мѣщанской управѣ, паспортъ, предъявленный Черемисовымъ въ александровскомъ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, оказался подложнымъ.

Указанные Гольденбергомъ, какъ бывшіе кромѣ Желябова участниками злодѣйскаго покушенія на жизнь Государя Императора въ городѣ Александровскѣ, Андрей Прѣсняковъ, Яковъ Тихоновъ и Иванъ Окладскій сознались въ этомъ преступленіи и были осуждены за это приговоромъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, состоявшимся въ октябрѣ 1880 года; Якимова же осталась неразысканною.

Изъ показаній упомянутыхъ осужденныхъ, а также изъ протокола осмотра мѣста закладки ими динамитной мины, видно, что два мѣдные цилиндра съ динамитомъ и другія приспособленія для работъ по устройству взрыва были заблаговременно привезены кѣмъ-то изъ злоумышленниковъ въ городъ Александровскъ, въ квартиру Бовенко. Въ теченіе двухъ ночей производилась работа по укладкѣ проволоки отъ грунтовой дороги, идущей отъ города Александровска въ окрестныя селенія, къ полотну желѣзной дороги, на четвертой верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой; затѣмъ послѣдовала самая закладка двухъ цилиндровъ съ динамитомъ подъ шпалы, гдѣ они были уложены одинъ отъ другого на разстояніи 34-хъ саженъ; проволока, проложенная отъ проѣзжей дороги до обрыва, спускалась въ оврагъ и затѣмъ, поднимаясь на насыпь желѣзнодорожнаго пути, вышиною въ 11 саженъ, соединялась тамъ съ заложенными подъ шпалы цилиндрами, а отъ нихъ шла къ ближайшему цинковому листу, который сообщался со вторымъ листомъ, уложеннымъ въ 7 саженяхъ отъ проѣзжей дороги и въ свою очередь соединявшимся проволокою съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ въ моментъ неудавшагося взрыва. 16-го ноября Прѣсняковъ, поселившійся въ Симферополѣ, для полученія свѣдѣній о времени выѣзда Государя Императора изъ Крыма, пріѣхалъ въ г. Александровскъ и сообщилъ своимъ единомышленникамъ, что Государь Императоръ послѣдуетъ чрезъ городъ Александровскъ 18-го числа того же мѣсяца. Въ этотъ послѣдній день, часовъ въ 9 утра, Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Прѣсняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены минныя проволоки, и здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли концы проволоки, передалъ ихъ Желябову; когда Императорскій поѣздъ вышелъ со станціи и нѣсколько вагоновъ прошли уже надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была положена мина, по сигналу Окладскаго: „Жарь“—Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но, по неизвѣстной причинѣ, взрыва не произошло и Императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно мимо злоумышленниковъ. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ по указанію осужденнаго Тихонова подъ шпалами, экспертъ генералъ-маіоръ Федоровъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженныя

магнезіальнымъ динамитомъ и снабженныя электрическими запалами, причемъ одинъ цилиндръ сполна наполненъ динамитомъ, а другой—только до половины. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, по задержаніи его 27-го февраля въ Петербургѣ, Желябовъ объяснилъ, что какъ членъ соціально-революціонной партіи, онъ, для осуществленія идеи уничтоженія правителей и по порученію исполнительнаго комитета, организовалъ покушеніе близь г. Александровска и принималъ въ осуществленіи его непосредственное участіе.

2. Обстоятельства покушенія 19 ноября 1879 года на линіи московско-курской желѣзной дороги представляются, какъ выяснено дознаніемъ, въ слѣдующемъ общемъ видѣ:

19 го ноября 1879 года, въ одиннадцатомъ часу вечера, на третьей верстѣ отъ московской станціи московско-курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою Свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники очевидно предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя Императора. По удостовѣренію управляющаго московско курской желѣзной дороги и помощника начальника первой дистанціи, Потемкина, входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ повернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ рельсовъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни постороннія лица не понесли никакихъ поврежденій.

При осмотрѣ мѣста взрыва было обнаружено, что онъ былъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20 саженяхъ отъ желѣзно-дорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшею себя саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ; изъ нижняго этажа этого дома была выведена имѣвшая видъ трехгранной призмы галлерея, размѣромъ 0,37 саж. въ основаніи и 0,5 саж. въ высоту, обшитая въ основаніи и по бокамъ досками; при осмотрѣ упомянутаго дома оказалось, что взрывъ былъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической батареи, помѣщенной въ сараѣ.

Два проводника, покрытые слоемъ земли, шли отъ батареи по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плинтусамъ во второй этажъ, гдѣ они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, заложенной на глубинѣ около двухъ саженъ подъ рельсами. Около батареи, въ сараѣ, имѣлось отверстіе, чрезъ которое можно было удобно наблюдать за желѣзно-дорожнымъ путемъ.

По заключенію экспертовъ, на устройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, причемъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе чѣмъ двумя, а скорѣе и бо̀льшимъ числомъ лицъ; самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ.

Допрошенными при дознаніи свидѣтелями: Анной Трофимовой, вдовой купца Матреной Суровцевой, крестьяниномъ Алексѣемъ Морозовымъ, мѣщанкой Александрой Кузьминой, Василіемъ Кононовымъ, Ириной и Иваномъ Сѣдоковыми удостовѣрено, что Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1879 года съ женщиною, именовавшеюся его женою; первоначально онъ поселился въ домѣ Кузьмина, у Чистыхъ прудовъ, въ Кривомъ переулкѣ, а 13-го сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мѣщанина Кононова, при посредничествѣ мѣщанки Трофимовой; 19-го сентября онъ переѣхалъ въ этотъ домъ и, удаливъ оттуда жильцовъ, подъ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ того окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери же заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ вмѣстѣ съ жившею съ нимъ женщиною до взрыва Императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись.

Дознаніемъ обнаружено, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывающійся въ настоящее время за границей; проживающая же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была признана свидѣ-

тельницею Маріею Соловьевой въ предъявленномъ ей фотографическомъ снимкѣ обвиняемой Софьи Львовой Перовской.

По предъявленіи того же снимка свидѣтельницамъ Иринѣ Сѣдоковой, Аннѣ Трофимовой и Екатеринѣ Григорьевой, онѣ показали, что изображенная на этомъ снимкѣ личность очень похожа на женщину, называвшую себя женою Сухорукова.

Участіе Перовской въ устройствѣ подкопа и взрыва подъ полотномъ московско-курской желѣзной дороги выяснилось главнымъ образомъ изъ показаній обвинявшагося въ государственныхъ преступленіяхъ, нынѣ умершаго, сына купца Григорія Гольденберга, который, по задержаніи его 14-го ноября 1879 года на станціи желѣзной дороги „Елизаветградъ", призналъ себя виновнымъ въ приготовленіяхъ къ означенному взрыву и указалъ своихъ соучастниковъ въ этомъ посягательствѣ на жизнь Государя Императора. По показанію Гольденберга, въ половинѣ октября 1879 года, въ городъ Харьковъ пріѣхалъ участвовавшій въ липецкомъ съѣздѣ и нынѣ осужденный государственный преступникъ Степанъ Ширяевъ, и, сообщая о подробностяхъ преступленія, предположеннаго въ Москвѣ, объяснилъ, что тамъ на имя Сухорукова купленъ уже домъ, изъ котораго ведется галлерея подъ полотно желѣзной дороги, при участіи: Гартмана, студентовъ Гришки и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновой—женою Сухорукова. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній, Гольденбергъ пріѣхалъ въ Москву и, присоединившись къ кружку названныхъ лицъ, принималъ участіе въ работахъ по устройству подкопа; въ то время между ними уже было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова—Ширяевъ и Перовская, а остальные участники должны были выѣхать оттуда наканунѣ прибытія въ Москву Императорскаго поѣзда; Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда, а Ширяеву—сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовскою, которая очень гордилась возложеннымъ на нее порученіемъ

Ширяевъ, задержанный въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 года въ Петербургѣ, подтвердилъ сущность приведенныхъ выше объясненій Гольденберга, и добавилъ, что передъ самымъ

проѣздомъ Государя Императора состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, причемъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросѣ при дознаніи по настоящему дѣлу объяснила, что дѣйствительно, осенью 1879 года, она подъ именемъ жены Сухорукова—Марины Семеновой, поселилась вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ домѣ, купленномъ имъ въ Москвѣ, въ Рогожской части, и проживала тамъ во все время веденія подкопа подъ полотно московско-курской желѣзной дороги; 19-го ноября она вышла изъ дома около 10 часовъ вечера, а въ моментъ взрыва находилась дома, съ цѣлью отвлечь подозрѣнія полиціи, если бы послѣдняя явилась къ нимъ въ это время; въ сараѣ же, въ моментъ взрыва, для соединенія батареи, было другое лицо, имени котораго она назвать не желаетъ.

IX.

Изложенныя обстоятельства совершеннаго 1-го марта сего года злодѣйскаго посягательства на жизнь Священной Особы Государя Императора несомнѣнно указываютъ на непосредственную и тѣсную связь его съ рядомъ покушеній на таковое же злодѣяніе, совершенныхъ въ послѣднее время тайнымъ сообществомъ лицъ, именующихъ себя членами „русской соціально-революціонной партіи“. Сформировавшаяся около лѣта 1879 года, какъ обнаружено при разслѣдованіи и разсмотрѣніи въ ноябрѣ 1880 года въ С.-Петербургскомъ военномъ окружномъ судѣ дѣла объ осужденныхъ имъ 16 государственныхъ преступникахъ, въ такъ называемую „террористическую фракцію“, она поставила себѣ задачею стремиться къ ниспроверженію существующаго государственнаго и общественнаго строя путемъ политической борьбы, вѣрнѣйшимъ средствомъ которой, по ея воззрѣніямъ, должны были служить повторяемыя, въ случаѣ неудачи, покушенія на цареубійство. Плодами такой рѣшимости явились послѣдовательныя покушенія на жизнь Его Императорскаго Величества: 18 ноября 1879 года близь Александровска, Екатеринославской губерніи; 19 того же ноября близь города Москвы, на линіи

московско-курской желѣзной дороги, и наконецъ 5-го февраля 1880 года, посредствомъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ „исполнительнаго комитета“, появлявшихся послѣ каждаго изъ этихъ покушеній, злоумышленники не только провозглашали совершеніе ихъ отъ имени своей, такъ называемой, „партіи“, но и дерзостно заявляли о твердомъ намѣреніи своемъ продолжать дѣло крови, бунта и цареубійства.

Злодѣйское преступленіе 1-го марта было новымъ и тягчайшимъ звеномъ въ кровавой цѣпи злодѣяній „русской соціально-революціонной партіи“. Въ этомъ съ очевидностью убѣждаютъ какъ совокупность всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ, такъ и содержаніе двухъ упомянутыхъ выше прокламацій по поводу злодѣянія 1-го марта 1881 года: 1) „Отъ исполнительнаго комитета“, отъ 1-го марта, и 2) „Отъ рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“, отъ 2-го марта, напечатанныхъ, какъ значится въ нихъ: первая—2-го марта въ типографіи „Народной Воли“, а вторая—3-го марта въ „Летучей типографіи“ того же названія. Въ обоихъ листкахъ заявляется, что злодѣяніе совершено „соціально-революціонной партіей“, двумя агентами „исполнительнаго комитета“, по его постановленію, какъ значится въ первомъ листкѣ, или вообще „соціалистами“, какъ выражено во второмъ. Затѣмъ, въ прокламаціяхъ, изъ которыхъ первая изложена весьма сбивчиво и неясно, а вторая представляетъ очевидную поддѣлку подъ простонародный языкъ, о преступленіи, обагрившемъ Русскую землю Царственною кровью, говорится, какъ о средствѣ для достиженія цѣлей партіи, заключающихся, насколько можно убѣдиться изъ прокламаціи, въ насильственномъ ниспроверженіи существующаго государственнаго, общественнаго и экономическаго строя.

На основаніи вышеизложеннаго, Тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ; крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, села Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ; дворянка Софья Львова Перовская, 27 лѣтъ; крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилкова, Тимоѳей Михайловъ, 21 года, и Мозыр-

ская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Мирова Гельфманъ, 26 лѣтъ, обвиняются:

во I) въ томъ, что вступили въ тайное сообщество, именующее себя „русской соціально-революціонной партіей", имѣющее цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій властямъ,

во II) въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, согласились между собою и съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла: а) изъ подвальной лавки въ домѣ гр. Менгдена, № 56-8, по Малой Садовой, завѣдомо для названныхъ обвиняемыхъ, былъ проведенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ устроеннымъ въ немъ аппаратомъ для взрыва динамита при проѣздѣ Государя Императора, и б) 1-го марта 1881 года, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, по набережной Екатерининскаго канала, Рысаковъ бросилъ метательный взрывчатый снарядъ подъ Императорскую карету, послѣдствіемъ чего былъ взрывъ, послѣ котораго произошелъ другой такой же, произведенный съ тою же цѣлью другимъ соучастникомъ означеннаго сообщества и причинившій Государю Императору тяжкія пораненія, повлекшія за собою кончину Его Императорскаго Величества, причемъ при составленіи упомянутаго злоумышленія и приготовленіяхъ къ нему: Желябовъ, умысливъ таковое, согласилъ на него Рысакова и управлялъ приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями; Перовская, по задержаніи Желябова 27-го февраля, руководила не только тѣми же дѣйствіями, но и самымъ совершеніемъ злодѣянія; Тимоѳей Михайловъ участвовалъ въ означенныхъ, совокупными силами совершенныхъ, приготовительныхъ дѣйствіяхъ и, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія злодѣянія для принятія въ немъ участія, а Гельфманъ завѣдывала, въ качествѣ хозяйки,

*

такъ называемыми „конспиративными“ квартирами, въ которыхъ происходили совѣщанія о злодѣяніи и производились приготовленія къ нему. Преступленія эти предусмотрѣны ст. 241, 242, 243 и 249 улож. о нак. угол. и исправит. изд. 1866 года.

Кромѣ того: III) Андрей Желябовъ обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же названному преступному сообществу, 18-го ноября 1879 года, близь города Александровска, Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ другими лицами, съ цѣлью лишить жизни нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, устроилъ подъ полотномъ желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться Его Императорское Величество, и при проходѣ означеннаго поѣзда сомкнулъ проведенныя чрезъ мину проводники гальваническаго тока, причемъ однако же по обстоятельствамъ, независящимъ отъ Желябова, взрыва не послѣдовало,—и

IV) Софья Перовская обвиняется въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и съ тою же цѣлью лишенія жизни нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, принимала вмѣстѣ съ другими лицами непосредственное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги, близь города Москвы, при прохожденіи Императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія, 19-го ноября 1879 года, наблюдала за приближеніемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ не причинивъ однако же, по обстоятельствамъ, отъ обвиняемой независившимъ, никакого вреда лицамъ, слѣдовавшимъ въ поѣздѣ. Преступленія эти, по отношенію къ Желябову и Перовской, предусмотрѣны ст. 241 улож. о наказ.

Наконецъ, V) Тимофей Михайловъ обвиняется въ томъ, что 3-го марта 1881 года, при задержаніи его въ квартирѣ № 5 дома № 5, по Телѣжной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузію помощнику участковаго пристава Слуцкому. Пре-

ступленіе это предусмотрѣно 2 отд. ст. 1459 улож. о нак., по продолж. 1876 года.

По вышеозначеннымъ обвиненіямъ, согласно Высочайшимъ повелѣніямъ отъ 6 го и 13 го сего марта и на основаніи ст. 1032 и 1052 уст. уг. суд., 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 года, по продолж. 1879 года, поименованные выше Николай Ивановъ *Рысаковъ*, Андрей Ивановъ *Желябовъ*, Софья Львова *Перовская*, Тимофей *Михайловъ* и Геся Мирова *Гельфманъ* предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ,

которымъ предается суду особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, 27 лѣтъ, обвиняемый въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 241 и 249 улож. о наказ.

17-го марта 1881 года, въ городѣ С.-Петербургѣ задержанъ разыскиваемый, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ священника Николай Ивановъ *Кибальчичъ*, проживавшій по Лиговкѣ, въ д. № 83, кв. № 2, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Степанова Ланскаго, по подложному паспорту на это имя, написанному отъ аккерманскаго мѣщанскаго старосты.

При производствѣ о Кибальчичѣ установленнаго дознанія, онъ оказался однимъ изъ соучастниковъ совершоннаго 1-го марта 1881 года злодѣянія, жертвою коего палъ Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ.

Въ разъясненіе и подтвержденіе падающихъ на Кибальчича обвиненій, дознаніемъ собраны нижеслѣдующія данныя:

I.

По предъявленіи Кибальчича обвиняемому Николаю Иванову Рысакову, онъ призналъ въ немъ того самого „техника“, о которомъ онъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ, изложенныхъ въ главномъ обвинительномъ актѣ по настоя-

щему дѣлу, какъ о томъ лицѣ, которое въ конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ, въ д. № 5, давало техническія наставленія объ устройствѣ и дѣйствіи метательныхъ снарядовъ. По объясненію Рысакова, тотъ же Кибальчичъ, называвшійся „техникомъ“, 28-го февраля находился съ нимъ, „Михаиломъ Ивановичемъ“ и Тимоѳеемъ Михайловымъ на испытаніи пробнаго снаряда, а утромъ 1-го марта, послѣ прибытія Перовской въ конспиративную квартиру съ двумя снарядами, доставилъ туда, какъ кажется, ему, Рысакову, еще два таковыхъ же. Говоря о способахъ совершенія посягательства на жизнь Государя Императора, Кибальчичъ, повидимому, возлагалъ надежды на мину въ Малой Садовой, такъ какъ, по словамъ Рысакова, онъ считалъ „больше иллюзіей“ мысль о томъ, что придется дѣйствовать метательными снарядами.

Обвиняемый Николай Ивановичъ Кибальчичъ, сознаваясь въ приписываемомъ ему участіи въ злодѣяніи 1-го марта 1881 года, показалъ, что, поступивъ въ 1871 году въ число студентовъ института инженеровъ путей сообщенія и пробывъ въ немъ до 1873 года, онъ затѣмъ перешелъ въ медико-хирургическую академію, во время пребыванія въ которой и составилъ себѣ соціалистическія убѣжденія. Они развились и окрѣпли во время предварительнаго заключенія его подъ стражу, которому онъ подвергся въ 1875 году за храненіе у себя и распространеніе преступныхъ сочиненій. Будучи освобожденъ въ іюнѣ 1878 года, послѣ слѣдствія и отбытія наказанія, онъ, осенью того же года, вслѣдствіе арестовъ, вызванныхъ умерщвленіемъ генералъ адъютанта Мезенцова, перешелъ на нелегальное положеніе, но до весны 1879 года, не имѣя ни связей среди „партіи“, ни революціоннаго прошлаго, не принималъ участія въ активной ея дѣятельности. Весною 1879 года онъ предложилъ чрезъ казненнаго нынѣ государственнаго преступника Квятковскаго свои услуги революціонной организаціи, сознавая, что въ виду обострившейся борьбы партіи съ Правительствомъ, всякій, раздѣляющій ея убѣжденія, обязанъ оказать ей активное содѣйствіе. Съ Желябовымъ онъ познакомился позднѣе, именно лѣтомъ 1879 года.

Послѣ происходившаго лѣтомъ 1879 года липецкаго съѣзда членовъ соціально-революціонной партіи, о которомъ

упоминается въ показаніяхъ Гольденберга, онъ постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи динамита, пріобрѣтя необходимыя для сего техническія свѣдѣнія гораздо ранѣе, такъ какъ, не имѣя еще связей съ партіей, онъ предвидѣлъ, что ей придется прибѣгнуть въ ея борьбѣ съ Правительствомъ къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, и, рѣшившись изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ, съ этою цѣлью перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество, такъ и динамитъ домашними средствами.

Въ декабрѣ 1879 года, послѣ покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, близь города Александровска, Екатеринославской губерніи, и приготовленія къ таковому же покушенію близь города Одессы, обвиняемый переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Рѣшившись во что бы то ни стало совершить удачное посягательство на жизнь Государя Императора, „партія“ составила такой планъ дѣйствій, при которомъ оно было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что исполненіе плана затянулось, такъ какъ, съ одной стороны, было необходимо устроить мѣсто для мины и приготовить самую мину, посредствомъ которой рѣшено было совершить посягательство, а съ другой стороны нужно было выработать наиболѣе удобный типъ метательныхъ снарядовъ, предполагавшихся для вспомогательнаго дѣйствія на случай неудачи покушенія мины. О заложеніи этой послѣдней въ Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, узналъ лишь незадолго до 1-го марта, причемъ, неучаствуя ни въ проведеніи подкопа, ни въ самомъ устройствѣ мины, онъ давалъ лишь научно-техническія указанія относительно нужнаго для нея количества динамита, а также сдѣлалъ запалъ для заряда мины. Что же касается до метательныхъ снарядовъ, то онъ изготовлялъ ихъ при участіи двухъ помощниковъ, но гдѣ именно—объяснить не желаетъ. Подтверждая вообще показанія Рысакова о конспиративныхъ квартирахъ и пробѣ снаряда, Кибальчичъ объяснилъ, что хозяйкою квартиры по Троицкому переулку была Гельфманъ, а квартиры по Телѣжной улицѣ—

Гельфманъ и Саблинъ; проба же снаряда производилась кромѣ него, Кибальчича, еще двумя лицами, а именно Рысаковымъ и „Михаиломъ Ивановичемъ“. Въ планѣ посягательства 1-го марта главное мѣсто отводилось минѣ на Малой-Садовой, и лица, вооруженныя метательными снарядами, разставленныя по обѣимъ концамъ Малой Садовой, должны были дѣйствовать на ней только въ случаѣ неудачнаго взрыва мины. Всего снарядовъ было сдѣлано имъ, Кибальчичемъ, четыре, причемъ онъ работалъ надъ ними всю ночь на 1-е марта. Два изъ этихъ снарядовъ доставила на конспиративную квартиру по Телѣжной улицѣ Перовская, два же другихъ, запасные, привезъ самъ обвиняемый утромъ передъ событіемъ. При выборѣ времени и мѣста совершенія посягательства, онъ не имѣлъ рѣшающаго голоса. Находясь на улицѣ во время проѣзда Государя Императора въ манежъ и изъ манежа, онъ отправился домой, не зная о томъ, что и безъ взрыва на Малой Садовой снаряды имѣютъ быть и въ дѣйствительности были употреблены въ дѣло. О послѣдствіяхъ посягательства онъ узналъ лишь вечеромъ.

Излагая собственноручно на письмѣ вышеприведенныя свои показанія, Кибальчичъ въ одномъ изъ нихъ объяснилъ, что въ изготовленіи снарядовъ ему помогали два лица-техники, которыхъ онъ назвать не желаетъ.

По обыску въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 83, по Лиговкѣ, у него, кромѣ разныхъ рукописей и замѣтокъ, неимѣющихъ прямого отношенія къ настоящему дѣлу, найдена была изданная морскимъ вѣдомствомъ брошюра, подъ заглавіемъ: „Правила выдѣлки игольчатыхъ запаловъ съ гремучей кислой ртутью малаго и большаго сопротивленія“.

Изъ имѣющихся въ дѣлѣ свѣдѣній, а отчасти и изъ собственныхъ объясненій Кибальчича видно, что онъ уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи; первоначальное образованіе получилъ въ новгородъ-сѣверской духовной семинаріи; въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1873 году перешелъ въ Императорскую медико-хирургическую академію. Въ 1875 году Кибальчичъ, проживая лѣтомъ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата, навлекъ на себя обвиненіе въ передачѣ рядовому Притулѣ брошюры преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ

братьяхъ“ —въ чемъ и сознался. При производствѣ у Кибальчича по этому дѣлу обыска, у него оказались два тюка съ разными запрещенными изданіями и нѣсколько видовъ на жительство. Преданный по вышеупомянутому дѣлу суду особаго присутствія Правительствующаго Сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, Кибальчичъ приговоромъ особаго присутствія, состоявшимся 1-го мая 1878 года, былъ присужденъ, на основаніи 4 отд. ст. 251 улож., къ заключенію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ, каковой приговоръ и былъ приведенъ надъ нимъ въ исполненіе. По пріѣздѣ Кибальчича въ Петербургъ, въ концѣ 1878 года, онъ проживалъ подъ именемъ Агатескулова въ разныхъ квартирахъ, изъ которыхъ, кромѣ упомянутой уже квартиры въ домѣ № 83 по Лиговкѣ, были обнаружены еще слѣдующія: 1) весною 1880 года по Забалканскому проспекту, въ домѣ № 10, въ „Сарапинской гостинницѣ“; 2) лѣтомъ того же года, по Подольской улицѣ, д. № 11, вмѣстѣ съ неизвѣстной женщиной, называвшейся его женою; 3) осенью 1880 года по Невскому проспекту, д. № 124, въ меблированныхъ комнатахъ, содержимыхъ крестьянкою Маѳою Кононовою. Въ послѣднюю квартиру свою на Лиговкѣ Кибальчичъ переѣхалъ 23 января 1881 года, причемъ, по удостовѣренію квартирной хозяйки, мѣщанской вдовы Александры Ивановой, и дворника крестьянина Ѳедора Козлова, онъ обыкновенно уходилъ изъ дома часовъ въ 10 утра и возвращался поздно вечеромъ.

При производствѣ еще неоконченнаго дознанія о дворянинѣ Александрѣ Михайловѣ и другихъ, собраны, между прочимъ, свѣдѣнія о томъ: 1) что въ квартирѣ Кибальчича, въ домѣ № 11, по Подольской улицѣ, помѣщалась тайная типографія, и 2) что посѣщая въ теченіе первой половины 1880 года другую конспиративную квартиру, по Подъяческой улицѣ, въ д. № 37, Кибальчичъ занимался въ ней приготовленіемъ динамита. Это послѣднее обстоятельство не отвергается и самимъ Кибальчичемъ.

II.

Привлеченный, въ качествѣ обвиняемаго, къ дознанію о 16 лицахъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, сынъ купца Григорій Гольденбергъ (нынѣ умер-

шій), между прочимъ показалъ, что во исполненіе рѣшенія состоявшагося на липецкомъ съѣздѣ „соціально-революціонной партіи“, въ іюнѣ 1879 года, были предприняты приготовленія къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы и близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи; въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе въ этихъ приготовленіяхъ, находился сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, участіе котораго, по словамъ Гольденберга, заключалось въ слѣдующемъ: 9-го ноября 1879 года Гольденбергъ отправился изъ Москвы въ Одессу за динамитомъ для взрыва на московско-курской желѣзной дорогѣ; на станціи Елисаветградъ онъ встрѣтилъ Кибальчича, ѣхавшаго изъ Одессы, причемъ этотъ послѣдній объяснилъ, что онъ везетъ въ Александровскъ проволоку къ Желябову и что онъ проживалъ передъ этимъ въ Одессѣ подъ именемъ Иваницкаго; Гольденбергъ сообщилъ Кибальчичу, что ѣдетъ въ Одессу за динамитомъ, на что Кибальчичъ заявилъ ему, что въ Одессѣ быть можетъ уже успѣли заложить динамитъ подъ рельсы; вслѣдствіе этого Гольденбергъ рѣшилъ, что ѣхать въ Одессу за динамитомъ безполезно, и послалъ по этому поводу, по соглашенію съ Кибальчичемъ, телеграмму Колоткевичу, распоряжавшемуся одесскими приготовленіями.

Дознаніемъ обнаружено, что 11-го ноября 1879 года дѣйствительно была послана со станціи Елисаветградъ, харьково-николаевской желѣзной дороги, телеграмма, адресованная въ Одессу Михаилу Ѳедорову Сидоренко (подъ именемъ котораго проживалъ тамъ Колоткевичъ) слѣдующаго содержанія; „Не посылайте напрасно вина, подождите моего повѣреннаго; завтра утромъ пріѣдетъ—Максимовъ“, причемъ, по показанію Гольденберга, подъ виномъ слѣдовало разумѣть динамитъ.

Допрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Кибальчичъ объяснилъ, что, проживая въ 1879 году въ Одессѣ, по Екатерининской улицѣ, въ д. № 66, подъ именемъ Максима Петрова Иваницкаго, онъ зналъ о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь Государя Императора, предпринятыхъ осенью въ 1879 году, и принималъ активное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда близъ города Одессы, причемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва;

такъ, съ этою цѣлью, онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно, онъ купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя; вслѣдъ затѣмъ онъ узналъ, что Государь Императоръ на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ черезъ Одессу, и потому счелъ полезнымъ отвезти одну изъ спиралей въ Александровскъ, гдѣ она была въ неудовлетворительномъ видѣ; исполняя это послѣднее рѣшеніе, онъ поѣхалъ въ Александровскъ и по дорогѣ встрѣтился съ Гольденбергомъ.

Показаніе обвиняемаго Кибальчича о пріобрѣтеніи въ Одессѣ матеріаловъ, необходимыхъ для взрывовъ, подтверждается показаніями свидѣтелей: Людвига Левенталя, Самуила Левенсона и Давида Розенталя.

При осмотрѣ домовой книги въ д. № 66, по Екатерининской улицѣ, гор. Одессы, оказалось, что въ квартирѣ № 22 дѣйствительно проживалъ въ этомъ домѣ, въ 1879 году, коллежскій регистраторъ Максимъ Петровъ Иваницкій съ женою Елисаветой, по аттестату херсонско-бессарабскаго губернскаго управленія Государственными Имуществами, отъ 24-го марта 1876 года за № 5.729.

На основаніи вышеизложеннаго, сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ обвиняется:

I. Въ принадлежности къ тайному сообществу, именующему себя соціально-революціонной партіей, имѣющему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота существующій въ Имперіи государственный и общественный строй, причемъ преступная дѣятельность этого сообщества проявилась въ рядѣ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій властямъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 249 ст. улож. о наказ. изд. 1876 года.

II. Въ томъ, что, принадлежа къ означенному сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, онъ согласился съ другими лицами лишить жизни Его Императорское Величество, нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, во исполненіе каковаго умысла:

1) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву, 18-го ноября 1879 года, полотна желѣзной дороги при про-

ходѣ Императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Иванову Желябову, необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа.

2) Принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію, въ томъ же 1879 году, таковаго же взрыва на одесской желѣзной дорогѣ, близь города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и, между прочимъ, посредствомъ пріобрѣтенія и приспособленія спиралей Румкорфа. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 242 улож. о нак. 1866 года.

3. Изобрѣлъ, изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1-го марта 1881 года злодѣйское посягательство на жизнь Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, причемъ однимъ изъ означенныхъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій его Величеству тяжкія пораненія, отъ которыхъ того же 1-го марта Государь Императоръ въ Бозѣ почилъ. Преступленіе это предусмотрѣно ст. 241 улож. о нак. изд. 1866 года.

По перечисленнымъ обвиненіямъ, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 6-го и 13-го сего марта и ст. 1.032 и 1.052 уст. уг. суд. 2 ч. XV т. св. зак., изд. 1876 года, по прод. 1879 года, Николай Ивановъ Кибальчичъ предается суду особаго присутствія Правительствующаго Саната, съ участіемъ сословныхъ представителей. Составленъ марта 21-го дня 1881 года въ С.-Петербургѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, вы обвиняетесь, во-первыхъ, въ томъ, что принадлежали къ тайному сообществу, называвшему себя русской соціально-революціонной партіей, имѣющею цѣлью ниспровергнуть существующій въ Россійской Имперіи государственный и общественный строй путемъ насильственнаго переворота и предпринявшей для достиженія этой цѣли рядъ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, рядъ убійствъ и покушеній на убійства должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ, и, во-вторыхъ, въ томъ, что,

принадлежа къ этому сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, вошли въ соглашеніе съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго соглашенія, завѣдомо для васъ: а) изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, былъ устроенъ подкопъ подъ означенную улицу, съ зарядомъ для взрыва полотна улицы при проѣздѣ Государя Императора, и б) 1-го марта, при проѣздѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательные взрывчатые снаряда—одинъ вами, а другой вашимъ сообщникомъ, причемъ послѣдствіемъ одного изъ взрывовъ, произведеннаго собственно вами, было причиненіе тяжкихъ пораненій разнымъ лицамъ, а послѣдствіемъ другаго взрыва, произведеннаго вашимъ сообщникомъ, причиненіе Государю Императору тяжкихъ пораненій, повлекшихъ за собой кончину Его Императорскаго Величества. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Рысаковъ. Виновнымъ себя въ принадлежности къ той социально-революціонной партіи, признаки которой описаны въ предложенномъ мнѣ вопросѣ, я отрицаю. Я себя членомъ этой партіи „Народной Воли“ въ полномъ смыслѣ слова не считаю, а въ преступленіи 1-го марта я себя признаю виновнымъ.

Первоприс. Въ виду сознанія вашего въ совершеніи преступленія 1-го марта, я приглашаю васъ разъяснить суду то различіе, которое вы дѣлаете между партіей, къ которой считаете себя принадлежащимъ, и той партіей, отъ принадлежности къ которой вы отказываетесь.

Подс. Рысаковъ. Я долженъ объяснить, что соціально-революціонному движенію, которое началось въ Россіи, сколько извѣстно, съ семидесятыхъ и даже шестидесятыхъ годовъ, я сочувствую. При этомъ я долженъ замѣтить, что есть двѣ партіи: партія „Народной воли“ и партія „Чернаго Передѣла“. Я отрицаю вполнѣ свою принадлежность къ партіи „Народной Воли“ и полагаю, что къ ней можетъ примкнуть только тотъ, кто имѣетъ за собою какое-либо революціонное прошлое, за мною же этого революціоннаго прошлаго до настоящаго времени не имѣлось. Я, какъ соціалистъ,

имѣю отличное отъ партіи „Народной Воли“ воззрѣніе. По моему взгляду, чистый соціалистъ-революціонеръ долженъ воздерживаться отъ революціонной борьбы и я скорѣе принадлежу къ партіи „Чернаго Передѣла“.

На замѣчаніе первоприсутствующаго, что онъ уклоняется отъ вопроса и на предложенія, не входя въ оцѣнку теорій названныхъ партій, *Рысаковъ*, говоря крайне тихо и невнятно, заявилъ: во время каникулъ я имѣлъ случай убѣдиться въ несчастіи народа, происходившемъ отъ разныхъ бѣдствій, какъ-то: сибирской язвы, истребленія хлѣба жучкомъ и т. д. Въ это время я познакомился съ членомъ партіи Желябовымъ, который обѣщалъ мнѣ содѣйствіе къ тому, чтобы я могъ имѣть болѣе широкое поле дѣятельности въ средѣ рабочаго народа, и ввелъ меня въ агитаціонную группу. Сколько мнѣ извѣстно, Желябовъ организовалъ террористическій отдѣлъ и впослѣдствіи сообщилъ мнѣ, что исполнительный комитетъ замышляетъ новое покушеніе на жизнь Государя Императора. Сначала общія разсужденія объ этомъ велись у меня, на квартирѣ Ермолиной, а потомъ собирались въ Троицкомъ переулкѣ разъ или два, гдѣ Желябовъ кликнулъ кличъ. Затѣмъ Желябовъ пригласилъ на квартиру въ Тележную улицу, которая была устроена исключительно для совѣщаній по сему предмету и называлась конспиративной квартирой. Здѣсь велись разговоры уже болѣе точно и тутъ же Кибальчичъ читалъ лекціи по устройству снарядовъ и приспособленій къ нимъ. На этой квартирѣ опытовъ не производилось, чтобы не привлечь вниманія; сжигался только стапинъ. Когда кто-нибудь приходилъ въ квартиру, то отворяли хозяева и проводили приходившихъ въ угловую комнату; тутъ никакихъ приспособленій къ снарядамъ, никакихъ метательныхъ снарядовъ не было, кромѣ вещей, принесенныхъ „техникомъ“. Самая проба снарядовъ была сдѣлана за Смольнымъ монастыремъ, въ пустынномъ мѣстѣ. Послѣ этой пробы, въ воскресенье 1 го марта, мы собрались на квартирѣ въ Тележной улицѣ. Утромъ, часовъ въ 9—10, Перовская принесла снаряды и начертила планъ дѣйствія; снарядовъ было четыре. Этотъ планъ дѣйствія состоялъ въ томъ, что четверо изъ участниковъ должны были находиться во время поѣзда Государя Императора въ трехъ различныхъ мѣстахъ, но при этомъ Перов-

ская не объясняла всѣхъ подробностей. Если бы взрыва на Малой Садовой не произошло, то намъ надо было идти на Михайловскую улицу и на Екатерининскій каналъ. При этомъ я долженъ сказать, что о подкопѣ въ Малой Садовой и о другихъ приготовленіяхъ я не зналъ, такъ какъ меня не считали возможнымъ посвящать въ эти подробности. Когда я встрѣтился на улицѣ съ Перовской, то она подала мнѣ условный знакъ, сморкаясь въ платокъ, что означало, что мнѣ нужно идти на Екатерининскій каналъ. Здѣсь я встрѣтилъ карету Государя Императора и бросилъ снарядъ. Что касается до приписываемыхъ мнѣ въ обвинительномъ актѣ словъ: „еще слава ли Богу", то я не помню, говорилъ ли это и если сказалъ, то „совершенно несознательно". Въ заключеніе, отвѣчая на вопросы *Первоприсутствующаго*, Рысаковъ подтвердилъ прежнія объясненія о предшествовавшихъ злодѣянію 1-го марта совѣщаніяхъ въ Троицкомъ переулкѣ и Тележной улицѣ, а также объ отношеніи къ злодѣяніямъ Гельфманъ и Михайлова.

На предложенный за симъ первоприсутствующимъ подсудимому Тимоѳею Михайлову вопросъ объ его виновности, согласно выводамъ обвинительнаго акта, Михайловъ отвѣчалъ. „Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что принадлежу къ „русской соціально-революціонной партіи", которая принадлежитъ къ террористическому направленію. Но все остальное я отрицаю. Я подтверждаю лишь, что принадлежу къ той партіи, которая защищаетъ среду рабочихъ, потому что я и самъ человѣкъ рабочій, и признаю, что я сопротивлялся властямъ, чтобы не отдавать себя даромъ. Въ этомъ я признаю себя виновнымъ; а что на Садовой и 1-го марта на Екатерининскомъ каналѣ, въ этомъ я не признаю себя виновнымъ, потому я признаю все показаніе Рысакова ложнымъ. Ну, а теперича, что́ меня побудило къ этой соціально-революціонной партіи принадлежать, то я хотѣлъ коснуться моей біографіи, т. е. разсказать мою жизнь". Далѣе подсудимый сталъ излагать обстоятельства своей жизни съ малыхъ лѣтъ съ подробностями, по поводу которыхъ первоприсутствующій ему замѣтилъ, что они къ дѣлу не относятся, и когда *Михайловъ* заявилъ, что онъ, познакомившись на общественныхъ сходкахъ съ потребностями крестьянъ, узналъ, сколько съ крестьянъ требуется всѣхъ расхо-

довъ, то первоприсутствующій вновь указалъ ему, что онъ опять уклоняется отъ существа дѣла и говоритъ вещи, которыя для суда не имѣютъ значенія. Затѣмъ первоприсутствующій сталъ предлагать подсудимому вопросы.

Первоприс. Когда вы работали въ Петербургѣ, то сколько зарабатывали?

Подс. Михайловъ. Я получалъ въ день 70—60 к., получалъ и 30 копѣекъ.

Первоприс. А съ тѣхъ поръ какъ вы перестали работать, вы чѣмъ жили?

Подс. Михайловъ. Я жилъ безъ работы только одинъ мѣсяцъ, и получалъ помощь отъ своего знакомаго, Желябова. Я видѣлъ, что трудъ рабочаго поглощается капиталистомъ, который эксплуатируетъ рабочаго человѣка. Я не зналъ, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія, я думалъ, что неужели рабочій человѣкъ долженъ всегда существовать такъ, какъ существуетъ теперь. Когда я познакомился съ соціальнымъ ученіемъ, я принялъ его сторону. Что меня побудило быть террористомъ, то, что когда я развивалъ своихъ рабочихъ товарищей, предлагалъ дѣлать забастовки на заводахъ, группировалъ ихъ въ артели для того, чтобы они работали не на однихъ капиталистовъ, за мной поставили шпіоновъ. Вотъ тогда я отказался отъ заводской работы и заявилъ Желябову, что я буду террористомъ; онъ меня прикомандировалъ къ группѣ, которая принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, къ боевой дружинѣ, которая защищаетъ рабочаго человѣка. Къ ней я дѣйствительно принадлежу.

Сенаторъ Писаревъ. Вы сказали, что принадлежите къ террористическому отдѣлу революціонной партіи. Какія средства были этого террористическаго отдѣла?

Подс. Михайловъ. Средствами было убіеніе шпіоновъ и избіеніе нелюбимыхъ рабочими мастеровъ, потому что я находилъ, что эти мастера предаютъ своихъ товарищей, какъ Іуда предалъ Спасителя, и которые эксплуатируютъ рабочаго человѣка больше всего.

Сенаторъ Писаревъ. Такимъ образомъ вы не имѣли въ виду ни Правительства, ни власти, вы только желали защитить рабочихъ?

Подс. Михайловъ. Да, защитить рабочихъ. Я желалъ сгруппировать рабочихъ въ артели и ассоціаціи.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, вы обвиняетесь въ томъ, что, принадлежа къ тому же тайному сообществу, которое называется соціально-революціонной партіей, цѣли которой я описалъ въ предыдущихъ вопросахъ, и для достиженія этихъ цѣлей вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго умысла вы завѣдывали въ качествѣ хозяйки конспиративными квартирами, которыя были устроены для надобностей сообщест. а, и, согласившись на преступленіе 1-го марта, допускали въ своей квартирѣ совѣщанія, причемъ вамъ было извѣстно о проведеніи подкопа по Малой-Садовой. Признаете ли вы себя въ этомъ виновною?

Подс. Гельфманъ. Я признаю себя виновною въ томъ, что по своимъ убѣжденіямъ принадлежу къ соціально-революціонной партіи, принимала участіе въ дѣлахъ этой партіи и раздѣляю программу партіи „Народной Воли“; была хозяйкою конспиративной квартиры, на которой происходили собранія, но въ этихъ собраніяхъ я не участвовала и не принимала активнаго участія въ совершенія преступленія 1-го марта. При этомъ считаю долгомъ заявить, что у меня на квартирѣ, какъ на собраніяхъ, бывшихъ до 1-го марта, такъ и утромъ 1-го марта, Тимоѳей Михайловъ не былъ.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ, вы обвиняетесь въ томъ, что, принадлежа къ партіи тайнаго сообщества, называемой соціально-революціонной партіей, которую я описалъ въ первомъ вопросѣ, и дѣйствуя для достиженія ея цѣлей, вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго умысла: 1) вы принимали участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву 19-го ноября 1879 года полотна желѣзной дороги близь города Александровска, при проходѣ поѣзда, на которомъ слѣдовалъ Государь Императоръ, причемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что необходимую для производства этого взрыва спираль Румкорфа вы доставили одному

изъ главныхъ участниковъ этого преступленія, Андрею Желябову; 2) принимали участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію въ томъ же 1879 году таковаго же взрыва полотна на одесской желѣзной дорогѣ, по которой предполагался проѣздъ Государя Императора, причемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что вы хранили у себя всѣ нужные для совершенія этого преступленія снаряды и пріобрѣли и приспособили спирали Румкорфа; 3) изобрѣли, изготовили и приспособили четыре метательныхъ снаряда, изъ которыхъ два были употреблены въ дѣло, и однимъ изъ нихъ былъ произведенъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія пораненія, за которыми послѣдовала кончина Государя Императора. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Кибальчичъ. Прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, я позволю себѣ опредѣлить тѣ главныя задачи, которыя ставитъ себѣ та партія, къ которой я себя причисляю...

Первоприс. Для суда представляютъ дѣйствительный интересъ только ваши убѣжденія и задачи.

Тогда *подс. Кибальчичъ* подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленіе тайнаго общества, принявшаго наименованіе „Народной Воли“, и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ соціалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ послѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ: „Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не этотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ бы до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти соціалистическаго, а именно: поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально, что

ли, къ дѣятельности партіи, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ цареубійствѣ, а были бы среди городскаго и крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельскохозяйственныхъ орудій, и т. д.“. Затѣмъ подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обстоятельствъ и, на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя, показалъ: „Видя обостреніе борьбы Правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я перечелъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ, старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ, я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою, и, вмѣстѣ съ другими лицами, принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ вещей, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовлять динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террористической дѣятельности ограничивалось исключительно научною, техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ обсужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ, и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5-го февраля, что такой взрывъ будетъ. Я

*

принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ, участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа.

Первоприс. Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали ли вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Подс. Кибальчичъ. Да, конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно. Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала. Такъ, я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во-первыхъ, достигнуть предположенной цѣли, а, во вторыхъ—не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ, и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, минимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ.

Первоприс. По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальчичъ. Я не зналъ, что буду имѣть этотъ случай, поэтому я и коснулся теперь. И такъ, относительно устройства мины, найма помѣщенія, назначенія туда людей и т. п., —въ этомъ я не принималъ участія. Но за нѣсколько дней я узналъ, какой способъ предполагается и гдѣ, узналъ также и время—1-е марта. Относительно метательныхъ снарядовъ я долженъ замѣтить еще слѣдующее. Я вмѣстѣ съ другими лицами былъ на опытѣ, и затѣмъ, какъ выражается Рысаковъ, читалъ лекціи по устройству снарядовъ. Я дѣйствительно дѣлалъ указанія и дѣйствительно былъ на опытѣ, но считаю нужнымъ заявить, что той личности, которая называется Тимоѳеемъ Михайловымъ,

не было ни на опытахъ, ни на чтеніи этихъ лекцій. Вообще я его ни разу не видалъ въ квартирѣ Гельфманъ.

Закончивъ допросъ Кибальчича, первоприсутствующій обратился къ подсудимой Перовской съ вопросомъ, признаетъ ли она себя виновной по предъявленнымъ къ ней обвиненіямъ. На это подсудимая *Перовская* отвѣчала: „Я признаю себя членомъ партіи „Народной Воли“ и агентомъ исполнительнаго комитета. Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія „Народной Воли“ и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища, я замѣчу только одно: партія „Народной Воли“ отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что по порученію исполнительнаго комитета, какъ его агентъ, принимала участіе и въ покушеніи подъ Москвою 19-го ноября 1879года и въ покушеніи 1-го марта нынѣшняго года. Относительно участвующихъ лицъ въ послѣднемъ событіи я могу заявить одно: Гельфманъ, какъ хозяйка конспиративной квартиры, какъ членъ партіи „Народной Воли“, вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Она занималась только распространеніемъ ея программы. Поэтому она не участвовала въ совѣщаніяхъ, которыя собирались для террористическихъ попытокъ, точно также вообще не знала о ходѣ террористической дѣятельности. Относительно подсудимаго Михайлова я должна сказать, что онъ точно также не принималъ участія въ террористической дѣятельности партіи, не готовился въ метальщики и не былъ 1-го марта на квартирѣ, гдѣ собственно рѣшался планъ дѣйствій. Слѣдовательно, въ этомъ фактѣ онъ не принималъ никакого участія.

Первоприс. Въ виду вашего сознанія, я приглашаю васъ изложить подробнѣе ваше фактическое участіе какъ во взрывѣ 19-го ноября, такъ и въ преступленіи 1-го марта.

Подс. Перовская. Я могу только повторить свои показанія...

Первоприс. Вы подтверждаете ваши показанія въ томъ видѣ, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ?

Подс. Перовская. Да, за исключеніемъ только той части показанія, гдѣ говорится о томъ, какъ я объясняла, какимъ образомъ партія „Народной Воли" пришла къ террористической дѣятельности...

Первоприс. Нѣтъ, я говорю относительно фактической части.

Подс. Перовская. Фактическую часть я вполнѣ подтверждаю.

Подсудимый Желябовъ, на предложенный ему первоприсутствующимъ по выводамъ обвинительнаго акта вопросъ о виновности отвѣчалъ: Я признаю себя членомъ партіи „Народной Воли", и эта принадлежность является слѣдствіемъ моихъ убѣжденій. Въ организаторскомъ же отношеніи я состою агентомъ исполнительнаго комитета. Такъ какъ убѣжденія партіи, ея цѣли и средства достаточно подробно изложены моими товарищами, Кибальчичемъ и Перовскою, то я остановлюсь главнымъ образомъ на второй половинѣ моихъ объясненій—на организаціи. Я долго былъ въ народѣ, работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ подсудимый Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ социалистовъ—власти.

Первоприс. Я долженъ предупредить васъ, что я немогу допустить въ вашихъ объясненіяхъ такихъ выраженій, которыя полны неуваженія къ существующему порядку управленія и къ власти, закономъ установленной. Вы можете высказывать ваши убѣжденія, несогласныя съ закономъ, но высказывайте ихъ въ такой формѣ, которая дала бы возможность васъ выслушать.

Подс. Желябовъ. Я это признаю. Какъ человѣкъ, изъ народа вышедшій, для народа работавшій, я такъ понималъ выгоду отъ политической борьбы.

Первоприс. Для суда не нужно знать теоріи, суду нужно знать ваши личныя отношенія къ дѣлу, личныя отношенія этой партіи, къ которой вы принадлежите. Вы, напр., говоря объ организаціи, совершенно правильно замѣтили, что для опредѣленія роли каждаго изъ обвиняемыхъ можетъ имѣть значеніе разъясненіе организаціи, и вотъ въ этихъ предѣлахъ судъ выслу-

таетъ ваше объясненіе; теоретическія же воззрѣнія не могутъ быть предметомъ объясненій на судѣ.

Подс. Желябовъ. Совершенно вѣрно: я могъ бы держаться въ такихъ рамкахъ и къ нимъ возвращусь. Затѣмъ подсудимый вошелъ въ подробныя объясненія существующей будто бы организаціи тайнаго общества, основанной на подчиненіи младшихъ кружковъ старшимъ, сходящимся въ центральный. Послѣ чего Желябовъ продолжалъ: „Перехожу къ моей роли въ настоящемъ дѣлѣ. Я нѣсколько разъ участвовалъ въ подобныхъ предпріятіяхъ и заслужилъ довѣріе центра—исполнительнаго комитета, и вотъ, на этомъ основаніи, мнѣ въ этомъ предпріятіи была отведена роль организатора одной изъ частей предпріятія. Предпріятіе это распадается на подкопъ и на нападеніе съ метательными снарядами, и вотъ нападеніе съ метательными снарядами исполнительнымъ комитетомъ поручено было организовать мнѣ, причемъ исполнительный комитетъ указалъ мнѣ, что добровольцевъ, изъявившихъ согласіе идти на самопожертвованіе, лишь бы цѣль была достигнута,—было всего 47 человѣкъ. Изъ нихъ 19, обусловливавшихъ свое участіе вмѣстѣ съ опытнымъ въ такомъ дѣлѣ человѣкомъ; остальные же выразили безусловное согласіе. Изъ этой категоріи лицъ мнѣ было предоставлено выбрать себѣ сотоварищей и дѣйствовать съ ними съ метательными снарядами, чѣмъ я и занялся, руководствуясь соображеніями не наибольшей ихъ пригодности, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ: я къ этому еще возвращусь, а другими соображеніями...

Первоприс. Я считаю необходимымъ васъ предупредить, дабы не было усложненія дѣла: вы не должны теперь предъявлять объясненія по существу обвинительнаго акта; на это будетъ цѣлое судебное слѣдствіе.

Подс. Желябовъ. Я не б ду возражать противъ обвинительнаго акта. Чтобы поскорѣе кончить съ этимъ вопросомъ, я скажу, что я подобралъ нужное количество лицъ, и замѣчу здѣсь, что количество было уже намѣчено исполнительнымъ комитетомъ, и моя обязанность состояла въ томъ, чтобы выбрать изъ числа этихъ лицъ сотоварищей и представить объ этомъ комитету на утвержденіе. Когда было утверждено, я вмѣстѣ съ этими лицами приступилъ къ исполненію. Я, для нападенія съ метательными сна-

рядами, пригласилъ къ себѣ единственно Рысакова; отношенія же мои къ Михайлову я выясню впослѣдствіи; теперь же я утверждаю, что Михайловъ, если, по словамъ Рысакова, и имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ дѣлу, то дѣлалъ это безъ моего вѣдома, послѣ моего ареста, и, во всякомъ случаѣ, это такой шагъ, который въ организаторскомъ отношеніи считается преступленіемъ. Теперь о подкопѣ. Совершенно вѣрно сказалъ Рысаковъ, что онъ ничего не зналъ о подкопѣ, это такъ и должно быть, потому что подкопъ велся въ интересахъ осторожности совершенно отдѣльно отъ нападенія съ метательными снарядами. Собственно нападавшіе могли знать о подкопѣ, могли участвовать въ немъ, но только въ томъ случаѣ, если группа, ведшая подкопъ, оказывала имъ довѣріе—это ихъ частное соглашеніе. Скажу отъ себя, что Рысакова изъ участниковъ подкопа, которыхъ я не стану называть, никто не зналъ, и, оставляя на мою отвѣтственность привлеченіе того или другаго дѣятеля въ качествѣ метальщика, они бы, конечно, никогда не допустили, чтобы неизвѣстный человѣкъ принялъ участіе въ подкопѣ. Если это можно сказать относительно Рысакова, то то же самое относится и еще съ большимъ основаніемъ къ Михайлову, который о подкопѣ не могъ знать ровно ничего: это было бы младенчествомъ въ революціонномъ веденіи дѣла, а мы уже кое-что пережили. Для того, чтобы мой отвѣтъ на обвиненіе, изложенное въ обвинительномъ актѣ, было опредѣленнѣе, я теперь возвращусь къ самой формулировкѣ обвинительнаго акта. Я не признаю себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному сообществу, состоящему изъ шести человѣкъ и нѣсколькихъ другихъ, такъ какъ сообщества здѣсь нѣтъ; здѣсь подборъ лицъ, совершенно случайный, производившійся по мѣрѣ ареста лицъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ принимали самое дѣятельное участіе и играли видную роль въ революціонныхъ дѣлахъ по различнымъ отраслямъ, но они не составляютъ сообщества по данному предпріятію. Михайловъ этому дѣлу человѣкъ совершенно посторонній. Рысаковъ свои отношенія къ организаціи опредѣлилъ вѣрно: онъ состоялъ членомъ агитаціонной рабочей группы, которая относилась къ исполнительному комитету какъ его развѣтвленіе, какъ одна изъ отраслей. Данные

обвиняемые обвиняются въ устройствѣ подкопа на Малой Садовой.

Первоприс. Я предложилъ вамъ вопросъ о васъ, и вы высказали свой взглядъ на организацію и отношенія ваши къ этой организаціи: этимъ вамъ и слѣдуетъ ограничиться.

Подс. Желябовъ. Если я и отклоняюсь, то это потому, что, во-первыхъ, объясненія подсудимыхъ касались частію теоретической стороны, и, во-вторыхъ, потому, что, говоря шестымъ, я не могу безъ повторенія быть систематичнымъ въ изложеніи. Мои отношенія къ подкопу были таковы: я зналъ о немъ и принималъ участіе какъ чернорабочій, рылъ землю, но участіе мое кончилось въ ночь со вторника на среду, и это я докажу показаніями свидѣтелей, и такъ какъ я былъ чернорабочимъ, то конечно я зналъ о подкопѣ, зналъ лицъ, производившихъ его, и т. д.

Первоприс. А въ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Моя роль тамъ была такая: въ Харьковѣ были сдѣланы кое-какія подготовительныя работы, но предпріятіе было рѣшено не такъ, какъ показываетъ Гольденбергъ, а исполнительнымъ комитетомъ 26-го августа въ Петербургѣ. Для этого рѣшены были желѣзно-дорожныя предпріятія отъ Симферополя на Харьковъ, отъ Харькова на сѣверъ къ Петербургу и на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ; выборъ мѣста и всѣ остальныя подробности плана не могли быть рѣшены 26-го августа, но распредѣленіе лицъ было сдѣлано тогда же. Я—южанинъ, знаю хорошо мѣстныя условія, и, по нѣкоторымъ еще другимъ соображеніямъ, я хотѣлъ дѣйствовать на югѣ и просилъ, чтобы мнѣ отвели мѣсто въ южныхъ предпріятіяхъ. Въ нихъ я и былъ участникомъ. Такъ, въ Александровскомъ, когда оказалась невозможность нападенія въ Крыму, я осматривалъ желѣзно-дорожный путь отъ Симферополя, намѣтилъ пунктъ подъ Александровскомъ и изъ Харькова извѣстилъ объ этомъ исполнительный комитетъ, спрашивая: могу ли я разсчитывать на средства, а также и на участіе. Мнѣ отвѣчали, что участники есть и что я могу, не стѣсняясь средствами, начинать. Для цѣли организовать предпріятіе, я отправился въ Харьковъ, гдѣ кромѣ меня находился Колоткевичъ и еще нѣкоторые другіе члены партіи, о которыхъ вы услышите на послѣдующемъ судѣ. Мы должны были обсудить

предпріятіе коллегіально. Письмо мое въ Петербургъ было выраженіемъ не только моихъ личныхъ предположеній, но также и ихъ. Отвѣтъ исполнительнаго комитета былъ обсужденъ нами также коллективно. Затѣмъ исполнительный комитетъ ассигновалъ средства, назначилъ агентовъ, и я съ ними вмѣстѣ, а также при содѣйствіи новыхъ лицъ, исполнительному комитету неизвѣстныхъ и привлеченныхъ на мой страхъ: таковы были Окладскій и Яковъ Тихоновъ, отправились устраивать покушеніе подъ Александровскомъ. До этихъ поръ я въ Александровскѣ никогда не былъ. По полученіи отвѣта отъ исполнительнаго комитета чтобы начинать, я пріѣхалъ 1-го октября въ Александровскъ изъ Харькова. День былъ ярмарочный. Въ дознаніи есть показаніе свидѣтеля Сагайдака, который указываетъ обстоятельство моего пріѣзда, но вѣроятно онъ не вызывался въ судъ, потому что это свѣдѣніе не интересно, поэтому и я его не опасаюсь, а скажу только, что, явившись въ городъ съ предположеніемъ устроить кожевенный либо мыловаренный заводъ, или макаронную фабрику, я дѣлалъ это просто какъ предлогъ; въ дѣйствительности же я пріѣхалъ, чтобы зондировать почву. Изъ разговора съ свидѣтелемъ я узналъ, что кожевенный заводъ будетъ тамъ умѣстенъ, и я на другой же день подалъ въ управу заявленіе о желаніи устроить заводъ и просилъ объ отводѣ подъ него земли на аренду. Объ этомъ состоялось постановленіе городской думы. Въ промежутокъ этого времени я съѣздилъ въ Харьковъ и вмѣстѣ съ остальными участниками, прибывшими туда, я устроился въ квартирѣ Бовенка. Это было 7-го октября. Я выѣхалъ оттуда 23-го ноября, и за все это время велъ подготовительныя работы и устройство кожевеннаго завода ничуть не прекращалось. Затѣмъ обстоятельство закладки мины подъ Александровскомъ фактически изложено совершенно вѣрно въ обвинительномъ актѣ, и я также подтверждаю это... Можетъ быть для суда важно, чтобы я подтвердилъ, что утромъ 18-го ноября я вмѣстѣ съ другими участниками выѣхалъ на повозкѣ къ мѣсту, гдѣ была заложена мина—это громаднѣйшій оврагъ: по отвѣсу 11 саженъ, по откосу больше; вотъ въ этомъ мѣстѣ было заложено два снаряда по такому разсчету, чтобы они обхватывали цѣлый поѣздъ. Намъ извѣстно было, сколько вагоновъ

должно быть въ Царскомъ поѣздѣ, и обѣ эти мины захватывали собою поѣздъ опредѣленнаго количества вагоновъ. Итакъ, утромъ 18-го ноября, получивъ ранѣе извѣщеніе отъ Прѣснякова о томъ, что Царскій поѣздъ выѣдетъ такого-то числа, или, правильнѣе сказать, не получивъ извѣщенія, такъ какъ, по предшествовавшему уговору, неполученіе извѣстія должно было означать, что измѣненій нѣтъ, т.-е., что поѣздъ выѣжаетъ въ день, который былъ извѣстенъ намъ ранѣе,—это я указываю потому, что мнѣ придется еще сказать, что Прѣснякова въ Александровскѣ не было... Такъ вотъ, 18-го ноября, судя по признакамъ, мы не сомнѣвались, что поѣздъ прослѣдуетъ въ опредѣленный часъ, и мы стояли на мѣстѣ, и хотя внѣшніе признаки поѣзда заставляли сомнѣваться, чтобы это былъ поѣздъ Царскій, тѣмъ не менѣе подъ поѣздомъ были сомкнуты батареи согласно тому, какъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Я замкнулъ батарею, т.-е. соединилъ токи, но взрыва не послѣдовало. Оттуда мы отправились для кое-какихъ опытовъ, чтобы распознать причину невзрыва. Спустя нѣкоторое время мы вынули проводники, а снаряды оставили подъ рельсами, такъ какъ наши техники давали ручательства, что по меньшей мѣрѣ въ продолженіи двухъ лѣтъ взрыва не послѣдуетъ. Въ то время начались уже заморозки, выпалъ снѣгъ, производить раскопку не было возможности; снаряды же могли намъ пригодиться весною—по всему этому мы ихъ и оставили. Въ обвинительномъ актѣ совершенно вѣрно сказано, согласно показанію Бовенко, что раньше уѣхала моя хозяйка, затѣмъ другіе участники, наконецъ 28-го ноября выѣхалъ и я изъ Александровска. Вотъ всѣ мои отношенія къ Александровскому предпріятію. Больше я ничего не имѣю сказать.

Первоприс. Г. судебный приставъ, пригласите свидѣтелей.

Тов. прокур. Муравьевъ. Нѣкоторыя изъ показаній, только что данныхъ подсудимыми, имѣютъ значеніе полнаго сознанія, и въ виду ихъ не предстоитъ необходимости въ провѣркѣ всѣхъ доказательствъ, которыми прежде обвинительная власть предполагала воспользоваться. Дабы обсудить вліяніе, которое эти показанія должны оказать на ходъ судебнаго слѣдствія, мнѣ было бы желательно имѣть

въ распоряженіи приблизительно четверть часа времени, чтобы предъявить свое заключеніе Особому Присутствію Правительствующаго Сената, и о предоставленіи мнѣ этого времени я ходатайствую.

Первоприсутствующій объявилъ перерывъ засѣданія на четверть часа.

По возобновленіи засѣданія.

Прокуроръ. Вызывавшіеся по настоящему дѣлу свидѣтели, по содержанію данныхъ ими при изслѣдованіи этого дѣла показаній, могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Изъ нихъ одна относится къ удостовѣренію самаго событія злодѣянія 1-го марта; ко второй группѣ относятся свидѣтели, вызванные для удостовѣренія извѣстныхъ обстоятельствъ, служащихъ, по мнѣнію обвиненія, къ изобличенію подсудимыхъ. Въ показаніяхъ, данныхъ подсудимыми, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ значеніе сознанія, фактическая сторона событія 1-го марта не отрицается и нѣтъ указанія подсудимыхъ на то, чтобы обвинительный актъ въ этомъ отношеніи былъ изложенъ невѣрно. Это даетъ мнѣ основаніе предполагать, что по отношенію къ событію преступленія 1-го марта между сторонами можетъ состояться соглашеніе по предмету исключенія изъ состава свидѣтелей, кромѣ одного, котораго я потомъ назову, всѣхъ тѣхъ, показаніями которыхъ удостовѣряется событіе 1-го марта. И такъ если противною стороною будетъ признано, что событіе преступленія изложено въ обвинительномъ актѣ съ фактической стороны вѣрно и согласно съ показаніями свидѣтелей, данными при изслѣдованіи этого дѣла, и если вслѣдствіе этого мнѣ, какъ представителю обвинительной власти, будетъ разрѣшено въ моей рѣчи излагать это событіе въ этихъ указанныхъ мною предѣлахъ, то подъ этимъ условіемъ я отказываюсь отъ допроса всѣхъ свидѣтелей, удостовѣряющихъ событіе, за исключеніемъ свидѣтеля, отставнаго рядоваго Павлова, котораго прошу допросить. Что касается до второй группы свидѣтелей, то въ виду сознанія подсудимыхъ, признавая, что многія обстоятельства вполнѣ выяснены и не нуждаются въ дальнѣйшемъ разъясненіи, я нахожу возможнымъ отказаться отъ допроса значительнаго количества свидѣтелей и укажу на тѣхъ, которыхъ прошу допросить. Кромѣ

Павлова, я прошу допросить слѣдующихъ свидѣтелей: Ермолину, Бека, Холотковскую, Смѣлкову, Самойлова, Ульянова, Дмитріева, Гордина, Артамонову, Даровскую, Пѣтушкова, Аѳанасьева, Кулаковскую, Широкова и Булатова, а затѣмъ желаю воспользоваться показаніемъ Гольденберга и впослѣдствіи буду просить прочесть извѣстныя части его показанія. Затѣмъ, въ виду показанія подсудимаго Желябова, я отказываюсь отъ допроса двухъ послѣднихъ экспертовъ—Прохорова и Шарапова. Остальныхъ девять экспертовъ прошу спросить; затѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ свидѣтелей отказываюсь.

Прис. пов. Унковскій. Я долженъ заявить суду, что подсудимый Рысаковъ согласенъ на то, чтобы требованіе г. прокурора было удовлетворено, но я, какъ защитникъ, нахожу нужнымъ спросить еще, сверхъ указанныхъ г. прокуроромъ свидѣтелей, рядовыхъ Макарова и Евченко, фельдшера Горохова и городоваго Несговорова, потому что подсудимому всего 19 лѣтъ, и ему приписываются такія дѣйствія, въ которыхъ онъ сознанія не заявлялъ, а именно, что будто бы онъ смѣялся при задержаніи и сказалъ: „Еще слава ли Богу"...

Присяж. пов. Хартулари. Мнѣ кажется, что ходатайство г. прокурора подлежало бы безусловному удовлетворенію, и едва ли стороны встрѣтили бы къ тому препятствіе, если бы фактъ преступленія и даже отдѣльные факты, предшедствовавшіе ему, не выяснились свидѣтельскими показаніями. Разсмотримъ относящуюся къ ходатайству г. прокурора 681 ст. устава уголовнаго судопроизводства, разъясненную Правительствующимъ Сенатомъ по дѣлу Матарова. Такъ какъ дѣло лишь отчасти выяснилось допросомъ обвиняемыхъ и оказалось, что безусловнаго сознанія не существуетъ, что есть нѣкоторыя видоизмѣненія фактической стороны дѣла, есть показанія подсудимыхъ, которыя могутъ быть провѣрены свидѣтельскими показаніями, то для разрѣшенія вопроса достаточно обратиться къ указанному мною рѣшенію Сената, въ которомъ говорится, что при сознаніи только нѣкоторыхъ подсудимыхъ не можетъ быть и возбужденъ вопросъ о непроизводствѣ судебнаго слѣдствія. Въ доказательство этого положенія я могу сослаться на весьма вѣское обстоятельство: въ числѣ свидѣтелей, устраненія которыхъ желаетъ г. прокуроръ въ ви-

дахъ сокращенія судебнаго слѣдствія, является Ермолина, показаніе которой весьма важно.

Первопрес. Г. прокуроръ заявилъ ходатайство о спросѣ этой свидѣтельницы.

Прис. пов. Хартулари. Въ такомъ случаѣ я беру назадъ... Затѣмъ свидѣтель Гординъ...

Первоприс. Г. прокуроръ желаетъ и его спросить. При разрѣшеніи возбужденнаго вами вопроса, Особое Присутствіе признаетъ необходимымъ имѣть отъ васъ категорическій отвѣтъ: согласны ли вы на удовлетвореніе ходатайства г. прокурора или нѣтъ?

Прис. пов. Хартулари. Я не могу категорически заявить согласіе и предоставляю разрѣшить этотъ вопросъ самому Особому Присутствію.

Прис. пов. Герке. Я считаю существеннымъ показаніе Рейнгольда и Норманда. Затѣмъ я ничего не имѣю противъ ходатайства г. прокурора.

Прис. пов. Герардъ. Я вовсе не желаю допроса свидѣтелей.

Прис. пов. Кедринъ. Я согласенъ, чтобы изъ свидѣтелей были допрошены только тѣ, которые указаны г. прокуроромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я позволю себѣ возобновить мое ходатайство о допросѣ вызваннаго мною свидѣтеля.

Первоприс. Этотъ вопросъ будетъ подлежать обсужденію Особаго Присутствія и завтра вы получите отвѣтъ.

Подс. Желябовъ. Я не ожидалъ такого заявленія со стороны г. прокурора, т. е. отвода свидѣтелей, а потому теперь затрудняюсь сказать, какія свидѣтельскія показанія имѣютъ существенное значеніе. Весьма возможно, что, отвѣчая на такую новую комбинацію, я просмотрю нѣкоторыхъ свидѣтелей, которыхъ раньше находилъ нужнымъ спросить.

Первоприс. Не находите ли вы необходимымъ, чтобы вамъ было предоставлено нѣкоторое время для обсужденія этого вопроса?

Подс. Желябовъ. Я хотѣлъ бы спросить свидѣтеля Коха, затѣмъ Макарова, Евченко и Назарова. Мнѣ они нужны для того, чтобы удостовѣрить, что толпа была разъярена и Кохъ оборонялъ Рысакова. Если подсудимые, въ томъ числѣ и я, не коснулись изложенія фактической стороны событія, то потому, что считали себя не вправѣ этого касаться. Я

коснулся бы можетъ быть весьма многаго, но я не зналъ своего права, поэтому нельзя ссылаться на наше умолчаніе, какъ на полное соглашеніе съ изложеніемъ фактической стороны дѣла въ обвинительномъ актѣ. Такъ, на 2-й страницѣ сказано, что метательный снарядъ былъ брошенъ сзади, хотя это опровергается свидѣтелемъ Павловымъ.

Первоприс. Какое ваше заявленіе относительно размѣровъ производства судебнаго слѣдствія?

Подс. Желябовъ. Кромѣ указанныхъ мною, я прошу еще спросить Рейнгольда, Самойлова и Ульянова.

Первоприс. Что вы имѣете заявить по поводу указанія г. прокурора относительно производства судебнаго слѣдствія о покушеніи на взрывъ подъ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Для упрощенія дѣла я согласенъ не спрашивать Бовенко и его жену.

Первоприс. Другіе подсудимые не имѣютъ ли чего по этому вопросу?

Подсудимые ничего не заявили.

Первоприс. Не имѣютъ ли подсудимые что-нибудь возразить по вопросу о непроизводствѣ судебнаго слѣдствія по предмету взрыва подъ Москвой?

Подсудимые ничего не имѣютъ.

Затѣмъ г. прокуроръ просилъ еще спросить свидѣтеля Рудыковскаго, а подсудимый Желябовъ—Кюстера.

Послѣ совѣщанія, первоприсутствующій объявилъ, что Особое Присутствіе, въ виду сдѣланныхъ сторонами заявленій, признаетъ возможнымъ не производить судебнаго слѣдствія по обвиненію подсудимыхъ Желябова—въ покушеніи ко взрыву подъ Александровскомъ; Перовской—въ производствѣ взрыва подъ Москвой и Кибальчича—въ приготовленіи ко взрыву подъ Одессой, а также отстраняетъ изъ числа экспертовъ гг. Прохорова и Шарапова и нѣсколькихъ свидѣтелей.

Послѣ этого были приглашены свидѣтели и эксперты въ залу засѣданія, спрошены и приведены къ присягѣ, за исключеніемъ свидѣтеля Михайлова, роднаго брата подсудимаго, вызваннаго по просьбѣ послѣдняго. На объясненіе г. первоприсутствующаго, что свидѣтель, по закону, какъ братъ подсудимаго, имѣетъ право отказаться отъ своего показанія, Михайловъ заявилъ, что онъ можетъ показать,

о чемъ его спросятъ. Напомнивъ всѣмъ свидѣтелямъ и экспертамъ святость присяги и отвѣтственность за ложное показаніе, г. первоприсутствующій объявилъ перерывъ для обѣда на два часа.

Засѣданіе 26-го марта 1881 года, вечеромъ.

По возобновленіи засѣданія въ 8 часовъ вечера, первоприсутствующій, съ согласія сторонъ, предложилъ экспертамъ остаться въ залѣ и внимательно прослушать все слѣдствіе, чтобы дать потомъ заключеніе. Свидѣтелямъ, которыхъ не предполагалось спросить въ настоящее засѣданіе, было разрѣшено удалиться изъ зданія суда. Послѣ этого судъ приступилъ къ допросу оставленныхъ свидѣтелей, причемъ каждому первоприсутствующій передъ допросомъ напоминалъ о данной имъ присягѣ.

Введенъ свидѣтель *Флоръ Сергѣевъ* (лейбъ-кучеръ усопшаго Государя Императора), который показалъ: Когда я подалъ карету къ подъѣзду Зимняго Дворца, покойный Государь вышелъ и сказалъ: „въ Михайловскій манежъ, чрезъ Пѣвческій мостъ". Какъ прежде ѣздили, такъ и въ этотъ разъ тою-же дорогой поѣхали. Изъ манежа Государь приказалъ ѣхать въ Михайловскій Дворецъ. Вмѣстѣ съ Государемъ сѣлъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Изъ Михайловскаго Дворца Государь вышелъ одинъ и приказалъ мнѣ: „Домой, и той же дорогой". Когда я поѣхалъ на Екатерининскую канаву, то пустилъ лошадей очень шибко. Вдругъ я услышалъ взрывъ сзади. Передъ этимъ я ничего особеннаго не замѣтилъ; народу не видалъ. Государь сказалъ: „Стой". Вышелъ изъ лѣвой дверцы и пошелъ назадъ; я повернулъ лошадей и подъѣхалъ ближе къ публикѣ. Потомъ второй взрывъ сдѣлался, и вскорѣ поднесли къ каретѣ Государя Императора. Тутъ кто говоритъ нельзя везти въ каретѣ, кто говоритъ надо на извозчика... я хорошенько не помню; уже потомъ мнѣ велѣли отъѣзжать прочь. Я отъѣхалъ и погналъ лошадей домой. Когда пріѣхалъ, то говорю начальнику, что въ Государя Императора выстрѣлили и ранили ноги... Не помню, что въ то время я говорилъ. Потомъ начальникъ пріѣхалъ обратно изъ Дворца и сказалъ, что Государь скончался.

Свид. капитанъ Кохъ показалъ, что когда въ Бозѣ почившій Государь изволилъ выѣхать изъ Дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны въ 2 часа 30 минутъ, то карета направилась по Инженерной улицѣ и повернула направо по Екатерининскому каналу. Карету сопровождали: конвой, полиціймейстеръ Дворжицкій и свидѣтель, ѣхавшій вплотную съ Дворжицкимъ. Когда Государь изволилъ доѣхать до половины протяженія Михайловскаго сада, раздался взрывъ. Я, продолжалъ свидѣтель, выскочилъ изъ саней, побѣжалъ по направленію къ экипажу Его Величества и увидѣлъ, что Государь выходитъ изъ кареты съ правой стороны и наклонился къ одному изъ раненыхъ. Въ то же время я увидѣлъ бѣгущаго мнѣ на встрѣчу неизвѣстнаго человѣка, котораго я остановилъ,—не помню, одинъ или съ кѣмъ-нибудь еще. Затѣмъ вижу, что Государь Императоръ въ сопровожденіи Дворжицкаго и еще нѣсколькихъ лицъ приближается къ преступнику. У преступника, пока Государь подходилъ къ нему, успѣли отобрать револьверъ и кинжалъ въ чехлѣ. Въ промежутокъ времени, какъ былъ задержанъ неизвѣстный и пока приближался Государь, я успѣлъ спросить преступника, кто онъ такой, и онъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ. Когда же я его спросилъ, онъ ли произвелъ взрывъ?—онъ отвѣтилъ: „Я, ваше благородіе". Государь, подойдя, изволилъ спросить: „Этотъ?" Я назвалъ фамилію преступника. Государь произнесъ: „Хорошо", и повернулся назадъ. За Нимъ слѣдовалъ полковникъ Дворжицкій и нѣсколько другихъ лицъ, а часть людей осталась при преступникѣ. Покойный Государь Императоръ отошелъ не болѣе шести или семи шаговъ, какъ раздался снова страшный взрывъ, отъ котораго я потерялъ память. Черезъ нѣсколько секундъ, очнувшись, я подбѣжалъ къ экипажу Государя и спросилъ кучера Фрола: „Гдѣ Императоръ"? Фролъ сказалъ, что Онъ раненъ, и указалъ по направленію, гдѣ находился Государь. Я подбѣжалъ и увидѣлъ Государя Императора на рукахъ у казаковъ, безъ шапки, раненаго, съ окровавленными ногами. Когда я замѣтилъ, что Государь Императоръ опасно раненъ, я бросился къ преступнику, увидѣлъ, что его держатъ четверо, и потомъ пошелъ къ Театральному мосту. Не помню, кто-то меня взялъ и привелъ къ графу Лорисъ-Меликову.

Отъ сильной головной боли я хорошо не могъ помнить и отчетливо сознавать подробностей.

Прок. Государь Императоръ, какъ вы говорили, изволилъ наклониться надъ однимъ изъ раненыхъ. Не былъ ли это раненый мальчикъ?

Свид. Кохъ. Не могу припомнить.

В. Вы видѣли, что Государь Императоръ наклонился надъ раненымъ?—*О.* Да, видѣлъ и потомъ онъ поднялся и пошелъ.—*В.* Сколько всего было раненыхъ при первомъ взрывѣ?—*О.* Помню двухъ казаковъ.

Первоприс. Подсудимые, я не буду предлагать вамъ послѣ каждаго свидѣтельскаго показанія и вообще послѣ каждаго доказательства, предъявленнаго на судѣ, дѣлать ваши замѣчанія, и заявляю, что это ваше право и что вы можете заявлять мнѣ о своемъ желаніи дать объясненіе по всякому доказательству.

Подс. Желябовъ. Я просилъ бы объяснить мнѣ маленькую формальность: долженъ ли стоять или сидѣть, дѣлая заявленіе?

Первоприс. Обращаясь къ суду, вы должны давать объясненія стоя.

Затѣмъ на предложенные вопросы *свид. Кохъ* объяснилъ: Когда я убѣдился, что преступникъ въ рукахъ народа и увидѣлъ Государя въ такомъ состояніи, то побѣжалъ къ мосту, гдѣ увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ держатъ какого-то господина въ золотыхъ очкахъ, и, повидимому, народъ хотѣлъ съ нимъ расправиться. Тогда я его отвелъ отъ толпы и приказалъ передать въ руки полиціи.

Прис. пов. Унковскій Не помните ли, свидѣтель: Рысаковъ самъ растегнулся и показалъ кинжалъ?

Свид. Кохъ. Нѣтъ, я приказалъ его обыскать; изъ боковаго кармана пальто у него вынули револьверъ, а затѣмъ съ груди кинжалъ въ чехлѣ. Ни того, ни другаго онъ не могъ вынуть самъ, такъ какъ его держали за руки.

Подс. Рысаковъ. Я солдатамъ объяснилъ, что у меня есть револьверъ и кинжалъ, который висѣлъ на ремнѣ. Его взяли у меня у градоначальника.

Свид. Кохъ. Я помню, что былъ кинжалъ въ чемъ-то, но кто передалъ кинжалъ и револьверъ полиціймейстеру Дворжицкому—не знаю.

Свидѣтелю предъявленъ кинжалъ, который, по осмотрѣ, онъ призналъ за отобранный у Рысакова.

Подсудимый *Рысаковъ* призналъ этотъ кинжалъ за тотъ, который у него былъ 1-го марта.

Подс. Желябовъ. На дознаніи есть показаніе, что свидѣтель обнажилъ саблю.

Первоприс. (свидѣтелю). Что заставило васъ обнажить саблю?

Свид. Кохъ. Въ первый моментъ я обнажилъ саблю, предполагая, что народъ будетъ рвать преступника, но затѣмъ я тотчасъ же вложилъ ее въ ножны.

Прис. пов. Унковскій. Кромѣ тѣхъ словъ Рысакова, о которыхъ вы упомянули, вы ничего болѣе отъ него не слыхали?

Свид. Кохъ. Онъ сказалъ: „Я, ваше благородіе, произвелъ взрывъ", и затѣмъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ.

Прок. На основаніи 626 ст. уст. угол. суд. и состоявшагося опредѣленія Особаго Присутствія, имѣю честь ходатайствовать о прочтеніи показанія полковника Дворжицкаго, не явившагося на судъ по законной причинѣ.

Прочитано слѣдующее показаніе полковника Дворжицкаго: „Вчера, 1-го марта, около 2-хъ часовъ пополудни, Государь Императоръ выѣхалъ въ каретѣ изъ Михайловскаго Дворца и поѣхалъ по Инженерной улицѣ, гдѣ при поворотѣ направо по набережной Екатерининскаго канала обогналъ взводъ 8-го флотскаго экипажа, который отдалъ Государю честь съ барабаннымъ боемъ. Я ѣхалъ вслѣдъ за каретою государя, въ разстояніи не болѣе двухъ саженъ, позади двухъ конвоировъ-казаковъ. Кучеръ Государя ѣхалъ очень шибко. На разстояніи около 50-ти саженъ отъ угла Инженерной улицы, въ то время, какъ съ лѣвой стороны у рѣшетки набережной шелъ какой-то человѣкъ, а съ другой шелъ солдатъ, подъ каретой Государя раздался ужасный взрывъ, распространившійся какъ бы вѣеромъ. Я въ это время стоялъ въ саняхъ и отъ взрыва упалъ на кучера, такъ какъ лошади мои, взвившись на дыбы, моментально остановились. Оглянувшись инстинктивно назадъ, я увидѣлъ солдатъ, хватавшихъ какого-то человѣка. Бросившись къ каретѣ Государя, я отворилъ дверцу

Его Величеству и заявилъ, что преступникъ задержанъ, а затѣмъ предложилъ Государю взять мои сани и прослѣдовать во Дворецъ. Но Государь изволилъ пожелать прежде посмотрѣть на задержаннаго, и, въ сопровожденіи меня, по тротуару, около рѣшетки канала, направился назадъ къ тому мѣсту, гдѣ находился преступникъ, схваченный въ разстояніи шаговъ 18—20 отъ остановившагося экипажа. Подойдя къ задержанному, около котораго уже стояла толпа народа, я опередилъ Государя, и, подойдя къ задержанному, вынулъ у него изъ-за борта на лѣвую сторону застегнутаго пальто — револьверъ, а одинъ изъ солдатъ въ то же время вынулъ изъ боковаго наружнаго кармана пальто небольшой кинжалъ съ позолотою. Государь Императоръ, подойдя къ нему, изволилъ спросить, кто онъ такой, причемъ задержанный отвѣтилъ: „Мѣщанинъ" и назвалъ свою фамилію, но какую именно—я теперь не упомню. Государь, стоявшій на панели канала и говорившій съ преступникомъ въ полъ-оборота, повернулся и, сдѣлавъ два шага по направленію къ экипажу, обратился ко мнѣ съ приказаніемъ показать ему мѣсто взрыва. Въ это время толпа народа находилась на набережной около преступника. На всемъ же пространствѣ по ширинѣ улицы и ближе къ экипажу я никого не замѣтилъ. Затѣмъ, получивъ приказаніе Государя, я сдѣлалъ не болѣе двухъ шаговъ къ мѣсту взрыва; Государь же остановился на панели. Въ это время раздался вторичный взрывъ, повидимому, около правой ноги Государя, т. е. со стороны улицы. Я услышалъ оглушительный звукъ взрыва. Меня точно обдало кипяткомъ и я получилъ такой толчокъ въ спину, что сдѣлавъ невольно шага два впередъ— упалъ на руки. Падая, я замѣтилъ какую-то женщину въ черномъ бурнусѣ, бросившуюся бѣжать къ Театральному мостику. Въ это же время я услышалъ за собою голосъ Государя, сказавшаго кажется слово: „Помогите". Вскочивъ и обернувшись, я подбѣжалъ къ Нему. Онъ находился въ полусидящемъ положеніи на тротуарѣ канала, спиною къ толпѣ народа и къ задержанному, а лицомъ къ Театральному мостику. Схвативъ Государя подъ руки, въ предположеніи, что онъ только раненъ, я увидѣлъ, что обѣ его ноги были обнажены; кровь сильно струилась и тѣло висѣло кусками. Тогда, опустивъ тяжело дышавшаго и бывшаго

безъ сознанія Государя, я крикнулъ о помощи. Когда нѣсколько подбѣжавшихъ и, повидимому, раненыхъ взрывомъ лицъ подняли Государя и понесли по направленію къ каретѣ, подъѣхалъ Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и такъ какъ въ карету, поврежденную уже первымъ взрывомъ, положить Государя Императора было нельзя, Его помѣстили въ мои сани, въ которыя сѣлъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и еще какой-то офицеръ. Затѣмъ я, какъ израненый, ослабѣлъ; со мной сдѣлалось дурно и я былъ отправленъ домой.

Свид. Козьменко (рядовой терскаго эскадрона конвоя Его Величества) показалъ: Мы шли изъ Исаакіевскаго собора; не доходя моста услыхали выстрѣлъ и побѣжали. Какой-то голосъ сказалъ, что стрѣляютъ въ Государя Императора. Когда я вскочилъ на мостикъ, вижу карету и на козлахъ сидитъ кучеръ. Такъ какъ я его зналъ, то спросилъ: „Фролъ Сергѣевичъ, гдѣ Государь Императоръ"? Онъ указалъ рукой на панель. Я побѣжалъ. Государь былъ окруженъ, но кѣмъ—не помню. Я сказалъ: „Ваше Императорское Величество, Вы здоровы"? Они ничего не сказали. Я побѣгъ къ преступнику, у котораго солдаты при мнѣ взяли кинжалъ и револьверъ. Я обратно вернулся, но когда сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, раздался взрывъ и меня откинуло. Я вскочилъ и побѣгъ до Государя Императора. Его держали казаки. Подошелъ и я и сказалъ: „Ваше Императорское Величество, позвольте Вашу руку". Онъ поднялъ правую руку и положилъ мнѣ на плечо. Мы подняли Его Величество и стали сходить съ панели. Въ это время подъѣхалъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ и кинулся къ намъ. Когда увидѣли Они, то прослезились и приказали: „Несите за мной къ каретѣ". Когда поднесли, то я сказалъ, что въ карету нельзя положить, и просилъ позволить намъ нести Его Величество. Послѣ этого подали сани, въ которыя мы посадили Государя. Мы поддерживали Его Величество съ боковъ, а ротмистръ Кулебякинъ сталъ спиной къ кучеру и поддерживалъ ноги Государя. Потомъ еще какой-то солдатикъ стоялъ сзади саней. Какой-то офицеръ снялъ фуражку, а я снялъ каску съ Его Величества и надѣлъ эту фуражку, и этотъ же офицеръ далъ

шинель. Я держалъ руку передъ глазами Государя, чтобы не закидывало снѣгомъ. Дорогой Его Величество спросили ротмистра Кулебякина: „Ты раненъ"?—Г. ротмистръ молчитъ. Государь въ другой разъ спросили, и я сказалъ г. ротмистру, что его изволитъ спрашивать Государь. Тогда онъ отвѣтилъ Его Величеству: „Обо мнѣ нѣтъ словъ, я легко раненъ", и самъ заплакалъ. Потомъ Его Величество болѣе ничего не говорили. Когда пріѣхали во Дворецъ, то мы внесли Его въ покои и положили на койку.

Свид. Луценко (рядовой терскаго эскадрона конвоя Его Величества), объяснивъ, что плохо слышитъ, вслѣдствіе полученнаго 1-го марта поврежденія головы, показалъ: ѣхали мы изъ Михайловскаго Дворца и повернули по Екатерининскому каналу. Встрѣчался народъ и отдавалъ честь. Нельзя было замѣтить какого-нибудь дурнаго человѣка. По каналу народу было немного. Встрѣтился мальчикъ съ савками, на которыхъ была корзина. Мы проводили его глазами, и я не успѣлъ повернуться, какъ сдѣлался взрывъ. Я глянулъ въ карету я увидалъ, что Его Величество наклонился и потомъ вышли изъ кареты и пошли. Я повернулъ лошадь, соскочилъ съ нея и побѣжалъ къ Государю Императору. Они подходили къ преступнику. Я не слыхалъ, что онъ отвѣчалъ. Когда Государь отвернулся отъ преступника, то черезъ нѣсколько шаговъ раздался новый взрывъ подъ ногами самого Государя. Тутъ, я не припомню кто, ухватилъ Его подъ руки. Я съ лѣвой стороны подскочилъ—и мы подняли Его на руки, и казакъ Козьменко тутъ же подскочилъ, и командиръ нашъ. Шагнули шагъ, и Его Высочество Михаилъ Николаевичъ подбѣжалъ. У него сильно слезы полились. Въ карету нельзя было посадить. Ноги были сильно разбиты. Тогда подали сани полковника Дворжицкаго. Мы посадили Государя. Я съ лѣвой стороны, Козьменко съ правой, и сзади не помню кто, а ротмистръ Кулебякинъ держалъ ноги Государя. Когда мы въѣхали на мостикъ, Его Величество изволили спросить г. Кулебякина: «Ты раненъ"? а онъ ничего не говоритъ; Государь повторилъ: „Ты раненъ"? и ротмистръ отвѣтилъ: «Объ насъ словъ нѣтъ: Васъ, Государь, жаль». На это Его Величество ничего не отвѣтили. Привозимъ къ собственному Его Величества подъѣзду, приподняли и понесли во Дворецъ. Отворили одну

дверь, а другую нельзя отворить было, и ее сломали. За нами слѣдовалъ Его Высочество Михаилъ Николаевичъ, и у него сильно слезы текли изъ глазъ. Принесли въ комнату, гдѣ Государь Императоръ постоянно занимались, и положили на кровать. Его Высочество Михаилъ Николаевичъ сказалъ намъ: «Идите, ребята»; тогда и у насъ сильно полились слезы, и не знаемъ, какъ мы и вышли изъ Дворца.

Свид. Гороховъ, (младшій фельдшеръ лейбъ-гвардіи павловскаго полка) показалъ: я былъ уволенъ въ отпускъ въ воскресенье 1-го марта. Около 2 часовъ, проходя, я увидалъ, что на Театральномъ мосту полицейскій офицеръ и двое околоточныхъ. Съ моста я пошелъ къ Невскому по набережной Екатерининскаго канала и обогналъ какого-то молодаго человѣка въ пальто, который что-то несъ въ узелкѣ. Пройдя шаговъ 15, я увидѣлъ появившуюся изъ Инженерной улицы карету, окруженную конвойными казаками; я сталъ во фронтъ нѣсколько ранѣе, чѣмъ положено; я стоялъ близь канавы, а тотъ человѣкъ ближе къ панели. Когда я отдалъ честь и хотѣлъ повернуться къ Невскому, услышалъ оглушительный выстрѣлъ. Я обернулся и увидѣлъ человѣка, котораго обогналъ и который побѣжалъ, а за нимъ городовой. Какъ только онъ поровнялся со мною, кажется городовой попалъ ему на ногу, и онъ сейчасъ же упалъ, опершись на руки. Въ это время я подскочилъ и схватилъ его за руки. Тутъ подбѣжали двое преображенскихъ солдатъ и офицеръ, личность котораго я не замѣтилъ, съ желтымъ или краснымъ околышемъ. Когда задержали этого человѣка, Государь Императоръ вышли изъ кареты съ лѣвыхъ дверей и направились къ намъ. Подойдя, Государь Императоръ спросили: „Это тотъ, который бросилъ“? Мы отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ: «Такъ точно, Ваше Императорское Величество». У преступника торчала ручка отъ револьвера изъ-за пазухи. Солдаты стали вынимать, а Государь Императоръ велѣли передать офицеру. Послѣ взрыва я замѣтилъ какъ два казака свалились: одинъ свалился, а другой или свалился, или слѣзалъ—хорошенько не замѣтилъ. Затѣмъ, когда отобрали револьверъ, Его Величество пошли къ каретѣ и офицеры съ Нимъ. Въ этотъ моментъ изъ публики выдѣлился какой-то молодой человѣкъ, личность котораго я хорошо не замѣтилъ, и я увидѣлъ, что

или отъ этого человѣка, или со стороны канавы мелькнуло что-то въ ноги Государя Императора, отъ чего послѣдовалъ сильный выстрѣлъ, который всѣхъ подкосилъ: и Государь упалъ, и этотъ человѣкъ упалъ, и всѣ окружающіе упали. Потомъ началось общее смятеніе. Когда послѣдовалъ второй взрывъ, публика бросилась назадъ, и на тѣхъ, которые бѣжали прочь, накидывались встрѣчные съ кулаками, такъ что если одинъ ударитъ, то на него удары сыпались десятками и сотнями, такъ что образовались кучки—словомъ, была страшная суматоха. Слышны были крики: кто говорилъ—со стороны канавы, кто—со стороны сада. Тутъ подбѣжали солдаты флотскіе и стали ломать ворота сада. Нѣкоторые изъ публики забрались на заборъ и говорили, что въ саду нѣтъ слѣдовъ. Мы стояли и держали преступника. Кто говоритъ: ведите его въ канцелярію, кто—въ участокъ. Мы держали его въ полусогнутомъ, полусидячемъ положеніи. Потомъ повели его къ Театральному мосту, гдѣ нашли извозчика, на котораго и посадили преступника. Я сѣлъ справа, преображенецъ слѣва, а городовой и другой преображенецъ стали къ извозчику спиной и держали за руки. Въ то время, когда мы вели преступника до извозчика, многіе изъ публики накидывались на него и били кулаками и сзади и спереди. Онъ просилъ насъ не давать бить. Потомъ привезли къ градоначальнику, гдѣ преступника обыскали.

Прокур. Взгляните на скамью подсудимыхъ, не признаете ли изъ числа ихъ того, котораго задержали?—*Свид. Гороховъ* (указывая на Рысакова). Вотъ этотъ.—В. Какой формы узелокъ вы видѣли у него въ рукахъ? Не найдете ли подобнаго изъ числа вещественныхъ доказательствъ?—Гороховъ указалъ на цилиндръ, завернутый въ бумагу.—В. Вы сказали, что передъ вторымъ взрывомъ изъ толпы выдѣлялся какой-то человѣкъ: вы не видали—онъ бросилъ снарядъ?- О. Нѣтъ, не видалъ. Видѣлъ только что то промелькнуло.

Прис. пов. Унковскій. Подсудимый Рысаковъ говорилъ какія-нибудь слова кромѣ тѣхъ, о которыхъ вы сказали?—*Свид. Гороховъ.* Когда мы спросили, кто онъ, то онъ сказалъ, что мѣщанинъ, и еще просилъ, чтобы мы не давали его бить. Потомъ еще, когда раздался второй взрывъ и Госу-

дарь Императоръ упалъ, то одинъ изъ преображенцевъ ударилъ преступника въ голову и сказалъ: „Что вы дѣлаете“? На это преступникъ отвѣтилъ: „Послѣ узнаете, такъ какъ вы люди темные“.

Подс. Желябовъ. Не помнитъ ли свидѣтель наружности того человѣка, который выступилъ изъ толпы?—*Свид. Гороховъ.* Нѣтъ, это было мгновенно: черезъ секунду всѣ и упали.—В. Не было ли передъ вторымъ взрывомъ, послѣ того какъ Государь повернулся отъ Рысакова къ своей каретѣ, движенія вокругъ, такъ что одни шли впередъ, другіе назадъ?—О. Тутъ нѣкоторые рвались глядѣть, что за происшествіе; тутъ вообще было такое волненіе, изъ котораго я ничего не могъ понять.—В. Какое мѣсто занималъ этотъ выдѣлившійся изъ толпы человѣкъ: между Государемъ и свидѣтелемъ, или Государь былъ между этимъ человѣкомъ и свидѣтелемъ?—О. Государь Императоръ шли отъ насъ, а на встрѣчу Ему толпа людей, и когда Они подходили къ ней, то и выдѣлился человѣкъ, такъ что Его Величество были между мною и имъ.

Свид. Несговоровъ (городовой) показалъ: Когда Государь Императоръ изволили проѣзжать въ Михайловскій манежъ по Екатерининскому каналу, то я занималъ постъ отъ Театральнаго моста до Инженерной улицы. Изъ Михайловскаго Дворца Государь Императоръ изволили слѣдовать обратно этимъ же путемъ. Когда карета стала равняться со мною, я отдалъ честь. Его Величество проѣхалъ нѣсколько саженей, какъ вдругъ случился взрывъ неизвѣстно откуда. Смотрю, лежатъ двое конвойныхъ и кто-то кричитъ: держи, держи. На встрѣчу мнѣ бѣжитъ человѣкъ въ дыму, и когда замѣтилъ меня, то бросился на панель, а я побѣжалъ за нимъ. Такъ какъ было скользко, то ужъ не знаю, его ли ноги поскользнулись или я наступилъ, но онъ упалъ, а я на него. Онъ ухватилъ меня за портупею и оторвалъ. Тутъ подскочили солдаты и стала подбѣгать публика—и свалилась на насъ. Когда мы подняли этого человѣка на ноги, народъ кричитъ: „Дайте его, мы его разорвемъ“. Я спросилъ преступника: есть ли при тебѣ что, а онъ сказалъ, что ничего нѣтъ; мы же нашли въ боковомъ его карманѣ револьверъ, который былъ переданъ полковнику Дворжицкому. Тутъ Государь Императоръ изволили подойти на нѣсколько ша-

говъ и спросили: „Задержали преступника“?—Мы отвѣчали: „такъ точно, Ваше Величество“ Затѣмъ Государь Императоръ пошелъ обратнымъ путемъ, и тутъ случился другой взрывъ. Государя убили, а другихъ ранили. Мы держали преступника и потомъ довели до Театральнаго моста. Публика нападала на насъ. Потомъ взяли извозчика и привезли въ сыскное отдѣленіе, гдѣ его обыскали.

Прис. пов. Унковскій. Вы первый задержали преступника?—*Свид. Несговоровъ.* Такъ точно.—В. Что онъ говорилъ? О. Онъ говорилъ: „Не бейте меня, оставьте“.

Подс. Желябовъ. Постъ свидѣтеля, по его словамъ, находился отъ Театральнаго моста до Инженерной улицы. Я желалъ бы знать, видѣлъ ли онъ передъ проѣздомъ Государя въ этомъ мѣстѣ публику, и много ли людей было?

Первоприс. Видѣли вы, свидѣтель, чтобы передъ проѣздомъ Государя въ предѣлахъ вашего поста проходили люди?—*Свид. Несговоровъ.* Публика проходила.—В. Вы обращали на нее вниманіе?—О. Такъ точно.—В. Не обращали ли вы вниманія на то, кто проходилъ и неказался ли вамъ кто нибудь подозрительнымъ?—О. Нѣтъ, не видалъ.—В. Не видѣли ли какого-нибудь человѣка или двухъ съ узелками?—О. Нѣтъ, никто не проходилъ.

Свид. Назаровъ (мостовой сторожъ конно желѣзной дороги) показалъ: 1-го марта, когда Государь Императоръ ѣхалъ изъ манежа по Инженерной улицѣ, я работалъ по Екатерининскому каналу—ухабы сравнивалъ. Увидавъ карету Государя, я поставилъ кирку, и Государь проѣхалъ мимо; я снялъ шапку. Вижу идетъ неизвѣстный мужчина и кинулъ подъ карету какъ будто комъ снѣга. Я подумалъ—что это онъ кидаетъ, какъ вдругъ сдѣлался взрывъ и человѣкъ побѣжалъ. Я какъ стоялъ въ рукавицахъ, такъ его схватилъ и повалился на панель. Ко мнѣ подбѣжали два офицера, два солдата преображенскихъ и потомъ еще измайловскіе, потомъ городовой или солдатъ, и набралось много публики. У задержаннаго вынули револьверъ. Государь Императоръ подошелъ къ намъ въ толпу и спросилъ: „Этотъ стрѣлялъ“? Мы отвѣтили: „такъ точно, Ваше Императорское Величество“. Затѣмъ Государь Императоръ повернулся назадъ, отошелъ шаговъ-десять, какъ произошелъ взрывъ сильный, такъ что меня даже прочь откинуло отъ преступника. Я

поднялся и вернулся назадъ къ преступнику, а его уже держатъ. Тогда я подошелъ къ Государю Императору. У Него лицо было въ крови. Привели Его подъ руки къ каретѣ, но Онъ не могъ сѣсть. Я больше ничего не видалъ.

Прок. Посмотрите на подсудимыхъ: не можете ли въ числѣ ихъ признать того, который бросилъ подъ карету комъ снѣга?—*Свид. Назаровъ* (указывая на Рысакова). Вотъ первый сидитъ.—В. Когда его задержали, онъ спокоенъ былъ?—О. Совсѣмъ спокоенъ, веселый какъ есть: смѣялся даже.

Прис. пов. Унковскій. Говорилъ онъ что-нибудь?—*Свид. Назаровъ.* Тогда ничего не говорилъ.—В. Вы первый его задержали?—О. Я первый, а городовой уже послѣ.

Свид. Макаровъ (рядовой лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) показалъ: мы ходили на работу, и въ 2 часа шли домой по Екатерининскому каналу. Около сада мы услышали топотъ лошадей и увидали карету Государя. Мы стали во фронтъ, и тутъ послѣдовалъ первый взрывъ. Казаки упали. Мы кинулись за преступникомъ и схватили его. Карета остановилась, и Его Величество изволили выйти, подошли къ преступнику и спросили: „Этотъ самый стрѣлялъ"? Мы отвѣчали: точно такъ, „Ваше Императорское Величество". Мы держали его уже четверо. Потомъ у него нашли револьверъ, который полковникъ Дворжицкій взялъ, и кинжалъ. Тутъ еще какой-то генералъ былъ—не знаю. Тогда Государь Императоръ отошелъ отъ преступника шаговъ шесть; тутъ сдѣлался второй взрывъ, а этотъ человѣкъ, котораго мы держали, говоритъ: «Не бойтесь, помирать все равно, когда ни убьютъ». Государь упалъ. Преступникъ проговорилъ: „Хоть убить не убили, но все же ранили". Государь Императоръ не могъ подняться самъ на ноги, и кто его поднялъ—я не знаю.

Прок. Кому преступникъ сказалъ то, что вы сейчасъ говорили?—*Свид. Макаровъ.* Намъ. Мы испугались, а онъ, увидѣвъ, что лицо Государя въ крови, говоритъ: „убить не убили, а поранили".

Подс. Рысаковъ. Я Государя Императора и не видалъ послѣ того, какъ Онъ отошелъ отъ меня.

Свид. Евченко (рядовой лейбъ-гвардіи преображенскаго полка). Когда мы проходили съ товарищемъ по Екатери-

нинскому каналу и дошли до Михайловскаго сада, что изъ Инженерной улицы выѣхала карета Государя Императора. Мы стали во фронтъ и отдали честь. Какъ только лошади стали равняться съ нами, съ противоположной стороны отъ канавы послѣдовалъ взрывъ подъ карету, но карета проскочила, такъ что взрывъ повредилъ только лѣвый уголъ и ранилъ казака. Преступникъ бросился бѣжать, а мы за нимъ и схватили его около перилъ канала. Потомъ уже вытащили револьверъ. Государь Императоръ вышелъ изъ кареты, подошелъ къ преступнику и спросилъ: „Это тотъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ"? Мы сказали: „точно такъ, Ваше Императорское Величество". Тутъ подбѣжалъ полковникъ Дворжицкій, взялъ револьверъ и кинжалъ. Государь повернулся и прошелъ шаговъ 10, какъ послѣдовалъ второй выстрѣлъ. Въ этой суматохѣ я не видалъ, откуда сдѣлался второй взрывъ. Государь Императоръ упалъ и полковникъ Дворжицкій также упалъ. Государя подняли, посадили на сани и увезли. Мы вели преступника на Театральный мостъ, гдѣ подали извозчика и отправили его въ полицію.

Прис. пов. Унковскій. Преступникъ говорилъ что-нибудь?—*Свид. Евченко.* Онъ сказалъ: „Ну, хоть не убили, а все же ранили, не промахнулись".

Свид. Крахоткинъ (подпоручикъ 139-го пѣхотнаго моршанскаго полка) показалъ, что онъ ѣхалъ по канавѣ къ Театральному мосту и услышалъ, что по направленію экипажа, сопровождаемаго казаками, вдругъ раздался взрывъ. Свидѣтель соскочилъ съ извозчика и побѣжалъ къ мѣсту взрыва. Тутъ онъ, услышавъ крики: „Держи, держи", вмѣстѣ съ другими окружилъ Рысакова, котораго прижали къ чугунной рѣшеткѣ канала. Онъ сначала говорилъ: „Не я стрѣлялъ, не я". „Затѣмъ, продолжалъ свидѣтель, я побѣжалъ къ каретѣ Государя Императора, который направлялся къ преступнику. Подойдя на нѣсколько шаговъ, Государь спросилъ: „Это онъ"? Затѣмъ, полковникъ Дворжицкій что-то сталъ докладывать Его Величеству и показалъ на что-то по направленію къ преступнику. Въ то время пришелъ взводъ морскихъ нижнихъ чиновъ и сталъ около канала. Я стоялъ на дорогѣ. Потомъ произошелъ второй взрывъ—и я потерялъ сознаніе. Очнулся на противоположной сторонѣ, головой къ забору сада Михайловскаго дворца.

Когда я всталъ, проходила какая-то дама и говоритъ, что Государь убитъ. Я кинулся къ тому мѣсту. Потомъ не помню: меня увезли. Получилъ разрывъ барабанной перепонки и сильную контузію; чувствую постоянный шумъ въ головѣ.

Свид. Коссинскій (камеръ-пажъ) показалъ: 1-го марта, около 2 часовъ дня, я ѣхалъ съ товарищемъ моимъ по Большой Конюшенной улицѣ и повернулъ на набережную Екатерининскаго канала. Изъ Инженерной улицы показалась карета Государя. Черезъ нѣсколько времени раздался страшный выстрѣлъ, и мы видѣли, какъ карета остановилась. Кромѣ того, намъ показалось, что нѣсколько конвойныхъ упало. Тогда мы соскочили съ саней, перебѣжали каналъ по льду и поднялись на противоположную сторону въ тотъ моментъ, когда карета стояла и Государь уже вышелъ. Мы пошли рядомъ съ Его Величествомъ по дорогѣ, а Онъ отправился по панели, по направленію къ Невскому, гдѣ былъ задержанъ преступникъ. Государь спросилъ: „Тотъ ли это человѣкъ, который произвелъ взрывъ?"—и получилъ утвердительный отвѣтъ. Потомъ кто-то сказалъ, что онъ назвалъ себя мѣщаниномъ Грязновымъ. Государь направился назадъ къ Лѣтнему саду. Въ это время къ Нему подошелъ полковникъ Дворжицкій. Мы съ товарищемъ на нѣсколько шаговъ отстали. Между нами и Его Величествомъ собралось нѣсколько человѣкъ народа. Прошли не болѣе 20 шаговъ, какъ раздался второй взрывъ, которымъ меня отбросило по направленію къ Невскому и оглушило. Вмѣстѣ съ другими упалъ и я, и далѣе ничего не помню. Меня встрѣтилъ товарищъ и отвезъ въ корпусъ. Лѣвымъ ухомъ теперь не слышу и была обожжена лѣвая сторона лица.

Свид. Павловъ (отставной рядовой) показалъ: я шелъ съ работы. Дохожу до Малаго Конюшеннаго моста и сдѣлался выстрѣлъ, но не ружейный, а больше. Военные офицеры ѣхали и вдругъ остановились и побѣжали шибко черезъ Малый Конюшенный мостъ и черезъ Театральный. Я за ними также побѣжалъ туда. На набережной я увидѣлъ: карета стоитъ и кучеръ одинъ сидитъ. Карета была разбивши. Смотрю, Государь Императоръ идутъ на встрѣчу мнѣ, возлѣ рѣшетки. Съ правой стороны идетъ полковникъ Дворжиц-

кій. Я только что хотѣлъ сойти съ панели, и вижу стоитъ человѣкъ, облокотившись на рѣшетку, и вдругъ онъ что-то бросилъ прямо подъ ноги Его Величеству. Раздался взрывъ— и я упалъ. Когда всталъ, видѣлъ какъ поднимали Государя Императора; потомъ Его понесли на проспектъ. Съ меня фуражка слетѣла, и когда Государя Императора отнесли, я нашелъ свою фуражку и пошелъ обратно.

Прок. Государь Императоръ поровнялся съ этимъ человѣкомъ, который что-то бросилъ?—*Свид. Павловъ.* Немного не дошелъ.—В. Онъ лицомъ къ лицу стоялъ? О. Да, стоялъ облокотившись на рѣшетку.—В. Вы разсмотрѣли лицо этого человѣка? О. Нѣтъ, онъ задомъ ко мнѣ стоялъ.—В. Какого онъ былъ роста?—О. Повыше моего (повыше средняго роста). Одѣтъ былъ въ теплое пальто; какая была шапка— не замѣтилъ.

Свид. штабсъ-капитанъ Франкъ: Послѣ развода я проѣзжалъ около Михайловскаго театра, и когда объѣзжалъ его, то видѣлъ на углу, что меня обогналъ Царскій конюхъ. При поворотѣ на набережную Екатерининскаго канала мы ѣхали шагомъ, и въ это время раздался сильный выстрѣлъ. Конюхъ погналъ лошадей, а вслѣдъ за нимъ и я. По слуху я могъ заключить, что взрывъ произошелъ на пути слѣдованія Государя Императора. Не доѣзжая до мѣста, гдѣ находился Государь Императоръ, я остановился у кучки народа, въ числѣ котораго былъ и капитанъ Кохъ. Онъ стоялъ около молодаго человѣка, котораго держали солдаты, отнималъ у него кинжалъ и револьверъ. Въ это время раздался говоръ, что Государь идетъ, и дѣйствительно въ нѣсколькихъ шагахъ появился Государь Императоръ, который шелъ по панели и остановился около насъ. Тутъ же былъ и полковникъ Дворжицкій. Ему были переданы кинжалъ и револьверъ, которые онъ показалъ Его Величеству. Что при этомъ говорилъ Дворжицкій—я не припомню, но помню, что онъ предлагалъ Государю Императору сѣсть въ карету и ѣхать обратно во Дворецъ. Не успѣлъ Государь отойти отъ насъ на 20 шаговъ, какъ раздался второй выстрѣлъ; я рванулся впередъ, и, подбѣжавъ къ мѣсту, увидѣлъ, что Государь Императоръ находится на мостовой въ полулежачемъ положеніи, опершись на рѣшетку и безъ шинели; ноги Его были въ ужасномъ видѣ. Въ то же время поднимался около Него и пол-

ковникъ Дворжицкій. Не помню, кажется я помогъ Дворжицкому встать, и первое слово его было: „экипажъ“. Вблизи находилась карета Государя Императора; она оборачивала съ мѣста, а сани проѣзжали къ мосту. Я и еще кто-то побѣжалъ за санями Дворжицкаго. Я вернулъ лошадей и возвратился къ тому мѣсту, по которому везли Государя Императора. Его уложили въ сани и повезли.

Свид. подпоручикъ Рудыковскій. Послѣ развода я подходилъ къ Театральному мосту, и когда услышалъ взрывъ, я бросился бѣжать по направленію звука, и затѣмъ увидѣлъ остановившуюся карету Государя Императора, по другую сторону которой собралась толпа, державшая преступника. Шагахъ въ десяти отъ этого мѣста, около рѣшетки канала, я съ однимъ офицеромъ почти набѣжалъ на Государя Императора, не подозрѣвая, что это идетъ Его Величество, и спросилъ—что съ Государемъ? Его Величество снялъ фуражку, перекрестился и сказалъ: „Я, слава Богу, а вотъ...“ указывая на казака и мальчика. На эти слова преступникъ обернулся, озираясь кругомъ, и сказалъ: „Еще слава ли Богу“? Государь Императоръ подошелъ, остановился шагахъ въ двухъ отъ преступника и спросилъ его: „Ты кто такой?“ Изъ толпы кто-то отвѣтилъ, что мѣщанинъ Грязновъ. Въ это время я слышалъ крики, что стрѣляли изъ за забора, и бросился посмотрѣть, нѣтъ ли чего за заборомъ Михайловскаго Дворца. Тутъ подходила команда солдатъ, которымъ я скомандовалъ: „За мной“ и приказалъ выламывать ворота прикладами, что и было исполнено. Потомъ я приказалъ имъ осмотрѣть садъ; все это было дѣломъ двухъ трехъ минутъ, и я сейчасъ же опять отошелъ къ рѣшеткѣ канала и былъ уже шагахъ въ десяти отъ полковника Дворжицкаго, какъ вдругъ въ эту минуту раздался другой трескъ, поднялась масса дыма, такъ что я рѣшительно не помню, что такое произошло. Я бросился еще впередъ, и когда дымъ сталъ расходиться, то увидѣлъ, что Государь Императоръ упалъ на мостовую, а около Него лежало нѣсколько человѣкъ. Всѣ стояли, не зная, что̀ случилось. Въ это же время подбѣжалъ штабсъ-капитанъ Новиковъ и еще нѣсколько человѣкъ. Когда дымъ совершенно исчезъ, мы увидѣли то страшное положеніе, въ которомъ были ноги Его Величества. Мы хотѣли внести Государя

Императора куда-нибудь, чтобы оказать Ему медицинское пособіе. Но въ это время подъѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и Новиковъ спросилъ Его Высочество—нельзя ли внести Государя въ ближайшій домъ. Государь Императоръ, услышавъ эти слова, изволилъ произнести: „Во Дворецъ, тамъ хочу умереть". Мы крикнули сани полиціймейстера Дворжицкаго, потому что они широкія и въ нихъ удобно было помѣстить Государя Императора, и вотъ штабсъ капитанъ Франкъ побѣжалъ за ними. Когда сани подъѣхали, мы положили въ нихъ Государя, накрыли и повезли. Что было дальше—я не знаю.

Тов. прокур. Кто упалъ отъ перваго взрыва?—*Свид. Рыдаковскій.* Казакъ и мальчикъ, но къ нимъ я не подходилъ. Мальчикъ валялся, визжалъ и я заключилъ, что онъ пострадавшій.

Присяжный пов. Унковскій. Вы хорошо помните, что Рысаковъ сказалъ: „Еще слава ли Богу"?

Свид. Рудыковскій. Государь Императоръ сказалъ: „Слава Богу, я уцѣлѣлъ, а вотъ», причемъ указалъ рукою въ сторону, и я въ это время видѣлъ, какъ Рысаковъ, приподнявши голову, сказалъ эти слова.

Свид. штабсъ-капитанъ Новиковъ. 1-го марта, по окончаніи развода, спустя четверть часа, когда Государь Императоръ уѣхалъ изъ манежа, я пошелъ вмѣстѣ съ тремя товарищами по Большой Садовой улицѣ и затѣмъ по Невскому. Когда мы дошли до Казанскаго моста, мы услышали взрывъ по направленію Екатерининскаго канала, къ сторонѣ Театральнаго моста—и я бросился къ тому мѣсту. Когда я приближался къ мѣсту взрыва, то видѣлъ суетящуюся толпу въ сѣрыхъ и черныхъ шиняляхъ, и тутъ же замѣтилъ, что здѣсь были и солдаты. Не добѣжавъ до мѣста, около 35 шаговъ, я услышалъ другой взрывъ и бросился къ мѣсту этого втораго взрыва. Въ это время я видѣлъ, что трое или четверо солдатъ держали какого-то статскаго человѣка, безъ фуражки, блондина. Пробѣжавъ мимо него, я подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ Государь Императоръ. Лицо Его Величества и голова были въ крови, ноги тоже окровавлены и изувѣчены. Тутъ были и матросы. Мы подняли Государя на руки, и Онъ сказалъ: „Холодно", приподнимая руки къ головѣ. Я освободилъ лѣвую руку и хотѣлъ достать изъ кармана мундира пла-

токъ, чтобы повязать голову Его Величеству, но кто-то предупредилъ меня, положивъ на голову Государя свой платокъ. Тутъ подъѣхалъ Его Высочество Михаилъ Николаевичъ. Государя пронесли нѣсколько шаговъ; кто-то предлагалъ извозчика и карету, а такъ какъ въ нихъ нельзя было положить Государя Императора, то мы продолжали нести Его. Затѣмъ подъѣхали сани, запряженныя сѣрыми лошадьми, въ которыя мы и положили Его Величество. Я обратился къ Великому Князю Михаилу Николаевичу съ просьбою разрѣшить внести Государя въ ближайшій домъ, чтобы тамъ сдѣлать перевязку, но въ это время Его Величество пришелъ нѣсколько въ себя, можетъ быть услышалъ мои слова, и выразилъ желаніе, чтобы Его несли во Дворецъ.

Первоприс. Какія слова произнесъ Государь?

Свид. Новиковъ. „Несите меня во Дворецъ".

Тов. прок. Не прибавилъ ли Государь еще: „Тамъ хочу умереть".

Свид. Новиковъ. Какъ мнѣ послышалось, именно Онъ сказалъ эти слова.

Свид. поручикъ графъ Гендриковъ. Въ воскресенье 1-го марта я былъ въ придворномъ манежѣ у Театральнаго моста и услышалъ взрывъ. Онъ такъ былъ силенъ, что стекла посыпались. Выбѣжавъ изъ манежа, я узналъ отъ своего кучера, что было покушеніе на жизнь Государя Императора, но что Онъ остался живъ и не раненъ даже. Я побѣжалъ къ мѣсту взрыва. Затѣмъ раздался второй взрывъ. Я подбѣжалъ къ Его Величеству, когда Его уже несли на рукахъ; изъ всѣхъ окружающихъ я узналъ лишь Великаго Князя Михаила Николаевича и ротмистра Кулебякина. Кто-то надѣлъ на Государя каску, и мнѣ показалось, что ему тяжело, а потому я снялъ ее и прикрылъ голову своею фуражкою. Когда Государя повезли, Кулебякинъ держалъ Его Величество, сидя спиною къ кучеру.

Свид. адъютантъ крѣпостной артиллеріи Кюстеръ. Послѣ развода я отправился домой, переодѣлся и поѣхалъ съ женою въ каретѣ по направленію къ Казанскому мосту. Проѣзжая по Аптекарскому переулку, я услышалъ выстрѣлъ какъ будто изъ большаго орудія. При поворотѣ на Театральный мостъ я услышалъ второй выстрѣлъ. Высунувшись изъ кареты, я увидѣлъ облако дыма темнаго цвѣта.

Оставивъ жену въ каретѣ, я пошелъ по направленію дыма. Тутъ я увидѣлъ, что несутъ Государя нѣсколько человѣкъ, но кто—я не помню. Его Величество посадили въ сани полковника Дворжицкаго. Такимъ образомъ Онъ былъ въ полулежачемъ состояніи; голова Его находилась на рукахъ двухъ солдатъ; спереди былъ Кулебякинъ, который держалъ Государя одною рукою, а рядомъ съ нимъ былъ какой-то другой конвойный, который также поддерживалъ ноги Государя Императора. Я держалъ правую руку Государя и проводилъ Его до Театральнаго моста. Когда Государя клали въ сани, я снялъ съ себя шинель, укрылъ ею Его Величество, и мы поѣхали крупною рысью. Я ѣхалъ такъ до Конюшеннаго моста: тамъ лошади поѣхали еще сильнѣе, и я упалъ. Меня взялъ полковникъ и довезъ до Дворца.

Свидѣтельница, вдова надворнаго совѣтника Холодковская, отвѣчая на вопросъ первоприсутствующаго, объяснила слѣдующее: Рысаковъ переѣхалъ ко мнѣ 5-го января и потомъ жилъ у меня недѣли полторы. Послѣ того приходитъ и говоритъ, что у него мать при смерти больна, что онъ получилъ объ этомъ телеграмму и ѣдетъ домой. Онъ оставилъ у меня свои вещи. За комнату заплатилъ. Живя у меня, онъ велъ себя очень хорошо, занимался, ходилъ на урокъ... Онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ урокъ.

Тов. прок. Ваша квартира помѣщается на углу Пятой улицы?—*Свид. Холодковская.* И Греческаго проспекта.—В. Сколько онъ прожилъ у васъ?—О. Недѣли полторы, не больше.—В. Посѣщалъ его въ квартирѣ кто-нибудь?—О. Одинъ молодой человѣкъ, только я его не видѣла.—В. Наружность этого человѣка помните? Посмотрите на скамью подсудимыхъ, не признаете ли кого-нибудь?—О. Нѣтъ.—В. Больше никого не было у него?—О. Нѣтъ.—В. Куда онъ отъ васъ перешелъ? О. Онъ сказалъ, что поѣдетъ на свою родину, такъ и отмѣтился. В.—Письма онъ часто получалъ?—О. Ни одного не получилъ.

Прис. пов. Унковскій. Вы никогда Рысакова ни прежде, ни послѣ не знали?—*Свид. Холодковская.* Нѣтъ.—В. Не знаете ли, какого онъ характера?—О. Ничего не знаю.

Свидѣтельница, жена коллежскаго регистратора Ермолина, на вопросъ первоприсутствующаго, показала: Я меблированныхъ комнатъ не содержу, а только одну комнату

отдавала.—В. У васъ жилъ подсудимый Рысаковъ?—О. У меня жилъ Глазовъ.—В. Вы его узнаете здѣсь?—О. Глазовъ—вотъ тотъ крайній (указывая на Рысакова).—В. Что вы можете сказать, какъ онъ себя велъ за время проживанія у васъ?—О. Очень тихо; онъ былъ скромный, я не замѣчала за нимъ ничего худаго.

Тов. прок. Ваша квартира гдѣ помѣщается?—*Свид. Ермолина.* На углу Девятой и Мытнинской улицъ.—В. Когда къ вамъ переѣхалъ Глазовъ?—О. 22-го января.—В. Такъ что онъ всего прожилъ у васъ очень недолго?—О. Мѣсяцъ и семь дней.—В. Онъ у васъ нанималъ одну комнату?—О. Да.—В. Сколько платилъ?—О. 12 рублей.—В. Какой онъ велъ образъ жизни?—О. Онъ днемъ никогда не бывалъ дома.—В. Рано уходилъ?—О. въ 12, въ 11 и въ 9 часовъ.—В. Вставалъ рано или поздно?—О. Вставалъ и въ 8 часовъ, а въ будни вставалъ позже.—В. Возвращался домой когда?—О. Почти что ночью, часовъ въ 11 и въ 12.—В. По праздникамъ бывалъ дома?—О. Уходилъ раньше, чѣмъ въ будни.—В. Посѣщалъ его кто-нибудь?—О. Да. Первый разъ было шесть человѣкъ, онъ седьмой.—В. Когда это было?—О. Какъ переѣхалъ, такъ чрезъ нѣсколько дней.—В. Всѣ шестеро мужчины?—Да.—В. Молодые или пожилые?—О. Всѣ молодые.—В. Долго оставались?—О. До 12-ти ч. ночи.—В. А пришли рано?—О. Въ восьмомъ часу.—В. Въ теченіе всего времени, что онъ проживалъ у васъ, его посѣщалъ кто-нибудь изъ числа этихъ шестерыхъ?—О. Да.—В. Часто посѣщали, каждый день?—О. Какъ придется.—В. Да вѣдь онъ приходилъ домой поздно ночью; когда же къ нему приходили гости?—О. Вечеромъ и утромъ, только дома не заставали.—В. По двое ходили?—О. По одному.—В. Было ли такъ, что приходили вмѣстѣ съ нимъ?—О. Съ нимъ нѣтъ; онъ бывало придетъ раньше, а потомъ къ нему придутъ гости.—В. Когда къ нему приходили молодые люди, то онъ запиралъ комнату или нѣтъ?—О. Нѣтъ.—В. Разговоръ они вели громко или тихо?—О. Тихо.—В. Не приходилъ-ли кто-либо изъ этихъ лицъ (указывая на скамью подсудимыхъ)? Свидѣтельница указала на Михайлова.—В. Въ числѣ шестерыхъ, приходившихъ въ первый разъ, этотъ былъ?—О. Не знаю, когда онъ приходилъ, но помню его личность.—В. Скажите объ обстоятельствахъ 1-го марта: они вѣроятно сохрани-

лись въ вашей памяти. Не помните ли, какъ провелъ этотъ день Рысаковъ, въ которомъ часу онъ всталъ и когда ушелъ?—О. Онъ всталъ въ восьмомъ часу.—В. А наканунѣ поздно пришелъ?—О. Нѣтъ, пришелъ въ одиннадцатомъ часу. Утромъ онъ всталъ въ восьмомъ часу; услышавъ стукъ въ его комнатѣ, и я встала. Онъ пришелъ на кухню и говоритъ: „вотъ какъ я рано нынче всталъ, что бы мнѣ постоянно въ будни такъ вставать, потому что мнѣ такъ велятъ“.—В. Кто?—О. Онъ говорилъ, что служитъ въ какой-то конторѣ и тамъ говорятъ, что онъ поздно является. Я сказала: „я васъ бужу каждый разъ, но вы опять засыпаете“. На это онъ отвѣтилъ: «ну, я буду самостоятельно вставать», и потомъ сказалъ, что хочетъ бѣлье отдать прачкѣ въ понедѣльникъ.—В. Не спрашивали вы его, куда онъ такъ торопиться?—О. Спрашивала. »Куда«, говорю? »У васъ служба стало быть есть«? Да, говоритъ, есть. Я спрашиваю: „что же у васъ въ конторѣ постоянная служба“? Онъ мнѣ на это отвѣтилъ: „какая служба! просто въ гости иду“.—В. Не сказалъ ли онъ: „все равно служба“?—О. Да, сказалъ.—В. Не замѣтили-ли вы, что онъ 1-го марта былъ въ особомъ настроеніи?—О. Онъ былъ трогательный... началъ разговаривать со мною, а раньше почти никогда не говорилъ.—В. Онъ обыкновенно былъ молчаливый?—О. Да.—В. А тутъ сдѣлался разговорчивымъ?—О. Да.—В. Былъ онъ возбужденъ?—О. Да.—В. Но не печаленъ? О. Нѣтъ.

Прис. пов. Хартулари. Вы только что признали Михайлова за лицо, посѣщавшее Рысакова; вы это точно припоминаете?—*Свид. Ермолина.* Да.—В. Когда васъ спрашивали объ этомъ на дознаніи, вы объ этомъ не заявляли?—О. Я тогда не узнала его, а теперь узнаю.—В. Почему же не узнали?—О. Онъ былъ тогда раскраснѣвши.

Тов. прок. По поводу показанія свидѣтельницы я имѣю честь обратить вниманіе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената на то обстоятельство, что, какъ видно изъ дознанія, подсудимый Михайловъ былъ предъявленъ свидѣтельницѣ Ермолиной 3-го марта, немедленно вслѣдъ за арестованіемъ его, послѣ вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго имъ въ Телѣжной улицѣ.

Свид., вдова поручика Енько-Даровская, на вопросы первоприсутствующаго показала: когда Рысаковъ учился въ

реальномъ училищѣ, въ городѣ Череповцѣ, то жилъ въ числѣ другихъ мальчиковъ у меня.—В. Объясните, что вамъ о немъ извѣстно?—О. Когда онъ у насъ жилъ, то былъ мальчикъ хорошій; потомъ я слышала, что предъ Рождествомъ онъ былъ подъ присмотромъ полиціи, и думала, что это простой слухъ, какъ вообще разносятся сплетни—В. Когда онъ жилъ у васъ?—О. Годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ онъ ушелъ отъ меня, кончивъ курсъ въ реальномъ училищѣ, и уѣхалъ, чтобы поступить въ горный институтъ.

Тов. прок. Въ которомъ классѣ училища онъ былъ, когда сталъ жить у васъ?—*Свид. Енько-Даровская.* Онъ жилъ у меня нѣсколько лѣтъ.—В. У васъ были и другіе ученики?—О. Да.—В. Онъ отдѣльную комнату занималъ?—О. Всѣ вмѣстѣ жили, по 3 по 4 человѣка въ одной комнатѣ.—В. Онъ былъ у васъ на хлѣбахъ?—О. Да.—В. Сколько онъ платилъ?—О. Онъ платилъ по 15 рублей самъ за себя, а потомъ за него сталъ платить Громовъ.—В. Хорошо онъ учился?—О. Да.—В. Поведенія былъ скромнаго?—О. Да. Другіе мальчики бывало поспорятъ между собою, а онъ былъ хорошій.—В. Не замѣчали-ли вы, чтобы онъ велъ дурную жизнь?—О. Нѣтъ, онъ былъ скромный.—В. Былъ разговорчивый мальчикъ?—О. Иногда разговорится.—В. Видали-ли вы, чтобы онъ дружился съ товарищами и чтобы на него имѣлъ кто-нибудь вліяніе?—О. Нѣтъ. Я жила съ племянницей и она ему давала уроки французскаго и нѣмецкаго языка.—В. Много онъ читалъ?—О. Много.—В. На каникулы уѣзжалъ?—О. Да, лѣтомъ уѣзжалъ къ родителямъ. В. Всегда уѣзжалъ къ родителямъ?—О. Всегда, а вотъ на праздникъ Рождества онъ у насъ не былъ.—В. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ говорилъ, что хочетъ поступить въ горный институтъ?—О. О немъ хлопоталъ князь Волконскій.—В. Не случалось-ли ему въ разговорахъ съ вами высказывать свои взгляды относительно будущей дѣятельности?—О. Онъ всегда былъ поведенія хорошаго; иногда, напримѣръ, услышитъ, что мальчики выражаютъ вольныя мысли, такъ онъ опровергалъ это все.—В. Это до отъѣзда въ Петербургъ?—О. Да.—В. Что же, имѣли на него вліяніе другіе? Какой характеръ у него былъ, мягкій?—О. Лаской съ нимъ можно было сдѣлать все и онъ послушается.—В Такъ что вы сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о мальчикѣ хоро-

шемъ?—О. Да.—В. И васъ удивило то обстоятельство, по которому вы теперь вызваны въ качествѣ свидѣтельницы? О. Да.—В. По тому, какъ велъ себя Рысаковъ, проживая въ Череповцѣ, вы не можете себѣ объяснить того, какъ случилось настоящее событіе?—О. Нѣтъ, не могу объяснить.

Прис. пов. Унковскій. Онъ жилъ у васъ пять лѣтъ?—*Свид. Енько-Даровская.* Да.—В. До осени 1879 года?—О. Нѣтъ, до лѣта, до 20-го іюня.—В. Вы удостовѣряете, что онъ характера былъ мягкаго?—О. Да. Мы бывало съ другими мальчиками поспоримъ, они погрубятъ, а мнѣ этотъ мальчикъ очень нравился, и я жалѣю его просто какъ сына. Въ училищѣ онъ также былъ примѣрный. Другіе ученики шалятъ, а онъ поведенія былъ весьма хорошаго. Первый годъ онъ плохо учился, но потомъ сталъ развиваться довольно хорошо.—В. Онъ былъ набожный мальчикъ?—О. Набожнѣе другихъ; онъ больше другихъ и съ охотою ходилъ въ церковь. Я разъ какъ-то сказала ему, что вотъ, когда поступишь въ горный институтъ въ Петербургѣ, то пожалуй перемѣнишь свои мысли; но онъ мнѣ сказалъ, что не пойдетъ на такія вещи, потому что много читалъ. Я стариннаго духа и мнѣ горько видѣть такихъ людей.

Свидѣтельница, учительница гимназіи Кулаковская, показала: Рысаковъ жилъ въ Череповцѣ въ домѣ моей тетки, какъ квартирантъ, въ числѣ прочихъ мальчиковъ. Я жила въ этомъ же домѣ, и когда ученики младшаго класса въ чемъ-нибудь затруднялись, я имъ разъясняла уроки. Во все время Рысаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, и по поведенію, и по ученію, былъ всегда прилеженъ. Затѣмъ, когда онъ поступилъ въ горный институтъ, то оттуда писалъ мнѣ нѣсколько писемъ, въ которыхъ говорилъ о томъ, какъ онъ поступилъ; писалъ о своихъ занятіяхъ; говорилъ также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ посѣщаетъ лекціи, что онъ сошелся лишь съ немногими изъ товарищей, что все время проводитъ въ занятіяхъ, въ библіотекѣ горнаго института. Въ августѣ 1880 года я перешла въ Новгородъ, и онъ мнѣ написалъ туда два письма, въ которыхъ спрашивалъ, какъ я устроилась. Я ему отвѣтила на это и спрашивала о его родныхъ. Онъ мнѣ написалъ, что недавно пріѣхалъ изъ отпуска отъ родныхъ и сообщилъ мнѣ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. На это

письмо я ему не отвѣчала, потому что у меня было очень много занятій и еще потому, что письмо его затерялось и я забыла его адресъ.

Тов. прок. Вы учительница гимназіи?—*Свид. Кулаковская.* Да.—В. Скажите пожалуста о характерѣ Рысакова за время пребыванія его въ Череповцѣ, въ домѣ вашей тетки. Что, онъ имѣлъ характеръ мягкій, воспріимчивый?—О. Да, это былъ мальчикъ мягкаго характера.—В. И слабый, можно сказать?—О. У него была нѣкоторая настойчивость, но всегда на него можно было подѣйствовать лаской.—В. Какъ на него можно было подѣйствовать—лаской, или логикой, убѣжденіемъ?—О. Мнѣ кажется, скорѣе лаской.—В. Дѣйствуя на его чувства?—О. Да. —В. Съ товарищами въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ?—О. Былъ хорошъ. Я никогда не замѣчала особенныхъ ссоръ и особой дружбы.—В. Не слыхали ли вы его сужденій, относительно существующаго порядка—сужденій политическихъ?—О. Нѣтъ.—В. Вообще эти вопросы не интересовали его тогда?—О. Нѣтъ.—В. Въ кружкѣ его товарищей не было ли подобныхъ разговоровъ?—О. Я не слыхала.—В. По письмамъ изъ горнаго института не замѣтили ли вы въ немъ нѣкоторой перемѣны?—О. Нѣтъ, не нашла никакой.—В. Вы семью его знаете?—О. Знаю. Когда его отдавали въ третій классъ, то тогда пріѣзжала мать, а потомъ къ нему пріѣзжалъ и отецъ. Это было тогда, когда онъ находился въ самомъ послѣднемъ классѣ, или же въ предпослѣднемъ.—В. Можете ли вы сообщить, какія были его отношенія къ семьѣ и въ частности къ отцу?—О. Отца онъ очень любилъ.—В. Отецъ переписывался съ нимъ?—О. Да.—В. Часто получалъ онъ письма?—О. Нѣтъ, не часто, потому что отецъ его часто бывалъ въ разъѣздахъ по своимъ занятіямъ.—В. По послѣднему письму къ вамъ въ Новгородъ, вы перемѣны въ Рысаковѣ не замѣтили?—О. Особеннаго ничего не было, кромѣ того, что эти письма были короче прежнихъ.—В. Они не содержали въ себѣ разсказа о его занятіяхъ въ институтѣ?—О. Онъ писалъ, что когда вернулся, то предался занятіямъ, и спрашивалъ, какъ я устроилась въ Новгородѣ—В. Вы въ Петербургѣ его не видѣли, не навѣщали?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Унковскій. Какъ долго жили вы у тетки?—*Свид. Кулаковская.* Пять лѣтъ.—В. Въ теченіе всего этого

времени жилъ у вас Рысаковъ?—О. Да, но потомъ онъ уѣхалъ и я еще годъ оставалась въ Череповцѣ.—В. Когда вы въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ прочитали, что въ числѣ лицъ, покушавшихся на жизнь Государя Императора, находился и Рысаковъ, васъ это удивило?—О. Ужасно.—В. Вы являлись въ тотъ день къ губернатору?—О. Да.—В. Вамъ казалось, что это была ошибка? Вы подъ этимъ впечатлѣніемъ и пошли къ губернатору?—О. Всѣ данныя, которыя я прочитала въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, указывали, что это былъ онъ; но по тому, какимъ я его знала, мнѣ трудно было повѣрить, что это онъ.—В. Рысаковъ былъ набожный?—О. Онъ охотнѣе другихъ ходилъ въ церковь, когда это приходилось дѣлать.—В. Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, вы больше его не видали?—О. Нѣтъ.

Свидѣтель, инспекторъ горнаго института Бекъ. Предъ поступленіемъ въ институтъ, въ сентябрѣ 1879 года, Рысаковъ представилъ свидѣтельство объ удовлетворительномъ окончаніи курса въ реальномъ училищѣ и былъ допущенъ къ повѣрочному экзамену, но принятъ былъ въ институтъ только вольнымъ слушателемъ, такъ какъ въ документахъ, представленныхъ имъ, не доставало, кажется, увольнительнаго свидѣтельства отъ общества. Онъ началъ заниматься, а свободное отъ занятій время проводилъ въ библіотекѣ института, гдѣ я его часто видѣлъ; онъ преимущественно занимался чтеніемъ математическихъ книгъ. Мѣсяца три спустя, въ ноябрѣ или декабрѣ, прошелъ слухъ, что Рысаковъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи, питается однимъ чаемъ и черным хлѣбомъ съ солью. Такъ какъ у насъ студентамъ перваго курса не выдается пособія, то я, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли Рысаковъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи и, въ случаѣ нужды, помочь ему, послалъ справиться къ нему на квартиру. Экзекуторъ доложилъ мнѣ, что Рысаковъ проживаетъ гдѣ-то на углу 15-й линіи Васильевскаго острова и Большаго проспекта, занимаетъ уголъ—пространство между печкою и стѣною—и, какъ сообщили экзекутору, пьетъ только чай съ чернымъ хлѣбомъ. На основаніи вотъ этихъ данныхъ я сдѣлалъ представленіе директору, которое и поступило въ совѣтъ, съ предложеніемъ, чтобы Рысакову дано было по-

собіе. Совѣтъ это утвердилъ. Потомъ Рысаковъ выдержалъ экзаменъ, перешелъ во второй курсъ и началъ слушать лекціи съ начала сентября 1880 года. Послѣ рождественскихъ каникулъ онъ рѣже сталъ посѣщать институтъ, потомъ вдругъ скрылся. Относительно посѣщенія лекцій студенты не подвергаются особому контролю, и отсутствіе Рысакова я оставилъ безъ вниманія. Я думалъ, что онъ можетъ быть боленъ, хотѣлъ помѣстить его въ госпиталь, но отъ него никакого заявленія не поступило.

Тов. прок. Внѣ стѣнъ института наблюденія надъ студентами не было, слѣдовательно, матеріалъ о характерѣ, о направленіи студентовъ вы получаете во время посѣщенія студентами, въ томъ числѣ и Рысаковымъ, лекцій?— *Свид. Бекъ.* Да.—В. На основаніи этихъ данныхъ, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на васъ?—О. Впечатлѣніе человѣка, занимающагося дѣломъ.—В. Замѣтно было, что онъ посѣщалъ лекціи исправно?—О. Постоянно.—В. Со стороны его характера, что вы замѣтили?—О. Онъ держался особнякомъ; по крайней мѣрѣ я не видѣлъ, чтобы онъ съ кѣмъ нибудь сближался въ институтѣ.—В. Вы говорите, что Рысаковъ держалъ себя особнякомъ?—О. Да.—В. О перемѣнѣ въ образѣ жизни Рысакова вы говорите, что къ концу 1880 года онъ сталъ рѣже посѣщать институтъ? — О. Въ 1881 году, послѣ рождественскихъ каникулъ, онъ началъ рѣже ходить.--В. А въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ?—О. Продолжалъ заниматься.—В. Вы имѣете возможность удостовѣряться въ посѣщеніи студентами института?—О. Я часто ходилъ въ библіотеку, раза 3 или 4 въ день, и часто видѣлъ его тамъ. — В. Вы оказывали ему пособіе одинъ или нѣсколько разъ?—О. Нѣсколько разъ. Первый разъ по бѣдности, второй — когда перешелъ на другой курсъ, то ему нужно было отправиться на практическія занятія, и такъ какъ онъ человѣкъ бѣдный, то ему было дано пособіе, не помню лишь сколько, кажется, рублей сорокъ. Затѣмъ въ августѣ внесли за слушаніе лекцій 30 или 40 рублей, такъ какъ онъ перешелъ въ слѣдующій курсъ.—В. Сколько разъ вы узнавали про обстановку Рысакова?—О. Только одинъ разъ.—В. Она была крайне бѣдна?—О. Экзекуторъ говорилъ, что онъ занималъ одинъ уголъ.-В.Спрашивали вы у Рысакова, отъ кого онъ получаетъ средства къ жизни?-О.Нѣтъ, не спрашивалъ.

Свидѣтельница, дочь урядника Артамонова показала: 4-го

января я вывѣсила билетъ на сдачу комнаты. Потомъ мнѣ кухарка говоритъ, что приходилъ какой-то господинъ и она сказала, что комната маленькая, а большй нѣтъ. Оказалось, что это приходилъ Ельниковъ. Я попросила его прійти въ 10 часовъ утра. Это было около 7-го или 8-го января. Онъ далъ мнѣ рубль задатку, а я спросила, чѣмъ онъ занимается, кто онъ такой? Онъ отвѣтилъ, что занимается просто въ конторѣ письменною работою. Я попросила его быть скромнѣе. Онъ сказалъ, что у него никого не бываетъ, что онъ выходитъ изъ дому въ 10 часовъ утра, а приходитъ въ 11 часовъ ночи. Я предложила ему ключъ, чтобы, если когда поздно вернется, самому войти въ квартиру. Потомъ онъ передалъ мнѣ деньги за квартиру 1-го февраля черезъ кухарку. Приходили къ нему гости, но ихъ было немного; слышала мужскіе и женскіе голоса. Велъ себя Ельниковъ скромно. Я спрашивала кухарку, кто такіе приходили, и она сказала, что все такіе же, какъ и онъ; въ лицо же я сама никого не видѣла.

Тов. прок. А служанка имѣла возможность видѣть гостей?—*Свид. Артамонова.* Да.—В. При производствѣ дознанія вамъ былъ предъявленъ трупъ человѣка?—О. Да.—В. Вы признали въ этомъ трупѣ вашего бывшаго жильца? О. Да, признала, потому что за три дня до смерти его видѣла.—В. Это тотъ самый, который подъ фамиліею Ельникова снималъ у васъ комнату?—О. Да.—В. Показывали вамъ его платье, ключъ?—О. Показывали. Ключъ былъ отъ наружной двери квартиры, я ему его отдала.—В. У него было много вещей съ собою?—О. Онъ былъ очень бѣдный. Я на третій день пришла посмотрѣть въ его комнату и видѣла, по его книгамъ, что онъ просто какой-нибудь конторщикъ.—В. Ваша квартира помѣщается на Симбирской улицѣ?—О. Да.—В. Это мѣсто глухое?—О. Кажется, ничего... Я первый разъ живу на Выборгской.

Свидѣтельница, вдова солдата Смѣлкова, отвѣчая на вопросы первоприсутствующаго, показала, что она была служанкою у Артамоновой.—В. У васъ проживало лицо, которое называло себя Ельниковымъ?—О. Да.—В. Что вы можете сообщить суду о его жизни?—О. Онъ велъ очень хорошую жизнь, жилъ смирно и тихо; больше ничего не знаю.

Тов. прок. Помните, когда этотъ человѣкъ, называвшійся Ельниковымъ, переѣхалъ на квартиру къ вамъ?—*Свидѣтельница Смѣлкова.* Я числа вѣрно не могу сказать: около 15-го января, должно быть.—В. Вамъ показывали трупъ человѣка при производствѣ этого дѣла?—О. Самого человѣка не показывали.—В. А показывали карточку?—О. Да. В. Вы признали въ ней вашего жильца?—О. Да.—В. Показывали вещи?—О. Да.—В. Вы признали ихъ принадлежащими Ельникову?—О. Да.—В. Въ томъ числѣ былъ и ключъ? О. Да.—Ключъ былъ отъ наружной двери вашей квартиры?—О. Да.—В. Онъ съ собою его бралъ, когда уходилъ? О. Да.—В. Днемъ онъ оставался дома, или же уходилъ?— О. Уходилъ. Онъ вставалъ въ 9-мъ часу, а уходилъ въ началѣ одиннадцатаго; возвращался же около 11 часовъ или въ половинѣ двѣнадцатаго ночи.—В. А по праздникамъ?— О. И по праздникамъ.—В. Круглый день дома не бывалъ?— О. Да.—В. Навѣщалъ его кто-нибудь въ квартирѣ?—О. Да. В. Нѣсколько человѣкъ?—О. Да, нѣсколько.—В. По сколько же человѣкъ вмѣстѣ приходило?—О. По одиночкѣ. Они приходили въ 6 часовъ вечера, когда онъ ждалъ гостей.— В. Въ числѣ этихъ гостей были и женщины?—О. Да.—В. Сколько ихъ было?—О. Всегда приходила одна.—В. А мужчины?—О. Въ другой разъ трое, четверо придутъ.—В. Подолго они сидѣли, эти гости?—О. Въ 12, кажется, уходили. В. Не уводили они и самого Ельникова съ собою?—О. Никогда.—В. Они сидѣли запершись въ комнатѣ?—О. Да. В. Разговоръ вели тихій или нѣтъ?—О. Тихій.—В. Посмотрите на скамью подсудимыхъ и скажите, кого изъ нихъ вы признаете за лицъ, бывавшихъ у вашего жильца?

Свидѣтельница указала на Рысакова и Гельфманъ, которая, по ея словамъ, приходила три раза.—В. Въ послѣдній разъ она не оставила Ельникову записки?—О. Да, оставила.—Потомъ Смѣлкова указала на Перовскую, какъ приходившую къ Ельникову.—В. Не эта ли женщина съ большимъ лбомъ, о которой вы показывали?—О. Та самая.— Наконецъ свидѣтельница указала на Желябова, какъ на одного изъ лицъ, посѣщавшихъ Ельникова.—В. Не показывали ли вамъ трупа другаго человѣка, черноволосаго?—О. Да, показывали.—В. Этотъ человѣкъ приходилъ къ Ельникову?—О. Я ошиблась, сказавъ, что онъ часто приходилъ:

онъ приходилъ рѣже.—В. Кто вмѣстѣ приходилъ изъ тѣхъ, которыхъ вы признали?—О. Приходилъ всегда одинъ Рысаковъ, потомъ всѣ по одиночкѣ, а въ послѣдній разъ женщина приходила.—В. Когда это было?—О. Было 26-го февраля.—В. Въ этотъ день кто пришелъ къ Ельникову?—О. Вотъ она... (указывая на Перовскую).—В. Одна приходила? О. Да.—В. Рано утромъ?—О. Такъ, часовъ въ пять дня. Ельниковъ дома не ночевалъ со среды на четвергъ. Когда онъ вернулся въ 4 часа, она пришла въ пять, и я спросила ее, почему вы не будите его, и она сказала, что пускай поспитъ. Когда пришелъ Рысаковъ и всталъ Ельниковъ, я поставила ему самоваръ и тогда пришелъ Желябовъ. -В. Долго они пробыли въ четвергъ.—О. До половины двѣнадцатаго.—В. Ушли всѣ вмѣстѣ?—О. Прежде ушли Желябовъ и Перовская, а Ельниковъ оставался еще дома.

Прис. пов. Геркс 1-й. Когда женщина-брюнетка приходила къ Ельникову, это было всего три раза, вечеромъ?—*Свид. Смѣлкова.* Да.—В. И не заставала дома Ельникова?—О. Да.—В. У васъ въ квартирѣ свѣтло: вы не могли ошибиться?—О. Нѣтъ.—В. Такъ что вы увѣрены, что это приходила она?—О. Да.—В. Оставила записку и сказала, чтобы передать ее Ельникову?—О. Я слышала объ этой запискѣ отъ самого Ельникова; она посидѣла у него въ комнатѣ нѣсколько времени и ушла, оставивъ записку на столѣ.

Подс. Желябовъ. Помните ли вы хорошо. что Рысаковъ и насъ двое были у Ельникова 26-го числа, а не въ другой день, не въ четвергъ?—*Свид. Смѣлкова.* Я думаю, что въ четвергъ, если же не въ четвергъ, то въ среду.—В. Приходило ли къ Ельникову двое черныхъ или одинъ?—О. Раньше двое приходило, но въ это время приходилъ одинъ.

Первоприс. Т-е, въ послѣдній разъ приходилъ одинъ?—*Свид. Смѣлкова.* Да.—В. И это то лицо, которое сидитъ крайнимъ на скамьѣ (Желябовъ)?—О. Да.

Подс. Желябовъ. Въ послѣдній день, по вашему 26 го, я съ этой дамой пришелъ вмѣстѣ?—*Свид. Смѣлкова.* Нѣтъ, вы послѣ пришли.—В. Не показывали ли вы на дознаніи, что въ этотъ день меня не было, а былъ тотъ мужчина, карточку котораго вамъ предъявляли?—О. Я думаю, что это были вы.

Подс. Гельфманъ. Свидѣтельница ошибается, вѣроятно, смѣшивая лица: я у Ельникова не была ни разу, хотя и не отрицаю знакомства съ нимъ.

Свид. Смѣлкова. Я не смѣшиваю личности ихъ, а это доказываетъ только, что у нихъ прическа тогда была другая.

Подс. Желябовъ. Свидѣтельница показывала, что приходилъ Навроцкій; это не вѣрно: никакого другаго чернаго кромѣ меня приходить не могло. Гельфманъ такъ-же не могла приходить къ нему, какъ и Фесенко-Навроцкій.

Тов. прок. Кромѣ 26-го февраля, Желябовъ приходилъ еще съ женщиной, сидящей рядомъ съ нимъ (Перовская)?— *Свид. Смѣлкова.* Приходилъ.—В. Разъ или больше?—О. Больше.—В. Вмѣстѣ?—О. Порознь.—В. Но сходились вмѣстѣ у Ельникова?—О. Да.—В. Человѣкъ, трупъ котораго вамъ показывали, былъ рѣже?—О. Да.—В Вы раньше говорили, что признали въ трупѣ того самаго, который приходилъ съ женщиною, а теперь говорите, что съ женщиной приходилъ Желябовъ? О. Да.

Первоприс. Стороны не желаютъ ли предложить вопросы кому-либо изъ допрошенныхъ свидѣтелей?

Тов. прок. Я желаю предложить вопросъ свидѣтельницѣ Ермолиной.

Свид. Ермолина подходитъ.

Тов. прок. Вамъ показывали на дознаніи трупъ человѣка?— *Свид. Ермолина.* Показывали.—В. Одинъ трупъ или два?— О. Одного, а другаго карточку показывали.—В. Относительно трупа, не признаете ли вы сходство съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ, посѣщавшихъ Рысакова?—О. Признаю, что это одинъ изъ бывшихъ у Глазова.

Подс. Рысаковъ. Я утверждаю, что Фесенко-Навроцкій у меня никогда не былъ.

Подс. Михайловъ. Я также не приходилъ къ Рысакову.

Свид. Смѣлкова. Нѣтъ, приходили.

Подс. Желябовъ. Я приходилъ на квартиру Рысакова и могу удостовѣрить, что, по расположенію прихожей комнаты, свидѣтельница не могла видѣть приходящихъ, хотя для меня безразлично, утверждаетъ ли она это или отрицаетъ. Но я могу подробно описать комнаты въ удостовѣреніе того, что я тамъ былъ, и утверждаю, что свидѣтельница не могла всмотрѣться въ приходящаго, какъ, напр., Михай-

лова. Я бывалъ постоянно у Рысакова, зналъ, что происходило у него на собраніяхъ, и за всѣ эти разы былъ одинъ только случай, что свидѣтельница вошла въ комнату, чтобы подбросить углей въ самоваръ изъ печи, находящейся въ комнатѣ Рысакова, причемъ посѣтители сидѣли затылками къ дверямъ, такъ что лицъ ихъ не было видно. Это доказываетъ и самое положеніе стола, который стоялъ у стѣны, противоположной дверямъ. На столѣ былъ самоваръ и посуда; посѣтители сидѣли вокругъ стола и имѣли много основаній скрывать свои лица. Когда же нужно было подбросить углей въ самоваръ, то Рысаковъ отнесъ его къ двери, и это единственный случай, когда Ермолина могла видѣть кого-нибудь; но она не видѣла, потому что къ этому принимались мѣры.

Первоприс. Болѣе нужды въ спрошенныхъ свидѣтеляхъ стороны не имѣютъ?

Тов. прок. Я бы просилъ оставить свидѣтельницу Смѣлкову, а относительно другихъ я ничего не имѣю.

Первоприс. Всѣ допрошенные свидѣтели могутъ удалиться и болѣе не возвращаться, кромѣ свидѣтельницы Смѣлковой, которую прошу явиться завтра къ 10 часамъ утра. Затѣмъ я хочу пригласить стороны, въ виду того, что предстоитъ чтеніе множества протоколовъ обысковъ и осмотровъ, а также осмотръ значительнаго числа вещественныхъ доказательствъ, представить письменныя указанія, передъ открытіемъ завтрашняго засѣданія, относительно тѣхъ актовъ и бумагъ, о прочтеніи которыхъ онѣ намѣрены просить Особое Присутствіе, а также указать тѣ вещественныя доказательства, осмотрѣть которыя онѣ желаютъ. Это въ значительной мѣрѣ облегчитъ судъ и будетъ способствовать болѣе правильному разъясненію дѣла. Я приглашаю къ этому стороны, если онѣ на это согласны.

Тов. прок. Обвиненіе не преминетъ исполнить это требованіе.

Защитники также изъявили согласіе.

Затѣмъ въ 11 часовъ и 20 минутъ по полудни первоприсутствующій объявилъ перерывъ засѣданія до 11 часовъ утра слѣдующаго дня.

Засѣданіе 27 марта.

По открытіи засѣданія (въ 11 часовъ утра) *первоприсутствующій* объявилъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго имъ во вчерашнемъ засѣданіи предложенія сторонамъ представить письменныя заявленія о тѣхъ документахъ и протоколахъ, на которые онѣ считаютъ необходимымъ ссылаться въ заключительныхъ преніяхъ, прокуроръ и защитники представили таковыя заявленія. При этомъ *первоприсутствующій* прочелъ представленныя заявленія, заключающія въ себѣ перечень различныхъ протоколовъ и документовъ.

Подс. Желябовъ. Могу ли я просить о прочтеніи нѣкоторыхъ моихъ показаній, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ свои выводы о моихъ отношеніяхъ къ Рысакову? Такъ, я просилъ бы прочитать въ подлинникѣ мое заявленіе отъ 2-го марта и нѣкоторые изъ протоколовъ, содержащихъ въ себѣ мои показанія, на которыя ссылается прокуроръ въ обвинительномъ актѣ, передавая ихъ содержаніе не вѣрно.

Первоприс. Я сперва предложу гг. защитникамъ вопросъ, не имѣютъ ли они чего-нибудь противъ просьбы г. прокурора о предоставленіи ему права ссылаться на указанные имъ документы и протоколы.

Защита заявила, что она никакихъ возраженій не имѣетъ.

Тов. прок. Я тоже ничего не имѣю противъ подобныхъ же просьбъ, заявленныхъ защитою. Что же касается до заявленія подсудимаго Желябова, то я нахожу, что законъ не воспрещаетъ прочтенія показаній, данныхъ подсудимымъ, по его о томъ ходатайству, хотя надобности въ прочтеніи показаній Желябова я не вижу, такъ какъ подсудимый находится здѣсь на лицо, давалъ уже пространныя показанія на судѣ и имѣетъ право давать ихъ во время судебнаго слѣдствія, такъ что онъ можетъ возстановить всѣ тѣ невѣрности, которыя будто бы допущены при изложеніи его показаній въ обвинительномъ актѣ, составляющемъ только программу обвиненія, подлежащую провѣркѣ на судѣ. Наконецъ, относительно заявленія, поданнаго Желябовымъ 2-го марта прокурору палаты, я долженъ сказать, что оно пріобщено къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказатель-

ства, о чемъ и составленъ особый протоколъ, а потому я не возражаю противъ прочтенія его или того протокола осмотра, въ которомъ оно изложено цѣликомъ.

Первоприс. (по совѣщаніи). Особое Присутствіе Правительствующаго Сената, выслушавъ заявленія сторонъ и заключеніе г. прокурора, опредѣляетъ: на основаніи 685 ст. уст. уг. суд., разрѣшить сторонамъ какъ во время судебнаго слѣдствія, такъ и въ преніяхъ ссылаться на указанные ими протоколы и документы. Протоколы же, заключающіе въ себѣ показанія подсудимаго Желябова, данныя имъ при дознаніи, а равно и поданное имъ 2-го марта заявленіе, какъ не принадлежащіе къ числу документовъ, чтеніе которыхъ допускается на судѣ—не читать.—Подсудимый Желябовъ! Вы будете имѣть возможность указать во время суда на тѣ неправильности, которыя вы замѣчаете въ обвинительномъ актѣ.

Затѣмъ продолжался допросъ свидѣтелей.

Введенъ свидѣтель отставной рядовой *Булатовъ*.

Первоприс. Вы были дворникомъ дома № 27 по Троицкому переулку?—*Свид. Булатовъ.* Точно такъ.—В. Посмотрите на скамью подсудимыхъ и скажите, не проживалъ ли кто-нибудь изъ нихъ въ вашемъ домѣ?—О. Вотъ эта (*указываетъ на подсудимую Гельфманъ*).—В. Когда она къ вамъ переѣхала?—О. 15-го сентября. Послѣ того какъ они переѣхали, я нѣсколько дней спустя спросилъ: гдѣ вашъ супругъ служитъ? Они отвѣчали: на желѣзной дорогѣ. Потомъ я замѣтилъ, что дѣйствительно онъ туда ходитъ—изъ воротъ выходилъ налѣво, а она куда-то направо уходила.

На вопросы *тов. прокурора* свидѣтель Булатовъ объяснилъ, что подсудимая Гельфманъ жила у нихъ не одна, а съ Андреемъ Ивановымъ Николаевымъ, про котораго она говорила, что это ея мужъ; выѣхали они изъ дому 16-го февраля.

Тов. прок. Въ одно время они переѣхали?—*Свид. Булатовъ.* Нѣтъ, мужъ нѣсколько дней раньше уѣхалъ, какъ она говорила, въ Москву. Оттуда она получила отъ мужа письмо, что его родители здоровьемъ не надежны, такъ что онъ не пріѣдетъ сюда обратно и придется ей къ нему ѣхать.—В. Что же, послѣ того перевозили куда-нибудь мебель?—О. Купецъ какой-то приходилъ покупать. 15-го числа онъ

пріѣхалъ съ двумя лошадьми, но уѣхалъ порожвій. Я спрашиваю: „что же вы, не сошлись вѣрно“?—Да, говоритъ, она просила завтра пріѣхать. Потомъ 16-го числа онъ пріѣхалъ съ тѣми же лошадьми и тѣми же извозчиками и взялъ мебель. Я спросилъ: „почемъ купилъ“? Онъ сказалъ, что за 56 рублей.—В. Такъ что у нея не осталось вещей, а только одинъ чемоданъ и съ нимъ она уѣхала?—О. Да.—В. Много ходило къ ней гостей?—О. Никого не замѣчалъ.—В. Въ которомъ этажѣ была квартира?—О. Въ шестомъ.—В. Окна выходили на улицу?—О. Нѣтъ, во дворъ, противъ воротъ. В. Такъ что съ улицы ни одного окна не видно?—О. Нѣтъ, не видно. Только, когда въ ворота войдешь, такъ одно окно будетъ видно.—В. Въ этомъ окнѣ была спущена занавѣска на половину?—О. Нѣтъ, не замѣчалъ.

Введенъ свидѣтель *Смородинъ* (дворникъ дома № 5, по Телѣжной улицѣ).

Первоприс. Кто проживалъ у васъ въ домѣ, въ квартирѣ № 5-й?

Свид. Смородинъ. Иванъ Петровъ Навроцкій съ женою... вотъ эта третья отсюда (указываетъ на подс. Гельфманъ). Жили они у насъ совсѣмъ мирно и ничего я за ними не замѣчалъ.

Тов. прок. Когда они переѣхали къ вамъ? *Свид. Смородинъ.* Около 26-го февраля.—В. А въ домовой книгѣ они были помѣчены прибывшими раньше?—О. Когда я взялъ у Навроцкаго паспортъ, то онъ обѣщалъ дать переходные листки, но потомъ ихъ не представилъ. Я ввелъ ихъ въ книгу, а числа не поставилъ. У насъ постоянно полагается такъ.—В. Кто приходилъ нанимать квартиру: самъ Навроцкій или его жена?—О. Квартиру смотрѣлъ онъ одинъ.—В. А когда вы увидали его жену? когда они вмѣстѣ переѣхали?—О. Да, когда вмѣстѣ.—В. Они безъ мебели нанимали квартиру?—О. Безъ мебели; свою привезли.—В. Когда они у васъ жили, въ теченіе двухъ недѣль много народа къ нимъ ходило?—О. Они не двѣ недѣли жили, а меньше: недѣлю только. Народа у нихъ я никого не видалъ. Только разъ какъ-то одинъ господинъ спросилъ, тутъ-ли живетъ Навроцкій. Тогда у меня была работа и я не могъ замѣтить его личности.

Свид. крестьянинъ Сергѣевъ (дворникъ дома № 5 й по Телѣжной ул.). Я спалъ. Приходитъ околоточный и разбудилъ меня. Пошли въ квартиру № 5. Потомъ полиція пришла, помощникъ пристава и всѣ. Взошли на верхъ. Дворникъ позвонилъ. Подошелъ человѣкъ къ дверямъ и опять отошелъ отъ дверей. Потомъ опять пришелъ. Опрашивали его. Потомъ дверь ломать начали. Стали ломать—слышимъ выстрѣлъ. Начали стрѣлять—а мы дверь ломать. Прошла эта стрѣльба, чрезъ нѣсколько времени женщина выходитъ, вотъ эта самая (*указываетъ на подсудимую Гельфманъ*). Выходитъ она и говоритъ: „Помогите, я сдаюсь". Начали осматривать. Она и говоритъ: тутъ есть опасное мѣсто, опасныя вещи. Потомъ стали обыскивать и все описали.

Тов. прок. А что сдѣлалось съ человѣкомъ, который назывался ея мужемъ?—*Свид. Сергѣевъ.* Когда мы пришли туда, онъ уже лежалъ на полу, въ крови; застрѣлился онъ. В. Это Фесенко-Навроцкій?—О. Да, такъ точно.—В. А что было на другой день, 3-го марта, утромъ, когда въ квартирѣ оставалась полиція и пришелъ человѣкъ?—О. Послалъ меня помощникъ пристава за папиросками. Я побѣжалъ внизъ; встрѣчается мнѣ на лѣстницѣ одинъ молодой человѣкъ, вотъ этотъ самый (*указываетъ на подсудимаго Михайлова*); спрашиваетъ онъ 12-й номеръ: кучера видѣть. Мнѣ былъ данъ приказъ, если кто придетъ, въ квартиру ввести. Я говорю: „пожалуйте, старшій дворникъ наверху покажетъ". Подошелъ городовой. Человѣкъ этотъ хотѣлъ внизъ сдаться, а его представили наверхъ. Потомъ я опять побѣжалъ за папиросками. Прихожу съ папиросками. Молодой человѣкъ сидитъ въ прихожей около дверей. Я папироски подалъ. Потомъ сейчасъ помощникъ пристава сказываетъ: „его нужно обыскать". Онъ что-то выложилъ. Потомъ съ него шубу стали снимать. Какъ стали шубу снимать, онъ револьверъ изъ рукава или кармана вынулъ. Кто-то замѣтилъ, что онъ револьверъ вытащилъ, и прямо взялъ за руку этого человѣка: „держите, говоритъ, его", а онъ и началъ стрѣлять; помощника пристава Слуцкаго и городоваго ранилъ, и всѣ шесть патроновъ выпустилъ.

Подс. Гельфманъ. Я желаю объяснить, что когда я открыла дверь, то просила только, чтобы позвали доктора, который могъ бы подать помощь.

Прис. пов. Хартулари. У васъ 12-й нумеръ существуетъ? *Свид. Серѣевъ.* Это пустая квартира, и кто тамъ жилъ раньше, я не знаю, потому что въ этомъ домѣ я недавно живу.—В. Когда вы встрѣтили этого человѣка на лѣстницѣ, онъ на предложеніе идти на верхъ не отказывался?—О. Нѣтъ, ничего. Онъ только хотѣлъ назадъ сдаться, внизъ идти хотѣлъ. Потомъ, какъ городовой подошелъ, мы сейчасъ вверхъ его преспокойно взяли. Тутъ онъ ужъ не упирался. В. Онъ не пытался бѣжать?—О. Не могу этого сказать.— В. Сколько времени прошло до возвращенія вашего назадъ, когда его стали обыскивать?—О. Минутъ 15—20.

Прис. пов. Герке. Когда вы вошли въ квартиру съ полиціей, то эта женщина сказала вамъ, что есть опасныя вещи. Она не объясняла вамъ, въ чемъ опасность?—*Свид. Серѣевъ.* Нѣтъ, ничего. Говоритъ только: „не ходите, у насъ есть опасныя вещи".—В. Вы ломали дверь топоромъ, когда пришла полиція?—О. Старшій дворникъ ломалъ.

Свид. Рейнгольдъ (состоящій въ прикомандированіи къ 1-му участку Александро-Невской части). Въ домѣ № 5-й по Телѣжной улицѣ я былъ два раза. Въ первый разъ, въ половинѣ перваго часа ночи, по приглашенію товарища прокурора судебной палаты Добржинскаго. Какъ только мы пришли къ дому, сейчасъ же взошли на лѣстницу. При насъ былъ старшій дворникъ. Я приказалъ ему позвонить. Онъ позвонилъ. Долго не было отвѣта. Наконецъ вторично позвонилъ. Тоже нѣтъ отвѣта, такъ что звонили нѣсколько разъ, но отвѣта все не было. Наконецъ внутри квартиры послышались шаги какого-то человѣка, который приблизился къ двери и спросилъ: „Кто тамъ"? Я отвѣтилъ:—Полиція и прокуроръ. „Что же вамъ нужно"?—былъ вопросъ. Я отвѣтилъ:—Отворите, иначе я прикажу дверь сломать, и сію же минуту дворнику было приказано рубить дверь. Какъ только раздался первый стукъ топора, послышался внутри квартиры выстрѣлъ, за нимъ другой; съ нѣкоторыми промежутками всего было сдѣлано шесть выстрѣловъ. Послѣ шестого выстрѣла все утихло. Въ это время изъ боковой двери показалась женщина, которая довольно громко сказала: »Сдаемся, подайте помощь«. Затѣмъ, захлопнувъ дверь, она опять скрылась, и послѣ этого отворилась парадная дверь на лѣстницу. Тогда я приказалъ взять эту женщину.

Двое городовыхъ взяли ее за руки и держали. Въ это время я вошелъ въ квартиру. Какъ только я началъ входить, она закричала: »Не входите въ комнату направо: тамъ взрывчатыя вещества«. Когда я вошелъ въ комнату направо, то увидѣлъ, что тамъ лежитъ человѣкъ въ крови и около него револьверъ. Слѣдующая за этой камната налѣво была гостиная. Я вошелъ туда и увидѣлъ направо на окнѣ двѣ жестянки, но съ чѣмъ онѣ были—этого я тогда не зналъ. Затѣмъ приступлено было къ осмотру.

Тов. прок. Найденныя вами жестянки были такой-же формы, какъ и тѣ, которыя находятся здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ? (*Свидѣтелю были предъявлены жестянки*).

Свид. Рейнгольдъ. Да, такія же. Одна изъ нихъ была завязана въ простой платокъ, а другая просто въ газетной бумагѣ.—В. Затѣмъ вы оставались въ этой квартирѣ до утра 3-го марта?—О. Да, до половины седьмого, когда былъ оконченъ осмотръ.—В. При васъ пришелъ человѣкъ, который былъ потомъ задержанъ?—О. Да, при мнѣ. Мнѣ доложили что какой-то человѣкъ спрашиваетъ 12-й нумеръ квартиры и что онъ задержанъ. Я вышелъ, и дѣйствительно увидѣлъ молодого человѣка, который стоялъ въ передней. Я спросилъ, что ему нужно. Онъ сказалъ, что пришелъ къ кучеру, но къ какому—этого не объяснилъ, а говорилъ только, что ему нужно въ 12-й нумеръ. Въ это время, кажется, старшій дворникъ сказалъ, что 12-й нумеръ не занятъ. Тогда я спросилъ, кто онъ такой. Онъ сталъ называть себя то крестьяниномъ Степановымъ, то крестьяниномъ Ивановымъ, то просто мѣщаниномъ. Замѣтивъ, что его показаніе неправильно, я приказалъ его обыскать. Когда онъ былъ введенъ изъ передней въ первую комнату для обыска и съ него сняли шубу — онъ быстро опустилъ правую руку въ карманъ и выстрѣлами изъ револьвера нанесъ городовому Денисову рану, а помощнику пристава Слуцкому контузію.—В. Кого вы признаете изъ подсудимыхъ?—О. Признаю второго, это тотъ, который стрѣлялъ (Указываетъ на подсудимаго Михайлова), и третью, какъ хозяйку квартиры (указываетъ на подсудимую Гельфманъ).

Прис. пов. Герке. Вы не замѣтили, какимъ голосомъ были произнесены слова: »Кто тамъ?«—спрашивалъ ли это

мужчина или женщина?—*Свид. Рейнгольдъ.* Это былъ положительно мужской голосъ.—В. Когда вы вошли въ квартиру, то женщина сказала вамъ: „не входите въ комнату направо: тамъ взрывчатыя вещества"?—О. Да. Когда ее задержали и взяли за руки, она сказала: „не входите направо".—В. Револьверъ лежалъ около трупа мужчины или подъ нимъ?—О. Нѣтъ, около него.—В. Когда вы стояли передъ дверьми квартиры, до того времени, какъ васъ впустили въ квартиру, выстрѣлы раздавались въ ней съ значительными промежутками?—О. Промежутки были не одинаковые: въ двѣ, три и одну секунду.—В. Но кромѣ этихъ выстрѣловъ все было тихо, и вы не слышали разговоровъ?—О. Ничего не было слышно, никакого движенія не было.

Подс. Желябовъ. Я желалъ бы спросить свидѣтеля, былъ ли онъ въ форменномъ платьѣ или нѣтъ?

Свид. Рейнгольдъ. Былъ въ форменномъ пальто.

Тов. прок. Такъ что не могло быть сомнѣнія, что вы чинъ мѣстной полиціи?—*Свид. Рейнгольдъ.* Нѣтъ, не могло быть сомнѣнія.—В. Всѣ чины полиціи были въ форменномъ платьѣ?—О. Нѣтъ, нѣкоторые были въ статскомъ. Помощникъ пристава Слуцкой былъ въ форменномъ платьѣ.

Подс. Гельфманъ. На дознаніи мнѣ задавали вопросы, указавшіе на существованіе предположенія, что я застрѣлила Саблина.

Первоприс. Такого обвиненія противъ васъ не предъявлено.

Подс. Гельфманъ. Но я все-таки считаю нужнымъ объяснить это..

Тов. прок. Не удовлетворится ли подсудимая Гельфманъ категорическимъ заявленіемъ, что на ней вовсе не тяготѣетъ подозрѣнія въ томъ, что она убила Саблина?

Подс. Гельфманъ. Я желаю объяснить обстоятельства убійства. Когда мы переѣхали на квартиру, мы условились, что въ случаѣ обыска должно дать нѣсколько выстрѣловъ съ цѣлью, чтобы произвести шумъ, т. е, чтобы объ этомъ знало побольше людей, чтобы это распространилось, и чтобы тѣ лица, которыя ходили къ намъ въ квартиру, могли узнать объ этомъ. Я дѣйствительно признаю, что Саблинъ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ съ тою цѣлью, чтобы произвести шумъ. Что касается до того, какъ онъ застрѣ-

вился, то въ это время я была въ своей комнатѣ, а также и тогда, когда услышала звонокъ и слышала, какъ Саблинъ спросилъ: кто тамъ? Потомъ Саблинъ подошелъ къ моей комнатѣ и сказалъ, что пришла полиція. Пока я одѣвалась, я услышала выстрѣлы. Когда я вышла изъ комнаты и услышала на лѣстницѣ голоса: »Стрѣляйте«, то я, зная, что банки стояли не въ средней комнатѣ, а въ той, гдѣ лежалъ окровавленный Саблинъ, опасаясь, чтобы пули не попали въ банки, ибо тогда могъ бы взорваться цѣлый домъ и, конечно, было бы очень много жертвъ. Поэтому я взяла банки изъ первой комнаты и перенесла ихъ въ среднюю. Затѣмъ, увидя, что Саблинъ лежитъ окровавленный, я открыла дверь и сказала: „прошу позвать доктора", но больше ничего не произнесла. Я объясняю, что ни я, ни Саблинъ не желали другъ друга убить. Я объясняю это для того, чтобы не дать пищи людямъ безъ всякаго основанія клеветать на человѣка, бросать на него тѣнь, что для него ничего не значитъ лишить жизни человѣка, тѣмъ болѣе своего товарища.

Первоприс. Вѣдь противъ васъ никакого обвиненія по этому предмету не предъявлено.

Тов. прок. Такъ какъ обстоятельства обыска въ домѣ № 5-й по Телѣжной улицѣ и вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго 3-го марта Михайловымъ, допрошенными свидѣтелями вполнѣ выяснены, то не признаетъ ли защита Михайлова и Гельфманъ возможнымъ сократить эту часть судебнаго слѣдствія и по соглашенію со мною отказаться отъ допроса другихъ свидѣтелей, которые ничего не могутъ показать новаго?

Прис. пов. Хартулари. Защита Михайлова вполнѣ присоединяется къ этому заявленію и находитъ допросъ остальныхъ свидѣтелей излишнимъ.

Прис. пов. Геркэ. Я тоже ничего не имѣю противъ этого.

Первоприс. (послѣ совѣщанія). Особое Присутствіе признаетъ необходимымъ продолжать судебное слѣдствіе по этимъ двумъ частямъ дѣла, на основаніи тѣхъ же соображеній ,которыми оно руководствовалось во вчерашнемъ засѣданіи, при постановленіи о допросѣ свидѣтелей. Пригласите свидѣтеля Норманда.

Свид. Нормандъ (околоточный надзиратель). 2-го марта, по распоряженію прикомандированнаго къ 1-му участку Александро-Невской части г. Рейнгольда, я въ числѣ прочихъ лицъ отправился въ Телѣжную улицу. Я не зналъ, для чего это нужно и только догадывался, что вѣроятно надо задержать политическаго преступника. Когда мы прибыли къ квартирѣ, то г. Ронгольдъ позвонилъ. Отвѣта на это нѣкоторое время не послѣдовало. Минуты черезъ 2 или 3 мужской голосъ спросилъ: „Кто тамъ?“ Я отвѣчалъ: „полиція“. Нѣкоторое время спустя онъ опять повторилъ тотъ же вопросъ. Въ отвѣтъ на это было сдѣлано предупрежденіе, что если не отворятъ двери, то она будетъ сломана; но и послѣ этого дверь не отворялась. Тогда послѣдовало распоряженіе, топоромъ сломать дверь. Дворникъ принесъ топоръ, ударилъ нѣсколько разъ по двери. За нею послѣдовалъ выстрѣлъ. Дворникъ испугался и бросилъ топоръ. Я поднялъ его и продолжалъ рубить дверь; ударилъ нѣсколько разъ, но она не подавалась. Тогда Рейнгольдъ, находя, что насъ мало, сдѣлалъ распоряженіе позвать солдатъ. Но въ это время повыше площадки, на которой мы находились, послышался женскій голосъ: „мы сдаемся“, а чрезъ нѣкоторое время женщина отворила дверь изнутри и говоритъ: „Помогите, дайте помощь“. Когда мы вошли, то прежде всего она предупредила и говоритъ: „не ходите въ комнату направо, тамъ опасно!“ Прежде всего, что бросилось мнѣ въ глаза—это мужчина, который плавалъ въ крови.

Свид. Зезюковъ (околоточный надзиратель). 3-го марта, въ 6 часовъ утра, я былъ командированъ г. Рейнгольдомъ въ домъ № 5-й по Телѣжной улицѣ, чтобы оставаться тамъ дежурить и задерживать, кто будетъ туда приходить. Около 10 часовъ пришелъ ко мнѣ младшій дворникъ и сказалъ, что внизу ходитъ какой-то господинъ и ищетъ кучера Петрова. Тогда было приказано, чтобы дворникъ передалъ его городовому, стоящему на лѣстницѣ. Затѣмъ этого человѣка привели въ квартиру, гдѣ онъ и просидѣлъ съ полчаса. Г. Рейнгольдъ спросилъ его, кто онъ такой, какого званія, но онъ называлъ себя то крестьяниномъ, то мѣщаниномъ. На вопросъ, чѣмъ занимается, онъ сказалъ, что прежде служилъ на заводахъ, а теперь безъ мѣста. Намѣреваясь отправить его въ полицію, его стали обыскивать. Когда съ

него сняли платье, онъ моментально опустилъ руку въ правый карманъ, вынулъ револьверъ и сталъ стрѣлять во всѣ стороны. Сдѣлалъ шесть выстрѣловъ и ранилъ помощника пристава и городоваго.

Первоприс. Долго-ли подсудимый Михайловъ оставался до обыска?

Свид. Зезюкинъ. Въ квартирѣ онъ былъ минутъ 10—15.

Свид. Шлыковъ (городовой). Я былъ въ домѣ № 5 по Тележной улицѣ два раза. Первый разъ мы все время стояли на дворѣ, въ запасѣ, а потомъ отпустили насъ домой. Затѣмъ вторично прибѣгаетъ околоточный надзиратель и требуетъ пять городовыхъ. Пришли мы въ квартиру № 5, гдѣ находился приставъ и помощникъ пристава. Тамъ описывали имѣніе того, который застрѣлился. Когда описали имѣніе, насъ оставили при квартирѣ: троихъ городовыхъ и околоточнаго. Мы заперли всѣ ходы и потомъ я вышелъ на парадную лѣстницу. Околоточный приказалъ, чтобы въ случаѣ, если кто покажется на лѣстницѣ, просить того въ квартиру. Когда я смотрѣлъ съ лѣстницы внизъ, приходитъ этотъ самый молодой человѣкъ (при этомъ свидѣтель указалъ на подсудимаго Михайлова) и спрашиваетъ у дворника 12-й нумеръ квартиры. Я не далъ имъ говорить и попросилъ на верхъ. Онъ пошелъ ко мнѣ къ верху, спросилъ, здѣсь-ли 12-й нумеръ; я сказалъ, что здѣсь, и отворилъ дверь въ квартиру. Онъ вошелъ туда безъ сопротивленія, и какъ пришелъ, прямо сѣлъ на диванъ, ничего не говря. Я вышелъ въ корридоръ, и не знаю, что затѣмъ было. Пріѣхалъ старшій помощникъ пристава, потомъ младшій. Когда я вошелъ вторично въ квартиру, этотъ господинъ опять сидитъ на диванѣ, на томъ самомъ мѣстѣ. Старшій помощникъ пристава просилъ его войти на середину комнаты, чтобы его обыскать. Мы подходимъ двое и стали снимать съ него пальто. Не успѣли мы спустить внизъ пальто, какъ онъ бросился правой рукой въ карманъ... Тутъ сзади кто-то, схвативъ его за руки, закричалъ: »Держи, держи«. Въ это время человѣкъ тотъ началъ уже выстрѣлы дѣлать. Первый, второй и третій выстрѣлы онъ внизъ дѣлалъ: у него рука не поднималась, потому что всѣ его схватили. Какъ всѣ шесть выстрѣловъ онъ сдѣлалъ, то бросилъ револьверъ. Тогда мы связали ему руки. Когда

связали его, одинъ городовой говоритъ: „меня ранили въ ногу". Я разстегнулъ его и перевязалъ его полотенцемъ. Потомъ помощникъ пристава тоже раненый ходитъ. Я разстегнулъ и его и перевязалъ скатертью. Явился докторъ я приказалъ отправить ихъ въ больницу.

Свид. Борисовъ (городовой). Это было 3-го марта, часовъ въ 6 утра. Было назначено три человѣка въ квартиру по Тележной улицѣ. Часу въ 10-мъ утра пришелъ туда подсудимый Михайловъ. Его пригласилъ на лѣстницѣ городовой Шлыковъ. Онъ вошелъ въ дверь и спросилъ кучера Петра Андреева. Я сейчасъ доложилъ околоточному надзирателю. Онъ спросилъ Михайлова, что вамъ нужно? На это Михайловъ отвѣтилъ тоже, что и мнѣ. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ старшій помощникъ пристава и сталъ разспрашивать его, а онъ объяснилъ: гдѣ я жилъ, вамъ—говоритъ—до этого нѣтъ дѣла, ну, жилъ я на чугунно-литейномъ заводѣ. Спрашиваютъ его: вы изъ какихъ? Изъ крестьянъ, говоритъ. Какой губерніи? Онъ сказалъ, Воронежской или другой какой губерніи, этого я не припомню. Потомъ спрашиваютъ: гдѣ же теперь живете? Я, говоритъ, теперь живу безъ мѣста, такъ два мѣсяца времени.—А гдѣ же жительство?—Гдѣ ночь, гдѣ день, такъ и проживаемъ.—Зачѣмъ сюда пришли?—Къ кучеру, говоритъ, пришелъ: онъ знакомый мнѣ.—На мѣстѣ онъ?—Да, говоритъ, на мѣстѣ; если бы былъ безъ мѣста, онъ бы не приглашалъ. Потомъ его пригласили для обыска въ переднюю комнату. Намъ приказали снять съ него шубу. Когда сняли шубу, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и началъ стрѣлять. Мы его схватили по бокамъ, а кто-то сзади за руки. Въ это время онъ шесть выстрѣловъ сдѣлалъ, потомъ бросилъ револьверъ: на-те, говоритъ, возьмите. Мы и отвезли его въ секретное отдѣленіе.

Свид. Слуцкій (младшій помощникъ пристава). 3-го марта, въ 11 часу утра, я возвратился въ квартиру на Тележной улицѣ, гдѣ былъ оставленъ караулъ съ тою цѣлью, чтобы задерживать приходящихъ. Мнѣ сказали, что задержанъ одинъ человѣкъ. Тутъ же я узналъ, что онъ еще не былъ обысканъ. Я доложилъ объ этомъ г. Рейнгольду и распорядился отмотрѣть задержаннаго. Его стали выводить изъ передней въ слѣдующую комнату, а я пошелъ чрезъ другую

комнату къ нему на встрѣчу. Когда его стали обыскивать, я стоялъ напротивъ него и смотрѣлъ, не приметъ ли онъ чего нибудь отравительнаго. Въ это время онъ досталъ изъ кармана брюкъ револьверъ и началъ стрѣлять. Меня три раза откидывало выстрѣлами изъ револьвера, но я поднимался и старался ловить стрѣлявшаго вмѣстѣ съ другими лицами. Въ послѣдній разъ я не могъ собраться съ силами: у меня сперло дыханіе. Потомъ меня отправили въ рождественскую больницу.

Первоприс. Вы были ранены?—*Свид. Слуцкій.* Да, въ грудь.—В. Теперь какъ вы себя чувствуете?—О. Чувствую ломоту въ ребрахъ. Я лежалъ недѣлю въ постели забинтованный; потомъ сталъ ходить.

Свид. Павловъ (докторъ). Когда я пришелъ около часу ночи въ домъ № 5-й, по Телѣжной улицѣ, въ квартиру № 5, то меня попросили оказать помощь застрѣлившемуся. При осмотрѣ его, я нашелъ пораненія черепа, а именно: проникающую рану сквозь мозгъ, причемъ мозговыя частицы были на полу. Вскорѣ послѣ осмотра мнѣ былъ предложенъ арестованною женщиною вопросъ: будетъ ли жить застрѣлившійся? На это я отвѣтилъ, что раненіе въ черепъ очень серьезно, но я еще не могу дать положительнаго отвѣта, такъ какъ не осматривалъ подробно. Увидѣвъ три раненія черепа, я попросилъ позволенія спросить эту женщину, не видѣла ли она, какъ онъ стрѣлялъ, и на это былъ полученъ отвѣтъ, что она не видѣла, что во время выстрѣловъ она была въ другой комнатѣ и пришла уже тогда, когда онъ лежалъ на полу.

Тов. прок. Эти три раненія должны были произойти отъ трехъ выстрѣловъ?

Свид. Павловъ. Въ первый моментъ, когда я осмотрѣлъ застрѣлившагося, я не могъ дать себѣ положительнаго отчета, такъ какъ была тѣснота и довольно темно. Но когда я былъ на вскрытіи, то тогда для меня опредѣлилась вся картина пораненій. Я нашелъ такіе признаки, которые указываютъ на то, что имъ было направлено въ себя три выстрѣла, изъ нихъ два положительныхъ, а третій я предполагаю. Первый выстрѣлъ я предполагаю въ силу того, что выше лба налѣво было нѣсколько порошинокъ въ кожѣ. Затѣмъ второй выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ ротъ. Онъ по-

палъ не въ небо, а въ зубы, въ лѣвый клыкъ и въ лѣвый рѣзецъ; пуля скользнула по челюсти подъ кожей, вышла въ глазъ и здѣсь разбила глазное яблоко. Третій выстрѣлъ, который свалилъ его, былъ сдѣланъ въ правый високъ; пуля вышла насквозь чрезъ мозговое полушаріе около лѣваго теменнаго бугра.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ при обыскахъ. Доказательства эти были предъявлены суду, сторонамъ и подсудимымъ. Тов. прокурора просилъ предъявить подсудимому Михайлову находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ листъ бѣлой бумаги съ исписанною первою страницею, и спросить его, не можетъ ли онъ объяснить, его ли это почеркъ? Подсудимый Михайловъ, по предъявленіи ему этого листа, призналъ почеркъ своимъ. При перечисленіи вещественныхъ доказательстъ, о предъявленіи которыхъ просилъ *тов. прокурора*, онъ обратилъ вниманіе Особаго Присутствія на гектографированную рукопись въ нѣсколькихъ листахъ и экземплярахъ, по обозрѣніи содержанія которой она оказалась статьею,—повидимому приготовленною для распространенія—о парижской коммунѣ 1870 года и о комитетѣ общественнаго спасенія 1793 года.

Затѣмъ къ столу вещественныхъ доказательствъ были приглашены находившіеся въ залѣ засѣданія эксперты: генералъ-маіоръ Федоровъ, полковникъ Лисовскій и подполковникъ Шахъ-Назаровъ. Первоприсутствующій предложилъ имъ осмотрѣть находящіеся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ и отобранные при обыскѣ въ конспиративной квартирѣ, въ домѣ № 5, по Телѣжной улицѣ, два метательныхъ снаряда, причемъ просилъ эксперта Федорова объяснить ихъ устройство и дѣйствіе.

Генералъ-маіоръ Федоровъ. Эти снаряды были мнѣ предъявлены при дознаніи въ снаряженномъ видѣ, а теперь они разряжены и разобраны. Особое приспособленіе, посредствомъ котораго долженъ взрываться такой снарядъ, состоитъ въ томъ, что внутри его были помѣщены двѣ латунныхъ трубки: одна—вертикальная, другая—горизонтальная. Въ каждую трубку была вставлена пробка и внутри проходила стеклянная трубочка. Внутри этихъ барабановъ на стеклянную трубочку надѣты свинцовые грузики, а чтобы они

не скользили по трубкѣ, на стеклянную трубочку надѣта маленькая каучуковая трубочка; стеклянная трубочка была наполнена сѣрною кислотою и при бросаніи снаряда она непремѣнно бы разбилась. Поверхность стеклянной трубочки была обмотана фитилемъ, напудреннымъ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара. Эта смѣсь загорается, если на нее пролить крѣпкой сѣрной кислоты. Отъ этихъ трубочекъ и барабановъ шли два фитиля, которые потомъ соединялись въ одинъ фитиль. Это были хлопчато-бумажныя нитки, напудренныя тоже смѣсью изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Помѣщались они внутри каучуковой трубочки. Наконецъ, общій фитиль шелъ къ капсюлю который входилъ въ цилиндрикъ и здѣсь была маленькая трубочка. Цилиндрикъ былъ наполненъ пироксилиномъ, пропитаннымъ нитроглицериномъ, а капсюль устроенъ такимъ образомъ: самая нижняя его часть была наполнена гремучею ртутью, а въ верхнюю его часть была вставлена латунная трубочка безъ дна и вмѣсто дна была вставлена пробка изъ крѣпкаго твердаго дерева. Сверху дна былъ составъ, который главнѣйшимъ образомъ заключалъ въ себѣ желѣзисто-синеродистый свинецъ и бертолетовую соль. Снарядъ дѣйствовалъ такимъ образомъ: при паденіи снаряда ломалась стеклянная трубочка. Если онъ упадетъ вертикально, то ломалась бы вертикальная трубочка, если же горизонтально, то ломалась бы горизонтальная трубочка. Сѣрная кислота пролилась бы на смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и появился бы огонь. Этотъ огонь передавался бы капсюлю и сначала загорѣлся бы составъ изъ бертолетовой соли съ желѣзисто-синеродистымъ свинцомъ. Отъ этого взрыва пробка ударялась бы въ гремучую ртуть, дѣлался бы взрывъ гремучей ртути и взрывался бы цилиндрикъ, наполненный пироксилиномъ, пропитаннымъ нитроглицериномъ, а затѣмъ произошелъ бы взрывъ гремучаго студня съ камфорою. Оба эти снаряда одинаковаго устройства.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, эти два снаряда были найдены у васъ въ квартирѣ, по Телѣжной улицѣ?

Подс. Гельфманъ. Да, они стояли на окнѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, вы получили снарядъ такой же, какъ эти два?

Подс. Рысаковъ. Да, такой же формы былъ.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ, эти снаряды вами изготовлялись?

Подс. Кибальчичъ. Да, я участвовалъ въ ихъ изготовленіи. Я просилъ бы гг. экспертовъ опредѣлить, какой радіусъ сферы разрушенія долженъ былъ бы произойти отъ такого количества гремучаго студня, какое тутъ должно заключаться?

Первоприс. Съ какою цѣлью вы дѣлаете этотъ вопросъ?

Подс. Кибальчичъ. Онъ имѣетъ практическое значеніе. Впослѣдствіи, когда я буду говорить о зарядѣ динамита въ минѣ на Малой-Садовой....

Первоприс. Тогда сторонамъ и будетъ предоставлено право предлагать вопросы.

Тов. Прокурора. Я желалъ бы теперь обратиться съ вопросомъ къ экспертамъ гг. Лисовскому и Шахъ-Назарову. Вы, гг. эксперты, кажется, осматривали жестяные остатки, найденные на Екатерининскомъ каналѣ, и признали, что эти остатки указываютъ на жестяную оболочку брошенныхъ снарядовъ?—*Свид. Лисовскій* и *Шахъ-Назаровъ.* Да.—В. Остатки, вами разсмотрѣнные, оказываются тождественными съ этими?—О. Совершенно.—В. Такъ что можно предположить, что разорвавшіеся на Екатерининскомъ каналѣ снаряды имѣли такую же оболочку и были такого же вида, какъ и эти?—О. Да.—В. Можете ли вы по этимъ остаткамъ сдѣлать дальнѣйшее заключеніе о тождествѣ тѣхъ снарядовъ съ этими?—О. Трудно сдѣлать.—В. Но оболочка была такая же, жестяная?—О. Да.

Тов. Прок. Затѣмъ я просилъ бы эксперта г. Федорова разъяснить слѣдующее. Вы изволили сказать, что въ этомъ метательномъ снарядѣ были устроены двѣ одинаковыя трубочки, но только въ разномъ направленіи?—*Экспертъ Федоровъ.* Да, одна въ горизонтальномъ, другая въ вертикальномъ; одна длиннѣе, другая короче.—В. Такъ что устройство этихъ трубочекъ обезпечивало разрывъ снаряда, въ какомъ бы направленіи онъ ни упалъ?—О. Да.—В. Слѣдовательно, собственно говоря, это былъ двойной аппаратъ?—О. Да.—В. Судя по тому, какъ сдѣлана эта жестянка, т. е. оболочка снаряда, нельзя ли вывести предположеніе, что оболочка была уже готовая?—О. Я думаю, что она была готовая, потому что хорошо сдѣлана.—В. А внутреннее

устройство не указываетъ ли на ручную работу?—О. Оно плохо сдѣлано, такъ что можно навѣрно сказать, что это ручная, домашняя работа.—В. Съ точки зрѣнія науки техники, какое вы можете дать заключеніе объ этихъ снарядахъ? Извѣстенъ ли вамъ въ наукѣ такой типъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, или это совершенно новый типъ, котораго до сихъ поръ вы еще не видѣли и о которомъ не читали въ научныхъ сочиненіяхъ?—О. Эти трубочки съ сѣрною кислотою и соединеніе ихъ съ смѣсью бертолетовой соли, антимонія и сахара употребляются на практикѣ и извѣстно, что отъ разрыва трубочки съ сѣрной кислотой эта смѣсь воспламеняется. Но собственно о такомъ аппаратѣ, гдѣ сдѣлано такое приспособленіе, что отъ гремучей ртути взрывается пироксилинъ, пропитанный нитроглицериномъ, и затѣмъ гремучій студень съ камфорой — я еще не слышалъ.—В. Всѣ эти приспособленія, сдѣланныя въ снарядѣ, достаточно ли обезпечивали взрывъ? Можно ли предположить, что все-таки взрывъ могъ бы не произойти, или же приспособленія были таковы, что взрывъ былъ бы неминуемъ?—О. Я думаю, что эти снаряды нельзя долго сохранять. Они не обезпечены отъ сырости. Если бы смѣсь бертолетовой соли съ антимоніемъ и сахаромъ пролежала нѣсколько мѣсяцевъ, то она не взорвалась бы, но самое соединеніе было такого рода, что оно обезпечивало взрывъ.—В. Имѣя уже взрывчатые составы, могъ ли одинъ человѣкъ устроить эти снаряды безъ помощника?—О. Да, могъ и безъ помощника.—В. Предполагая все это заранѣе приготовленнымъ, сколько времени потребовалось бы, чтобы собрать и снарядить этотъ снарядъ?—О. Можно скоро сдѣлать. Можно одному человѣку сдѣлать 4 снаряда въ ночь.—В. А изготовить все въ одну ночь немыслимо?—О. Это очень трудно сдѣлать. Трудно приготовить гремучій студень.—В. Домашними средствами его нельзя приготовить? О. Это сопряжено съ большою опасностью.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. Этотъ составъ извѣстенъ только недавно, такъ что онъ вѣроятно былъ привезенъ, очень можетъ быть, изъ-за границы. Я не думаю, чтобы онъ былъ приготовленъ здѣсь.

Эксп. Федоровъ. Я того же мнѣнія. Для приготовленія его нужно большія приспособленія, нужно имѣть маленькую лабораторію.

Тов. прок. А въ квартирѣ, при одной домашней печкѣ, можно приготовить гремучій студень?

Эксп. Федоровъ. Трудно.

Прис. пов. Герардъ. Въ чемъ вы видите затрудненіе при приготовленіи гремучаго студня домашнимъ образомъ?— *Эксп. Федоровъ.* Нитроглицеринъ легко приготовить, но довольно трудно получить гремучій студень, довольно затруднительно растворить пироксилинъ въ нитроглицеринѣ. Это требуетъ много времени и большаго умѣнья.—В. Но требуются ли при этомъ особенныя приспособленія, какія нибудь реторты и т. п.?—О. Нужно сперва кипятокъ нагрѣть, поставить на него чашку, взять нитроглицеринъ и растворить въ немъ пироксилинъ или же прямо предварительно растворить его въ эфирѣ.

Подс. Кибальчичъ. Я долженъ возразить противъ мнѣнія экспертизы о томъ, что гремучій студень заграничнаго приготовленія. Онъ сдѣланъ нами. Относительно приготовленія его есть указанія въ русской литературѣ, помимо иностранной. Такъ, я могу указать на „Артиллерійскій журналъ“ 1878 года (августовская книжка), гдѣ очевидецъ, бывшій въ лабораторіи у Нобеля, видѣлъ приготовленіе гремучаго студня и подробно описалъ. Приготовленіе его не представляетъ опасности. Вообще приготовленіе нитроглицерина, динамита, если оно ведется человѣкомъ знающимъ дѣло, представляетъ меньшую опасность, чѣмъ приготовленіе пороха, и сколько ни было приготовляемо динамита домашнимъ образомъ, взрыва никогда не было. Затѣмъ приготовленіе его не представляетъ особенныхъ затрудненій и можетъ быть сдѣлано домашнимъ способомъ. Приготовленіе нитроглицерина, какъ говорятъ и эксперты, не трудно. Остается приготовленіе растворимаго пироксилина, что можетъ быть легко сдѣлано, а для того, чтобы растворить нитроглицеринъ въ пироксилинѣ нужна только теплая вода, которую можно нагрѣть въ самоварѣ или въ печкѣ.

Первоприс. Этотъ метательный снарядъ устроенъ такимъ образомъ, что отъ удара искра передается отъ одной части въ другую, потомъ въ третью, но дѣйствіе снаряда отъ этихъ передачъ не должно было замедлиться?—*Экспертъ Федоровъ.* Нѣтъ, стопинъ—это быстро горящее вещество.— В. Т. е. въ одинъ ли моментъ при ударѣ снаряда о твердое

тѣло могъ бы послѣдовать взрывъ снаряда?—О. Мгновенно, безъ всякихъ промежутковъ.

Тов. прок. Возращаясь къ вопросу, возбужденному подсудимымъ Кибальчичемъ, я прошу дать заключеніе, хотя приблизительное о кругѣ дѣйствія такого метательнаго снаряда. Предположимъ, что на улицѣ брошенъ одинъ метательный снарядъ, какой будетъ максимальный кругъ дѣйствія?

Эксп. Федоровъ. Небольшой.

Эксп. Лисовскій. Трудно опредѣлить.

Эксп. Шахъ-Назаровъ. По моему мнѣнію, это тоже очень трудно опредѣлить. Кругъ дѣйствія взрыва бываетъ различный.

Прис. пов. Герардъ. Не можете ли вы хотя приблизительно сказать, какой районъ смертельнаго пораженія будетъ отъ такого снаряда?—*Эксп. Лисовскій.* Особенно великъ не можетъ быть.—В. Это очень условно. Скажите хотя приблизительно?—О. Нѣсколько саженъ.—В. Это кругъ смертельнаго пораженія.? Такъ ли это?

Эксп. Федоровъ. На сажень навѣрно будетъ смертельное пораженіе.

Прис. пов. Герардъ. Но на дальнѣйшее разстояніе происходитъ только сотрясеніе воздуха, которое не можетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, можетъ только, напр, стекла разбить, но костей человѣка переломать не можетъ?—*Эксп. Федоровъ.* Я знаю изъ опыта такой случай, что разъ разорвался капсюль съ пироксилиномъ, котораго было фунтовъ 15, и при этомъ капсюль отлетѣлъ сажень на 10 и ранилъ. В. Но это случайность и произошла отъ того, что капсюль полетѣлъ, а какое обыкновенно бываетъ дѣйствіе?—О. На сажень.—В. Смертельное пораженіе отъ дѣйствія этого снаряда бываетъ не потому, что чѣмъ-нибудь ударить, а вслѣдствіе самаго взрыва?—О. Да.—В. Слѣдовательно, напоръ газовъ производитъ пораженіе?—О. На сажень будетъ навѣрно смертельное пораженіе.

Тов. прок. Для разъясненія этого вопроса я долженъ обратить вниманіе на то, что мы имѣемъ слѣдующія данныя относительно фактическихъ послѣдствій: при взрывѣ 1-го марта было ранено 20 человѣкъ, изъ которыхъ 3 умерло.

Подс. Кибальчичъ. По поводу этого заявленія я долженъ сказать слѣдующее. Первый взрывъ произвелъ очень небольшое разрушеніе. Большинство было ранено при второмъ взрывѣ. Относительно сферы разрушенія тутъ, конечно, не можетъ быть точнаго вычисленія, но, по моимъ вычисленіямъ и соображеніямъ, она сходится съ тѣми данными, которыя даетъ экспертъ Федоровъ, а именно: радіусъ сферы разрушенія около 1 сажени, но никакъ не больше. Если при второмъ взрывѣ было такъ много раненыхъ, то это произошло отъ того, что около Государя толпился народъ на очень близкомъ разстояніи, такъ что снарядъ попалъ, такъ сказать, въ самую толпу, и этимъ объясняется значительное число раненыхъ. Во всякомъ случаѣ громадное большинство этихъ раненыхъ очень легко ранено и получило самыя незначительныя раны.

Тов. прок. Я замѣчу только, что послѣднее Особому Присутствію неизвѣстно. Напротивъ того, Особое Присутствіе имѣетъ въ дѣлѣ и вчера имѣло доказательства противнаго.

Затѣмъ экспертамъ было предложено осмотрѣть вещественныя доказательства, отобранныя при обыскѣ въ Тележной улицѣ. Въ числѣ ихъ находились: фарфоровая ступка, стеклянные шарики, небольшая деревянная призма и др.

Первоприс. (къ экспертамъ). Объясните намъ значеніе всѣхъ этихъ предметовъ: для какой цѣли они служили?

Эксп. Федоровъ. Въ этой ступкѣ толкли бертолетову соль, которая была необходима при устройствѣ фитиля. Затѣмъ это вещество—парафинъ, которымъ иногда заливаются взрывчатыя составы, напр., черный динамитъ, чтобы онъ не сырѣлъ. Въ этихъ маленькихъ шарикахъ и трубочкахъ была сѣрная кислота, такъ что можно предполагать, что дѣлались какіе-нибудь опыты, пробовалось, какимъ образомъ будетъ загораться смѣсь изъ бертолетовой соли, антимонія и сахара. Вообще всѣ эти предметы указываютъ на то, что вѣроятно предварительно дѣлались опыты. Эта деревянная призма есть вѣроятно модель метательнаго снаряда. Затѣмъ здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ я вижу желтый кали, который могъ служить для приготовленія желѣзисто-синеродистаго свинца, и азотно-кислый

амміакъ, который, между прочимъ, употребляется для приготовленія динамита.

Тов. прок. Всѣ эти предметы, которые вы обозрѣли, не указываютъ ли на то, что всѣ они, вмѣстѣ взятые, найденные въ одномъ мѣстѣ, служили не для снаряженія этихъ снарядовъ, не для окончательнаго приготовленія, а для опытовъ?—*Экс. Федоровъ.* Да, для опытовъ.—В. Такъ что если бы дѣлалось объясненіе о составѣ снарядовъ, то всѣ они имѣли бы значеніе?—О. Да.—В. Затѣмъ вамъ была предъявлена записка о смѣси бертолетовой соли и сахара. Какая это смѣсь?—О. Эта какъ разъ та смѣсь, которая воспламеняется отъ сѣрной кислоты.—В. Т. е. смѣсь, которая входила въ составъ метательнаго снаряда?—О. Да, тамъ означено и количество смѣси.

Прис. пов. Герардъ. Я долженъ передать заявленіе подсудимаго Кибальчича, что это деревянная призма, которую считаютъ моделью, по его объясненію, совершенно никакого значенія не имѣла.

Тов. прок. Я прошу предъявить гг. экспертамъ рисунокъ карандашемъ, на оборотѣ транспаранта, и спросить ихъ, что онъ собою представляетъ и на что указываетъ?

Эксп. Федоровъ (по обозрѣніи рисунка). Мое мнѣніе, что это какой-то аппаратъ для производства взрыва, для производства гильваническаго тока, но какой именно—этого сказать нельзя.

Эксперты *Лисовскій* и *Шахъ-Назаровъ* присоединились къ заключенію г. Федорова.

Затѣмъ къ столу вещественныхъ доказательствъ были приглашены эксперты: архитекторъ Рылло, землемѣръ Свиринъ и инженеръ-капитанъ Смирновъ. По просьбѣ тов. прокурора, имъ были предъявлены два плана, найденные при обыскѣ конспиративной квартиры въ домѣ № 5, по Тележной улицѣ, и предложено дать заключеніе о томъ, что представляютъ собою эти планы.

Эксперты объяснили, что одинъ изъ этихъ плановъ есть планъ г. Петербурга, а другой планъ, на которомъ нѣтъ никакихъ надписей и который сдѣланъ отъ руки карандашемъ, безъ соблюденія масштаба, представляетъ, какъ можно предполагать, одну изъ мѣстностей Петербурга, граничащую съ одной стороны Невскимъ проспектомъ, съ при-

соединеніемъ площади, на которой находится Екатерининскій скверъ и памятникъ. Затѣмъ на этомъ планѣ показаны улицы: Караванная, Малая Садовая, Большая Садовая, Михайловскій и Екатерининскій каналъ; вмѣстѣ съ этимъ проведена Большая Итальянская до Михайловской площади, а дальше она уже не показана.

Тов. прок. Можете ли вы, гг. эксперты, сказать, что сдѣланный здѣсь кругъ представляетъ то мѣсто, гдѣ долженъ быть Екатерининскій скверъ? О. Да.—В. Затѣмъ этотъ кругъ *(указываетъ на планъ)* по срединѣ не представляетъ ли собою Михайловскаго сквера? —О. Да.—В. Этотъ полукругъ соотвѣтствуетъ Михайловскому Дворцу?—О. Да. В. Эта линія, идущая подъ тупымъ угломъ, не есть ли линія манежа?—О. Да.—В. А этотъ четыреугольный знакъ обозначаетъ можетъ быть манежъ?—О. Да.—В. Затѣмъ здѣсь Екатерининскій каналъ?—О. Да.—В. Усматриваете-ли вы тутъ тоненькую карандашную линію и допускаете-ли, что это Невскій проспектъ?—О. Да.—В. Она проходитъ мимо Екатерининскаго сквера и поворачиваетъ на Малую-Садовую?—О. Да.—В. Что вы видите здѣсь посрединѣ Малой-Садовой?—О. Кругъ и точки.—В. Затѣмъ вы видите черныя точки въ кругу, обозначающія Екатерининскій скверъ?—О. Да, есть.—В. Видите ли вы точку, соотвѣтствующую углу Малой Садовой и Невскаго проспекта?—О. Тоже есть.—В. Видите ли вы точку, соотвѣтствующую противоположному углу Малой Садовой и Большой-Итальянской, наискось манежа?—О. Да.—В. Затѣмъ имѣется кругъ на манежной площади—это скверъ?—О. Да.—В. Затѣмъ идетъ линія отъ начала Большой Итальянской; куда она идетъ дальше?—О. Къ Михайловскому скверу.—В. Далѣе она заворачиваетъ ко Дворцу, доходитъ до Дворца, отъ Дворца идетъ другая линія по направленію къ Екатерининскому каналу, заворачиваетъ направо и здѣсь исчезаетъ, причемъ въ этомъ мѣстѣ имѣются точки?—О. Да—В. Затѣмъ на другомъ планѣ, на планѣ города Петербурга, не видите ли вы тоненькихъ карандашныхъ отмѣтокъ, едва замѣтныхъ съ помощью лупы?—О. Мы ихъ разсматривали и описали ихъ.—В. Есть ли линія на зданіи Зимняго Дворца?—О. Здѣсь есть какъ будто бы кругъ, но только неправильный—В. Видите ли вы слабую карандашную линію, отъ зданія Михайловскаго манежа

идущую по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго Дворца и по Екатерининскому каналу?—О. Да, есть.

Первоприс. Подсудимая Перовская, этотъ планъ на конвертѣ есть тотъ планъ, который былъ въ квартирѣ № 5 й и по которому вы объясняли?—*Подсуд. Перовская.* Да, это тотъ планъ. Только относительно точекъ я должна заявить, что онѣ не имѣютъ никакого значенія. Такъ какъ этотъ планъ сдѣланъ отъ руки, грубо и совершенно не аккуратно, то при черченіи были сдѣланы нѣкоторыя черты, которыя не имѣютъ никакого значенія.—В. Что̀ означаютъ кружки на этомъ планѣ?—О. Одинъ кружокъ означаетъ Екатерининскій скверъ, другой Михайловскій скверъ, а за тѣмъ третій—скверъ, находящійся на Манежной площади.—В. Но тамъ есть извѣстныя замѣтки; не желаете ли вы ихъ объяснить?—О. Онѣ точно также не имѣютъ никакого значенія.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, этотъ планъ находился въ вашей квартирѣ?

Подс. Гельфманъ. Да.—В. Кому онъ принадлежалъ?—О. Не знаю... Его кто-то оставилъ.—В. Когда?—О. За нѣсколько дней до 1-го марта.—В. Задолго?—О. Нѣтъ.—В. Вы ничего не желаете объяснить о немъ?—О. Нѣтъ, я только видѣла его на окнѣ.

Первоприс. Подсудимый Рысаковъ, когда вы были 1-го марта на квартирѣ въ Телѣжной улицѣ, то Перовская объясняла вамъ по плану?—*Подс. Рысаковъ.* Да, по плану, который нарисованъ на конвертѣ. Точки здѣсь дѣйствительно не имѣютъ никакого значенія. Большой планъ принадлежитъ мнѣ. Я принесъ его дня за три. Такъ какъ я зналъ, что будетъ объясняться мѣсто, гдѣ можетъ произойти взрывъ, то я и принесъ его. Раньше онъ былъ у меня безъ этой цѣли.—В. Что означаютъ на планѣ линіи? Вы ихъ сдѣлали?—О. Нѣтъ, не я. Я даже не знаю, что онѣ значатъ. В. Вы купили этотъ планъ?—О. Да.—В. Слѣдовательно, купили новый?—О. Да, новый, но давно: кажется, еще въ прошломъ году.—В. А когда вы его принесли въ квартиру на Телѣжной улицѣ?—О. Кажется, въ субботу.

Подс. Желябовъ. Этотъ планъ принесенъ на квартиру Гельфманъ Рысаковымъ, если не ошибаюсь, во вторникъ. Тѣ черты, которыя сдѣланы на планѣ, проведены моею рукою, а что онѣ означаютъ—я объяснить не желаю.

Затѣмъ, по просьбѣ прокурора, была прочитана записка слѣдующаго содержанія: «Наши еще на мѣстѣ. Здѣсь слѣдили за каждымъ поѣздомъ. Придуманъ очень удачный способъ сношеній и есть нужные для этого люди. Я остаюсь здѣсь ждать денегъ. Посылалъ телеграмму къ Жерому. Изъ Нижняго получилъ телеграмму, что Анна выздоровѣла, значитъ деньги добытыя посылайте какъ можно скорѣй вы. С. А. Выѣзжайте сейчасъ же по полученіи этого письма. Берите съ собою рев. пат. к. хорошо бы 3 рев. 3 к. Если не найдено еще людей для дѣйствія силою, то передайте эти хлопоты А. М. Заѣзжайте сначала сюда, здѣсь узнаете, куда дальше. Володя очень энергичный человѣкъ. Дѣло пошло какъ по маслу. Нужна будетъ женщина-еврейка для неинтеллигентной роли. Попросите отъ меня Гесю, не возьмется ли она за это. Если нѣтъ, то пусть А. М. поручитъ ей веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ, а сама пріѣзжаетъ. Достаньте 3—4 чиновничьихъ мужскихъ паспорта, мѣщанскіе сдѣлаютъ здѣсь. Привезите хотя одну печ. мѣщанскаго старосты. Все это устройте чрезъ Гесю. Деньги у меня всѣ вышли уже. Буду писать пока на этотъ адресъ. Пусть братъ И. возьметъ вещи изъ багажа и кто-нибудь привезетъ съ собою сюда«.

Первоприс. Подсудимая Гельфманъ, вамъ извѣстна эта записка?—*Подс. Гельфманъ.* Да.—В. Она была писана не на ваше имя?—О. Нѣтъ.—В. Не желаете ли сказать на чье? О. Нѣтъ, не желаю сказать.—В. Въ ней говорится о васъ. Что вы можете сказать по этому поводу?—О. Никакихъ объясненій давать не желаю.

Первоприс. Посудимый Рысаковъ, что вамъ извѣстно по поводу этой записки?

Подс. Рысаковъ. Содержаніе этой записки я слышу только здѣсь въ первый разъ.

Подс. Желябовъ. Я тоже ничего не могу объяснить по этому поводу.

Введенъ свидѣтель *Афонасьевъ* (дворникъ дома № 18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка).

Первоприс. Въ вашемъ домѣ жили Войнова и Слатвинскій?

Свид. Афонасьевъ. Да, дѣйствительно они жили. Жили они скромно, ничего за ними замѣтно не было.

Товарищъ прок. Когда они къ вамъ переѣхали?—*Свид. Афонасьевъ.* Сначала переѣхала Войнова съ Сиповичъ.—*Прок.* Посмотрите на подсудимыхъ. Узнаете-ли въ комъ нибудь изъ нихъ Войнову?—*Свид. Афонасьевъ* (указывая на Перовскую). Вотъ эта. Потомъ Сиповичъ уѣхала на должность въ Ораніенбаумъ, т. е. такъ отмѣтилась. Потомъ переѣхалъ братъ ея, Николай Ивановичъ Слатвинскій. В. Кто же вамъ говорилъ, что это ея братъ?—О. Войнова говорила.—В. Не признаете ли вы его въ числѣ подсудимыхъ?—О. (указывая на Желябова). Вотъ этотъ. Какъ Сиповичъ уѣхала, такъ Слатвинскій переѣхалъ.—В. Когда это было?—О. Въ октябрѣ мѣсяцѣ.—В. Долго они жили?—О. Отъ октября до первой недѣли поста.—В. Большая у нихъ была квартира?—О. Двѣ комнаты и кухня.—В. Часто они выходили изъ дома или все дома сидѣли?—О. Каждый день уходили, и порознь, и вмѣстѣ.—В. Ночевали дома, или часто бывало, что не ночевали?—О. Не знаю. Замѣчалъ, что приходили иногда въ 10, иногда въ 11 и 12 часовъ вечера.—В. Ходили къ нимъ гости?—О. Не замѣчалъ.—В. Письма получали?—О. Нѣтъ, не получали.—В. Прислугу они держали?—О. Нѣтъ.—В. Кто же ходилъ за провизіей и кушанье готовилъ?—О. Она сама.

Свидѣтельница Афонасьева. Я знаю только, что Войнова и Слатвинскій жили въ нашемъ домѣ по 1-й ротѣ, гдѣ у насъ табачная лавочка, и приходили къ намъ покупать, но очень рѣдко.

Тов. прок. Посмотрите на подсудимыхъ и скажите, не узнаете ли въ комъ-нибудь изъ нихъ Войнову?—*Свид. Афонасьева.* Да, узнаю: вотъ эта (указываетъ на подсудимую Перовскую).—В. Когда она приходила къ вамъ въ послѣдній разъ?—*Свид. Афонасьева.* Въ субботу, 28-го, днемъ, часа въ 4 или раньше.—В. Она пришла къ вамъ съ наружнаго входа?—О. Нѣтъ, съ внутренняго, съ чернаго.—В. Куда ведетъ наружный входъ?—О. На первую роту. В. А черный ходъ во дворъ?—О. Во дворъ.—В. Можно изъ квартиры, занимаемой Войновой, выйти во дворъ, не проходя на улицу, и войти въ лавочку?—О. Можно.—В. Что она у васъ покупала въ первый разъ?—О. Три аршина коленкору. Говорила, что нужно для шитья платья.—В. Больше она къ вамъ уже не приходила?—О. Нѣтъ, прихо-

дила въ 9 или 10-мъ часу.—В. И тоже чрезъ черный ходъ? О. Да.—В. Что же она купила?—О. Шесть аршинъ тесьмы сѣрой; сказала, что для платья.—В. Она ушла также черезъ черный ходъ?—О. Нѣтъ, она ушла чрезъ парадный ходъ на улицу и была одѣта такъ, какъ выходятъ на улицу.

Свид. Пѣтушковъ (дворникъ дома № 18 по 1 ротѣ). Жила у насъ Войнова съ іюля мѣсяца съ товаркою своею. Потомъ товарка выбыла въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Ораніенбаумъ и въ октябрѣ пріѣхалъ подъ названіемъ брата ея Николай Ивановъ Слатвинскій.

Первоприс. Вы узнаете ихъ въ числѣ подсудимыхъ?

Свид. Пѣтушковъ. Да. Вотъ они (указываетъ на подсудимыхъ Желябова и Перовскую).

Тов. прок. Какую они вели жизнь?—*Свид. Пѣтушковъ.* Выходили часто. Уходили въ 5 часу, являлись обратно въ 11 часу, а утромъ она сама стряпала.—В. 1-го марта, когда полиція явилась производить обыскъ, она дома была?—О. Нѣтъ, 1-го марта ее небыло. Квартира была заперта.—В. Когда же она ушла?—О. Не могу знать. Она пошла съ своимъ братомъ Слатвинскимъ въ пямницу 27-го около 5 часовъ, а явилась одна около 9 часовъ вечера. Въ субботу, когда полиція велѣла освидѣтельствовать квартиры, нѣтъ ли кого-нибудь отлучившагося, кто не ночевалъ дома, то мы вошли въ ихъ квартиру, звонили, но никто намъ не отвѣчалъ. Тогда я заявилъ объ этомъ полиціи. Полиція сказала, чтобы дали знать, не явится ли кто-нибудь. Впослѣдствіи времени она явилась домой въ 2 часа дня, въ субботу. Я заявилъ, что она пришла. Послали меня узнать, не пришелъ ли и Слатвинскій. Я прихожу къ ней, говорю, что вотъ листки выданы, нужно написать, кто чѣмъ занимается. Она отвѣчаетъ, что братца ея нѣтъ дома, что онъ на службѣ. Я говорю, что вотъ, когда они придутъ, то заявите, что вотъ требуютъ написать, гдѣ они служатъ. Она говоритъ: хорошо. Потомъ вечеромъ въ субботу она опять ушла и явилась обратно около 9—10 часовъ.—В. Съ субботы на воскресенье она ночевала дома? О. Не могу подтвердить этого.

Подс. Желябовъ. Въ которомъ часу въ пятницу вышелъ я вмѣстѣ съ Войновой изъ дому? Мы васъ встрѣтили въ воротахъ. Припомните часъ поточнѣе.

Свид. Пѣтушковъ. Надо полагать, что вышли въ исходѣ 4 часа или въ началѣ 5-го.

Тов. прок. Не желаютъ ли подсудимые Желябовъ и Перовская объяснить, кто такая была Сиповичъ, жившая вмѣстѣ съ Перовской.

Подс. Желябовъ. Я не желаю.

Подс. Перовская. Я тоже.

Затѣмъ было приступлено къ осмотру вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Перовской и Желябова, въ домѣ № 18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ числѣ которыхъ находятся пять жестянокъ изъ подъ конфектъ и сахара.

Приглашены вновь эксперты: гг. Федоровъ и Шахъ-Назаровъ.

Первоприс. Вамъ были предъявлены эти жестянки?—*Экспертъ Федоровъ.* Да.—В. Что вы въ нихъ нашли?—О. Въ трехъ жестянкахъ отъ конфектъ были остатки чернаго динамита. Въ жестянкѣ отъ сахара тоже былъ динамитъ.—В. Если бы всѣ эти жестянки были полны, то какое количество должно было быть въ нихъ динамита?—О. Приблизительно въ каждой изъ нихъ по 15 фунтовъ, слѣдовательно, всего фунтовъ 60.

Тов. прок. А если предположить, что и пятая жестянка была наполнена, то выйдетъ около 2 пудовъ?—*Эксп. Федоровъ.* Да.—В. Вы не можете сказать, какое количество было динамита въ минѣ на Малой Садовой?—О. Около 2 пудовъ. В. Вамъ были предъявлены двѣ каучуковыя трубки, найденныя у Перовской. Для чего онѣ могутъ служить?—О. Онѣ похожи на тѣ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ.—В. Приготовленіе чернаго динамита представляетъ ли трудность?—О. Нѣтъ, не представляетъ. Его можно приготовить и домашнимъ способомъ. Онъ состоитъ изъ 6% угля, 17—20% нитроглицерина, а остальное количество—азотно-кислый аммiакъ.—В. Для чего употребляется черный динамитъ?—О. Это есть пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, такъ что онъ имѣетъ свойства и пороха, и динамита и служитъ для взрыва.—В.

Вы дѣлали опытъ взрыва чернаго динамита?—О. Да, я взялъ четырехъ фунтовую гранату; сверху была положена гильза, наполненная ½ фунтомъ чернаго динамита. Посредствомъ гальваническаго приспособленія было сдѣлано воспламененіе и эту гранату совершенно разбило въ мелкіе куски.

Первоприс. Подсудимый Желябовъ, не желаете ли дать объясненіе?

Подс. Желябовъ. Эти жестянки, какъ и другія вещи, отобранныя на моей квартирѣ, составляютъ нашу общественную собственность и были въ распоряженіи моемъ и Перовской для надобностей партіи.

Первоприс. Для чего служатъ эти трубки?

Подс. Желябовъ. Болѣе подробныхъ объясненій я давать не желаю.

Тов. прок. Гг. эксперты, вы говорите, что эти каучуковыя трубочки подобны тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ снарядовъ?

Эксп. Федоровъ. Да, онѣ похожи.

Тов. прок. Я прошу обратить вниманіе Особаго Присутствія, что двѣ такія трубочки были найдены у Желябова, а другія были въ метательныхъ снарядахъ.

Подс. Кибальчичъ. Я хотѣлъ спросить эксперта г. Федорова. Вы дѣлали опытъ съ 4-хъ фунтовою гранатою, причемъ граната была разорвана на куски. Отлетѣли ли эти куски въ сторону, или они остались на мѣстѣ?—*Эксп. Федоровъ.* Остались на мѣстѣ.—В. Такъ что метательнаго дѣйствія этотъ динамитъ не обнаружилъ?—О. Но вѣдь онъ лежалъ сверху гранаты. Слѣдовательно, тутъ этого и не могло быть...—В. Но если бы онъ обнаружилъ метательное дѣйствіе, то куски гранаты попали бы глубоко въ землю, это было бы замѣтно?—О. Была бы воронка.—В. Имѣетъ ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе?—О. Это пороховая смѣсь, пропитанная нитроглицериномъ, и дѣйствуетъ какъ порохъ...—В. Но вѣдь метательное дѣйствіе имѣетъ только медленно горящая смѣсь, но быстро горящая имѣетъ слабое метательное дѣйствіе. Такъ какъ это есть быстро горящая смѣсь, то качество пороха теряется... О. Все-таки тутъ порохъ.—В. Наконецъ, здѣсь не тѣ составныя части, которыя входятъ въ порохъ...—О. Этотъ динамитъ считается весьма хорошимъ при земляныхъ рабо-

тахъ, онъ имѣетъ и свойства пороха и динамита.—В. Мнѣ кажется, что свойства пороха въ немъ теряются. Мнѣ важно выяснить, имѣетъ ли этотъ динамитъ сильное метательное дѣйствіе?—О. Онъ будетъ имѣть большое метательное дѣйствіе, нежели другіе сорты динамита, напримѣръ, кремнистый динамитъ или гремучій студень.—В. А мѣсто разрушенія какое будетъ?—О. Дѣйствіе его будетъ слабѣе нежели другихъ сортовъ динамита. Нужно различать и самую сферу дѣйствія. При черномъ динамитѣ сфера дѣйствія больше, а при другихъ, напр., при кремнистомъ—мѣсто дѣйствія будетъ сильнѣе.—В. Но въ сферѣ дѣйствія чернаго динамита разрушеніе будетъ сравнительно меньше, чѣмъ въ сферѣ дѣйствія кремнистаго динамита?—О. На маленькомъ пространствѣ онъ будетъ очень сильно дѣйствовать. В. Вы полагаете, что этотъ динамитъ обладаетъ сильнымъ метательнымъ дѣйствіемъ?—О. Не сильнымъ, но онъ сильнѣе, нежели другіе сорта динамита.

Эксперты *Лисовскій* и *Шахъ-Назаровъ* заявили, что они присоединяются къ заключенію г. Федорова.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія спрошенъ свидѣтель *Щироковъ* (околоточный надзиратель 1-го уч. Нарвской части), который показалъ: 28 февраля, когда скрылась Войнова, приставъ поручилъ мнѣ розыскать ее. Такъ какъ примѣты ея не были хорошо извѣстны, то сначала мнѣ было трудно искать ее, но затѣмъ 9 марта я узналъ, что въ томъ домѣ, гдѣ жила Войнова, есть сливочная лавка, гдѣ она покупала товаръ, и жившая тамъ женщина хорошо знала ее въ лицо; я ѣздилъ съ этой женщиной по многолюднымъ улицамъ и случайно на Невскомъ проспектѣ мы встрѣтили Войнову. Я соскочилъ съ извощика, подбѣжалъ къ ней, вскочилъ къ ней на дрожки и взялъ ее за руки, такъ какъ опасался, что при ней могло быть оружіе, и такимъ образомъ доставилъ ее въ участокъ. При ней были найдены возмутительныя прокламаціи и другія вещи.

На вопросы тов. прокурора, свидѣтель показалъ, что когда онъ задержалъ Войнову, она предлагала ему 30 руб., чтобы онъ ее отпустилъ, но денегъ ему не показывала, потому что онъ держалъ ее за руки.

Свид. крестьянка Афанасьева показала, что у нея на

квартирѣ по Новой ул., въ д. № 14, проживалъ Кобозевъ съ женой.

Тов. прок. Вы бывали у нихъ въ помѣщеніи?

Афанасьева. Бывала.—В. Кто бывалъ у нихъ еще изъ вашей семьи?—О. Прислуга и старшая дочь.—В. Не случалось ли вамъ замѣчать или слышать отъ старшей дочери, что на столѣ оказывались сто рублевыя бумажки, когда Кобозевыхъ не было дома?—О. Я сама видѣла, и говорила имъ, чтобы они были осторожнѣй, потому что я не могу поручиться за прислугу.—В. Когда они къ вамъ переѣхали? О. Около Новаго года.

Свидѣтель крестьянинъ Самойловъ (старшій дворникъ дома гр. Менгдена) показалъ: Кобозевъ пріѣхалъ 2-го января. Торговля у него шла плохо. Въ послѣднее время мы стали его подозрѣвать, такъ какъ 27 числа приходили неизвѣстные люди, какъ оказалось послѣ—Желябовъ, а потомъ Кобозевы скрылись 3-го числа.

На вопросы тов. прокур. свидѣтель показалъ, что Кобозевъ снялъ лавку со 2 декабря 1880 г. по контракту за 100 р. въ мѣсяцъ. Прислуги у нихъ не было. Въ магазинѣ обстановка была обыкновенная, какъ слѣдуетъ. Въ лавкѣ Кобозева свидѣтель бывалъ неоднократно: разъ онъ былъ потому, что показалась течь, а потомъ приходилъ за паспортомъ и деньгами. Торговцы эти казались ему странными, потому что торговали плохо, а говорили, что хорошо торгуютъ.

Тов. прок. Къ Кобозевымъ въ послѣднее время приходили молодые люди?

Свид. Самойловъ. Да, 27 числа троихъ видѣли.—В. Не признаете ли кого изъ подсудимыхъ?—О. (Показываетъ на Желябова). Онъ проходилъ часовъ около 4-хъ, а другіе пришли послѣ, когда я уже смѣнился.—В. Онъ не закрывалъ лица, такъ что вы его разсмотрѣли?—О. Да разсмотрѣлъ.

Прис. пов. Кедринъ. Не узнаете ли, свидѣтель, въ подсудимой Перовской лицо, которое также приходило къ Кобозевымъ?

Свид. Самойловъ. Нѣтъ, я не видалъ ея.

Подс. Желябовъ. Гдѣ меня вамъ предъявляли: въ крѣпости или въ III Отдѣленіи.

Свид. Самойловъ. Въ жандармскомъ управленіи.—В. Въ чемъ тогда я былъ, въ сюртукѣ?—О. Въ сюртукѣ.—В. Какого цвѣта?—О. Черный сюртукъ. Я смотрѣлъ больше на лицо.—В. На улицѣ въ чемъ вы меня видѣли?—О. Въ пальто.

Подс. Желябовъ. Я обращаю вниманіе на то, что при предъявленіи меня свидѣтелю я былъ не въ томъ костюмѣ, въ какомъ меня видѣлъ свидѣтель, т. е. не въ пальто и не въ шапкѣ. Я утверждаю, что если костюмъ мѣняетъ внѣшній видъ человѣка, то мои пріемы таковы, что если бы я прошелъ мимо свидѣтеля въ одномъ костюмѣ, то почти увѣренъ, что меня свидѣтель не узналъ бы въ другомъ костюмѣ. Такимъ образомъ дознаніе, на мой взглядъ, производилось недостаточно обстоятельно. Я указываю на это потому, что это важно не только по отношенію ко мнѣ, но, напримѣръ, по отношенію къ Тимоѳею Михайлову, о которомъ я скажу послѣ. Скажите свидѣтель:—вы утверждаете, что я въ 4 часа проходилъ?—*Свид. Самойловъ.* Приблизительно около 4-хъ.—В. Въ какомъ я былъ пальто?—О. Съ воротникомъ.—В. Какая шапка?—О. Барашковая, на верху складная.—В. Съ какой стороны я взошелъ?—О. Отъ Итальянской улицы, и еще остановились у рѣшетки и осматривались.

Подс. Желябовъ. Я 27-го февраля не былъ въ лавкѣ Кобозевыхъ; не былъ послѣ ночи съ вторника на среду. Для того, чтобы опровергнуть показаніе Самойлова, я представлю кое-какія данныя. Я заявляю, что въ числѣ другихъ лицъ я пріѣзжалъ осматривать лавку, и съ дворникомъ осматривалъ не только этотъ, но и сосѣдній подвалъ. Въ декабрѣ, во дворѣ дома графа Менгдена, шла перестройка. Я пришелъ и позвонилъ. Вышелъ младшій дворникъ, и на вопросъ, отдается ли магазинъ, онъ отвѣчалъ утвердительно, но объяснилъ при этомъ, что показать не можетъ, потому что нѣтъ старшаго дворника. Отдѣленіе, потомъ занятое Кобозевымъ, мы осматривали подробно. Въ это время тамъ работали штукатуры. Я нанималъ это помѣщеніе подъ магазинъ освѣтительныхъ матеріаловъ. Мы съ дворникомъ толковали о цѣнѣ. Но изъ осмотра я вынесъ такое заключеніе, что останавливаться на этомъ мѣстѣ не слѣдуетъ и что слѣдуетъ предпочесть метательные снаряды. Мнѣніе другихъ было иное, и оно было принято. Работа подкопа

была доведена до конца, и, слѣдовательно, мое мнѣніе было ошибочно. Я ссылаюсь на это обстоятельство, чтобы представить мои соображенія относительно справедливости показаній свидѣтеля. Послѣ найма этого магазина мнѣ пріѣзжать къ Кобозеву днемъ, въ такое мѣсто, которое нужно было беречь, какъ свой глазъ—было невозможно. За все время съ декабря по 28-е февраля я днемъ ни разу не проходилъ по Малой Садовой улицѣ. Мину работали въ двѣ смѣны, и я приходилъ на смѣну только ночью, руководствуясь тѣмъ, что живу на собственной квартирѣ, слѣдовательно, моя неночевка дома не будетъ извѣстна. Убѣдительна ли будетъ для васъ эта ссылка или нѣтъ—я не знаю, но по этимъ соображеніямъ днемъ я не могъ придти, да еще останавливаться у лѣстницы и осматриваться. Затѣмъ я прошу васъ сравнить показаніе Самойлова и Пѣтушкова относительно времени. Пѣтушковъ утверждаетъ, что вмѣстѣ съ Войновою, т. е. Перовской, я вышелъ изъ квартиры въ Измайловскомъ полку въ 4¼, а Самойловъ утверждаетъ, что видѣлъ меня въ 4 часа. Въ 4¼ мы дѣйствительно вышли съ Войновою изъ своихъ воротъ, взяли извозчика и поѣхали по Большой Садовой. Около Публичной библіотеки мы съ Перовской распрощались и встрѣтились лишь здѣсь на судѣ. По Большой Садовой сталъ за мной слѣдить переодѣтый сыщикъ, одинъ изъ тѣхъ, который бросился на меня въ квартирѣ Тригони, такъ что мнѣ нужно было сдѣлать отъ него нѣсколько круговъ. Затѣмъ я отправился на нѣсколько свиданій и пришелъ къ Тригони. Изъ протокола видно, что я былъ арестованъ у Тригони въ 7 часовъ. Ошибка произошла оттого, что предъявляютъ свидѣтелю лицо при обстоятельствахъ совершенно новыхъ, какъ напримѣръ меня предъявляли Самойлову, а затѣмъ свойство русскаго человѣка стоять во что бы то ни стало на разъ разсказанномъ поставило Самойлова въ положеніе человѣка, который подъ присягою утверждаетъ несообразность.

Первоприс. Свидѣтель, вы утверждаете, что видѣли подсудимаго въ лавкѣ Кобозева?—*Свид. Самойловъ.* Точно такъ. В. Вы прежде его видѣли, когда онъ осматривалъ помѣщеніе?—О. Не могу припомнить, потому что каждый день ходятъ, а тутъ еще постройка была.

Тов. прок. Въ настоящее время, всматриваясь на лицо подсудимаго, признаете ли вы его за того человѣка, который приходилъ въ лавку Кобозева 27 февраля?—*Свид. Самойловъ.* Признаю.—В. Затѣмъ, когда вамъ предъявляли его 27 февраля, то въ вашихъ глазахъ это былъ все тотъ-же Желябовъ?—О. Да.—В. Вамъ предъявляли его въ сюртукѣ? О. Да.—В. И все-таки вы признали въ немъ Желябова? О. Да.—В. И теперь признаете?—О. И теперь признаю, потому что я больше по лицу признаю.

Свид. крестьянинъ Ульяновъ (подручный дворникъ въ домѣ графа Менгдена) показалъ: въ первыхъ числахъ января пріѣхалъ въ лавку Кобозевъ.

Тов. прок. Ходили къ Кобозевымъ какіе-нибудь люди? *Свид. Ульяновъ.* Ходили въ послѣднее время.—В. Замѣтили вы кого-нибудь?—О. Замѣтилъ.—В. Посмотрите на подсудимыхъ: есть кто-нибудь похожій на того, котораго вы видѣли?—О. Вотъ крайній похожъ (Желябовъ), походкой и выходкой, но только борода была свѣтлѣе.—В. Когда вы его видѣли?—О. Въ пятницу, часу въ шестомъ, когда онъ выходилъ отъ Кобозевыхъ. Когда онъ приходилъ—я не видалъ.

Прис. пов. Кедринъ. Видѣли вы когда-нибудь эту женщину (Перовскую)?—*Свид. Ульяновъ.* Нѣтъ, не видалъ: она не приходила.

Свид. Петерсонъ (управляющій домомъ графа Менгдена) показалъ, что 2 декабря Кобозевъ снялъ помѣщеніе и далъ 50 рублей задатка, а затѣмъ началъ передѣлывать магазинъ на свей счетъ. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Москву, какъ говорилъ свидѣтелю, привезти сыру. Въ началѣ января, онъ заплатилъ 250 рублей. Свидѣтель, замѣтивъ хорошій почеркъ Кобозева, заявилъ околоточному о подозрѣніи. Справились на родинѣ и нашли, что бумаги Кобозева совершенно вѣрны.

Свид. Шмидтъ показалъ, что по заказу Кобозева дѣлалъ ему вывѣску за 35 рублей. Деньги за работу отъ Кобозева получилъ сполна.

Свид. Новиковъ (торговецъ сыромъ) показалъ, что изъ любопытства зашелъ въ лавку Кобозева и купилъ полъ круга сыра 4 февраля. За деньгами Кобозевъ зашелъ къ

свидѣтелю, и получилъ ихъ. Онъ показался свидѣтелю человѣкомъ „ни то, ни се“, но не торговымъ.

Тов. прок. Изъ чего вы заключили объ этомъ?—*Свид. Новиковъ.* Мы судили по своему навыку. Видно было, что онъ не такой, какъ нашъ братъ-торговецъ. Я пришелъ въ свою лавку и сказалъ: „ну, господа, въ этомъ торговцѣ сомнѣваться нечего, потому что онъ моей торговлѣ вредить не можетъ“.

Свид. Дмитріевъ (околоточный надзиратель 1 уч. Спасской части) показалъ: Въ первыхъ числахъ декабря мнѣ стало извѣстно, что Кобозевъ пожелалъ открыть сливочную лавку въ домѣ гр. Менгдена. Приставъ приказалъ мнѣ разузнать объ этой личности. Получивъ его адресъ, я передалъ его приставу, который сообщилъ въ Московскую часть. Въ январѣ Кобозевъ переѣхатъ въ помѣщеніе. До 27 февраля, по всѣмъ негласнымъ наблюденіямъ, оказалось, что Кобозева никто изъ подозрительныхъ не посѣщалъ. 27 го вечеромъ я встрѣтилъ на углу Садовой и Невскаго пристава, разговаривавшаго съ дворникомъ дома гр. Менгдена, и тутъ я отъ пристава узналъ, что въ лавку Кобозева пришелъ кто-то. Приставъ приказалъ мнѣ прослѣдить за этимъ человѣкомъ, когда онъ выйдетъ. Я пошелъ переодѣться въ статское платье и приказалъ двумъ дворникамъ, пока я вернусь, слѣдить за этимъ человѣкомъ. Возвратившись, я засталъ только одного дворника, и онъ сказалъ мнѣ, что другой пошелъ за этимъ человѣкомъ, который вышелъ изъ лавки, но что въ лавку пришелъ другой человѣкъ. Только что я сталъ переходить на другую сторону улицы, какъ замѣтилъ молодаго человѣка, который вышелъ изъ лавки довольно быстро и направился по Невскому къ Пассажу. Идя по Невскому, онъ останавливался у магазиновъ, и, не желая, чтобы замѣтили его лицо, утирался платкомъ. Затѣмъ когда онъ вернулся изъ Пассажа, то нанялъ лихача къ Вознесенскому мосту за одинъ рубль. Какъ только онъ сѣлъ въ сани, я обратился къ другому лихачу, но меня не узнали сначала, и только когда я подалъ голосъ меня узнали. Я сѣлъ въ сани и отправился за уѣхавшимъ. Около Казанскаго собора я, потерявъ слѣдъ, вернулся назадъ и сталъ ожидать возвращенія лихача. Вернувшись, онъ объяснилъ мнѣ, что отъ Вознесенскаго моста сѣдокъ приказалъ

ѣхать въ Измайловскій полкъ, гдѣ у Тарасова переулка сошелъ и скрылся въ переулкѣ. Я доложилъ объ этомъ приставу и просилъ, нельзя ли пригласить техника для осмотра лавки Кобозева, на что приставъ согласился. Находясь на посту на Невскомъ, въ ожиданіи проѣзда Государя Императора и Наслѣдника, я получилъ свѣдѣніе, что прибудетъ приставъ съ инженеромъ. Дѣйствительно, они пріѣхали и отправились въ помѣщеніе Кобозева, а мнѣ приказали остаться. По выходѣ оттуда я слышалъ, какъ они говорили, что ничего подозрительнаго нѣтъ, и потомъ отправились въ сосѣдній пустой подвалъ, осмотрѣли его и разъѣхались. Такимъ образомъ въ субботу я просидѣлъ ночь въ статскомъ платьѣ, наблюдая, не придетъ ли кто-нибудь къ Кобозеву, но никто не приходилъ. На другой день я сталъ приготовлять улицу въ ожиданіи проѣзда Государя: осмотрѣлъ нежилыя помѣщенія, что лежало на моей обязанности. Отдежурилъ я до понедѣльника, когда дворникъ мнѣ сказалъ, что Кобозевъ вчера возвратился въ нетрезвомъ видѣ и, не заперевъ лавку, заснулъ. Я доложилъ объ этомъ приставу. Во вторникъ мы всѣ были заняты по случаю панихиды. Въ среду я отправился на Невскій проспектъ утромъ, и дворникъ заявилъ мнѣ, что Кобозевъ не ночевалъ дома, а въ 10 мъ часу я узнаю, что онъ не возвращался. Затѣмъ пришелъ дворникъ и говоритъ, что пришли въ лавку покупатели, а тамъ никого нѣтъ. Я сказалъ, что мнѣ некогда идти смотрѣть. Дворникъ заявилъ, что онъ замѣтилъ въ лавкѣ землю и инструменты какіе-то. Я доложилъ объ этомъ приставу, который далъ знать о томъ властямъ.

Тов. прок. Можете ли вы признать того молодаго человѣка, который ѣхалъ на лихачѣ?—*Свид. Дмитріевъ.* Узнаю.—В. Посмотрите на подсудимыхъ?—О. Онъ былъ похожъ на втораго (Михайлова).—В. Вы черты лица его замѣтили?—О. Да. Но тогда лицо было чистое.

Подс. Михайловъ. Я въ лавкѣ Кобозева никогда не бывалъ и не зналъ, кто ее держитъ. Я даже не былъ и на Малой Садовой никогда, но что проходилъ по улицѣ —можетъ быть, за это не могу ручаться.

. *Тов. прок.* Вы увидѣли этого молодаго человѣка на улицѣ?—*Свид. Дмитріевъ.* Я стоялъ по срединѣ Малой Садо-

вой, и на моихъ глазахъ онъ вышелъ изъ лавки, а я пошелъ за нимъ.

Подс. Желябовъ. Въ которомъ часу неизвѣстный человѣкъ вышелъ изъ лавки Кобозева?—*Свид. Дмитріевъ.* Въ 10-ть, въ 11-мъ часу вечера.—В. Въ какомъ костюмѣ былъ этотъ человѣкъ?—О. Въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и въ драповой шапкѣ котелкомъ.

Подс. Желябовъ. Я долженъ сказать суду, что знаю, кто это былъ, но не Михайловъ. Если мое заявленіе что-нибудь значитъ, то прошу принять его во вниманіе. Такой одежды у Михайлова не было. У него была невзрачная шуба, въ которой садиться на лихача не приходится и едва ли онъ дастъ такому человѣку мѣсто. Затѣмъ Михайловъ не имѣлъ и не могъ имѣть никакого сношенія къ лавкѣ Кобозева. Изъ показанія свидѣтеля и зная лицо, бывшее тамъ въ то время, я вижу, что свидѣтель недостаточно всмотрѣлся въ этого человѣка. Со временемъ вы будете видѣть на этой скамьѣ подсудимыхъ дѣйствительнаго посѣтителя лавки Кобозева. Теперь же я прошу васъ имѣть въ виду мое показаніе, что это не былъ Тимоѳей Михайловъ.

Тов. прок. Я прошу занести въ протоколъ это заявленіе подсудимаго.

Передопрошенъ свидѣтель Самойловъ по просьбѣ товарища прокурора.

Тов. прок. Вы видѣли сами двухъ людей, которые пріѣхали въ лавку Кобозева въ пятницу?

Самойловъ. Я видѣлъ только одного, вотъ перваго (показываетъ на Желябова).—В. Кобозевъ когда вернулся: въ воскресенье?—О. Я слышалъ отъ Ульянова, что въ четвертомъ часу утра, но самъ не видалъ. Я видѣлъ его только вечеромъ, когда покупатели заявили мнѣ, что онъ спитъ, а лавка растворена. Я вошелъ туда, покричалъ, но онъ не откликнулся. Я подошелъ къ кровати, разбудилъ его и спрашиваю: что съ вами? Онъ отвѣтилъ: „Ахъ, да, неловко въ самомъ дѣлѣ“.—В. Вамъ онъ показался пьянымъ?—О. Нѣтъ, можетъ быть немножко выпивши былъ и заснулъ.

Подс. Желябовъ. Слѣдовательно, я пришелъ въ 3 часа. Видѣлъ ли свидѣтель, какъ я вышелъ?

Свид. Самойловъ. Нѣтъ, я тогда смѣнился, а Ульяновъ видѣлъ.—В. Ульяновъ говоритъ, что я вышелъ въ шестомъ

часу. Говорилъ ли свидѣтель Дмитріеву что-нибудь такое, изъ чего Дмитріевъ могъ бы заключить, что Кобозевъ былъ пьянъ?—О. Въ воскресенье полиція была занята, и намъ приказано было отъ дома не отлучаться, поэтому я заявилъ полиціи на другой день, въ понедѣльникъ, что Кобозевъ спалъ.—В. Говорилъ ли свидѣтель Дмитріеву о томъ, что онъ засталъ Кобозева въ пьяномъ видѣ или что засталъ его въ разстроенномъ видѣ?—О. Видать было, что онъ выпивши, но вошелъ не шатаясь.

Подс. Желябовъ. Если бы не было на это обстоятельство обращено вниманіе прокурора, то я не спрашивалъ бы свидѣтеля, потому что полагаю, что наша дѣятельность такова, что перерождаетъ людей и пьянству мы не предаемся, особенно такой человѣкъ, какъ Кобозевъ. Онъ совершенно непьющій.

Передопрошенъ свидѣтель *Ульяновъ.*

Тов. прок. Видѣли ли вы двухъ людей, которые выходили изъ лавки Кобозева въ пятницу?

Свид. Ульяновъ. Я видѣлъ, когда одинъ человѣкъ уходилъ, а другой внизъ спускался.

Свид. Гординъ (извозчикъ-лихачъ) показалъ: часовъ въ 10—11 вечера, какой-то молодой человѣкъ подошелъ и сталъ нанимать къ Вознесенскому мосту за 1 рубль. Я его посадилъ. Когда стали подъѣзжать къ Вознесенскому мосту, онъ сказалъ: поѣзжай въ 1-ю роту Измайловскаго полка, я за это тебѣ заплачу 3 руб. Подъѣзжаемъ къ 1-й ротѣ и я хочу сворачивать, но онъ говоритъ: поѣзжай во 2-ю. Я спросилъ, гдѣ прикажете оставиться; онъ сказалъ: стой. Это на углу Тарасова переулка. Онъ вышелъ изъ саней и заплатилъ мнѣ 3 руб. 20 коп. на чай, а самъ пошелъ въ переулокъ. Когда я вернулся назадъ, околоточный Дмитріевъ спросилъ меня, куда я его возилъ. Я сказалъ.

Первоприс. Посмотрите на подсудимыхъ, узнаете ли между ними того, котораго вы возили?

Свид. Гординъ (показываетъ на Михайлова). Вотъ этотъ господинъ похожъ, только тогда бороды не было.

Тов. прок. А по сложенію и вообще по виду похожъ? *Свид. Гординъ.* Похожъ.—В. Во что онъ былъ одѣтъ?—О. Въ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и круглой шапкѣ.

Прис. пов. Хартулари. Вы припомните голосъ этого человѣка?—*Свид. Гординъ.* Словъ немного онъ говорилъ... не знаю.—В. Онъ говорилъ какъ измученный человѣкъ?—О. Да, товарищи спрашивали съ него 3 рубля, а онъ говоритъ рубль, я и свезъ.

Подс. Михайловъ. Въ которомъ часу это было?

Свид. Гординъ. Въ 10—11-мъ.

Прис. пов. Хартулари. Ну, что, этотъ голосъ похожъ? *Свид. Гординъ.* Нѣтъ, этотъ голосъ измѣненъ, не похожъ. Голосъ былъ чище.

Подс. Желябовъ. Въ голосѣ того человѣка слышалась привычка повелѣвать или это былъ простой человѣкъ, въ родѣ торговца?

Свид. Гординъ. Онъ говорилъ: поѣзжай пошибче.

Подс. Михайловъ. Мнѣ не приходилось ѣздить на рысакахъ, и тогда я имѣлъ у себя только 5 коп. Показаніе свидѣтеля невѣрно.

Передопрошенъ свидѣтель Дмитріевъ по просьбѣ защиты.

Прис. пов. Хартулари. Вы начали выслѣживать вышедшаго изъ лавки Кобозева человѣка на Малой Садовой?

Свид. Дмитріевъ Я хотѣлъ только перейти на другую сторону, какъ онъ вышелъ и направился къ Невскому, повернувъ къ Пассажу. Я прошелъ мимо его, не давая признаковъ, что слѣжу за нимъ, но онъ утиралъ лицо платкомъ.—В. Осталась у васъ въ памяти физіономія этого человѣка?—О. Это былъ только одинъ моментъ, такъ что хорошо не могу припомнить.

Свид. Теглевъ (приставъ 1 го участка Спасской части). Когда Кобозевъ желалъ открыть лавку и первый разъ явился въ управленіе участка, онъ обратилъ на себя мое вниманіе бойкостью своихъ отвѣтовъ. Я тогда же поручилъ околоточному надзирателю, чтобы онъ наблюдалъ за этимъ человѣкомъ. Когда онъ въ январѣ открылъ лавку, то спустя нѣкоторое время я получилъ заявленіе, что торговля Кобозева идетъ очень плохо, вслѣдствіе чего мною было заявляемо въ секретное отдѣленіе, которое я просилъ узнать, существуетъ ли дѣйствительно Кобозевъ на родинѣ и гдѣ находится. Вслѣдствіе этого черезъ нѣкоторое время полученъ былъ отвѣтъ съ родины Кобозева, что дѣйствительно такое лицо существуетъ и что ему выданъ паспортъ

отъ такого-то числа за такимъ-то нумеромъ и изъ такого-то правленія. Это свѣдѣніе было совершенно тождественно съ тѣмъ паспортомъ, который мнѣ былъ предъявленъ Кобозевымъ. Тѣмъ не менѣе, продолжая получать извѣщенія, что торговля Кобозева идетъ плохо, я просилъ секретное отдѣленіе узнать въ торговомъ мірѣ: не знаетъ ли его кто-нибудь. Когда кто-то изъ присутствующихъ сказалъ, что можно спросить одного оптоваго торговца сыромъ, я обратился къ этому торговцу, и отъ одного изъ его приказчиковъ узналъ, что онъ былъ въ лавкѣ Кобозева и что онъ дѣйствительно торгуетъ. Когда въ концѣ масляницы мнѣ заявили, что лавку Кобозева стали посѣщать молодые люди, то я велѣлъ еще больше слѣдить за ней. За однимъ изъ такихъ людей отправился наблюдать дворникъ, но онъ у него скрылся изъ виду. Другой человѣкъ уѣхалъ на извозчикѣ. Это еще болѣе возбудило мое подозрѣніе. Тогда я обратился къ градоначальнику и просилъ разрѣшенія освидѣтельствовать лавку, причемъ указалъ на благовидный предлогъ, а именно сырость. Я получилъ разрѣшеніе осмотрѣть подъ этимъ предлогомъ лавку, и въ помощь мнѣ былъ командированъ генералъ Мровинскій. Ему я заявилъ всѣ мои подозрѣнія и просилъ отправиться вмѣстѣ со мною посмотрѣть, нѣтъ-ли подкопа.

Первоприс. Слѣдовательно, у васъ была уже мысль о возможности подкопа?

Теглевъ. Точно такъ. Я разсказалъ генералу Мровинскому всѣ мои подозрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что есть благовидный предлогъ осмотра, именно, не сочится ли вода. Мы вошли въ лавку, и я обратилъ вниманіе техника на обшивку. Онъ посмотрѣлъ, постучалъ, и мы вошли во вторую комнату. Я отодвинулъ сундукъ, который стоялъ въ углу, техникъ осмотрѣлъ стѣны, и мы перешли въ третью комнату. Я указалъ на кучу, которая тутъ была, такъ какъ самъ не могъ войти, потому что въ комнатѣ было уже трое. Кобозевъ сказалъ, что это коксъ, и генералъ Мровинскій подошелъ, взялъ кусокъ и сказалъ, что это дѣйствительно коксъ. Выходя генералъ Мровинскій сказалъ мнѣ, что онъ ничего подозрительнаго не видитъ. Когда пошли опять во вторую комнату, я снова обратилъ его вниманіе на обшивку, и говорю Кобозеву: »здѣсь прежде была сырость, и вы,

обшивши стѣну, мѣшаете проникать воздуху«. Генералъ Мровинскій сказалъ, что дѣйствительно такъ, что за обшивку попадаютъ крошки сыра; онѣ гніютъ и портятъ воздухъ. Я ожидалъ, что онъ прикажетъ отодрать доску, но онъ сказалъ, что подозрительнаго ничего не видитъ, и я успокоился.

Свид. Лерсландъ (помощникъ пристава 1-го участка Спасской части). 27-го февраля околоточный Дмитріевъ передалъ мнѣ, что имѣетъ на лавку Кобозева подозрѣніе. Я обратился къ приставу и просилъ его позволить мнѣ сходить на мѣсто. Получивши разрѣшеніе, я отправился, вызвалъ дворника, разспросилъ о томъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь данныхъ, по которымъ можно было бы заподозрить Кобозева. Дворникъ сказалъ, что ничего не слыхалъ и не видалъ, но что четверть часа назадъ въ лавку вошелъ молодой человѣкъ, котораго онъ видѣлъ раза два до этого, и что выходя онъ какъ будто бы осматривался. Я доложилъ объ этомъ приставу. Въ виду этого былъ командированъ околоточный надзиратель Дмитріевъ, съ тѣмъ чтобы слѣдить за лавкой, и затѣмъ было предписано технику Аникину прибыть для освидѣтельствованія подвала. На утро мнѣ сказали, что Аникинъ занятъ исполненіемъ другаго порученія. Я просилъ пристава, нельзя ли доложить градоначальнику. Приставъ съѣздилъ, и, возвратившись, велѣлъ мнѣ ждать на углу Невскаго и Малой Садовой, причемъ сказалъ, что онъ явится вмѣстѣ съ старшимъ техникомъ, генераломъ Мровинскимъ. Дѣйствительно, они явились и приказали мнѣ слѣдовать за собой. Я спросилъ, не взять ли кого-нибудь, но приставъ сказалъ, что никого не нужно, для того чтобы не подавать ни малѣйшаго повода полагать, что осматривается что-нибудь другое, кромѣ сырости стѣнъ. Въ лавку вошли генералъ Мровинскій, приставъ и дворникъ, а я вошелъ послѣдній. Обошли комнаты; въ нихъ было чисто, аккуратно, такъ что ничего замѣтно не было. Когда вышли изъ лавки, я спросилъ: что же оказалось. Приставъ говоритъ, что, по увѣренію генерала Мровинскаго, стѣны совершенно цѣлы и что относительно подкопа нечего опасаться.

Свид. инженеръ-генералъ Мровинскій. 28-го февраля, около 12 часовъ дня, прибылъ ко мнѣ приставъ 1-го участка

Спасской части и заявилъ, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ открылась лавка въ подвалѣ, которая платитъ большую сумму, а торговля идетъ плохо, и что лавка эта становится подозрительною; что поэтому онъ обратился съ ходатайствомъ о моемъ содѣйствіи посмотрѣть, что дѣлается въ лавкѣ. Какъ технику, мнѣ первая мысль пришла, не дѣлается ли какая работа по подкопу. При этомъ приставъ сказалъ, что нужно въ лавку войти подъ благовиднымъ предлогомъ, а именно: что въ сосѣднемъ подвалѣ просачивается вода. Я спросилъ, нужно ли сейчасъ сдѣлать осмотръ или можно отложить; приставъ отвѣтилъ, что нужно сейчасъ. Мы поѣхали; вошли въ помѣщеніе. Въ первой комнатѣ никого не было, но затѣмъ вышелъ мужчина высокаго роста съ рыжеватыми волосами; приставъ объявилъ ему причину нашего посѣщенія. Тогда онъ отозвался, что у него сырости никакой нѣтъ. Мы вошли въ сосѣднюю комнату, и я, подъ предлогомъ осмотра сырости стѣнъ, конечно устремилъ все свое вниманіе на наружныя стѣны. На наружной стѣнѣ посрединѣ висѣла лампадка; около входа направо не было ничего; затѣмъ въ комнатѣ стоялъ не большой столикъ и легкая этажерка, а далѣе большой сундукъ и потомъ шкафъ, а въ углу лежали войлоки. Я просилъ, чтобы отодвинули сундукъ, столъ и войлоки; ихъ отодвинули. Комната была освѣщена однимъ окномъ, а другое было закрыто. Такъ какъ я хотѣлъ внимательно осмотрѣть, то просилъ зажечь свѣчку. По наружной стѣнѣ, какъ я видѣлъ, прежде протекала вода, и домовладѣлецъ утолстилъ эту стѣну, такъ что образовался выступъ, въ родѣ лавки. Я осмотрѣлъ стѣну и никакихъ признаковъ не было. За сундукомъ, на стѣнѣ, было большое пятно. Я внимательно осмотрѣлъ его и велѣлъ стереть; оказалось, что это была просто налетная пыль. Затѣмъ по дальнѣйшему осмотру ни въ штукатуркѣ, ни въ стѣнѣ никакихъ признаковъ, которые могли бы навести на сомнѣніе—не оказалось. Я обратился къ остальной части комнаты, гдѣ тоже не было никакихъ слѣдовъ. Въ задней и послѣдней комнатѣ лежала небольшая куча сѣна, и я спросилъ, откуда это сѣно. Хозяинъ лавки сказалъ, что это отъ сыровъ. Мы вернулись въ первую комнату; тамъ стояла большая бочка въ углу и на ней сдѣлана надпись

на днѣ. Я спросилъ, что это такое, и мнѣ отвѣтили, что это сыръ. Я прочиталъ надпись; на ней значилось: С. Кобозеву. Такъ какъ я знаю одного торговца Кобозева, то спросилъ хозяина лавки, не родственникъ ли онъ ему. Онъ сказалъ, что нѣтъ. Затѣмъ вдоль стѣны были полки, на которыхъ разложены были сыры, а пространство за ними зашито было досками. Я попробовалъ лицевую доску, но она оказалась крѣпко прибитой. Хозяинъ сказалъ, что забили стѣну отъ сырости. Я сказалъ, что это дурно сдѣлали, потому что въ щели будутъ попадать остатки сыра и разлагаться. Затѣмъ стояли кадки; прилавокъ былъ довольно чистый и нигдѣ никакихъ царапинъ и признаковъ не было. Мнѣ еще разъ хотѣлось взглянуть на вторую комнату. Войдя, я облокотился на подоконникъ, смотря на улицу, и въ это время довольно сильно дернулъ рукою подоконникъ, но онъ не подался. Мы вышли изъ помѣщенія и перешли въ другой подвалъ.

Тов. прок. Не замѣтили ли вы во время осмотра, чтобы Кобозевъ былъ смущенъ?—*Свид. Мровинскій.* Онъ все время былъ около меня.—В. Въ его лицѣ и поведеніи не замѣтили ли вы чего-нибудь?—О. Да, онъ былъ безпокоенъ и встревоженъ.

Свид. Ванденъ-Бергенъ (младшій помощникъ пристава 1-го участка Спасской части). Я былъ командированъ сообщить судебному слѣдователю о томъ, что Кобозевъ и его жена скрылись. Судебный слѣдователь приказалъ мнѣ ожидать его прибытія. Когда онъ явился, мы съ понятыми вошли въ лавку и начали осмотръ. Въ двухъ ящикахъ оказался песокъ. Я осмотрѣлъ диванъ и увидѣлъ, что онъ также былъ наполненъ пескомъ и инструментами.

Затѣмъ были предъявлены вещественныя доказательства, относящіяся къ подкопу на Малой Садовой: ломъ, съ загнутой лопатой, приспособленный для выломки кирпичей, буравы, лопатки и проч. Что же касается самаго снаряда и бутыли, вынутыхъ изъ мины, то такъ какъ запалъ еще не разряженъ, то эти вещи, по заявленію первоприсутствующаго, были осмотрѣны Особымъ Присутствіемъ въ отдѣльномъ помѣщеніи при участіи обвиненія и защиты, такъ что въ залу суда они не были внесены.

Затѣмъ были приглашены эксперты дать заключеніе о томъ, что было найдено въ минѣ и какъ были вынуты снаряды.

Полковникъ Лисовскій объяснилъ, что съ начала открытія подкопа онъ не присутствовалъ, и пріѣхалъ тогда, когда отверстіе мины было уже открыто. Изъ отверстія были вынуты элементы, находившіеся въ корзинкѣ, затѣмъ усмотрѣны новые проводы и далѣе виднѣлась галлерея. Приступили ко вскрытію мостовой и рытью почвы надъ снарядомъ. Экспертъ приказалъ рядовому Смирнову войти въ галлерею, чтобы обслѣдовать ее. Смирновъ влѣзъ въ отверстіе съ большимъ трудомъ, и при помощи фонаря обслѣдовалъ галлерею. Ему дали веревку, къ концу которой была привязана палка, которую онъ уткнулъ въ то мѣсто, гдѣ началась забивка, около сточной трубы. Смѣривши разстояніе отъ внутренней стѣны до края забивки, такое же разстояніе отмѣрили по поверхности мостовой, и это мѣсто избрали за центръ работъ, гдѣ люди и начали производить раскопку. Смирновъ заявилъ, что кромѣ проводовъ въ галлереѣ лежитъ еще канатъ. Предполагая, что этотъ канатъ имѣетъ значеніе провода, который могъ служить для взрыва мины автоматическимъ способомъ, если бы не удался гальваническій,—работы вечеромъ были остановлены до утра. Когда на другой день дорылись до основанія галлереи, люди съ большою осторожностью стали отрывать землю, которая служила забивкою. Вмѣстѣ съ землею вынимались куски войлока. Забивку вынимали крайне осторожно, чтобы не тронуть проводниковъ и каната. Когда наконецъ дошли до головы миннаго отверстія, минеръ заявилъ, что видится нѣчто. Подобравшись ближе, онъ вытащилъ бутыль. Ее осторожно вынули, поставили на мостовую, и по приказанію генералъ-маіора Федорова она была вскрыта извѣстнымъ образомъ, именно: посредствомъ нагрѣтыхъ войлоковъ, которые накладывались на пробку. Затѣмъ минеръ сказалъ, что видится еще жестяная вещь; вытащили и ее вмѣстѣ съ проводниками и канатомъ, который, какъ оказалось, служилъ просто для передвиженія снарядовъ.

Генералъ-маіоръ Федоровъ объяснилъ, что такъ какъ замерзшій динамитъ трудно воспламеняется, то въ запалѣ было сдѣлано особенное приспособленіе, а именно: запалъ

входилъ въ шашку пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Этотъ зарядъ долженъ былъ взорваться посредствомъ тока, а бутыль должна была взорваться отъ сотрясенія взрыва перваго снаряда, такъ что она была поставлена для усиленія взрыва. Затѣмъ всѣ эксперты, а именно: гг. Федоровъ, Лисовскій, Родивановскій, Линдеверъ и Тишковъ въ своихъ заключеніяхъ въ сущности высказали, что въ корзинѣ оказалось четыре элемента батареи Грене. Жидкость оказалась зеленаго цвѣта и до нѣкоторой степени была въ работѣ. Крышки были неплотно привернуты; цинкъ былъ съѣденъ; концы проволоки были зачищены, такъ что батарея была совершенно приготовлена ко взрыву и нѣсколько времени уже работала. Чтобы произвести взрывъ оставалось только соединить проводники. Одинъ изъ экспертовъ, желая посмотрѣть отверстіе, хотѣлъ туда войти, но пролѣзть не могъ. Изъ канала шелъ весьма сильный запахъ сѣрнистаго водорода, что объясняется присутствіемъ разрѣзанной трубы. Вынутыя впослѣдствіи доски были сильно насыщены карболовой кислотой. Когда вынули раму, то увидѣли, что отверстіе расширяется. Въ лавкѣ была открыта масса земли. По вычисленіямъ экспертовъ оказалось, что изъ галлереи должно быть вынуто 82 фута земли, а въ лавкѣ оказалось 109 футовъ. Если принять во вниманіе, что вынутая изъ галлереи земля разрыхлилась, то это даетъ увеличеніе, такъ что количество вынутой земли совпадало съ найденнымъ въ лавкѣ, а потому эксперты заключили, что изъ лавки земля никуда не выносилась. Въ одной изъ комнатъ земля находилась просто въ кучѣ, прикрытой сѣномъ.

На вопросъ прокурора, сколько времени понадобилось для производства этихъ земляныхъ работъ, предполагая, что онѣ производились двумя или четырьмя лицами, полковникъ Лисовскій объяснилъ, что работа эта потребовала отъ трехъ до четырехъ недѣль, причемъ онъ полагаетъ, что болѣе двухъ человѣкъ одновременно работать не могли, и именно одинъ работалъ въ головѣ, а другой у отверстія.

На дальнѣйшіе вопросы прокурора эксперты объяснили, что работа ведена съ знаніемъ дѣла. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находится ломъ съ особенно устроенной лапой, посредствомъ котораго можно выламывать кирпичъ безъ шуму. Подкопъ велся тѣмъ же способомъ, ко-

торый употребляется въ горномъ дѣлѣ. Вести галлерею особеннаго труда не представлялось, и только когда прорѣзали сточную трубу, то изъ нея много выдѣлялось газовъ, для противодѣйствія которымъ употреблялась въ сильныхъ дозахъ карболовая кислота. Въ зарядѣ и бутыли чернаго динамита оказалось съ посудою 89 фунтовъ. Большую мину генералъ-маіоръ Федоровъ разрядилъ, а бутыль осталась нетронутою, такъ какъ она залита парафиномъ. Динамитъ въ минѣ былъ того же качества, какъ и остатокъ въ жестянкахъ, найденныхъ въ квартирѣ Желябова. Если взять емкость этихъ трехъ жестянокъ, то она подходитъ къ емкости большаго заряда, а емкость сахарницы, если она была наполнена динамитомъ, соотвѣтствуетъ емкости бутыли. Относительно степени разрушенія эксперты полагали, что взрывъ мины образовалъ бы воронку отъ 2¼ до 3 сажень въ діаметрѣ. Въ окружающихъ домахъ были бы выбиты рамы, обвалилась бы штукатурка и куски асфальта взлетѣли бы къ верху; кромѣ того, въ домахъ могли бы разрушиться и печки. Что касается стѣнъ домовъ, то, смотря по степени ихъ прочности, онѣ могли бы дать болѣе или менѣе значительныя трещины. Отъ взрыва пострадали бы всѣ проходившія по панелямъ, ѣхавшіе по мостовой и даже люди, стоявшіе въ окнахъ нижнихъ этажей. Люди могли пострадать какъ отъ дѣйствія газовъ и сотрясенія, такъ и отъ кусковъ падающаго асфальта и карнизовъ.

Подс. Кибальчичъ, выслушавъ экспертизу, заявилъ: Принимая діаметръ воронки въ три сажени, оказывается, что сфера разрушенія, происшедшаго отъ взрыва, была бы очень мѣстная; разстояніе отъ краевъ воронки до панелей, гдѣ стояли или шли люди, было бы все-таки значительное, такъ что мнѣ кажется неоспоримымъ, что стоявшіе на паняхъ не пострадали бы отъ сотрясенія и газовъ: могли бы пострадать только отъ обломковъ асфальта, но они взлетѣли бы вверхъ и только падая внизъ могли произвести ушибы. Вотъ весь вредъ, который могъ быть причиненъ взрывомъ постороннимъ лицамъ. Что касается до вреда домамъ, то не спорю, что окна были бы выбиты, какъ показалъ взрывъ метательныхъ снарядовъ, но чтобы обрушились печи и потолки, то я считаю это совершенно невѣроятнымъ. Я про-

силъ бы гг. экспертовъ привести изъ литературы предмета примѣръ, чтобы два пуда динамита на такомъ разстояніи произвели такое разрушительное дѣйствіе, о которомъ они говорятъ. Я полагаю, что взрывъ этой мины былъ бы даже менѣе разрушителенъ, чѣмъ взрывъ двухъ метательныхъ снарядовъ. Конечно, все, что находилось бы подъ воронкой, т. е. экипажъ и конвой, погибли бы, но не больше.

Свид. Смирновъ и Гурьевъ (рядовые гальванической роты) показали, какъ первый изъ нихъ влѣзъ въ галлерею для ея осмотра, и второй—какъ онъ раскапывалъ забивку, вынулъ бутыль и потомъ цилиндръ съ главнымъ зарядомъ, что уже извѣстно изъ показанія экспертовъ.

Свид. Михайловъ (братъ подсудимаго) на вопросы защитника показалъ, что изъ числа подсудимыхъ одного признаетъ своимъ братомъ.

Прис. пов. Хартулари. Когда онъ пріѣхалъ изъ деревни на заработки?—*Свид. Михайловъ.* Съ 15-ли лѣтъ уѣхалъ. В. До того времени что онъ дѣлалъ?—О. Грамотѣ учился. В. Гдѣ учился — въ Петербургѣ или въ деревнѣ? О. Въ деревнѣ онъ зналъ только читать.—В. Какъ онъ велъ себя здѣсь, въ Петербургѣ?—О. Онъ прежде хорошо велъ себя; работалъ на заводахъ. Только нынѣшнею зимою онъ работалъ вмѣстѣ со мною у Петрова, а то одинъ работалъ. В. Имѣлъ онъ большіе заработки?—О. Нѣтъ. Прежде, когда работалъ у Голубева, онъ зарабатывалъ хорошія деньги, достаточно высылалъ роднымъ. До работы у Петрова мы все время вмѣстѣ жили.

Подс. Михайловъ. Я въ деревнѣ занимался крестьянскою работою, такъ что я знаю ее всю, а грамотѣ учился только 2—3 недѣли; выучился церковной азбукѣ и могъ читать по складамъ.

На вопросъ первоприсутствующаго, чѣмъ стороны желаютъ дополнить судебное слѣдствіе, тов. прокурора просилъ предъявить Особому Присутствію и обратить вниманіе на разныя вещественныя доказательства, между прочимъ, на отобранные у Рысакова револьверъ съ шестью патронами, паспортъ на имя Грязнова, тетрадь, подъ заглавіемъ: «Объяснительная записка»; обертка съ планомъ Петербурга; письмо, писанное Рысаковымъ къ отцу; стихотвореніе, начинающееся словами: „Когда придетъ то времячко“, и т. д.

Относительно стихотворенія подсудимый Рысаковъ объяснилъ, что онъ писано его рукою, но онъ не помнитъ, гдѣ и откуда онъ его списалъ.

Далѣе тов. прокурора обратилъ вниманіе на вещественныя доказательства, отобранныя въ квартирѣ умершаго въ госпиталѣ, именовавшагося Ельниковымъ, между прочимъ, на платокъ съ мѣткой Н. Р., который, по предъявленіи подсудимому Рысакову, онъ призналъ своимъ.

Объяснивъ, что Особое Присутствіе предоставляетъ сторонамъ ссылаться на всѣ имѣющіяся въ дѣлѣ вещественныя доказательства, первоприсутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ и прервалъ засѣданіе до 10 часовъ слѣдующаго 28-го марта.

Засѣданіе 28 марта.

По открытіи засѣданія въ 10 часовъ утра, первоприсутствующій предложилъ исполняющему обязанности прокурора произвести обвинительную рѣчь.

Исполняющій обязанность прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената Н. В. Муравьевъ. Гг. сенаторы, гг. сословные представители!—Призванный быть на судѣ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній когда-либо совершившихся на Русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ лежащей на мнѣ задачи. Передъ свѣжею едва закрывшеюся могилою нашего возлюбленнаго Монарха, среди всеобщаго плача Отечества, потерявшаго такъ неожиданно и такъ ужасно своего незабвеннаго Отца и Преобразователя, я боюсь не найти въ своихъ слабыхъ силахъ достаточно яркаго и могучаго слова, достойнаго того великаго народнаго горя, во имя котораго я являюсь теперь передъ вами требовать правосудія виновнымъ, требовать возмездія, а поруганной ими, проклинающей ихъ Россіи—удовлетворенія! Какъ русскій и вѣрноподданный, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ, я исполню свою обязанность, положивъ въ нее всѣ силы, всю душу свою; но на моемъ пути есть одно не легко преодолимое препятствіе, о которомъ я не могу не сказать вамъ, потому что увѣренъ, что съ нимъ столкнетесь или уже столкнулись и вы. Трудно, милостивые государи, быть юри-

стомъ, слугою безличнаго и безстрастнаго закона въ такую роковую историческую минуту, когда и въ себѣ самомъ, и вокругъ все содрогается отъ ужаса и негодованія, когда при одномъ воспоминаніи о событіи 1-го марта—неудержимыя слезы подступаютъ къ глазамъ и дрожатъ въ голосѣ, когда все, что есть въ странѣ честнаго и вѣрнаго своему долгу, громко вопіетъ объ отмщеніи; трудно, но для насъ, людей суда, обязательно и необходимо прежде всего потому, что о безпристрастіи и спокойствіи всесторонняго судебнаго разсмотрѣнія, о судѣ на точномъ основаніи всѣхъ правилъ и гарантій судопроизводства говоритъ намъ самый законъ, данный тѣмъ же Мудрымъ Законодателемъ обновленной Россіи, чей еще такъ недавно свѣтлый и милостивый образъ мы съ горестью видимъ теперь передъ собою облеченнымъ въ трауръ по Его безвременной кончинѣ. Судебное слѣдствіе, полное потрясающихъ фактовъ и страшныхъ подробностей, раскрыло такую мрачную бездну человѣческой гибели, такую ужасающую картину извращенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ и инстинктовъ, что намъ понадобится все мужество и все хладнокровіе гражданина, предъ которымъ внезапно открылась зіяющая глубокая язва родины и отъ котораго эта родина ждетъ перваго ближайшаго, спѣшнаго средства для своего исцѣленія. Для того, чтобы произнести надъ подсудимыми судъ справедливости и закона, намъ предстоитъ спокойно изслѣдовать и оцѣнить во всей совокупности несмываемыя пятна злодѣйски пролитой царственной крови, область безумной подпольной крамолы, фанатическое исповѣданіе убійства, всеобщаго разрушенія—и въ этой горестной но священной работѣ да поможетъ намъ Богъ!

Велѣнія Промысла неисповѣдимы. Совершилось событіе неслыханное и невиданное: на нашу долю выпала печальная участь быть современниками и свидѣтелями преступленія, подобнаго которому не знаетъ исторія человѣчества. Великій Царь-Освободитель, благословляемый милліонами вѣковыхъ рабовъ, которымъ Онъ даровалъ свободу, Государь, открывшій своей обширной странѣ новые пути къ развитію и благоденствію, человѣкъ, чья личная кротость и возвышенное благородство помысловъ и дѣяній были хорошо извѣстны всему цивилизованному міру, словомъ, Тотъ,

на Комъ въ теченіи четверти столѣтія покоились всѣ лучшія надежды русскаго народа—палъ мученическою смертью на улицахъ своей столицы. среди бѣлаго дня, среди кипящей кругомъ жизни и вѣрнаго Престолу населенія! Я постараюсь доказать впослѣдствіи, что въ этой обстановкѣ преступленія, которую убійцы въ своемъ циническомъ самомнѣніи приписываютъ своему могуществу, сказалась лишь особая злостность адски задуманнаго плана и простое сцѣпленіе роковыхъ случайностей; теперь же я долженъ остановить вниманіе Особаго Присутствія на самомъ событіи этого преступленія, и пригласить высокое судилище вмѣстѣ со мною углубиться въ его невыразимо тягостныя подробности. Это не фактъ, это исторія. Съ глубоко-сердечною болью я вызываю это страшное воспоминаніе о цареубійствѣ, но я не могу сдѣлать иначе по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что изъ кроваваго тумана, застилающаго печальную святыню Екатерининскаго канала, выступаютъ передъ нами мрачные облики цареубійцъ;во-вторыхъ... но здѣсь меня останавливаетъ на минуту смѣхъ Желябова, тотъ веселый или ироническій смѣхъ, который не оставлялъ его во время судебнаго слѣдствія и который вѣроятно заставитъ его и потрясающую картину событія 1-го марта встрѣтить глумленіемъ. Но я вижу среди подсудимыхъ людей, которые, каковы бы они ни были, все таки не въ такомъ настроеніи, какъ Желябовъ, и потому я рѣшаюсь еще разъ подвергнуть общую печаль его глумленію—я знаю, что такъ и быть должно: вѣдь когда *люди* плачутъ, *Желябовы смѣются!* И такъ, я не могу не говорить о самомъ событіи 1-го марта, во-вторыхъ потому, что въ настоящія торжественныя минуты суда я хотѣлъ бы въ послѣдній разъ широко развернуть передъ подсудимыми картину событія 1-го марта и сказать имъ: „если у васъ осталась еще хоть капля способности чувствовать и понимать то, что чувствуютъ и понимаютъ другіе люди, носящіе образъ Божій—любуйтесь! Вы этого хотѣли, это дѣло рукъ вашихъ, на васъ лежитъ эта чистая кровь!

День 1-го марта... кто изъ насъ, кто изъ жителей Петербурга не помнитъ, какъ начался и какъ проходилъ этотъ во истину черный день, мельчайшія особенности котораго неизгладимо врѣзались въ память каждаго?...Обычною чере-

дою шла воскресная, праздничная суета огромнаго города, не смотря на нависшее свинцовыми тучами пасмурное снѣжное небо; на улицахъ привычнымъ потокомъ переливалось людское движеніе, и ничто среди этой пестрой, спокойной, своими личными интересами занятой толпы не говорило о томъ, что надъ ней уже вѣяло дыханіе смерти, уже носились кровожадныя мысли убійцъ. Около часу дня окончился въ Михайловскомъ манежѣ разводъ въ Высочайшемъ присутствіи, на этотъ разъ отъ лейбъ-гвардіи саперпаго баталъона, и Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, оставивъ манежъ, изволилъ заѣхать для завтрака въ Михайловскій Дворецъ. Въ 3-мъ часу дня Императорская карета, выѣхавъ изъ Дворца, проѣхала по Инженерной улицѣ и повернула направо по набережной Екатерининскаго канала, по направленію къ театральному мосту. Карета ѣхала быстро въ сопровожденіи обыкновеннаго конвоя изъ шести казаковъ и слѣдовавшихъ сзади, въ саняхъ, другъ за другомъ, полицiймейстера полковника Дворжицкаго, отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Коха и ротмистра Кулебякина. Недалеко отъ угла Инженерной улицы, подъ Императорскою каретою внезапно раздался взрывъ, похожій на пушечный выстрѣлъ, повлекшій за собою всеобщее смятеніе. Испуганные, еще не отдавая себѣ отчета въ случившемся, смутились всѣ: не смутился лишь Онъ одинъ, Помазанникъ Божій, невредимый, но уже двумя часами отдѣленный отъ вѣчности. Спокойный и твердый, какъ нѣкогда подъ турецкимъ огнемъ на поляхъ имъ же освобожденной Болгаріи, онъ вышелъ изъ поврежденной и остановившейся кареты и былъ встрѣченъ полковникомъ Дворжицкимъ, который доложилъ, что на панели канала только что задержанъ народомъ повидимому причинившій взрывъ злоумышленникъ. Выслушавъ докладъ, Государь Императоръ въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго направился къ задержанному, уже окруженному едва не разстерзавшею его толпою. Эта толпа, чтобы ни говорилъ Желябовъ, кричала: „Дайте намъ, мы его разорвемъ“! Не узнавъ Государя, мучимый страхомъ за Его участь, стоявшій по близости подпоручикъ Рудыковскій спросилъ у окружающихъ: что съ Государемъ? Вопросъ былъ услышанъ Самымъ Монархомъ, Который,

оглянувшись и какъ бы отвѣчая на него, изволилъ произнести: „*Слава Богу, Я уцѣлѣлъ, но вотъ*“... и съ этимъ неоконченнымъ восклицаніемъ Государь Императоръ обратилъ и свои мысли и свое вниманіе на лежавшихъ тутъ же у ногъ Его раненыхъ взрывомъ конвойнаго казака и 14-ти лѣтняго крестьянскаго мальчика Николая Максимова. Бѣдный мальчикъ—да будетъ вѣчно сохранена его память—кричалъ отъ невыносимыхъ страданій. Тогда опечаленный Повелитель Русской Земли умиленно наклонился надъ истерзаннымъ сыномъ народа. Это послѣднее участіе, оказанное умирающему ребенку — подданному, было и послѣднимъ земнымъ дѣяніемъ Государя, уже предстоявшаго своей собственной мученической кончинѣ. Уже на встрѣчу Ему неслась зловѣщая угроза схваченнаго преступника: „Еще слава ли Богу“—было злобнымъ отвѣтомъ Рысакова на услышанное имъ восклицаніе Государя, что, слава Богу, Онъ уцѣлѣлъ. Рысаковъ зналъ, что говорилъ. Промахнувшійся и обезоруженный, онъ зналъ, что за нимъ въ той же засадѣ стоитъ другой, такой же, какъ и онъ, отверженецъ, а тамъ третій, четвертый, которые постараются не промахнуться и адски задуманное довести до конца. Далекій отъ мысли беречь Себя отъ опасности, Государь Императоръ, не смотря на мольбы полковника Дворжицкаго, не соизволилъ немедленно отбыть во Дворецъ, а выразилъ намѣреніе осмотрѣть мѣсто взрыва. Твердою, спокойною поступью направился Онъ, удаляясь отъ Рысакова, по тротуару канала, окруженный ближайшею свитою и тѣснившимся къ Нему отовсюду народомъ. Несчастные, они радовались избавленію своего Обожаемаго Монарха отъ опасности и не помышляли, что Онъ идетъ къ ней на встрѣчу, что не дни, не часы, а минуты Его уже сочтены! Не успѣлъ Государь сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ у самыхъ ногъ Его раздался новый, второй, оглушительный взрывъ. На мгновеніе все пространство скрылось въ поднятой какъ бы вихремъ перемѣшанной массѣ дыма, снѣжной пыли, какихъ-то безформенныхъ, ужасныхъ клочковъ и обломковъ. Мгновеніе это, мучительное какъ смерть, длинное какъ вѣчность, миновало, масса разсѣялась, и пораженнымъ взорамъ присутствующихъ — и уцѣлѣвшихъ и пострадавшихъ, но еще не потерявшихъ сознанія—представилось кровь леденящее зрѣлище, полное

ужаса и отчаянія, зрѣлище, котораго никто изъ нихъ не забудетъ до послѣдняго своего издыханія. Вездѣ кругомъ были павшіе, раненые, но никто не смотрѣлъ на нихъ, и сами они, подобно полковнику Дворжицкому, не думали о себѣ: среди павшихъ и раненыхъ былъ Государь. Прислонившись спиною къ рѣшеткѣ канала, упершись руками въ панель, безъ шинели и безъ фуражки, Царь-Страстотерпецъ, покрытый кровью, полулежалъ на землѣ и уже трудно дышалъ. Обнажившіяся при взрывѣ ноги были раздроблены ниже колѣнъ, тѣло висѣло кусками... Живой образъ нечеловѣческихъ мукъ!... Обрывается голосъ, цѣпенѣетъ языкъ и спираетъ дыханіе, когда приходится говорить объ этомъ теперь: судите же сами, каково было тогда несчастнымъ очевидцамъ события? До полковника Дворжицкаго, раненаго и упавшаго, донесся слабый полустонъ: „*Помоги*", заставившій его вскочить, какъ здороваго. Раненые подползли, уцѣлѣвшіе бросились къ простертому на землѣ Монарху и услышали едва внятно произнесенныя имъ слова: „*Холодно, холодно*", вызванныя охватившимъ Его ощущеніемъ зимняго холода. Увы, то былъ предвѣстникъ близкаго могильнаго холода! Кѣмъ-то былъ поданъ платокъ, которымъ покрыли голову Вѣнчаннаго Страдальца. Сотни вѣрныхъ рукъ протянулись къ Нему, и тихо, бережно, среди всеобщаго невыразимаго отчаянія, подняли Его съ земли и понесли по направленію къ экипажамъ. Это не была свита, несущая пострадавшаго Государя—это была толпа, въ которой рядомъ съ приближенными Монарха сошлись и моряки мимо шедшаго караула, и юноши Павловскаго училища, и случайные прохожіе, прибѣжавшіе на взрывъ—то были пораженные горемъ дѣти, несущіе умирающаго Отца! Дорогой, поручикъ графъ Гендриковъ замѣнилъ своею фуражкою тяжелую каску, второпяхъ надѣтую на обнаженную голову Государя. Между тѣмъ на мѣсто подоспѣлъ Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Припавъ къ своему Августѣйшему Брату, Онъ спросилъ, слышитъ ли Его Императорское Величество?—„Слышу", было отвѣтомъ, за которымъ послышалось слабо выраженное желаніе быть поскорѣе доставленнымъ во Дворецъ. Слова свидѣтельствовали о сознаніи—сознаніе о страданіи, физическій ужасъ котораго умъ отказывается представить себѣ даже приблизи-

тельно. Оно было еще такъ ясно, это предсмертное страдальческое сознаніе Государя, что Онъ, услышавъ предложеніе одного изъ Его несшихъ, штабсъ-капитана Новикова, внести Его въ ближайшій домъ для поданія первоначальной помощи, имѣлъ еще силы объявить другую Свою послѣднюю волю: „Несите меня во дворецъ... тамъ... умереть“. Это были предпослѣднія слова Монарха-человѣка, пожелавшаго умереть христіанскою кончиною дома, въ кругу близкихъ, среди своей семьи.... Богу было угодно исполнить это желаніе. Государь Императоръ былъ помѣщенъ, вмѣсто своей разбитой кареты, въ сани полковника Дворжицкаго, и чины конвоя, ротмистръ Кулебякинъ съ казаками Луценко и Кузьменко сослужили своему Вѣнценосному Вождю послѣднюю службу—перевезли Его умирающаго во Дворецъ. Дорогой, забывъ о мукахъ Своихъ и думая только о томъ израненомъ вѣрномъ слугѣ, котораго онъ видѣлъ передъ собою, Государь два раза тихо, но настойчиво спросилъ: «Ты раненъ, Кулебякинъ?“ Горькія слезы раненаго, о своихъ ранахъ забывшаго, были отвѣтомъ... А на мѣстѣ событія подбирали убитыхъ, раненыхъ, изувѣченныхъ, раздавались ихъ раздирающіе душу стоны и крики, смѣшавшіеся съ крикомъ ужаса стекавшагося отовсюду обезумѣвшаго отъ горя народа. Скоро, живымъ, неудержимымъ потокомъ онъ наполнилъ собою Дворцовую площадь, куда привела новыя огромныя толпы быстро разлетѣвшаяся горестная вѣсть. Въ гробовомъ молчаніи, какъ бы притаивъ дыханіе, стояла многотысячная толпа: она не вѣрила своему горю, не хотѣла вѣрить роковому исходу позорнѣйшаго изъ злодѣяній, она ждала и надѣялась... Тщетныя ожиданія, разбитыя надежды! Въ 3 часа 35 минутъ по-полудни воля Господа совершилась. Медленно и печально опустился до половины флагштока, означающій Высочайшее присутствіе, Императорскій флагъ на Зимнемъ Дворцѣ—и русскіе люди поняли, что все кончилось: страданія Царя-Мученика прекратились, Великій Страдалецъ за Русскую землю на-вѣки въ Бозѣ почилъ. Да, не стало „Государя-Мученика“—это было первое слово, вырвавшееся изъ русской груди, первый крикъ наболѣвшей, потрясенной русской души. Вся Русь повторила и всегда будетъ его повторять, помышляя или говоря о событіи 1-го марта; но рядомъ съ этимъ глубоко вѣрнымъ уподобленіемъ да будетъ

позволено мнѣ высказать еще и другое. которое невольно является у меня каждый разъ, какъ передо мною встаетъ живая картина событія въ его простомъ, ближайшемъ значеніи. Государь палъ не только какъ мученикъ, жертвою жесточайшаго по орудію своему цареубійства: Онъ палъ и какъ воинъ-герой на своемъ опасномъ Царскомъ посту, въ борьбѣ за Бога, Россію, ея спокойствіе и порядокъ, въ смертельномъ бою съ врагами права, порядка, нравственности, семьи—всего, чѣмъ крѣпко и свято человѣческое общежитіе, безъ чего не можетъ жить человѣкъ.

Когда миновали первыя острыя мгновенія народнаго ужаса и печали, когда пораженная Россія опомнилась и пришла въ себя, ея естественною, первою мыслью было: кто же виновники страшнаго дѣла, на кого должны пасть народныя проклятія и пролитая кровь, гдѣ же цареубійцы, опозорившіе свою родную страну? Россія хочетъ ихъ знать и голосами всѣхъ истинныхъ сыновъ своихъ требуетъ имъ достойной кары. И я считаю себя счастливымъ, что на этотъ грозный вопросъ моей родины могу смѣло отвѣчать ея суду и слушающимъ меня согражданамъ: вы хотите знать цареубійцъ?—вотъ они!!

(Прокуроръ указываетъ энергическимъ движеніемъ руки на скамью подсудимыхъ).

Дѣйствительно, обвинительная власть была счастлива въ своемъ правомъ дѣлѣ. Не смотря на кратковременность дѣятельности по изслѣдованію настоящаго дѣла, прокуратура имѣетъ въ настоящее время возможность, на основаніи успѣшныхъ полицейскихъ розысковъ и тщательнаго обслѣдованія дѣла черезъ чиновъ корпуса жандармовъ и судебныхъ слѣдователей, представить вамъ неотразимыя, по ея мнѣнію, доказательства виновности всѣхъ шести подсудимыхъ, преданныхъ вашему суду, и вмѣстѣ съ тѣмъ возможно полное разоблаченіе того, какимъ образомъ составился и былъ приведенъ въ исполненіе заговоръ, имѣвшій своимъ послѣдствіемъ событіе 1-го марта. Кромѣ того, обвиненіе располагаетъ важнымъ матеріаломъ какъ для характеристики каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, такъ и для оцѣнки и освѣщенія нѣкоторыхъ особенно яркихъ сторонъ того вообще уже извѣстнаго соединенія подсудимыхъ и ихъ единомышленниковъ въ одно цѣлое, кото-

*

рое имъ угодно величать пышнымъ названіемъ «партія», которое законъ спокойно называетъ преступнымъ тайнымъ сообществомъ, а здравомыслящіе, честные, но возмущенные русскіе люди зовутъ подпольною бандою, шайкою политическихъ убійцъ.

Прежде всего я долженъ коснуться самого совершенія злодѣянія и остановить ваше вниманіе на лицахъ, въ совершеніи этого злодѣянія, непосредственно, физически виновныхъ. Одного изъ нихъ называть мнѣ нечего. Не говоря о томъ, что онъ давно назвалъ самъ себя, его назвали всѣ, назвала его и толпа, его захватившая, назвала его и вся Россія. Вы знаете кто это. Вы знаете, что первый изъ бросившихъ метательный снарядъ, не тотъ снарядъ, который причинилъ пораненія Государю Императору, а тотъ, которымъ убитъ конвойный казакъ и смертельно раненъ Максимовъ, былъ подсудимый Николай Ивановъ Рысаковъ. Спѣшу замѣтить, что все то, что я буду говорить о фактахъ, о совершеніи преступленія, о дѣятельности, о роли и объ участіи въ этомъ преступленіи подсудимыхъ, пока будетъ основываться исключительно на данныхъ судебнаго слѣдствія, обнаруженныхъ независимо отъ собственныхъ показаній подсудимыхъ. Не доказавъ на основаніи этихъ данныхъ виновности обвиняемыхъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго отдѣльно, я не хочу обращаться къ ихъ показаніямъ. Я обращусь къ нимъ впослѣдствіи, когда виновность въ общихъ существенныхъ чертахъ и безъ нихъ будетъ уже установлена. Въ моемъ распоряженіи такое множество доказательствъ, что остается только выбирать между ними. Такъ, по отношенію къ подсудимому Рысакову есть прежде всего очевидцы совершенія имъ преступленія. Еще за нѣсколько мгновеній до того времени, когда Императорская карета повернула на право по Екатерининскому каналу, Рысакова видѣлъ идущимъ по панели канала и обогналъ его свидѣтель Гороховъ. Онъ замѣтилъ человѣка, въ которомъ впослѣдствіи и здѣсь на судѣ призналъ Рысакова, идущаго тихо и несущаго въ рукахъ какой-то предметъ, имѣвшій круглую, овальную форму предъявленнаго здѣсь метательнаго снаряда, и завернутый въ бѣлый платокъ. Гороховъ не выпускалъ этого человѣка изъ глазъ до того самаго момента, когда съ нимъ поровнялась Императорская карета. Съ

другой стороны шелъ свидѣтель Назаровъ и видѣлъ, какъ Рысаковъ, взмахнувъ обѣими руками, бросилъ что-то бѣлое. показавшееся свидѣтелю комомъ снѣга, подъ лошадей и карету. Въ ту же минуту и послѣдовалъ первый взрывъ. Свидѣтели Несговоровъ, Макаровъ, полковникъ Дворжицкій и другіе, участвовавшіе въ задержаніи Рысакова, удостовѣряютъ, что онъ былъ схваченъ какъ человѣкъ, несомнѣнно бросившій первый снарядъ. Такимъ образомъ Рысаковъ былъ задержанъ на мѣстѣ совершенія преступленія при самомъ его совершеніи. Доставленный въ управленіе градоначальства, онъ немедленно сознался во всемъ. Поэтому о фактической его виновности болѣе говорить не приходится. Но тутъ же рядомъ стоитъ вопросъ о томъ, кто же бросилъ второй снарядъ, снарядъ, причинившій убійственный взрывъ, бывшій непосредственнымъ орудіемъ страшнаго злодѣянія. На этотъ вопросъ, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія, обвинительная власть имѣетъ полную возможность дать отвѣтъ положительный, категорическій, не допускающій никакого сомнѣнія. Человѣкъ, бросившій второй снарядъ, не находится въ числѣ подсудимыхъ. Онъ не преданъ вашему суду, но онъ обнаруженъ. Онъ покончилъ свои разсчеты съ земною жизнью—онъ умеръ подъ ложнымъ именемъ Ельникова отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ. Смерть избавила его отъ скамьи подсудимыхъ и законнаго возмездія, но она не избавляетъ меня отъ необходимости доказать предъ вами, что оба виновника взрыва. оба физическіе виновники злодѣянія обнаружены: одинъ изъ нихъ подсудимый Рысаковъ, другой умершій, называвшійся Ельниковымъ. Вы помните, мм. гг., что изъ показаній свидѣтелей объ обстановкѣ второго взрыва, происшедшаго въ густой толпѣ, собравшейся вокругъ Монарха, вытекаетъ несомнѣнный выводъ, что человѣкъ, бросившій второй снарядъ, стоялъ близко отъ Государя Императора. Дѣйствительно, свидѣтель Павловъ видѣлъ человѣка, который, стоя близь Государя, къ ногамъ Его бросилъ что-то, высоко взмахнувъ руками, послѣ чего и раздался второй взрывъ. При наличности этого условія, при маломъ разстояніи между бросившимъ второй снарядъ и Государемъ Императоромъ, слагается еще и другой очевидный выводъ: тотъ, кто бросилъ второй снарядъ, не могъ самъ избѣжать пораненій, не могъ не пострадать

отъ взрыва: онъ стоялъ слишкомъ близко къ своей жертвѣ для того, чтобы и на немъ не отразилось разрушительное дѣйствіе его собственнаго дѣла. На кого же изъ пострадавшихъ могло бы пасть подозрѣніе? Всѣ они перечислены, приведены въ извѣстность. Между ними, лицами ближайшей свиты и конвоя, также какъ и случайными прохожими, нѣтъ ни одного подозрительнаго человѣка, кромѣ того лишь неизвѣстнаго, который былъ въ безсознательномъ состояніи поднятъ на мѣстѣ злодѣянія, доставленъ въ придворный конюшенный госпиталь и здѣсь, придя въ себя, на послѣдній вопросъ врача объ имени и званіи, которыя не были обнаружены, отвѣчалъ: «не знаю». Этотъ человѣкъ и никто другой долженъ быть признанъ лицомъ, которое бросило второй снарядъ. Эксперты, освидѣтельствовавшіе его при жизни и производившіе медицинскій осмотръ его трупа, по даннымъ этого осмотра, изложеннымъ въ ихъ заключеніи, окончательно убѣждаютъ насъ въ справедливости нашего вывода. Пораненія этого лица сосредоточиваются болѣе всего на передней сторонѣ туловища, преимущественно на правой рукѣ, и по количеству ихъ—а оно огромное,—по свойствамъ они должны быть приписаны тому обстоятельству, что получившій пораненія стоялъ не далѣе трехъ шаговъ отъ мѣста взрыва—замѣтьте это вполнѣ совпадаетъ съ показаніемъ свидѣтеля Павлова. Слѣдовательно, второй снарядъ былъ брошенъ человѣкомъ, назвавшимъ себя Ельниковымъ. Дальнѣйшія разслѣдованія относительно этого лица не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, кто именно былъ вмѣстѣ съ подсудимымъ Рысаковымъ непосредственнымъ виновникомъ злодѣянія. Онъ жилъ подъ именемъ Ельникова на Выборгской сторонѣ, по Симбирской улицѣ, въ домѣ № 59, гдѣ 3-го марта и былъ сдѣланъ обыскъ. Не останавливаясь теперь на обстоятельствахъ этого обыска, къ которому мнѣ еще придется возвратиться впослѣдствіи, замѣчу теперь, что у Ельникова была найдена та самая „программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли“, которая оказалась и у его соучастника Рысакова, кромѣ того еще платокъ съ мѣткою „Н. И. Р.“ (Николай Ивановъ Рысаковъ), признанный Рысаковымъ за оставленный имъ у знакомаго ему Ельникова. Такимъ образомъ Рысаковъ и Ельниковъ неразрывно связаны между собою. Первый снарядъ—въ ру-

кахъ Рысакова, второй—въ рукахъ Ельникова. Ельниковъ, онъ же Михаилъ Ивановичъ, онъ же Котикъ—революціонное прозвище—вотъ все, что мы знаемъ объ этомъ человѣкѣ. Смерть избавила его отъ людскаго суда, да будетъ такъ. Для насъ важно лишь то, что оба физическіе виновника злодѣянія обнаружены.

Итакъ, мы знаемъ совершителей злодѣянія, мы знаемъ и орудіе преступленія. Едва ли нужно мнѣ останавливаться въ подробностяхъ на метательныхъ снарядахъ, такъ полно и обстоятельно описанныхъ и въ экспертизѣ письменной, произведенной при изслѣдованіи настоящаго дѣла, и въ авторитетномъ заключеніи экспертовъ, въ особенности генерала Федорова, данномъ ими здѣсь на судѣ. Я укажу только на нѣсколько болѣе рельефныхъ особенностей. Орудіемъ преступленія были метательные снаряды. Оба снаряда, брошенные на Екатерининскомъ каналѣ, разорвались. Отъ внѣшней ихъ оболочки на мѣстѣ преступленія найдено было только нѣсколько кусочковъ жести. Но по обыску въ д. № 5, по Тележной улицѣ, въ ночь со 2 на 3 марта, были найдены два заключенные въ такую же жестяную оболочку метательные снаряда, и если бы мы не имѣли передъ собою ни показаній Желябова, Перовской и Рысакова и ни одного свидѣтельскаго показанія, удостовѣряющихъ, что именно изъ конспиративной квартиры на Телѣжной улицѣ отправились на злодѣяніе лица, его совершившія, то, на основаніи сличенія этихъ снарядовъ съ остатками и дѣйствіемъ снарядовъ, разорвавшихся на Екатерининскомъ каналѣ, мы могли бы установить полное тождество между ними, сказать, что преступленіе было совершено такими же снарядами, какъ тѣ, которые были найдены въ Телѣжной улицѣ. Экспертиза гг. Федорова, Лисовскаго и Шахъ-Назарова указываютъ на это, а показанія Рысакова, Перовской и Желябова лишь это подтверждаютъ. Объ устройствѣ метательныхъ снарядовъ можно говорить на основаніи экспертизы генерала Федорова или на основаніи экспертизы подсудимаго Кибальчича. Да, Кибальчича, потому что Кибальчичъ „техникъ"; онъ не только человѣкъ, изучившій эти снаряды въ подробности и совершенствѣ, онъ авторъ ихъ, и кому же, какъ не ему, лучше знать, какъ они устроены. Поэтому указанія Кибальчича объ этихъ снарядахъ въ томъ, въ чемъ

они не расходятся съ заключенiемъ экспертовъ и въ чемъ они не имѣютъ въ виду конспиративныхъ интересовъ Кибальчича и его партiи, не лишены для насъ извѣстнаго значенiя. Дѣйствiе этихъ снарядовъ неотразимо; ихъ устройство основано на такой системѣ, въ которой составныя части другъ друга продолжаютъ и восполняютъ, доводя воспламененiе до взрывчатаго вещества гремучаго студня, исключая всякую возможность неудачи. Воспламененiе непремѣнно должно послѣдовать отъ простаго сильнаго сотрясенiя; оно сообщается ударному составу, который есть послѣднее слово техники и производитъ взрывъ. Онъ неизбѣженъ этотъ взрывъ еще и потому, что внутреннiй аппаратъ снаряда устроенъ вдвойнѣ, такъ что какъ бы снарядъ ни упалъ—вертикально или горизонтально—взрывъ долженъ произойти непремѣнно, и оба источника воспламененiя—двѣ стеклянныя трубочки, наполненныя сѣрною кислотою съ давящими на нихъ грузиками, соединяются съ взрывчатымъ веществомъ. Тонкость исполненiя снарядовъ, изобрѣтательность, потраченная на нихъ, и возможность, при наличности частей, входящихъ въ ихъ составъ, собрать снарядъ одному человѣку, и притомъ домашними средствами, также не подлежатъ сомнѣнiю. И такъ, совершители злодѣянiя и его орудiе обнаружены. Но этого мало—и немедленно вслѣдъ за этимъ передъ нами встаетъ вопросъ: одни ли эти двое, Рысаковъ и называвшiй себя Ельниковымъ, или какъ люди принадлежащiе къ цѣлому злодѣйскому тайному соединенiю? На это намъ отвѣчаетъ категорически простой здравый смыслъ—нѣтъ. А если нѣтъ, то нужно найти и руки, державшiя концы тѣхъ нитей, которыя двигали Рысаковымъ и Ельниковымъ; нужно найти головы, этими руками владѣвшiя, головы, въ которыхъ сложился ужасный замыселъ и безъ которыхъ онъ не былъ бы и не могъ бы быть приведенъ въ исполненiе. Одному Рысакову и Ельникову нельзя было совершить злодѣянiя уже по самымъ средствамъ, ими употребленнымъ. Кромѣ того, я думаю, что какъ бы низко ни палъ человѣкъ, какъ бы ни были преступны и гнусны его личныя побужденiя, изъ-за однихъ этихъ личныхъ, отдѣльныхъ побужденiй онъ никогда не рѣшился бы; онъ содрогнулся бы и остановился бы передъ ужасомъ цареубiйства. Я утверждаю, что дрогнула бы рука, вооруженная

смертоноснымъ снарядомъ и остановились бы Ельниковъ и Рысаковъ, если бы за спиной ихъ не стоялъ Желябовъ, если бы за Желябовымъ не стояла пресловутая «партія»... Все—и сущность преступленія, и способъ его совершенія, и личный, далеко не твердый и не закаленный характеръ самого физическаго виновника преступленія, Рысакова, наводитъ на мысль, что оно сложилось не въ его головѣ и вышло не изъ однѣхъ его рукъ, даже не изъ простаго соединенія двухъ или болѣе лицъ, согласившихся между собою. Нѣтъ, у всякаго русскаго гражданина готовъ на это другой отвѣтъ: оно есть дѣло рукъ той же «соціально-революціонной партіи», которая съ февраля 1878 года въ теченіе трехъ лѣтъ не перестаетъ ознаменовывать себя крамолою и кровью, которую она проливаетъ на русской землѣ. Да, для васъ всѣхъ очевидно и несомнѣнно, что злодѣяніе 1 марта совершено тою самою „партіею", у которой, по словамъ Желябова, мысль о цареубійствѣ составляетъ «общее достояніе", а динамитъ—„общественную собственность"! Будемъ же, слѣдовательно, искать соучастниковъ Ельникова и Рысакова, и для того, чтобы не ошибиться въ этихъ поискахъ, чтобы съ точностью указать на каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, сначала оставимъ въ сторонѣ соединеніе ихъ въ одно будто бы политическое цѣлое, въ одну „партію", и постараемся отмѣтить и изобличить ихъ сначала только какъ отдѣльныхъ дѣятелей общаго преступленія. Слѣдуя шагъ за шагомъ за ходомъ изслѣдованія настоящаго дѣла, въ хронологическомъ порякѣ розысковъ, мы получимъ такой рядъ вѣскихъ данныхъ. Какъ наводненіе оставляетъ за собою слѣды, по которымъ можно впослѣдствіи прослѣдить, по какимъ мѣстамъ оно прошло, какія мѣста были покрыты водою, какъ на землѣ остались водоросли, сырость, плѣсень, такъ точно возможно, одно за другимъ, прослѣдить мѣста, по которымъ прошелъ заговоръ, отмѣтить лицъ, которыхъ онъ охватилъ собою, констатировать его фактическіе и матеріальные слѣды. Въ этихъ розыскамістахъ прежде всего приходится остановиться на подсудимомъ Желябовѣ, уже по одному тому, что его вступленіе въ настоящее дѣло предшествуетъ, если такъ можно выразиться, даже самому совершенію злодѣянія. Его зачинщикъ и одинъ изъ главнѣйшихъ его виновныхъ, онъ былъ арестованъ за

два дня до злодѣянія, 27 февраля. Разыскиваемый еще съ осени 1879 года, по обвиненію въ совершеніи, посредствомъ взрыва близъ города Александровска, покушенія на жизнь Государя Императора, онъ долгое время успѣшно скрывался отъ преслѣдованій власти, но энергическія еще съ осени прошлаго 1880 года розыски отдали его въ руки правосудія. На слѣды его напали вслѣдствіе ареста въ Петербургѣ, подъ именемъ Поливанова, нѣкоего Александра Михайлова (одного изъ видныхъ участниковъ такъ называемой террористической фракціи). При изслѣдованіи дѣятельности Михайлова было обнаружено, что въ числѣ лицъ, группировавшихся вокругъ него въ Петербургѣ, было и лицо, руководившее александровскимъ покушеніемъ, лицо, уже давно указанное Гольденбергомъ подъ именемъ Желябова, имѣвшее отношенія къ одной изъ существовавшихъ въ то же самое время въ Петербургѣ—будемъ употреблять для краткости характерное названіе, изобрѣтенное подсудимыми—конспиративныхъ квартиръ, а именно, къ квартирѣ по Большой-Подьяческой, въ домѣ № 37, въ которой помѣщалась динамитная мастерская, другими словами, производилось заготовленіе „общественной собственности партіи“. Становясь съ каждымъ шагомъ разслѣдованія все опредѣленнѣе и точнѣе, свѣдѣнія о Желябовѣ привели 27 февраля къ аресту его въ квартирѣ одного изъ крупныхъ дѣятелей динамитнаго сообщества, дѣйствительнаго студента новороссійскаго университета Тригони. Утромъ 1 марта, всего лишь за нѣсколько часовъ до злодѣянія на Екатерининскомъ каналѣ, была обнаружена и квартира самого Желябова по 1-й ротѣ Измайловскаго полка и въ ней былъ начатъ обыскъ. Злодѣяніе и энергическія мѣры, имъ вызванныя, пріостановили обыскъ, такъ что онъ былъ оконченъ только 2 марта и привелъ къ обнаруженію данныхъ, прямо указывавшихъ на Желябова, какъ на лицо, прикосновенность котораго къ злодѣянію 1 марта представлялась болѣе чѣмъ вѣроятною. Такъ, было найдено пять жестянокъ, изъ которыхъ въ трехъ были явственные остатки чернаго вещества, оказавшагося чернымъ динамитомъ; были найдены нѣкоторыя принадлежности химическихъ опытовъ, получающихъ при сопоставленіи ихъ съ тутъ же бывшимъ динамитомъ весьма краснорѣчивое значеніе; оказались, наконецъ, двѣ каучуковыя трубки,

подобныя тѣмъ, которыя употреблялись въ метательныхъ снарядахъ, и простая корзина, наполненная сырами, изъ которыхъ нѣкоторые имѣли клеймо С. А. С. Желябовъ проживалъ на квартирѣ не одинъ, а съ женщиною, называвшеюся Лидіею Антоновой Войновой, которая таинственно исчезла изъ квартиры на другой день послѣ ареста ея сожителя, повидимому, тогда, когда въ этомъ арестѣ она увѣрилась. Такимъ образомъ вниманіе розыска силою вещей должно было остановиться на Желябовѣ, какъ на вѣроятномъ участникѣ злодѣянія 1 марта. Въ ночь на 3 марта была открыта еще одна конспиративная квартира, имѣвшая ближайшее, непосредственное отношеніе къ злодѣянію, квартира въ домѣ № 5 по Тележной улицѣ. Я напомню вкратцѣ обстоятельства этого открытія. Вы конечно хорошо помните этотъ ночной пріѣздъ должностныхъ лицъ на спѣшный обыскъ, встрѣтившія ихъ первоначально молчаніе и темноту, запертую дверь, за дверью мужской голосъ: „кто тамъ", отвѣтъ: „полиція и прокуроръ", затѣмъ быстро удаляющіеся шаги, выстрѣлы въ квартирѣ одинъ за другимъ—всего шесть—затѣмъ отворившуюся другую маленькую дверь на лѣстницу, гдѣ стояли должностныя лица, и женскій голосъ сказавшій: „теперь можете входить, мы сдаемся". Сдавалась Геся Гельфманъ. По задержаніи ея, при входѣ должностныхъ лицъ, въ квартирѣ, во второй комнатѣ, оказался умирающій человѣкъ, повидимому только что застрѣлившійся и, не смотря на немедленную медицинскую помощь, тутъ же умершій. Личность его была обнаружена весьма скоро. Онъ оказался дворяниномъ Саблинымъ, судившимся по дѣлу о 193 и такимъ образомъ имѣвшій подобно Желябову и Гельфманъ то, чего не имѣлъ Рысаковъ,—революціонное прошлое. По обыску, въ квартирѣ былъ найденъ рядъ предметовъ, ясно доказывавшихъ не только то, что это была квартира конспиративная, но и что лица, въ ней жившія: одинъ умершій Саблинъ, другая арестованная Геся Гельфманъ, были участниками злодѣянія и хозяева тайнаго притона, служившаго сборнымъ пунктомъ совершителей злодѣянія. Тамъ были найдены прокламаціи „исполнительнаго комитета русской соціально-революціонной партіи" отъ 1 марта, помѣченныя: „печатано въ типографіи „Народной Воли" 2 марта", и трактующія о злодѣяніи 1 марта; были найдены во множествѣ

химическія принадлежности, записка о вошедшемъ въ метательный снарядъ воспламеняющемся составѣ изъ бертолетовой соли и сѣрнистой сурьмы съ сахаромъ, рисунокъ на оборотѣ транспаранта, изображающій какой-то аппаратъ для производства гальваническаго тока, планъ Петербурга съ очевидно подозрительными линіями, такъ какъ онѣ, проходя чрезъ Зимній дворецъ, шли черезъ мѣсто событія, на Екатерининскомъ каналѣ, по Инженерной улицѣ къ Михайловскому дворцу; наконецъ, былъ найденъ грубо начерченный карандашемъ планъ на оборотѣ конверта. По сличеніи этого плана съ настоящимъ планомъ Петербурга оказалось, если отбросить техническіе недостатки, напримѣръ, полное отсутствіе масштаба, что мѣстность, на немъ изображенная, совершенно совпадаетъ съ тою мѣстностью, которая сдѣлалась мѣстомъ злодѣянія. Планъ этотъ очевидно былъ планомъ мѣста дѣйствія; это была диспозиція, розданная соратникамъ передъ тѣмъ, какъ отправлять ихъ на засаду. Кромѣ того, и это было всего важнѣе, были найдены два снаряда, тождественные съ тѣми, которыми были вооружены Рысаковъ и Ельниковъ. На эти снаряды, при входѣ въ комнату, гдѣ они находились, обратила вниманіе должностныхъ лицъ сама Геся Гельфманъ, встрѣтившая ихъ на порогѣ комнаты испуганнымъ восклицаніемъ: „не ходите туда. Тамъ взрывчатыя вещества". Едва окончился ночной обыскъ, какъ утромъ 3 марта, въ той же самой квартирѣ, по Тележной улицѣ, совершилось еще происшествіе, давшее новое указаніе и новаго обвиняемаго. Въ квартиру, гдѣ была оставлена полиція, явился неизвѣстный человѣкъ, отказавшійся назвать себя, спутавшійся въ своихъ объясненіяхъ и вслѣдствіе всего этого задержанный, причемъ когда его начали обыскивать, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и сдѣлалъ изъ него въ чиновъ полиціи шесть выстрѣловъ, которыми нанесъ контузію приставу Слуцкому и опасную рану городовому Денисову. Вскорѣ послѣ обыска въ квартирѣ по Тележной улицѣ была обнаружена другая конспиративная квартира, находившаяся съ нею въ преемственной связи, квартира въ Троицкомъ переулкѣ, въ которой хозяйка была та же Геся Гельфманъ и которую ея хозяева очистили незадолго до 1 марта, причемъ Гельфманъ прямо переѣхала въ Тележную улицу.

Возвращаясь къ событіямъ, происходившимъ въ квартирѣ въ домѣ № 5 по Тележной улицѣ, слѣдуетъ упомянуть, что человѣкъ, задержанный въ ней утромъ 3-го марта, оказался подсудимымъ Тимоѳеемъ Михайловымъ. Прибытіе его въ конспиративную квартиру, его вооруженное сопротивленіе, его отказъ объявить о своемъ званіи—вся обстановка его задержанія прямо указывали на него, какъ на одного изъ лицъ, которыхъ кругъ, исходящій изъ злодѣянія 1-го марта, долженъ былъ обнимать собою.

4-го марта обнаруженъ подкопъ по Малой Садовой. Вы помните обстоятельства этого обнаруженія. Изъ сырной лавки Кобозева, помѣщающейся въ подвальномъ этажѣ дома графа Менгдена, страннымъ образомъ 3-го марта исчезли хозяева лавки, навлекавшіе и прежде на себя подозрѣніе. Изъ лавки Кобозевыхъ, какъ оказалось по осмотрѣ, былъ устроенъ подкопъ: пробито было отверстіе подъ окномъ подвальнаго помѣщенія, смежнаго съ лавкою, и отъ этого отверстія проведена минная галлерея, устроенная по всѣмъ правиламъ техническаго дѣла, подъ мостовую Малой Садовой. Цѣль подкопа, его назначеніе по одному даже поверхностному обозрѣнію, представлялись совершенно ясными: по Малой Садовой имѣлъ привычку проѣзжать покойный Государь Императоръ въ Михайловскій манежъ, и проведенная изъ лавки Кобозевыхъ подземная галлерея находилась на его пути; въ ней заложенъ былъ зарядъ чернаго динамита, а въ лавкѣ приготовлена была батарея, посредствомъ которой могъ быть произведенъ взрывъ. На случай, если бы взрывъ не удался, сдѣланы были другія приготовленія для покушенія, къ несчастію удавшагося. Чтобы не возвращаться болѣе къ подкопу въ Малой Садовой, имѣющему эпизодическое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ, я постараюсь въ немногихъ словахъ очертить передъ вами все къ нему относящееся. Вы удержали, конечно, въ памяти, что въ подкопѣ при его обнаруженіи все оказалось готовымъ: зарядъ, заключавшій около двухъ пудовъ динамита, былъ положенъ; въ галлереѣ сдѣлана забивка; элементы батареи уже дѣйствовали; концы проволоки были заострены; оставалось только произвести токъ, и взрывъ послѣдовалъ бы непремѣнно. Дѣйствіе взрыва, подготовленнаго въ подкопѣ, о которомъ во вчерашнемъ засѣданіи такъ много шло пре-

реканій между экспертизой и подсудимымъ Кибальчичемъ, было бы, что бы ни говорилъ подсудимый—убійственное: образовалась бы по срединѣ Малой Садовой улицы воронка около трехъ саженъ въ діаметрѣ, и все находившееся на мѣстѣ ея и вокругъ должно было погибнуть: погибли бы экипажъ, люди его сопровождавшіе и люди проходившіе по тротуару; въ домахъ обвалилась бы штукатурка, стѣны могли дать трещины, словомъ, область разрушенія должна была быть велика. Правда, подсудимый Кибальчичъ много говорилъ на судѣ о томъ, что онъ, дававшій техническіе совѣты при устройствѣ подкопа и заложеніи мины, старался, не болѣе не менѣе, какъ о минимальномъ количествѣ заряда и о минимальномъ, слѣдовательно, вредѣ отъ взрыва для частныхъ лицъ; но если даже онъ старался, старанія эти, какъ удостовѣряютъ эксперты, не увѣнчались бы успѣхомъ. Не слѣдуетъ, далѣе, упускать изъ вида, что по обыску, въ лавкѣ Кобозевыхъ оказались сыры, на которыхъ по обозрѣнію и сличенію, найдено, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ, то самое клеймо, которое было на сырахъ, найденныхъ въ квартирѣ Желябова. Очевидно, что Желябовъ или продовольствовался этими сырами изъ лавки Кобозева, или поставлялъ ихъ въ лавку: такимъ образомъ во всякомъ случаѣ между лавкою Кобозева и квартирою Желябова уже устанавливается связь. Затѣмъ, всѣ свѣдѣнія о Кобозевыхъ, которыхъ я не буду повторять,—явно ложныя; обстоятельства мнимой ихъ торговли, посѣщеніе ихъ подозрительными людьми, наконецъ исчезновеніе ихъ 3-го марта послѣ обыска въ Тележной улицѣ—свидѣтельствуютъ о томъ, что въ лицѣ Кобозева и его жены мы имѣемъ прямыхъ участниковъ злодѣянія 1-го марта.

Этимъ, впрочемъ, указанія на виновныхъ не исчерпываются. Черезъ недѣлю послѣ обыска въ Тележной улицѣ, 10-го марта, на Невскомъ проспектѣ, по странной случайности, въ той же мѣстности событія, противъ Екатерининскаго сквера, околоточнымъ надзирателемъ Широковымъ была задержана женщина, которая съ перваго же слова захотѣла откупиться взяткою въ 30 рублей, а когда это не удалось, должна была признать, что она сожительница Желябова, Лидія Войнова, въ дѣйствительности же—Софья Перовская. У Перовской большое революціонное

прошлое. Она разыскивалась по обвиненію въ покушеніи на жизнь усопшаго Государя Императора 19-го ноября, послѣдовавшаго на другой день послѣ александровскаго покушенія на курской желѣзной дорогѣ подъ Москвой. Это прошлое во всякомъ случаѣ указывало на нее, какъ на лицо, вѣроятно принимавшее въ злодѣяніи 1-го марта участіе. Кромѣ того, отношенія ея къ Желябову были также основаніемъ для того, чтобы производящіе изслѣдованіе остановили на ней особое вниманіе.

Рядъ свидѣтельскихъ показаній не замедлилъ установить между подсудимыми и обвиняемыми тѣсную связь и близкое знакомство. Такъ, Рысаковъ бывалъ у умершаго Ельникова. Посѣщенія эти удостовѣряются показаніемъ служанки квартиры послѣдняго, Смѣлковой, видѣвшей Рысакова у Ельникова еще 26-го февраля, признается самимъ Рысаковъ и доказывается платкомъ съ мѣткой Н. Р., принадлежащимъ Рысакову и найденнымъ у Ельникова. Подсудимый Желябовъ бывалъ иногда, какъ признаетъ та же Смѣлкова, у того же Ельникова вмѣстѣ съ Рысаковымъ и Перовской. Желябовъ бывалъ и въ лавкѣ Кобозева, это удостовѣряется старшимъ дворникомъ Самойловымъ и его подручнымъ Ульяновымъ, которые хотя и мелькомъ, но видѣли, замѣтили его и признали, не смотря на то, что Желябовъ, по его словамъ, такъ ловко можетъ измѣнять свою наружность, костюмъ и походку. Свидѣтели признали его здѣсь, на судѣ, да и самъ Желябовъ не отвергаетъ того, что онъ былъ въ числѣ ночныхъ работниковъ, готовившихъ подкопъ. Намъ всѣмъ памятно, какъ вчера Желябовъ съ особымъ усердіемъ останавливался на показаніи этихъ свидѣтелей, хотѣлъ ихъ сбить, указывалъ на мелкія неточности ихъ показаній, на невозможность имъ повѣрить, на несообразность ихъ вывода. Вѣроятно у васъ, мм. гг., мелькнулъ въ головѣ вопросъ: да почему же Желябовъ все это дѣлаетъ, когда самъ признаетъ, что бывалъ у Кобозева и работалъ въ подкопѣ?—Отвѣтъ прямой: ему это нужно не для самого себя, а для Тимоѳея Михайлова, чтобы по возможности его выгородить изъ дѣла и снять съ него обвиненіе, которое надъ нимъ тяготѣетъ. Умершій Саблинъ также бывалъ у Рысакова, по крайней мѣрѣ въ трупѣ его хозяйка квартиры Ермолина признала сходство съ нимъ лица,

посѣщавшаго Рысакова. Далѣе, Геся Гельфманъ также была у Ельникова три раза, по показанію Смѣлковой, не заставала его дома и оставила ему записку. Подсудимый Михайловъ бывалъ въ лавкѣ Кобозева по удостовѣренію цѣлаго ряда лицъ. Видѣли подозрительныхъ людей, приходившихъ къ Кобозеву, дворники и сказали объ нихъ околоточному Дмитріеву, которому было поручено вообще наблюденіе за лавкой и который одного изъ этихъ лицъ прослѣдилъ по выходѣ его изъ лавки. Онъ видѣлъ, какъ этотъ человѣкъ вышелъ на улицу и направился къ Невскому. Дмитріевъ въ этомъ лицѣ, здѣсь, на судѣ, положительно призналъ подсудимаго Михайлова. Онъ прослѣдилъ его до извощика, такъ называемаго „лихача", котораго Михайловъ нанялъ къ Вознесенскому мосту, и на другомъ лихачѣ поѣхалъ за нимъ, но потерялъ его изъ виду. Извозчикъ Гординъ, показаніе котораго вы слышали и который отвозилъ Михайлова, точно также, по росту и сложенію, призналъ подсудимаго Михайлова за того человѣка, который его нанялъ за рубль къ Вознесенскому мосту и потомъ велѣлъ отвезти себя въ Измайловскій полкъ. Онъ не призналъ его только по голосу, но голосъ есть признакъ для признанія личности весьма шаткій. Если подсудимый Желябовъ такъ хорошо мѣняетъ походку и наружность, то можно предположить, что и Михайловъ, въ числѣ прочихъ свѣдѣній, имъ въ революціонной партіи добытыхъ, пріобрѣлъ и усвоилъ себѣ свѣдѣніе о томъ, какъ слѣдуетъ измѣнять свой голосъ, въ особенности при томъ условіи, что ему пришлось сказать извозчику лишь нѣсколько словъ. На основаніи приведенныхъ мною данныхъ, я считаю удостовѣреннымъ тождество Михайлова съ лицемъ, посѣщавшимъ лавку Кобозева. Затѣмъ Перовская также бывала у Ельникова вмѣстѣ съ Желябовымъ. Они сошлись 26-го февраля, прійдя къ Ельникову вмѣстѣ съ Рысаковымъ, и ушли нѣсколько раньше Рысакова. Отсюда выводъ весьма простой и категорическій... Участники злодѣянія 1 марта обнаружены: ихъ можно пересчитать по одному, можно указать на каждаго въ отдѣльности безъ всякой ошибки. Это, во-первыхъ—Рысаковъ, во-вторыхъ—умершій Ельниковъ, въ-третьихъ—Желябовъ, въ-четвертыхъ—Перовская, въ-пятыхъ—Кибальчичъ, который былъ арестованъ 17 марта и который сознался, что

онъ „техникъ“, упоминавшійся Рысаковымъ, въ шестыхъ — застрѣлившійся Саблинъ, въ седьмыхъ—Геся Гельфманъ, въ восьмыхъ—Тимоѳей Михайловъ, въ девятыхъ и десятыхъ—называвшіеся Кобозевыми, мужемъ и женою, и пожалуй прибавимъ сюда, если вѣрить показанію Рысакова, необнаруженнаго человѣка, видѣннаго Рысаковымъ въ конспиративной квартирѣ, подъ именемъ Михаила Ивановича. Изъ этихъ одиннадцати лицъ двое умерли, трое пока неразысканы и шесть находятся здѣсь, передъ вами на лицо. Подсудимый Желябовъ вчера, по поводу свидѣтельскихъ показаній, говорилъ, между прочимъ, что вамъ, на этой скамьѣ, придется еще видѣть другихъ лицъ. Надежда подсудимаго Желябова, что на этой скамьѣ будутъ прочіе его соучастники—надежда основательная и справедливая. Желябовъ въ данномъ случаѣ не ошибается.

Я старался, милостивые государи, доказать данными судебнаго слѣдствія, что всѣ подсудимые, безъ исключенія, фактами, относящимися до каждаго изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ, изобличаются въ болѣе или менѣе прямомъ соучастіи въ злодѣяніи 1-го марта. Въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти къ установленію того, что если мы имѣемъ предъ собою въ лицѣ шести подсудимыхъ соучастниковъ преступленія, то это соучастники не простые, связанные между собою обыкновеннымъ уголовнымъ соучастіемъ и стеченіемъ виновности, но люди, болѣе крѣпкою связью соединенные въ одно цѣлое, называемое ими соціально-революціонною партіей. Мнѣ, слѣдовательно, необходимо доказать, что злодѣяніе 1-го марта совершено не только нѣсколькими лицами, на него сговорившимися, но совершено цѣлою группою лицъ, изъ среды которой эти лица вышли и въ интересахъ которой они дѣйствовали. Другими словами: въ настоящее время мнѣ предстоитъ перейти отъ обвиненія каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, какъ человѣка, какъ лица частнаго, лица физическаго, къ обвиненію ихъ, какъ лицъ, входящихъ въ составъ этой самой партіи. Судебною практикою, да и здравымъ смысломъ установляется рядъ общихъ признаковъ, на основаніи наличности которыхъ въ извѣстныхъ фактахъ можно судить объ отношеніи этихъ фактовъ и лицъ, факты создавшихъ, къ извѣстному соединенію, преслѣдующему политическую цѣль, т. е. судить о принадлежности

тѣхъ или другихъ лицъ къ революціонному движенію. Такими признаками я считаю, во 1-хъ, печатныя произведенія и рукописи, свидѣтельствующія о таковой принадлежности; во 2-хъ, предметныя и другія указанія революціонной дѣятельности обвиняемыхъ; въ 3-хъ, революціонное ихъ прошлое, и, въ 4-хъ, собственныя объясненія обвиняемыхъ объ ихъ отношеніи къ этому преступному соединенію. Сообразно этимъ четыремъ признакамъ я и раздѣлю настоящее свое изложеніе. . . . .

Рядъ печатныхъ произведеній и рукописей, на которыхъ лежитъ несомнѣнная, неизгладимая печать соціально-революціоннаго движенія, которыя громко свидѣтельствуютъ объ этомъ движеніи, какъ о своемъ источникѣ,—оказывается у каждаго изъ подсудимыхъ. Останавливаясь на подсудимомъ Рысаковѣ и на вещахъ, найденныхъ у него по обыску, произведенному въ его квартирѣ у Ермолиной, я указываю на нумера „Народной Воли“, на найденную у него—очевидно произведеніе весьма недавнее—программу рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“ и объяснительную къ ней записку. У него же найдены: рукопись, написанная его рукою, по всей вѣроятности, списанная съ чего нибудь, подъ заглавіемъ: „Задачи боевой рабочей организаціи“, представляющая какъ бы введеніе къ объяснительной запискѣ программы, и рукописное стихотвореніе безъ заглавія, содержаніе котораго представляетъ собою фантастическій и удивительный по дикости разсказъ о боѣ съ Царемъ. У умершаго Ельникова, въ квартирѣ Артамоновой, найдена была та же самая программа рабочихъ членовъ партіи, которая оказалась у Рысакова. Затѣмъ у подсудимыхъ Желябова и Перовской, жившихъ вмѣстѣ на квартирѣ ихъ по первой ротѣ Измайловскаго полка, найдено множество печатныхъ изданій „Земля и Воля“ и „Народной Воли“, оказались и прокламаціи, между прочимъ, отъ „исполнительнаго комитета“ по поводу взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ, 5-го февраля 1880 года. Кромѣ того найдена гектографированная „программа дѣйствія великорусской партіи соціалистовъ-федералистовъ“, съ объяснительною запискою. Я обращаю вниманіе на то, что, въ противоположность другимъ изданіямъ, эта программа не печатная, а гектографированная, вѣроятно потому, что въ публикѣ было бы не-

удобно распространять ее, такъ какъ по самому содержанію своему она оттолкнула бы публику отъ движенія. У подсудимой Перовской, при ней самой, найдена была печатная программа „исполнительнаго комитета“—это руководство партіи, программа, которая должна быть въ карманѣ каждаго члена общества, въ которой написано, чего держаться, какъ поступать, безъ которой онъ не можетъ ступить ни шага и отъ которой отступить не можетъ. У Перовской же найдено дополненіе къ этой программѣ: два экземпляра печатной программы рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“. 17 экземпляровъ приложенія къ № 2 „Рабочей Газеты“, начавшей издаваться недавно, въ концѣ 1880 года; затѣмъ рукопись замѣчательнаго содержанія: „подготовительная работа партіи“ и наконецъ 18 экземпляровъ воззванія по поводу событія 1-го марта отъ имени „исполнительнаго комитета“ и 14 экземпляровъ „отъ рабочихъ членовъ партіи „Народной Воли“. У Саблина и подсудимой Гельфманъ въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ найдена масса революціонныхъ изданій и брошюръ, а также прокламація по поводу злодѣянія 1-го марта отъ „исполнительнаго комитета“. Таковы печатныя произведенія и рукописи, которыя указываютъ на принадлежность подсудимыхъ къ партіи.

Перехожу ко второй группѣ—къ предметнымъ и инымъ указаніямъ на революціонную дѣятельность обвиняемыхъ. Сюда относится оружіе, находимое при подсудимыхъ, подложныя печати, какъ матеріалы для изготовленія подложныхъ паспортовъ, обнаруженныя при обыскѣ записки, болѣе или менѣе компрометирующаго содержанія. Одна изъ нихъ писана на клочкѣ бумаги и найдена въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ; въ ней говорится о дѣятельности партіи въ настоящемъ и будущемъ и между прочимъ о подсудимой Гельфманъ. Я приведу вкратцѣ содержаніе записки. Она начинается словами: „Наши еще на мѣстѣ“, говоритъ объ организаціи провинціальной, о необходимости дѣйствовать насильственно, заключаетъ требованіе присылки револьверовъ и кинжаловъ,—я имѣю полное право перевести такимъ образомъ эти сокращенія „3 рев. и 2 к.“—и оканчивается просьбой доставить фальшивые паспорты, фальшивые печати, словомъ, весь соціально-революціонный багажъ. Въ этой запискѣ говорится и спеціально о подсудимой Гельф-

мапъ, а именно слѣдующее: „Нужна еврейка на неинтеллигентную роль; попросите Гессю, если она откажется, то пусть А. М. (очевидно женщина) пріѣзжаетъ сама, поручивъ ей, Гессѣ, веденіе всѣхъ дѣлъ въ Питерѣ“. За оружіемъ и записками слѣдуютъ подложные имена и паспорты. Я не стану впрочемъ перечислять всѣ имена, которыя носили обвиняемые. Въ прошлой ихъ дѣятельности эти имена такъ и сыплются, и нужно много вниманія для того, чтобы установить преемство этихъ именъ у однихъ и тѣхъ же лицъ. Очевидно, при перемѣмѣ мѣста жительства, при перемѣнѣ сферы дѣятельности, мѣнялись и имена. Вы знаете, что имена мѣняютъ люди, которымъ нужно прятаться и которые вслѣдствіе этого боятся своего собственнаго имени. Далѣе необходимо остановиться на признакѣ можетъ быть мелкомъ, но не чуждомъ интереса и значенія. Онъ заключается въ томъ, что квартиры, которыя занимаютъ члены партіи, имѣютъ характеристическую особенность мѣста. Всѣ онѣ помѣщены на углу или въ очень глухихъ мѣстахъ.

Напомнивъ лишь вамъ, что почти у всѣхъ подсудимыхъ имѣется революціонное прошлое, я перехожу къ указаніямъ на собственное признаніе подсудимыхъ въ ихъ принадлежности къ партіи. Они спѣшатъ признать ее, спѣшатъ заявить, что они члены партіи, дѣйствовавшіе въ ея интересахъ. Такое признаніе мы слышали отъ всѣхъ подсудимыхъ, даже отъ Гельфманъ и Михайлова. Вы помните, какъ заявлялось это признаніе. На вопросы первоприсутствующаго о занятіяхъ, Перовская и Гельфманъ отвѣчали весьма своеобразно: „занимаюсь революціонными дѣлами“, а первый отвѣтъ Желябова на вопросъ о занятіяхъ былъ торжественное и велерѣчивое „служу дѣлу народнаго освобожденія“. Затѣмъ слѣдуютъ другія, болѣе опредѣленныя признанія: агенты исполнительнаго комитета, агенты съ большей или меньшей степенью довѣрія, агенты третьестепенные, такъ и слышится со скамьи подсудимыхъ, и т. д. Какъ бы то ни было, лица, въ настоящее время ее занимающія, спѣшатъ на встрѣчу обвиненію, спѣшатъ провозгласить, что они члены партіи. Такимъ образомъ принадлежность ихъ къ тайному сообществу, именующему себя „русской соціально-революціонной партіей“, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Объ этомъ сообществѣ я скажу нѣсколько позднѣе,

а теперь мнѣ нужно указать на показанія подсудимыхъ и заняться ихъ изслѣдованіемъ потому, во-1-хъ, что въ этихъ показаніяхъ заключается полное, безусловное доказательство ихъ виновности, доказательство, которое, если бы оно существовало и одно, было бы достаточно для ихъ изобличенія и осужденія, впрочемъ доказательство, хотя и связанное съ другими данными обвиненія, но отъ котораго эти данныя заимствуютъ лишь не много свѣта, такъ что не будь этихъ показаній, обвиненіе было бы также очень сильно, а эти объясненія, въ особенности показаніе Рысакова, дѣлаютъ его еще сильнѣе. Затѣмъ, во-2-хъ, эти показанія важны для насъ въ вязи съ другими данными, какъ новыя указанія, которыя даютъ полное, шагъ за шагомъ, раскрытіе заговора во всѣхъ его подробностяхъ, и, что особенно важно, точно распредѣляютъ участіе каждаго изъ подсудимыхъ. Я не стану излагать показанія въ отдѣльности, а постараюсь, на основаніи ихъ содержанія, представить связно картину преступленія такъ, какъ оно было совершено, и только въ извѣстныхъ мѣстахъ буду дополнять картину другими данными. Прежде, впрочемъ, чѣмъ говорить объ этихъ разоблаченіяхъ, я долженъ предпослать имъ общій обзоръ и сказать о силѣ ихъ достовѣрности. Такой пріемъ необходимъ, потому что нужно имѣть извѣстный критеріумъ для того, чтобы въ этихъ показаніяхъ отличить ложь отъ правды, и этотъ критеріумъ съ точки зрѣнія обвиненія я позволю себѣ предпослать. Вамъ извѣстно, что вообще показанія подсудимыхъ признаются достовѣрными на столько, на сколько они вообще представляются искренними и данными лицами, способными давать искреннія показанія, и на столько, на сколько они подтверждаются обстоятельствами дѣла, помимо ихъ обнаруженными. Это—общее условіе достовѣрности показаній подсудимыхъ. Но есть еще спеціальныя условія, относящіяся спеціально до политическихъ дѣлъ, до дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ, и на этихъ спеціальныхъ условіяхъ я долженъ остановить ваше вниманіе. Специфическій, особенный характеръ настоящаго преступленія и другихъ дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ указываетъ на то, что показанія подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, можно соединить, по ихъ свойству

и значенію, въ извѣстныя группы. Къ первой группѣ будетъ относиться полное собственное сознаніе, согласное съ обстоятельствами дѣла, связанное съ оговоромъ всѣхъ другихъ участниковъ, извѣстныхъ и сознающихся. Такой оговоръ въ государственномъ преступленіи имѣетъ существенное отличіе отъ общаго уголовнаго оговора, дѣлаемаго въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ, и та мѣрка, которую мы примѣняемъ въ общемъ судѣ къ оговору, которому мы вѣримъ или не вѣримъ, едва ли примѣнима къ оговору политическому. Въ основаніи политическаго оговора всегда лежатъ извѣстныя принципіальныя причины и на второмъ планѣ причины личныя или частныя, отдѣльныя побужденія. Сознаваясь самъ и оговаривая другихъ, виновный въ государственномъ преступленіи, если мы не имѣемъ основанія предположить въ немъ человѣка, у котораго дѣянія идутъ вполнѣ въ разрѣзъ съ его мыслями, достигаетъ извѣстной отвлеченной цѣли. Онъ полагаетъ, что такъ поступить нужно, что такъ слѣдуетъ ему говорить въ интересахъ если не его партіи, въ которой онъ принадлежитъ, то тѣхъ взглядовъ, которые толкнули его на дорогу преступленія и привели къ нему. Такимъ представляется мнѣ показаніе Рысакова, которое я всецѣло отношу къ первой группѣ. Оно представляетъ, во 1-хъ, его полное собственное сознаніе и, во 2-хъ, раскрытіе всего того, что ему, Рысакову, извѣстно объ обстоятельствахъ злодѣянія и всѣхъ приготовленіяхъ къ нему. Справедливость обязываетъ меня заявить, что это сознаніе во всемъ томъ, въ чемъ касается Рысакова, есть сознаніе полное и чистосердечное. Оцѣнивая это показаніе, заключающее въ себѣ и сознаніе, и оговоръ, по свойству его и по сопоставленію съ другими обстоятельствами дѣла, которыя вполнѣ его подтверждаютъ, нельзя не признать, что ему вѣрить и можно и должно и по характеру подсудимаго Рысакова, и по причинамъ, обусловливавшимъ вступленіе его въ партію, и по мотивамъ содѣяннаго имъ самимъ преступленія, и по нравственному состоянію, въ которомъ подсудимый находился во время совершенія преступленія, при производствѣ дознанія, и, наконецъ, здѣсь на судѣ. Я полагаю, что не ошибусь, если скажу, что онъ говоритъ вполнѣ все то, что знаетъ и безъ утайки. Да и едва ли, ему есть какое-нибудь основаніе скрывать отъ насъ истину

потому что съ той партіей, которая поставила его въ занимаемое имъ въ настоящее время положеніе, какъ онъ заявилъ письменно и словесно, по крайней мѣрѣ въ теперешнемъ своемъ умственномъ и нравственномъ состояніи,—онъ солидарности не имѣетъ. Я даже увѣренъ, что въ эти скорбныя, торжественныя минуты эта несолидарность простирается такъ далеко, что тяжкія, мучительныя угрызенія совѣсти мучаютъ этого человѣка, повидимому неподвижное лицо котораго вы видите здѣсь предъ собой, а если это такъ, то утаивать отъ суда что-либо касающееся партіи и другихъ лицъ едва ли есть ему основаніе. Выгораживать своихъ соучастниковъ онъ, очевидно, не хочетъ. Онъ хочетъ говорить то, что ему извѣстно и говорить, не смотря на очевидное неодобреніе, съ которымъ партія и вожаки ея во главѣ относятся къ этому оговору и къ раскрытію истины. Вы, конечно, замѣтили, что на судебномъ слѣдствіи центръ тяжести борьбы сосредоточивался на томъ, что Рысаковъ указывалъ на участіе Гельфманъ и Тимоѳея Михайлова, а Желябовъ и Перовская всѣ свои запоздалыя усилія направили на то, чтобы выгородить на сколько возможно изъ дѣла подсудимыхъ Гельфманъ и Тимоѳея Михайлова. На это я могу замѣтить только одно: если имъ тяжко смотрѣть на то положеніе, въ которомъ находятся подсудимые Тимоѳей Михайловъ и Гельфманъ, изъ котораго, я думаю, они не могутъ выйти ни въ какомъ случаѣ, то имъ нужно было подумать объ этомъ прежде. Затѣмъ ко второй группѣ показаній я отношу собственное, краткое, односложное сознаніе подсудимаго въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя касаются его самого, простое краткое сознаніе, съ умолчаніемъ всего, что касается другихъ: все говорить о себѣ или говорить все главное въ общихъ чертахъ, ничего не говорить о другихъ и не давать никакихъ указаній, которыя могутъ навести на какіе-либо слѣды разыскивающую власть. Къ этой второй группѣ относится показаніе подсудимаго Кибальчича; близко сюда въ этой же группѣ, съ нѣкоторыми условіями, принадлежатъ показанія и другихъ подсудимыхъ. Въ этихъ показаніяхъ къ собственному сознанію, къ старанію умолчать или выгородить другихъ, присоединяются два стремленія: во-1-хъ, постараться представить свое дѣло, свою партію, свое, пожалуй, участіе, но главнымъ обра-

зомъ свою партію, въ крайне преувеличенномъ и ложномъ свѣтѣ, постараться увеличить размѣры до фантастичности, постараться—я скажу прямо— напугать, если бы напугать кого-либо было бы возможно, постараться сказать, что если здѣсь, на скамьѣ подсудимыхъ, стоитъ группа сильныхъ дѣятелей партіи, то за ними тамъ, дальше, на свободѣ, есть еще другіе, которые идутъ по одному и тому же пути, что такихъ много и что партія располагаетъ могучими силами и средствами. Это стремленіе довольно понятно въ подсудимыхъ, но, преслѣдуя его, подсудимые не знаютъ мѣры и границъ, и переходятъ изъ сферы правдоподобія въ область ничѣмъ неограниченной дикой фантазіи. Къ этому роду показаній, въ которыхъ замѣтно и желаніе выставить себя въ извѣстномъ конспиративномъ партійномъ хорошемъ свѣтѣ, принадлежитъ показаніе Желябова и показаніе его alter ego — подсудимой Перовской. Далѣе, къ третьей группѣ я отношу нежеланіе показывать, неохоту говорить или просто довольно грубое, категорическое отрицаніе обстоятельствъ, касающихся даннаго подсудимаго, съ нѣкотораго рода ограниченіями. Такого рода показанія мы слышали отъ подсудимой Гельфманъ и въ особенности отъ Тимоѳея Михайлова. И такъ, будемъ вѣрить показаніямъ первой группы, и, слѣдовательно, показанію Рысакова вполнѣ; будемъ вѣрить показаніямъ второй группы по стольку, по скольку они касаются самихъ подсудимыхъ, и не будемъ имъ вѣрить на основаніи тщательной критики въ томъ, въ чемъ они идутъ въ разрѣзъ съ обстоятельствами дѣла и окажутся продиктованными личными стремленіями, и, наконецъ, не будемъ вѣрить третьей категоріи показаній подсудимыхъ, противопоставляющихъ факту улики голословное его отрицаніе. Резюмируя то, что я сказалъ, и переходя къ частностямъ показаній подсудимыхъ, я, для большаго удобства вашего, для того, чтобы вы могли отмѣтить выводы обвиненія, ограничусь краткимъ перечнемъ сущности показаній подсудимыхъ и скажу, что подсудимый Рысаковъ сознается: въ злодѣяніи 1-го марта вполнѣ и въ принадлежности къ социально-революціонной партіи — съ извѣстными оговорками. Сознаваясь, онъ оговариваетъ: прямо—подсудимыхъ Желябова, Перовскую и Тимоѳея Михайлова, и косвенно, но не менѣе сильно — подсудимую Гесю

Гельфманъ; подсудимые Желябовъ и Перовская сознаются въ тѣхъ же преступленіяхъ, что и Рысаковъ, и кромѣ того, Перовская въ другомъ, приписываемомъ ей, преступленіи—въ посягательствѣ на Священную Особу въ Бозѣ почившаго Императора, совершенномъ подъ Москвою 19 ноября 1880 года, а Желябовъ въ преступленіи подъ Александровскомъ, 18 ноября 1879 года; подсудимый Кибальчичъ сознается въ принадлежности къ партіи, въ цареубійствѣ, въ приготовленіяхъ къ одесскому покушенію осенью 1879 г. и, наконецъ, въ приготовленіяхъ къ александровскому взрыву; подсудимый Тимоѳей Михайловъ не сознается въ совершеніи злодѣянія 1 марта, но сознается вполнѣ въ принадлежности къ соціально-революціонной партіи, къ террористической ея фракціи, а также въ вооруженномъ сопротивленіи 3 марта властямъ при арестованіи его въ Тележной улицѣ, и, наконецъ, подсудимая Гельфманъ, не сознаваясь въ участіи въ дѣлѣ 1 марта, сознается въ принадлежности къ террористической фракціи соціально-революціонной партіи или, другими словами, къ партіи „Народной Воли". Болѣе всего показанія Рысакова совпадаютъ съ показаніями Перовской и Кибальчича. На основаніи этихъ показаній подсудимыхъ и на основаніи другихъ данныхъ дѣла, какъ я уже сказалъ, мнѣ предстоитъ воспроизвести предъ вами по возможности точную картину того заговора, жертвою котораго 1 марта палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ.

Лѣтомъ 1879 года,—я начинаю издалека,—въ городѣ Липецкѣ, Тамбовской губерніи, происходилъ съѣздъ членовъ революціонной партіи. Вы много слышали объ этомъ съѣздѣ, еще больше васъ слышали о немъ предшествующіе судьи. Съѣздъ этотъ важенъ потому, что имъ установляется моментъ систематической рѣшимости совершить цареубійство. На этомъ съѣздѣ, о которомъ упоминалъ здѣсь подсудимый Желябовъ, было рѣшено совершить покушеніе на жизнь усопшаго Императора и повторять его, въ случаѣ неудачи, до тѣхъ поръ, пока эти покушенія не увѣнчаются злодѣйскою удачею. Во исполненіе такого рѣшенія съѣзда, которое, какъ вы слышали здѣсь отъ подсудимаго Желябова, было обязательно для всей партіи и, по его словамъ, вмѣнялось въ законъ, былъ совершонъ рядъ покушеній на

жизнь Его Императорскаго Величества: покушеній подъ Александровскомъ, подъ Москвой и наконецъ 5-го февраля въ Зимнемъ Дворцѣ. Для этихъ покушеній нужно было приготовлять взрывчатыя вещества, и приготовленіемъ ихъ съ усердіемъ, ревностью и знаніями, достойными лучшаго дѣла, занялся подсудимый Кибальчичъ. Очевидно, еще въ стѣнахъ тюрьмы уже загорѣло въ немъ нетерпѣливое желаніе вложить и свою лепту въ кровавыя дѣла, ознаменовавшія вступленіе соціально-революціонной партіи на путь политической борьбы, и принять въ немъ посильное участіе, такъ что по освобожденіи онъ не замедлилъ явиться къ одному изъ главныхъ революціонныхъ дѣятелей, нынѣ осужденному и казненному государственному преступнику Квятковскому, и предложилъ свои услуги. Техникъ-динамитчикъ, производатель динамита — былъ человѣкъ драгоцѣнный для партіи. Онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями и, конечно, работы предстояло ему много. Онъ и занялся этою работою. Вы, конечно, помните его показанія, занесенныя въ обвинительный актъ и подтвержденныя здѣсь. Въ теченіе полутора года онъ изготовлялъ динамитъ въ большомъ количествѣ, когда ему приказывали, не справляясь о томъ, на что именно въ извѣстную минуту нуженъ динамитъ, но всегда зная, для какой конечной цѣли онъ будетъ служить. . . . . . .

Рядомъ съ приготовленіями, въ которыхъ также видное участіе принималъ Кибальчичъ съ осени 1880 года идетъ агитаціонная дѣятельность интеллигентныхъ дѣятелей въ рабочей средѣ. Это вообще пріемъ не новый, практиковавшійся и прежде, но здѣсь, повидимому, на этотъ пріемъ были направлены особыя усилія партіи, и партія справедливо — доказательствомъ этому служитъ Тимоѳей Михайловъ—видѣла въ агитаціи среди рабочихъ способъ пріобрѣтенія новыхъ полезныхъ агентовъ. Между рабочими, по иниціативѣ агитаторовъ, образуются кружки, сходящіеся въ агитаціонную группу рабочихъ. Такіе дѣятели, какъ Рысаковъ, еще не принадлежащіе къ партіи, если можно такъ выразиться, формально и болѣе склонные къ мирной соціалистической дѣятельности среди рабочихъ, убѣждаются изъ агитаціонной дѣятельности въ томъ, что единоличныя усилія ихъ не могутъ принести плодотворныхъ резуль-

татовъ въ конспиративномъ смыслѣ. Придя къ такому убѣжденію, они сходятся съ испытанными дѣятелями революціоннаго движенія, подпадаютъ подъ ихъ вліяніе и дѣлаются ядромъ довольно систематически слагающихся небольшихъ организацій среди рабочихъ, организацій, пріурочиваемыхъ къ террористической системѣ. По тому, что говорятъ о группѣ рабочихъ подсудимые, можно подумать, что она многочисленна, сильна личнымъ составомъ, качественнымъ и количественнымъ, но показаніе Рысакова разсѣеваетъ такое предположеніе: по его словамъ, группа состоитъ не болѣе какъ изъ десятковъ двухъ человѣкъ, и въ ней настоящихъ рабочихъ очень немного; въ группѣ этой мы встрѣчаемъ Желябова,—онъ вездѣ, самого Рысакова, Перовскую, Михаила Ивановича, Ельникова, „инвалида" и другихъ. На обязанности группы лежала пропаганда среди рабочихъ и руководство рабочимъ движеніемъ. Рядомъ съ нею, выдѣлившись изъ нея, образовался въ февралѣ 1881 года такъ называемый террористическій отдѣлъ рабочей группы, или, употребляя техническое выраженіе подсудимыхъ, довольно характерное, „боевая рабочая дружина". О боевой рабочей дружинѣ у насъ есть нѣсколько разныхъ варіантовъ объясненій. Одни говорятъ, что подъ исполнительнымъ комитетомъ, главной группой, стояли другія подгруппы и въ распоряженіи этого комитета находилось нѣсколько назначенныхъ для насильственныхъ дѣйствій боевыхъ дружинъ, въ числѣ ихъ была боевая рабочая, такъ что кромѣ нея исполнительный комитетъ располагалъ еще и другими такими же дружинами. Но отъ другихъ мы не слыхали такого объясненія; Тимоѳей Михайловъ даетъ объясненіе несравненно болѣе скромное, и я думаю, что какъ человѣкъ необразованный, умственный кругозоръ котораго не великъ, узокъ, онъ ближе къ истинѣ свидѣтельствуетъ о характерѣ рабочей боевой дружины. На вопросъ о томъ, какое же она имѣла назначеніе, онъ отвѣчаетъ нѣсколькими очень короткими, но крайне характерными словами: защищать рабочихъ, т. е. убивать шпіоновъ и избивать нелюбимыхъ рабочими мастеровъ. Вотъ къ чему она была создана, вотъ что могло привлекать въ нее такихъ рабочихъ, которые дошли до такого состоянія, до котораго дошелъ подсудимый Тимоѳей Ми-

хайловъ. Образованная по инициативѣ Желябова, она состояла изъ незначительнаго числа лицъ: 4, 5, 6 человѣкъ. Вотъ все, что входило въ составъ боевой дружины, если только останавливаться на показаніи Рысакова, и кто же? Все тѣ же. Опять тотъ же Желябовъ, тотъ же Рысаковъ, тотъ же Михаилъ Ивановичъ, но безъ Перовской, и наконецъ Тимоѳей Михайловъ, можетъ быть еще кто-нибудь, и этимъ составомъ боевая дружина исчерпывается. Органомъ агитаціонной рабочей группы была начавшаяся издаваться въ то время „Рабочая Газета", типографія которой помѣщалась въ конспиративной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ и которая печаталась при содѣйствіи Геси Гельфманъ. Первый нумеръ ея относится къ сентябрю 1880 года; второй и послѣдній къ февралю 1881 года; всего вышло два нумера. Такимъ образомъ и агитаціонная группа, и рабочая дружина представляются мнѣ не болѣе, какъ способомъ вербовки рабочихъ въ дѣятельности партіи. Вербовка производилась главнымъ образомъ Желябовымъ, при помощи другихъ лицъ, между прочимъ и Перовской. Такимъ путемъ былъ имъ заманенъ въ сѣти Тимоѳей Михайловъ. Къ этому же времени относится внезапный и почти ничѣмъ не объяснимый переходъ Тимоѳея Михайлова и Рысакова съ законнаго положенія на положеніе „нелегальное". Это опять выраженіе техническое, соціально-революціонное. Это значитъ перестать быть прежнимъ человѣкомъ, это значитъ забыть свое хрещеное христіанское имя, начать называться ложными именами, бросить свой настоящій видъ на жительство, взять подложный, и такимъ образомъ скрываться гдѣ день, гдѣ ночь отъ преслѣдованія властей. Хорошо. Длѣ тѣхъ, которыхъ преслѣдуютъ, это необходимо, но для тѣхъ, которые не подвергались этому преслѣдованію, какой смыслъ имѣетъ этотъ переходъ? А между тѣмъ мы видимъ, что и Рысаковъ, и Михайловъ переходятъ на это положеніе въ 1881 году безъ всякаго основанія и надобности, потому что по имѣющимся свѣдѣніямъ относительно Рысакова, относительно павшаго на него подозрѣнія, по ихъ неопредѣленности и по отсутствію всякаго указанія на принятіе противъ Рысакова репрессивныхъ мѣръ, нѣтъ основанія полагать, чтобы для Рысакова были причины къ переходу на нелегальное положеніе. Причина та, что Желябовъ переводитъ ихъ на это положеніе. Это положеніе въ

моихъ глазахъ имѣетъ значеніе посвященія въ члены партіи. Переходя на нелегальное положеніе, человѣкъ переступаетъ рубиконъ: за нимъ есть чужое имя, чужой паспортъ. При такомъ внезапномъ переходѣ отступать ему нечего, и остается только идти впередъ, впередъ, туда, куда толкаютъ Желябовы. Здѣсь мнѣ нужно нѣсколько остановиться на роли подсудимаго Желябова въ самомъ заговорѣ. При этомъ я постараюсь приписать ему только то значеніе, которое онъ въ дѣйствительности имѣлъ, только ту роль, которую въ дѣйствительности онъ исполнялъ, ни больше, ни меньше. Полагаю, что и этого однако и для суда, и для оцѣнки дѣятельности Желябова будетъ совершенно достаточно. Роль моя въ Петербургѣ, говоритъ Желябовъ, была, конечно, менѣе дѣятельна и важна, чѣмъ въ провинціи. Тамъ я дѣйствовалъ самостоятельно, а здѣсь —подъ ближайшимъ контролемъ исполнительнаго комитета, о которомъ такъ часто приходится говорить Желябову. Я былъ только исполнителемъ указаній, и вотъ исполнительный комитетъ, говоритъ онъ, рѣшивъ совершеніе въ началѣ 1881 года новаго посягательства на цареубійство, поручилъ ему, Желябову, заняться ближайшей организаціей этого предпріятія, какъ любятъ выражаться подсудимые на своемъ особенномъ специфическомъ языкѣ, или, другими словами, выражаясь языкомъ Желябова, поручилъ ему учредить атаманство, атаманомъ котораго и былъ подсудимый Желябовъ. Въ старые годы у насъ называли атаманами людей, которые становились во главѣ разбойническихъ соединеній. Я не знаю, это ли воспоминаніе или другое побудило къ воспринятію этого званія, но тѣмъ не менѣе Желябовъ былъ атаманомъ и атаманство подъ его началомъ образовалось. Выбравъ лицъ достойныхъ, годныхъ, по его мнѣнію, къ участію въ злодѣяніи, онъ составилъ имъ списокъ и представилъ его на утвержденіе исполнительнаго комитета. Исполнительный комитетъ, утвердивъ его, возвратилъ его Желябову, который затѣмъ привелъ постановленіе исполнительнаго комитета въ исполненіе. Было рѣшено совершить злодѣяніе двумя способами, параллельно другъ съ другомъ идущими и имѣющими тѣсную связь: подкопомъ на Малой Садовой и посредствомъ метательныхъ снарядовъ. Желябовъ и Кибальчичъ указываютъ на то, что между этими двумя способами не было тѣсной

связи, что организаторы одного не были организаторами другого. Я полагаю, что это неосновательно. Все, что мы знаемъ о заговорѣ, что раскрыто показаніями самихъ подсудимыхъ, говоритъ противное, и говоритъ, что оба эти способа были выбраны вмѣстѣ и разработаны совмѣстно, на случай если не удастся одинъ, то удастся другой. Такимъ образомъ былъ составленъ планъ. Главное руководство по этому плану, утверждаетъ Желябовъ, принадлежало не ему, а исполнительному комитету. Исполнительный комитетъ—это вездѣсущее, но невидимое таинственное соединеніе, которое держитъ въ рукахъ пружины заговора, которое двигаетъ людьми какъ маріонетками, посылаетъ ихъ на смерть, переставляетъ ихъ, однимъ, словомъ, это душа всего дѣла. Но я позволю себѣ высказать другое мнѣніе, и, рискуя подвергнуться недовѣрію и глумленію со стороны подсудимыхъ, позволю просто усумниться въ существованіи исполнительнаго комитета. Я знаю, что существуетъ не одинъ Желябовъ, а нѣсколько Желябовыхъ, можетъ быть десятки Желябовыхъ, но я думаю, что данныя судебнаго слѣдствія даютъ мнѣ право отрицать соединеніе этихъ Желябовыхъ въ нѣчто органическое, правильно устроенное іерархическое распредѣленіе, въ нѣчто соединяющееся въ учрежденіе. Я думаю, что исполнительный комитетъ—это вожаки заговора, между собою согласившіеся и его исполняющіе, и я сейчасъ укажу на нѣкоторыя данныя, подтверждающія мое заключеніе. Обвиняемый Гольденберъ въ показаніяхъ своихъ, изложенныхъ въ обвинительтельномъ актѣ, говоря объ исполнительномъ комитетѣ, между прочимъ обясняетъ, что исполнительнымъ комитетомъ называлась наиболѣе дѣятельная городская группа соціально-революціонныхъ дѣятелей, т. е. группа, а не учрежденіе. Въ № 3-мъ „Народной Воли", въ передовой статьѣ, имѣется весьма характерная и весьма знаменательная оцѣнка дѣятельности исполнительнаго комитета и указаніе на его необходимость, дающая ключъ къ разгадкѣ. Въ этой статьѣ, написанной въ то время, когда удручающее сознаніе безсилія тяготѣло надъ партіей, говорилось о томъ равнодушіи, кторое, къ сожалѣнію для всей партіи, окружаетъ ее со всѣхъ сторонъ, о томъ равнодушіи, которое высказывается даже въ томъ, что люди, принадлежащіе къ партіи, не имѣ-

ютъ никакой инициативы въ дѣлѣ, не проявляютъ никакой энергіи, и заключается статья такъ: „Русскому человѣку даже въ соціально-революціонномъ дѣлѣ нужно начальство и безъ начальства онъ никакъ не можетъ обойтись“. И вотъ, для созданія такого фиктивнаго начальства, котораго никто не знаетъ, которое, говорятъ, гдѣ-то тамъ, чуть не подъ землею, и появилась, мнѣ кажется, эта фикція объ исполнительномъ комитетѣ, какъ объ опредѣленномъ, правильно огранизованномъ подпольномъ учрежденіи. Я думаю также и потому, что если этотъ исполнительный комитетъ такъ правильно организованъ и руководилъ всѣмъ дѣломъ, то неужели, когда былъ арестованъ Желябовъ, организаторъ злодѣянія, неужели у исполнительнаго комитета не нашлось болѣе сильной руки, болѣе сильнаго ума, болѣе опытнаго революціонера, чѣмъ Софья Перовская? Неужели слабымъ рукамъ женщины, хотя бы она была сожительницею Желябова, можно передавать такое дѣло, какъ преемство по исполненію злодѣянія? Я полагаю, что если исполнительный комитетъ существуетъ, организованъ и обладаетъ такими большими средствами, то неужели предъ самымъ совершеніемъ преступленія нужно было бы прибѣгать къ несчастнымъ 50 рублямъ, полученнымъ Рысаковымъ изъ конторы Громова для средствъ партіи, для фонда ея, за неимѣніемъ таковаго? Какъ бы то ни было, если условиться называть исполнительнымъ комитетомъ соединеніе вожаковъ, я допускаю, что комитетъ, а въ составѣ его Желябовъ, занялся разработкой самаго замысла. По словамъ Желябова, изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ, которыхъ, по словамъ Желябова, было много, а я думаю одна,—были вызваны добровольцы и Желябовъ кликнулъ кличъ. На этотъ кличъ отозвалось 47 человѣкъ, изъ которыхъ 19 человѣкъ шли условно, только въ томъ случаѣ, если на мѣстѣ совершенія преступленія ихъ будутъ сопровождать люди опытные съ революціоннымъ прошлымъ, а 28 шли безъ всякихъ условій. Такимъ образомъ Желябовъ имѣлъ предъ собою выборъ. Но, по словамъ Рысакова, дѣло было нѣсколько иначе, и совершеніе злодѣянія было просто-на-просто предложено рабочей дружинѣ, изъ которой вышли Рысаковъ, Тимоѳей Михайловъ, „Михаилъ Ивановичъ“, къ этой дружинѣ принадлежащіе. По словамъ Ры-

сакова, на кликъ Желябова отозвалось не 47 человѣкъ, а всего на всего 4 человѣка—тѣ самые, которые, вооруженные метательными снарядами, были разставлены близь Малой Садовой по извѣстнымъ пунктамъ. Послѣ сбора участниковъ начались предварительныя объясненія и разговоры заговорщиковъ о совершеніи преступленія. Этимъ предварительнымъ объясненіямъ предшествовало еще давно предпринятое слѣженіе за Государемъ Императоромъ... Я не незнаю вещи или предмета, внушающаго больше негодованія, какъ воспоминаніе объ обстановкѣ этого преступленія. Вездѣ на проѣздѣ Государя Императора, куда бы ни вышелъ Государь Императоръ, таясь во тьмѣ, слѣдуя за Нимъ, стояли эти люди, выжидающіе, высматривающіе, слѣдящіе за Его привычками, за направленіемъ, которое Онъ приметъ при проѣздѣ, для того, чтобы потомъ изъ этихъ опытовъ сдѣлать кровавое употребленіе, а когда приходится себѣ представить, что это слѣженіе и наблюденіе было организовано женщиной, подсудимою Перовской, то становится еще ужаснѣе, еще болѣе душа содрогается. Да, между тѣмъ это такъ. Мы слышали отъ Рысакова и отъ самой Перовской, которая сознается, что она вмѣстѣ съ другими лицами давно слѣдила за Государемъ Императоромъ, въ теченіе всей зимы, и самая выработка плана была результатомъ опытовъ, выведенныхъ изъ наблюденій. Сдѣлалось извѣстнымъ, въ какомъ часу проѣзжаетъ Государь Императоръ, по какому направленію, гдѣ Онъ останавливается, и на этомъ былъ построенъ планъ. Затѣмъ послѣдовали предварительные разговоры въ квартирѣ Рысакова, занимаемой у Ермолиной, и здѣсь я остановлю ваше вниманіе на томъ, что хозяйка Рысакова, Ермолина, въ этой квартирѣ его, въ то время, которое относится къ этимъ разговорамъ, видѣла и Тимоѳея Михайлова. Слѣдовательно, въ предварительныхъ разговорахъ о цареубійствѣ принималъ участіе и при нихъ присутствовалъ и подсудимый Тимоѳей Михайловъ. Мѣсто ли оказалось неудобнымъ или по другимъ причинамъ, но только эти разговоры перешли въ другое помѣщеніе, въ настоящую конспиративную квартиру, по Троицкому переулку, гдѣ хозяйкою была подсудимая Гельфманъ. Здѣсь происходили разговоры. Параллельно съ этими разговорами, въ другомъ мѣстѣ, намъ неизвѣстномъ, можетъ быть въ

Подъяческой, можетъ быть въ той уединенной комнатѣ, въ которой своимъ научнымъ изысканіямъ предавался Кибальчичъ, происходила выработка самыхъ средствъ, самаго орудія преступленія. Нужно было много сдѣлать. Нужно было выработать типъ, идею, систему снаряда, нужно было подавать техническіе совѣты для устройства мины и въ то же время заботиться и о разрушительномъ, и о спасительномъ дѣйствіи этой мины, нужно было заботиться о минимальномъ количествѣ динамита, чтобы онъ поражалъ только того, кого нужно, и не поражалъ другихъ. Эта задача лежала всецѣло на Кибальчичѣ. По этому поводу я остановлю ваше вниманіе на довольно странномъ обстоятельствѣ, которое подробно изложено въ обвинительномъ актѣ, не опровергнуто подсудимыми и подтверждено при изслѣдованіи дѣла, а также показаніями на судѣ. Когда подсудимому Кибальчичу былъ предложенъ первый вопросъ о его участіи въ дѣлѣ, когда его спросили о метательныхъ снарядахъ, то онъ прежде всего заявилъ: „Да, это мои снаряды, это моя идея, моя система, мой типъ, я, я его одинъ изобрѣтатель, безъ всякихъ помощниковъ: это мой секретъ". А вы знаете, это типъ новый, эксперты этого типа не знаютъ, въ немъ все предусмотрѣно, такъ что онъ своей цѣли не достигнуть не можетъ. Затѣмъ прошло немного времени, пришлось перечитывать это показаніе и является уже другая мысль: «Да, но если я сказалъ, что эта идея моя, то она умретъ вмѣстѣ со мною, она никому не будетъ передана». Тутъ явилось другое объясненіе, тутъ интересы партіи оказались сильнѣе интересовъ научныхъ, тутъ въ Кибальчичѣ заговорилъ членъ социально-революціонной партіи и явилось діаметрально-противоположное объясненіе. Пошелъ разговоръ, что не я одинъ, что еще есть двое, они на свободѣ, они могутъ продолжать. Помощники были, это не подлежитъ сомнѣнію, но пусть Кибальчичъ всецѣло оставитъ за собою идею изобрѣтенія и ея успѣшное дѣйствіе. Выработаны были орудія преступленія и начался мало-по-малу слагаться и опредѣленный планъ. Сначала мысль о злодѣяніи, говоритъ Рысаковъ, представлялась отдаленною ему самому, но о совершеніи злодѣянія уже думали. Нужно спѣшить, сказалъ Желябовъ, время не терпитъ—и поспѣшили. Поспѣшность сказалась во всѣхъ дѣйствіяхъ партіи, и причина ея

на лицо. Дѣятельность власти осенью 1880 года по обнаруженію членовъ партіи, въ частности террористовъ и лицъ, принадлежащихъ къ группѣ, въ которой было задумано злодѣяніе, была особенно энергична и успѣшна. Власти удалось напасть на слѣды, были произведены аресты, были арестованы многіе видные дѣятели прежнихъ террористическихъ преступленій, были задержаны Тригони и Желябовъ. Громъ уже гремѣлъ надъ партіей, уже была протянута рука, которая была готова схватить членовъ ея, нужно было спѣшить. Этимъ и объясняется поспѣшность, особенно сильно сказывающаяся въ томъ, что какъ только арестовали Желябова 27 февраля, тотчасъ же 28 Перовская исчезаетъ дѣлается руководительницею заговора и приводитъ его въ исполненіе не медля ни минуты. Снаряды еще не готовы, ночь посвящается на ихъ приготовленіе. Утромъ Перовская приноситъ снаряды на квартиру въ Телѣжную улицу и говоритъ: вотъ все, что успѣли сдѣлать, нужно довольствоваться и малымъ, больше не успѣли. Я возвращаюсь къ показанію Рысакова. За полторы недѣли до 1 марта, когда былъ крикнутъ Желябовымъ кличъ, вызвались четверо: Рысаковъ, «Михаилъ Ивановичъ» (Ельниковъ), Тимоѳей Михайловъ и неизвѣстный „Михаилъ“. Вызвавшимся былъ данъ доступъ на другую конспиративную квартиру, помѣщающуюся въ Телѣжной улицѣ. Туда они были введены Желябовымъ. Тутъ вмѣстѣ съ Желябовымъ появился и Кибальчичъ, и здѣсь начались лекціи—я употребляю подлинное выраженіе Рысакова—лекціи Кибальчича о снарядахъ. Кибальчичъ привыкъ къ объясненію научныхъ предметовъ. Мы слышали здѣсь отъ него весьма обстоятельный, весьма связный разсказъ объ этомъ. Поэтому мы можемъ заключить, что и его лекціи были ясны, послѣдовательны и вразумительны. Приносились не снаряды, но отдѣльныя части его; Кибальчичъ читалъ участникамъ будущаго злодѣянія техническія наставленія и дѣлалъ пробы. На эти пробы указываютъ предметы, найденные въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ: модель, осмотрѣнная экспертомъ Федоровымъ, бертолетовая соль, колбы, реторты и записка о смѣси, которая вошла въ снаряды. Лекціи эти производились въ квартирѣ, хозяйкою которой была подсудимая Гельфманъ. Правда, говорятъ, что она отъ лекцій уходила; но вѣдь она знала,

что на нихъ преподается и какой онѣ будутъ имѣть результатъ. 28 февраля, наканунѣ злодѣянія, неудовольствовавшись лекціями, участники произвели и опытъ. Отправились, по словамъ Рысакова, далеко за городъ, подъ Смольный монастырь, четверо: Рысаковъ, Кибальчичъ-техникъ, Михаилъ Михайловичъ и Тимоѳей Михайловъ, и здѣсь пробный снарядъ былъ брошенъ Тимоѳеемъ Михайловымъ. Снарядъ разорвался удачно, проба была успѣшна. Участники возвратились на квартиру и стали ждать Желябова, но онъ не приходилъ и Геся Гельфманъ сказала, что если онъ не приходитъ, значитъ не можитъ придти—что нибудь его задержало—, а задержало его то, что онъ былъ арестованъ. Когда 28-го февраля сдѣлалось извѣстно объ арестѣ Желябова, были сдѣланы спѣшныя, послѣднія приготовленія. Утромъ 1 марта былъ назначенъ сборъ въ конспиративной квартирѣ. Обязанность Желябова приняла на себя Перовская. Рано утромъ Перовская привезла въ Телѣжную улицу, какъ я уже сказалъ, два снаряда. Тогда же пріѣхалъ вскорѣ и Кибальчичъ, приготовлявшій ночью снаряды, и привезъ еще два снаряда. Такимъ образомъ оказалось снарядовъ четыре, по числу участниковъ, и между ними снаряды были распредѣлены. Но предъ тѣмъ, чтобы выходить на злодѣяніе, нужно было сообщить участникамъ въ точности время, мѣсто и способъ дѣйствія, нужно было нарисовать планъ, нужно было разставить бойцовъ, и это послѣднее дѣло приняла на себя Перовская. Съ карандашемъ въ рукѣ, на первомъ попавшемся конвертѣ она начертила планъ, на которомъ точками указала мѣста, гдѣ дожны были стоять участники. Планъ былъ такой. Государь Императоръ, по всей вѣроятности, долженъ проѣхать по Малой Садовой. Проѣздъ этотъ уже ждутъ, понятно кто—Кобозевы. Тутъ же, по обѣимъ сторонамъ стоятъ метальщики: одинъ—у Екатерининскаго сквера, другой—на углу Невскаго и Малой Садовой; это посты Рысакова и Михаила. Другія мѣста на углу Большой Итальянской, близь манежной площади, занимаютъ Тимоѳей Михайловъ и Котикъ. Въ то же время Перовская стоитъ на углу Михайловской площади и Большой Итальянской близь кондитерской Кочкурова, стоитъ безъ всякаго оружія, съ планомъ въ головѣ, для того, чтобы наблюдать за исполненіемъ и подавать сигналы.

*

Произошелъ, положимъ, взрывъ, но оказался неудачнымъ, метальщики собираются на Малой Садовой и здѣсь доканчиваютъ дѣло смерти, бросая свои орудія. Если же произойдетъ иначе, если Государь Императоръ не поѣдетъ по Малой Садовой, то тогда Перовская подаетъ имъ сигналъ и измѣняетъ диспозицію. Произошло послѣднее. Его Императорское Величество, выѣхавъ изъ Зимняго Дворца, проѣхалъ по Инженерной улицѣ прямо въ манежъ. Перовская убѣдилась, что на Малой Садовой взрыва не послѣдовало и дала условный сигналъ, по которому метальщики, оставивъ прежніе посты, собрались на Михайловской улицѣ, и оттуда пошли на Екатерининскій каналъ, разсчитывая, что обратный путь Государя будетъ по Екатерининскому каналу. И вотъ метальщики отправляются на Екатерининскій каналъ. Перовская продолжаетъ путь на Невскій, поворачиваетъ на право, переходитъ чрезъ Казанскій мостъ, огибаетъ Екатерининскій каналъ и останавливается какъ разъ напротивъ мѣста, гдѣ совершилось злодѣяніе, для того чтобы наблюдать за его совершеніемъ. Государь Императоръ проѣзжаетъ по Екатерининскому каналу, метальщики встрѣчаютъ Его. Рысаковъ—первый, „Михаилъ Ивановичъ"—второй. Планъ приведенъ въ исполненіе и подкопъ въ Малой Садовой оказывается ненужнымъ.

Такимъ образомъ, милостивые государи, точно, фактически и юридически, распредѣляется участіе подсудимыхъ, и каждому изъ нихъ присвоивается особая роль. Какъ во всякомъ дѣйствіи, вытекающемъ изъ совмѣстнаго обсужденія, изъ совмѣстнаго соглашенія, какъ во всякомъ дѣйствіи и предпріятіи невинномъ, такъ и въ злодѣяніи нужно отличать руководителей и исполнителей, которые въ свою очередь раздѣляются на исполнителей по технической части и, если можно выразиться,—исполнителей по части физической. Руководителями злодѣянія 1 марта были Желябовъ и Перовская; техникомъ, лицомъ изобрѣвшимъ и составившимъ снаряды былъ Кибальчичъ; агентами, исполнителями были: Тимоѳей Михайловъ, Рысаковъ и умершій Ельниковъ; хозяйкою мѣста сборища—Гельфманъ. Это участіе фактическое совпадаетъ и съ участіемъ юридическимъ. Такъ, Желябовъ задумалъ злодѣяніе 1 марта и согласилъ на него Тимоѳея Михайлова и Рысакова, а затѣмъ управлялъ всѣ-

ми приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями. Желябовъ, напрасно толкуя выраженіе, помѣщенное въ обвинительномъ актѣ: „умысливъ злодѣяніе“ въ томъ смыслѣ, что ему, Желябову, первому принадлежитъ мысль о цареубійствѣ, находитъ его неправильнымъ. О, нѣтъ! Мысль эта составляла достояніе всей партіи, какъ мысль о дѣлѣ, задуманномъ и рѣшенномъ еще на Липецкомъ съѣздѣ. Но Желябову принадлежитъ мысль о самомъ злодѣяніи 1 марта со всею его обстановкою, о томъ, что составляетъ юридическій составъ преступленія. Итакъ, Желябовъ, говоря языкомъ закона, есть главный виновникъ, зачинщикъ. Перовская, по ея собственному показанію, управляла приготовительными къ злодѣянію дѣйствіями и руководила, находясь на мѣстѣ преступленія, самымъ его совершеніемъ. Такимъ образомъ рядомъ съ Желябовымъ, соединенная съ нимъ прямыми и крѣпкими узами, стоитъ Перовская, зачинщица и главная виновница, такая же, какъ и онъ. Роль зачинщика, по закону, выпадаетъ и на Рысакова, потому что хотя не ему принадлежали мысль и планъ совершенія злодѣянія, но онъ первый приступилъ къ совершенію преступленія, а такое участіе законъ приравниваетъ къ понятію о зачинщикахъ. Затѣмъ сообщниками являются Кибальчичъ и Тимоѳей Михайловъ. Первый изъ нихъ давалъ указанія на устройство мины въ Малой Садовой и относительно количества необходимаго для нея динамита; онъ изобрѣлъ и сдѣлалъ убійственный метательный снарядъ; безъ Кибальчича, не смотря на второстепенную роль его съ юридической точки зрѣнія, быть можетъ не было бы преступленія. За Кибальчичемъ слѣдуетъ Тимоѳей Михайловъ. Онъ согласился на совершеніе цареубійства, онъ былъ въ числѣ прочихъ рабочихъ-дружинниковъ, вызвавшихся совершить его и отозвавшихся на кличъ Желябова, онъ вмѣстѣ съ другими въ квартирѣ по Тележной улицѣ слушалъ лекціи Кибальчича, онъ участвовалъ въ пробѣ снарядовъ, онъ самъ бросилъ пробный снарядъ, своими руками совершилъ опытъ, наконецъ онъ, вооруженный снарядомъ, былъ на мѣстѣ злодѣянія метальщикомъ. Пособницей является Гельфманъ, потому что она завѣдывала первою конспиративною квартирою въ Троицкомъ переулкѣ, гдѣ происходили совѣщанія, потому что она завѣдывала второю конспиративною квартирою, гдѣ эти совѣщанія привели

къ желаннымъ ими цѣлямъ, потому, что при ней происходили приготовленія для злодѣянія. Если она уходила изъ квартиры въ нѣкоторые моменты этихъ приготовленій, то нѣтъ сомнѣнія, что она о нихъ знала и не могла не знать. Въ немногихъ словахъ я повторю все то, что касается Гельфманъ, такъ какъ она по своему участію стоитъ нѣсколько отдѣльно отъ всѣхъ подсудимыхъ, хотя изобличена и не менѣе твердо. Вамъ извѣстно ея прошлое, извѣстна ея роль въ первой конспиративной квартирѣ, ея показаніе о принадлежности къ партіи „Народной Воли", —фракціи, поставившей цѣлью совершить цареубійство; вамъ извѣстна ея роль во второй конспиративной квартирѣ, гдѣ происходили совѣщанія, откуда утромъ 1 марта участники сообщества въ присутствіи Гельфманъ пошли на кровавое дѣло; вамъ извѣстно содержаніе записки, указывающее на нее, какъ на видную дѣятельницу партіи въ Петербургѣ; вспомните, наконецъ, близость ея со всѣми участниками преступленія—подсудимыми и суду не приданными; вспомните показанія свидѣтелей Рейнгольда и Сергѣева, удостовѣряющія, что Гельфманъ знала о присутствіи въ ея квартирѣ взрывчатыхъ веществъ, такъ какъ, по словамъ свидѣтелей, когда они пришли съ обыскомъ, то первая Гельфманъ сказала: „Тамъ взрывчатыя вещества, не ходите туда, тамъ снаряды", а снаряды эти были подобны тѣмъ, которыми совершено злодѣяніе. Если она знала, какіе это снаряды, то она не могла не знать, для чего они сдѣланы, а если она знала это, то предварительное соглашеніе и составъ преступленія, въ которомъ она участвовала, установленъ по закону и ничѣмъ не отличается отъ состава преступленія, въ которомъ изобличены всѣ остальные подсудимые.

Покончивъ, милостивые государи, съ уликами, изобличающими подсудимыхъ, съ разоблаченіемъ составленнаго ими заговора, мнѣ предстоитъ остановиться на личности каждаго изъ подсудимыхъ въ отдѣльности. Если въ обыкновенныхъ уголовныхъ дѣлахъ прошлое подсудимаго, его свойства настолько, насколько они на судѣ разсказываются, насколько они могутъ служить мѣриломъ для его нравственной личной характеристики, насколько они освѣщаютъ его внутреннее, а не внѣшнее только участіе въ дѣлѣ, имѣетъ значеніе, то судите же сами, насколько больше это прош-

лое подсудимыхъ имѣетъ значеніе для суда въ дѣлѣ подобномъ настоящему, въ дѣлѣ о тягчайшемъ государственномъ преступленіи. Намъ важно знать и опредѣлить, какимъ путемъ подсудимые дошли до этого злодѣянія, какія условія благопріятствовали этому покатому пути, и, наконецъ, какую степень злой воли проявили обвиняемые во время совершенія преступленія. Матеріаломъ для сужденія объ этихъ вопросахъ первостепенной важности служатъ: во 1) фактическія свѣдѣнія о прошломъ каждаго изъ подсудимыхъ; во-2) свѣдѣнія объ отношеніи его къ доказанному злодѣянію въ моментъ самаго злодѣянія, и, наконецъ, въ-3) отношеніе его къ суду, образъ дѣйствій и поведеніе его на судѣ. Я начну съ подсудимаго Рысакова, и не скрою ни отъ васъ, ни отъ себя всей трудности предстоящей мнѣ по отношенію къ Рысакову задачи. Между тѣмъ какъ никакихъ затрудненій не представляетъ характеристика Желябова и Кибальчича, тѣмъ болѣе Перовской, Гельфманъ и Михайлова, передъ личностью Рысакова и его злодѣяніемъ я останавливаюсь и изъ массы имѣющихся у меня данныхъ съ большою осторожностью выбираю тѣ, которыя хотя до нѣкоторой степени могутъ объяснить намъ неразрѣшимыя съ перваго взгляда противорѣчія, возникающія при изученіи свѣдѣній объ его личности. Мы убѣдились въ томъ, что Рысаковъ первый, а не кто другой совершилъ злодѣяніе 1 марта, а между тѣмъ ему всего 19 лѣтъ; онъ даже не достигъ гражданскаго совершеннолѣтія; онъ еще юноша, но на этомъ юношѣ тяготѣетъ обвиненіе въ цареубійствѣ; имя этого юноши на вѣки связано съ злодѣяніемъ 1 марта. Сынъ скромной и честной семьи, сынъ отца, занимающаго мѣсто управляющаго лѣсопильнымъ заводомъ Громова въ Вытегорскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи, онъ рано оставилъ родную семью. Помѣщенный въ Череповецкое реальное училище въ 1874 г., онъ пробылъ тамъ, вдали отъ родной семьи, четыре года, по 1878 годъ. Проживалъ онъ на квартирѣ у свидѣтельницы Енько-Даровской, показаніе которой у васъ, конечно, сохранилось въ памяти, и оставилъ въ Череповцѣ за это время, страшно вымолвить, самое лучшее воспоминаніе. Учился отлично; аттестатъ его наполненъ хорошими отмѣтками и свидѣтельствуетъ о хорошемъ поведеніи. Енько-Даровская не нахвалится имъ. И тогда она выдѣляла его изъ среды

другихъ его товарищей, и теперь не можетъ прійдти въ себя отъ изумленія, видя его на скамьѣ подсудимыхъ по обвиненію въ страшномъ злодѣяніи. Вы помните ту характеристику, которую свидѣтельница дала о Рысаковѣ и которую подтвердила еще ея племянница, Кулаковская. Мягкій по характеру (на это я прошу обратить особенное вниманіе), довольно набожный, не склонный къ сопротивленію, къ спорамъ, доступный воздѣйствію на него, если оно направляется на его умъ, разсудокъ и чувство; легко поддающійся ласкѣ, онъ въ это далекое теперь время отрицалъ даже мысль о возможности сдѣлаться соціалистомъ. Когда Даровская, эта почтенная старушка, до слуха которой доходили извѣстія о вольныхъ мысляхъ, говорила Рысакову: вотъ и вы кончите курсъ здѣсь, переѣдете въ Петербургъ, заразитесь тамъ этими же мыслями,—онъ отвѣчалъ: нѣтъ, я много читалъ, я не пойду на это. Далеко это время отъ насъ, далеко оно теперь и отъ Рысакова, и какъ хотѣлъ бы, я увѣренъ, Рысаковъ вернуться къ этому, далеко невозвратному прошлому. Въ 1876 году онъ, кончивъ курсъ въ череповскомъ училищѣ, переѣхалъ въ Петербургъ съ надеждами, которыя неразлучны съ возрастомъ юноши; пріѣхалъ для того, чтобы работать и учиться, и дѣйствительно началъ работать. Вступивъ въ горный институтъ, онъ принялся серьезно за занятія. Это удостовѣрено инспекторомъ института г. Бекомъ, который показалъ, что первое время Рысаковъ не манкировалъ лекціями, постоянно бывалъ на практическихъ занятіяхъ, занимался въ библіотекѣ. Такъ проходила его жизнь въ Петербургѣ въ 1878 и 1879 годахъ. За это время у насъ является вопросъ, въ какомъ положеніи находилась связь подсудимаго съ его семьею? Этому я придаю особое значеніе. Я уже говорилъ, что свидѣтели, знавшіе его въ Череповцѣ, удостовѣряютъ, что отца онъ любилъ, связь его съ семьей не прерывалась и поддерживалась поѣздками домой на каникулы: не обнаруживалось въ его семейныхъ отношеніяхъ никакой перемѣны, не было перемѣны и въ его мысляхъ. Но затѣмъ, за послѣднее время, въ этой связи, что не подлежитъ сомнѣнію, совершилась какая-то перемѣна, и доказательство ея, доказательство едва уловимое, но тѣмъ не менѣе неопровержимое, я вижу въ письмѣ, на которое я обратилъ ваше вниманіе во

время судебнаго слѣдствія. Это письмо было найдено у Рысакова запечатаннымъ въ конвертѣ, съ адресомъ на имя отца. Очевидно, онъ не спѣшилъ отправить его. Въ письмѣ трактуется о весьма простыхъ житейскихъ вещахъ, словомъ, обыновенное письмо сына къ отцу. Но если вы вникните въ тонъ письма, если сличите его со всѣмъ прошлымъ Рысакова, то онъ представляется изумительнымъ. Конечно, если останавливаться, такъ сказать, на внѣшнемъ содержаніи этого письма, на словахъ, оно не поразитъ читателя: въ немъ говорится, что отецъ послалъ сыну посылку, которою сынъ остался недоволенъ, потому что она была неудачна—и только. Но если вы прислушаетесь къ тону этого письма, если вы прислушаетесь къ сердцу писавшаго, то поймете, что въ немъ есть нѣчто натянутое, жестокое, что такъ не пишетъ любящій сынъ къ своему отцу, если эта любовь чѣмъ нибудь не затуманилась, если она не исчезла, если ее съ корнемъ не вырвали изъ сердца сыновняго. Мы, далѣе, имѣемъ фактическія свѣдѣнія о томъ, что къ концу 1879 г. Рысаковъ начинаетъ чѣмъ-то волноваться. Около этого времени, послѣ ареста Ширяева, замѣшаннаго въ дѣлѣ террористовъ, онъ является вмѣстѣ съ товарищемъ на его квартиру и требуетъ выдачи вещей арестованнаго. Здѣсь Рысаковъ уже не тотъ скромный, набожный, усердно учащійся, прекрасный молодой человѣкъ, хорошій сынъ, нѣтъ— это другое лицо, лицо, завязавшее уже сношенія съ террористами, живущими на одной квартирѣ вмѣстѣ съ женщиной, близкой къ одному изъ вожаковъ ихъ. Нельзя въ этомъ не видѣть туманнаго указанія на то, что гдѣ-то раскрыты сѣти, а въ сѣтяхъ бьется несчастный юноша. Проходитъ 1879 г., лекціи имъ еще посѣщаются, но что онъ дѣлаетъ дома, какъ относится къ ученію—неизвѣстно. Институтъ не знаетъ домашней жизни питомцевъ, не наблюдаетъ за ними внѣ стѣнъ своихъ. Въ декабрѣ 1880 года у хозяина квартиры, которую нанималъ Рысаковъ, Гаврилова, производится обыскъ вслѣдствіе несомнѣнныхъ свѣдѣній о его политической неблагонадежности. Обыскъ не коснулся Рысакова, но, по словамъ Рысакова, побудилъ его перейти прямо на нелегальное положеніе, а нелегальное положеніе есть клеймо человѣка, принадлежащаго къ соціально-революціонной партіи. Обращаюсь къ собственнымъ указаніямъ под-

судимаго Рысакова. Онъ самъ не пріурочиваетъ себя къ опредѣленному революціонному воззрѣнію: прежде, по его словамъ, онъ только сочувствовалъ соціально-революціонному движенію, и только въ послѣднее время рѣшился примкнуть къ числу его дѣятелей. Какими, однако, странными, маловажными обстоятельствами объясняетъ онъ первыя свои побужденія къ содѣйствію партіи и какъ эти обстоятельства далеки отъ его образа жизни, отъ его обстановки; вы помните эти громкія фразы: страданіе народа— и соціальная революція, какъ исходъ изъ него. Страданіе народа: эпидемія, жучокъ—жучокъ даже и не появлявшійся въ Череповскомъ уѣздѣ. Какъ бы то ни было, въ декабрѣ 1880 года онъ изъ состоянія пассивнаго переходитъ въ активное, и мы видимъ его агитирующимъ среди рабочихъ, сначала отдѣльно, а потомъ подъ руководствомъ Желябова. Вотъ здѣсь-то, въ этомъ моментѣ, милостивые государи, и находится ключъ къ разрѣшенію загадки. Здѣсь мы видимъ руку, которая толкнула юношу на настоящее злодѣяніе; мы видимъ имя Рысакова, его дѣятельность, его роль постоянно рядомъ съ именемъ, дѣятельностью, ролью Желябова. Онъ познакомился съ Желябовымъ, видится съ нимъ у себя на квартирѣ и на чужихъ квартирахъ; Желябовъ вводитъ его въ агитаціонную группу, указываетъ на неудобство единоличнаго дѣйствія, дѣлаетъ членомъ этой группы, а потомъ и членомъ боевой дружины. Рысаковъ, объясняя отношенія свои къ Желябову, какъ будто бы отстаиваетъ свою самостоятельность: такъ поступаютъ, впрочемъ, всѣ слабохарактерные люди; но попытку отстоять свое *я* Рысаковъ дѣлаетъ не особенно рѣшительно. Онъ самъ говоритъ: вліяніе Желябова на меня несомнѣнно. Какъ лицо, имѣвшее революціонное прошлое,—а Рысаковъ тогда былъ въ такомъ состояніи, что благоговѣлъ предъ этимъ революціоннымъ прошлымъ; какъ человѣкъ закаленный, Желябовъ долженъ былъ имѣть вліяніе, и вліяніе сильное на Рысакова. Желябовъ былъ учителемъ, Рысаковъ—ученикомъ. Пусть учитель любуется на плоды ученія: они падутъ всецѣло на его голову... Продолжаю: въ поведеніи Рысакова, тотчасъ по совершеніи злодѣянія, мы видимъ рядъ противорѣчій. Съ одной стороны онъ посылаетъ злобную фразу, злодѣйскую угрозу: »Еще слава-ли Богу«, и говоритъ

свидѣтелю Горохову, спросившему, зачѣмъ онъ совершилъ злодѣяніе: „Вы этого не поймете, послѣ узнаете“,—не свои слова, а слова, навѣянныя другими; съ другой стороны, онъ обнаруживаетъ боязнь предъ народомъ, боится, что народъ изобьетъ его, истерзаетъ, разорветъ своими руками, раздѣлается съ цареубійцей. Первая просьба, обращенная къ задержавшимъ его лицамъ, была о томъ, чтобы оградить его, за просьбой послѣдовала благодарность тѣмъ, кто просьбу исполнилъ. По доставленіи Рысакова въ градоначальство, явилось немедленно сознаніе въ совершеніи злодѣянія, за сознаніемъ развитіе его и наконецъ открытіе всего. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ одинъ выводъ: Рысаковъ сталъ на преступную дорогу не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ данныхъ, не подъ вліяніемъ извѣстнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ своей жизни, не вслѣдствіе логическаго процесса мысли, а вслѣдствіе того, что эту мысль можетъ быть насильственно вложили въ него, вслѣдствіе того, что на него, слабаго характеромъ, подѣйствовали люди характера сильнаго, вслѣдствіе того, что его революціонизировали и довели до настоящаго состоянія. Вы видѣли его предъ собой въ теченіе трехъ дней и могли судить объ этой личности. Нѣсколько грустный, апатичный, растерянный, весьма молчаливый и сдержанный—вотъ какимъ намъ представляется Рысаковъ. Такая совокупность противорѣчій даетъ мнѣ основаніе формулировать общій о немъ выводъ. Слабый характеромъ, доступный вліянію, въ особенности когда оно дѣйствуетъ логикой на разсудокъ и лаской на чувства, увлеченный пестрою шумихою фразъ о страданіяхъ народа, увлеченный умными людьми, пріобрѣвшими надъ нимъ вліяніе и воспользовавшимися его молодостью и не вполнѣ яснымъ пониманіемъ его окружающаго—вотъ тѣ условія, которыя сдѣлали его тѣмъ человѣкомъ, какимъ мы видимъ его теперь предъ собою! Какъ бы то ни было, онъ не мальчикъ, онъ не дитя, онъ человѣкъ разумный, и собственное его показаніе, связное, логичное, послѣдовательное, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ его сознаніи была возможность сопротивляться этому вліянію. Онъ не сопротивлялся; напротивъ того поддавался ему, дошелъ до настоящаго положенія,—такъ пусть онъ несетъ за него отвѣтъ, тѣмъ болѣе, что совершенное злодѣяніе далеко оста-

вляетъ за собою все то, что въ личности Рысакова, въ его прошломъ, могло бы представить его въ другомъ свѣтѣ, нежели остальныхъ подсудимыхъ.

Затѣмъ я прямо отъ Рысакова, отъ ученика—перехожу къ учителю. Если бы я захотѣлъ охарактеризовать личность подсудимаго Желябова такъ, какъ она выступаетъ изъ дѣла, изъ его показаній, изъ всего того, что мы видѣли и слышали здѣсь о немъ на судѣ, то я прямо сказалъ бы, что это необычайно типическій конспираторъ, при томъ заботящійся о цѣльности и сохраненіи типа, о томъ, чтобы все: жесты, мимика, движеніе, мысль, слово—все было конспиративное, все было соціально-революціонное. Это типъ агитатора, типъ не чуждый театральныхъ эффектовъ, желающій до послѣдней минуты драппироваться въ свою конспиративную тогу. Въ умѣ, бойкости, ловкости—подсудимому Желябову несомнѣнно отказать нельзя. Конечно, мы не послѣдуемъ за умершимъ Гольденбергомъ, который въ своемъ увлеченіи называлъ Желябова личностью высоко развитою и геніальною. Мы, согласно желанію Желябова, не будемъ преувеличивать его значенія, дадимъ ему надлежащее мѣсто, но вмѣстѣ съ тѣмъ отдадимъ ему и справедливость, сказавъ, что онъ былъ созданъ для роли вожака-злодѣя въ настоящемъ дѣлѣ. Желябовъ происхожденія крестьянскаго, южанинъ. Вышедши изъ крестьянства, самъ себѣ прокладывающій дорогу, онъ учится, доходитъ до университета. Я долженъ оговориться: въ жизни Желябова есть большіе пробѣлы, которые, конечно, придется проходить молчаніемъ; но логическая связь мысли, цѣльность представленія о дѣйствительной личности Желябова отъ этого нисколько не теряетъ. Въ 1872 году мы видимъ его уже исключеннаго изъ числа студентовъ университета за безпорядки. Фактъ знаменательный, направленіе подсудимаго опредѣлилось, а послѣдующее показываетъ, что исключеніе изъ университета было болѣе чѣмъ правильно. Мы видимъ Желябова исключеннымъ 21 года, и затѣмъ съ этого момента онъ исчезаетъ, пропадая въ морѣ агитаціи—оно покрываетъ его совсѣмъ. Только чрезъ извѣстные промежутки времени онъ появляется мѣстами на поверхности этого моря, то подъ однимъ именемъ, то подъ другимъ, такъ что на вопросъ о занятіяхъ онъ дѣйствительно имѣетъ право

отвѣчать: занимаюсь революціонными дѣлами. Въ теченіе девяти лѣтъ продолжается агитаціонная дѣятельность подсудимаго. Проживая въ разныхъ мѣстностяхъ подъ разными именами и съ подложными паспортами, онъ заботится и думаетъ объ одномъ: служить интересамъ соціально-революціоннаго движенія. Когда совершилось его вступленіе въ партію—это для насъ безразлично. Вѣроятно, оно наступило одновременно съ тѣмъ моментомъ, когда партія сложилась въ тайное сообщество съ его настоящими цѣлями. Какъ только появились террористы, въ ихъ числѣ оказался подсудимый Желябовъ. Что остается за нимъ въ прошедшемъ, мы не знаемъ, намъ лишь извѣстно, что дома у него брошенная жена и дѣти, что процессъ 193-хъ застаетъ его на скамьѣ подсудимыхъ предъ особымъ присутствіемъ. Изъ суда Желябовъ выходитъ оправданный, по недостатку уличающихъ его фактовъ, выходитъ и исчезаетъ. Проходитъ много времени—съ 1877 по 1879 годъ, но уже липецкій съѣздъ, лѣтомъ 1879 года, въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ членовъ своихъ видитъ и Желябова. Прямо со съѣзда онъ отправляется въ Харьковъ, и здѣсь въ сентябрѣ 1879 года руководитъ сходками, происходящими между молодежью, на нихъ читаетъ лекціи, произноситъ рѣчи извѣстнаго содержанія и участвуетъ въ составленіи плановъ будущихъ дѣйствій; смыслъ же и революціонное значеніе этихъ дѣйствій опредѣляются присланнымъ въ Харьковъ изъ Петербурга динамитомъ. Въ ноябрѣ 1879 года устраивается взрывъ полотна желѣзной дороги близъ города Александровска и день неудавшагося взрыва 18 ноября 1879 года застаетъ Желябова не только въ рядахъ первыхъ бойцовъ цареубійства, но и непосредственнымъ организаторомъ предпринимаемыхъ съ этою цѣлью злодѣйскихъ приготовленій. Я не буду въ подробностяхъ излагать обстоятельства александровскаго покушенія: они весьма подробно изложены въ обвинительномъ актѣ, фактическую часть котораго, за исключеніемъ немногихъ подробностей, не имѣющихъ особеннаго значенія, подтвердилъ самъ подсудимый Желябовъ. Я только въ нѣсколькихъ словахъ напомню, что въ Александровскомъ Желябовъ пріѣхалъ подъ именемъ Черемисова, тутъ присоединилась къ нему неизвѣстная женщина подъ видомъ жены его; они взяли въ аренду мѣсто для кожевеннаго за-

хода, и поселились у нѣкихъ Бовенко съ другими участниками преступленія. Вы, конечно, помните и обвинительный актъ, помните и картину, нарисованную самимъ Желябовымъ, помните эту телѣгу въ степи, на которой помѣщалась баттарея для взрыва снаряда, заложеннаго съ тяжкимъ трудомъ подъ линію желѣзной дороги, помните проходъ Императорскаго поѣзда, о приближеніи котораго Прѣсняковъ заранѣе оповѣстилъ своихъ участниковъ, помните наконецъ этотъ характерный сигналъ одного изъ злодѣевъ: „жаръ", по которому долженъ былъ произойти взрывъ. Въ 1880 году мы находимъ Желябова въ Петербургѣ, въ качествѣ агента исполнительнаго комитета. Агенты исполнительнаго комитета, какъ намъ было заявлено, распредѣляются на нѣсколько степеней: есть агенты первой, второй и третьей степени. Желябовъ называетъ себя агентомъ третьей степени, агентомъ ближайшимъ къ комитету, агентомъ съ бо́льшимъ довѣріемъ. Но я полагаю, что со стороны Желябова это излишняя скромность, и что если существуетъ соединеніе, присвоивающее себѣ названіе исполнительнаго комитета, то въ рядахъ этого соединенія почетное мѣсто принадлежитъ подсудимому Желябову, и не напрасно думалъ Рысаковъ, что совершеніе злодѣянія 1-го марта приметъ на себя одинъ изъ членовъ исполнительнаго комитета. Понятно впрочемъ, что сознаться въ принадлежкъ исполнительному комитету, значитъ сказать: вы имѣете предъ собою дѣятеля перваго ранга и вашимъ приговоромъ вы исключите изъ революціонныхъ рядовъ крупную силу одного изъ самыхъ видныхъ сподвижниковъ партіи. Въ обвинительный актъ внесено заявленіе подсудимаго Желябова, поданное имъ на имя прокурора судебной палаты. Сущность этого заявленія заключается въ томъ, что когда возникло настоящее дѣло и когда 1-го марта—а заявленіе это было послано 2-го марта—показаніемъ Рысакова выяснилось, что обвиненіе должно падать и на Желябова, то Желябовъ, не зная еще объ этомъ указаніи, но зная за собою динамитъ, оказавшійся у него на квартирѣ, прямо заявляетъ, что онъ участникъ всякаго покушенія на жизнь Государя Императора, слѣдовательно и участникъ послѣдняго; что онъ проситъ присоединить его къ дѣлу 1-го марта и что было бы вопіющей несправедливостью не привлекать къ дѣлу его, ветерана революціи. Эта справедливость Желябову оказана.

Такимъ образомъ онъ прямо призналъ себя нравственнымъ, первымъ и главнымъ отвѣтчикомъ. На судѣ и во время предварительнаго изслѣдованія дѣла, въ показаніяхъ Желябова, содержаніе которыхъ помѣщено въ обвинительномъ актѣ, замѣтна одна черта, на которую я уже указывалъ, эта черта—желаніе представить свое дѣло въ преувеличенномъ свѣтѣ, желаніе его расширить, желаніе придать организаціи характеръ, котораго она не имѣла, желаніе—скажу прямо—и порисоваться значеніемъ партіи и отчасти попробовать запугать. Но ни первое, ни второе не удается подсудимому. Бѣлыми нитками сшиты всѣ эти заявленія о революціонномъ геройствѣ; судъ видитъ чрезъ нихъ насквозь непригдядную истину и совсѣмъ не въ такомъ свѣтѣ предстанетъ Желябовъ въ воспоминаніяхъ, которыя останутся отъ настоящаго грустнаго дѣла...

Когда я составлялъ себѣ, на основаніи данныхъ дѣла, общее мнѣніе, общее впечатлѣніе о Желябовѣ, онъ представлялся мнѣ человѣкомъ, весьма много заботящемся о внѣшней сторонѣ, о внѣшности своего положенія. Когда же на судѣ съ напускною гордостью онъ сказалъ, что пользуется довѣріемъ исполнительнаго комитета, я вполнѣ убѣдился, что мы имѣемъ предъ собою типъ революціоннаго честолюбца... Но довольно съ Желябовымъ, перейдемъ къ Перовской.

О Перовской слѣдуетъ говорить вслѣдъ за Желябовымъ потому, что обстоятельства тѣсно связываютъ ихъ между собой. Въ прошломъ Перовской есть многое такое, чего не имѣютъ за собою другіе подсудимые и о чемъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Въ настоящее время подсудимая Перовская имѣетъ 27 лѣтъ; происхожденія она дворянскаго; родомъ она изъ хорошей семьи; дочь родителей, занимавшихъ въ обществѣ почетное мѣсто; женщина, имѣвшая полную возможность получить хорошее образованіе и видѣть кругомъ себя хорошій примѣръ. О ней мы знаемъ, что уже въ 1870 году, будучи 16 лѣтъ отъ роду, она, пройдя чрезъ женскіе курсы, тогда учрежденные при пятой гимназіи, оставляетъ домъ своихъ родителей и поступаетъ въ народныя учительницы. Въ 1871 году, когда ей было 17 лѣтъ, мы видимъ ее привлекающеюся къ дознанію о государственномъ преступникѣ Гончаровѣ, а въ слѣдующемъ

1872 году, 18 лѣтъ, она, по ея собственному показанію, примкнула къ соціально-революціонному движенію, въ волнахъ котораго пребываетъ безъ малаго девять лѣтъ. Почти въ дѣтскомъ возрастѣ застигла ее эта волна, быстро катила ее за собою и принесла въ процессъ 193-хъ, изъ котораго она по недостаточности уликъ вышла оправданною. Въ 1878 году, вслѣдствіе доказаннаго ея противоправительственнаго направленія, признано было необходимымъ удалить ее изъ Петербурга административнымъ порядкомъ и выслать въ Олонецкую губернію. Дорогою она совершаетъ побѣгъ, исчезаетъ, и мы получаемъ возможность констатировать дѣятельность ея въ революціонной средѣ только во время московскаго взрыва, въ которомъ она участвуетъ въ качествѣ фиктивной жены Сухорукова-Гартмана, въ качествѣ хозяйки конспиративнаго дома, изъ котораго была проведена мина. Мы видимъ ее здѣсь непосредственною участницею преступленія, и изъ показанія Гольденберга знаемъ, что этимъ участіемъ, тою ролью въ преступленіи, которая ей досталась, Перовская очень гордилась. Было чѣмъ гордиться: ей была предоставлена почетная въ революціонномъ смыслѣ роль: она должна была наблюдать за приближеніемъ Императорскаго поѣзда и дать сигналъ, по которому должна была быть сомкнута убійственная цѣпь гальванической баттареи другимъ лицомъ. Въ 1880 году мы находимъ ее въ сожительствѣ съ Желябовымъ, на квартирѣ въ домѣ №17/18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, и на основаніи этого сожительства, на основаніи участія ея въ послѣднемъ заговорѣ, мы имѣемъ основаніе предположить, что и она находилась подъ вліяніемъ Желябова, заставлявшимъ ее идти по стопамъ Желябова и дѣлавшимъ изъ нея слѣпое орудіе его. Несомнѣнно, Перовская получила большое соціально-революціонное развитіе. Въ настоящее время она умѣетъ говорить слова, на которыхъ лежитъ печать этой науки. Она складно излагаетъ теорію соціально-революціоннаго ученія. Этому нечего удивляться: она прошла хорошую школу. Я не могу перейти къ прочимъ подсудимымъ, не указавъ на то, что въ участіи въ преступленіи Перовской есть черта, которую выбросить нѣтъ возможности. Мы можемъ представить себѣ политическій заговоръ, можемъ представить, что этотъ за-

говоръ употребляетъ средства самыя жестокія, самыя возмутительныя, мы можемъ представить, что женщина участвуетъ въ этомъ заговорѣ, но чтобы женщина становилась во главѣ заговора, чтобы она принимала на себя распоряженіе всѣми подробностями злодѣйства, чтобы она съ циническимъ хладнокровіемъ разставляла метальщиковъ, чертила планъ и показывала, гдѣ имъ становиться, чтобы женщина, сдѣлавшись душою заговора, бѣжала смотрѣть на его послѣдствія, становилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста злодѣянія и любовалась дѣломъ рукъ своихъ — такую роль женщины обыкновенное нравственное чувство отказывается понимать.

За Перовскою слѣдуетъ подсудимый Кибальчичъ. Судя по его объясненіямъ, онъ представляется спеціалистомъ, техникомъ, посвятившимъ себя на служеніе наукѣ, и притомъ спеціалистомъ, усвоившимъ себѣ соціально-революціонныя убѣжденія, человѣкомъ мягкаго характера, мягкаго даже образа дѣйствій, если это возможно. Онъ говорилъ намъ, что лично онъ неспособенъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Когда однако на судѣ слышишь мягкую, спокойную, ни на минуту не прерывавшуюся обстоятельную, тихую рѣчь Кибальчича, невольно приходитъ въ голову мысль: „Мягко стелетъ, да жестко спать.“ Уроженецъ Черниговской губерніи, онъ, не окончивши курса наукъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, въ 1871 году поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, а оттуда въ 1873 году перешелъ въ медико-хирургическую академію, гдѣ, по собственному показанію, и пріобрѣлъ соціальныя убѣжденія. Въ это время ему было, по моему приблизительному разсчету, безъ малаго 20 лѣтъ. Между 1873 и 1875 гг. Кибальчичъ слушаетъ лекціи въ академіи. Занимался ли онъ тамъ—этого мы не знаемъ; но въ 1875 году лѣтомъ мы застаемъ его живущимъ въ Кіевской губерніи, въ имѣніи своего брата. Здѣсь онъ передаетъ рядовому Притулѣ революціонную книжку подъ заглавіемъ «Сказка о четырехъ братьяхъ». Производятъ у него обыскъ, находятъ цѣлый тюкъ революціонныхъ изданій и собраніе подложныхъ паспортовъ, его заключаютъ подъ стражу и возбуждаютъ дѣло, оконченное приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 1-го мая 1878 года, присудившемъ Ки-

бальчича за храненіе запрещенныхъ изданій къ тюремному заключенію. Такимъ образомъ съ 1875 по 1878 годъ Кибальчичъ не дѣйствуетъ: онъ находится въ заключеніи. Но тюрьма еще болѣе утверждаетъ Кибальчича въ соціальныхъ убѣжденіяхъ, такъ что по освобожденіи онъ выходитъ съ окрѣпшими революціонными воззрѣніями, и осенью, послѣ арестовъ, произведенныхъ въ Петербургѣ послѣ убійства генералъ-адъютанта Мезенцова, переходитъ на нелегальное положеніе. До осени 1879 года онъ, впрочемъ, повидимому, въ революціонной дѣятельности не принимаетъ активнаго участія и объясняется это тѣмъ, что онъ не имѣлъ связей съ партіей, а связи были нужны въ партіи и въ ней нельзя было обойтись безъ соціально-революціонной протекціи. Вскорѣ, все болѣе и болѣе присоединяясь къ партіи внутренно, Кибальчичъ, еще до формальнаго къ ней присоединенія, предвидя, что партіи придется вступать въ борьбу съ правительствомъ и употреблять въ борьбѣ такія вещества, какъ динамитъ, начинаетъ изучать все, относящееся къ производству динамита, и изучаетъ, нужно отдать ему справедливость, съ научною добросовѣстностью, изучаетъ такъ, что дѣйствительно могъ сдѣлаться изобрѣтателемъ и составителемъ метательныхъ снарядовъ. Мы слышали, что онъ владѣетъ, и можетъ быть только по этому случаю овладѣлъ, языками, что онъ перечиталъ все, что могъ найти по литературѣ предмета—предмета: какъ странно звучитъ это слово, когда говоришь о динамитѣ, метательныхъ снарядахъ и другихъ орудіяхъ разрушенія! Весною 1879 года Кибальчичъ, прямо съ цѣлью предложить свои услуги партіи, знакомится съ Квятковскимъ и начинаетъ готовить динамитъ, какъ общественное достояніе партіи. Лѣтомъ 1879 года общіе революціонные интересы сводятъ его съ Желябовымъ, а въ 1880 году онъ оказывается въ Петербургѣ и, проживая въ разныхъ квартирахъ, подъ разными именами, посвящаетъ все свое время мастерскимъ, гдѣ приготовляется динамитъ, и наконецъ является предъ вами обвиняемымъ въ злодѣяніи съ извѣстнымъ вамъ участіемъ.

Не много придется говорить мнѣ о Тимоѳеѣ Михайловѣ. Грубый, неразвитой, малограмотный, едва умѣющій подписать фамилію, простой рабочій, онъ вышелъ изъ крестьянской семьи, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи.

Въ молодомъ возрастѣ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь прямо поступилъ на фабрику. Городская порча, растлѣвающее вліяніе фабричной жизни сразу коснулись его. Петербургская рабочая среда, антагонизмъ съ мастерами и хозяевами фабрикъ, столкновеніе съ агитаторами, которые издавна избрали фабрики мѣстомъ своей пропаганды, толкнули Михайлова на настоящую его дорогу. Здѣсь, говоря о пути, пройденномъ Михайловымъ, о вступленіи его на этотъ путь, опять приходится встрѣчаться съ Желябовымъ. Вы помните, какъ характерно выразился Михайловъ въ своемъ показаніи: Желябовъ, говоритъ онъ, „прикомандировалъ“ меня къ боевой дружинѣ. И вотъ, прикомандированный Желябовымъ, Михайловъ дѣлается не только соціалистомъ-революціонеромъ, но и террористомъ, а 3-го марта оказываетъ вооруженное сопротивленіе, думая при этомъ только одно: я не дамъ себя даромъ первому своему врагу. Слѣдуетъ заключить изъ объясненія самаго Михайлова, что онъ первоначально вступилъ въ рабочую дружину для того, чтобы защищать рабочихъ отъ враговъ, отъ шпіоновъ и нелюбимыхъ мастеровъ; но затѣмъ его революціонныя задачи и развитіе, благодаря вліянію Желябова, расширились; развитіе это сказывается въ тѣхъ фразахъ, которыя мы слышали отъ него здѣсь. Онъ сказалъ: трудъ поглощается капиталистами, вездѣ рабочіе эксплоатируются; земля, орудія труда, фабрики должны принадлежать рабочимъ. Послѣднее Михайловъ хорошо себѣ усвоилъ, и вѣроятно только это одно онъ и понялъ изъ соціально-революціоннаго ученія. Онъ постигъ, что хорошо, если заводъ Макферсона будетъ принадлежать ему, въ качествѣ пайщика или дольщика; онъ постигъ это—и, побуждаемый этими стремленіями, пошелъ чрезъ руки Желябова съ метательнымъ снарядомъ на Екатерининскій каналъ.

Что сказать мнѣ о Гельфманъ? „Неинтеллигентная“ еврейка, какъ описываетъ ее записка, прочитанная здѣсь, хозяйка конспиративной квартиры по Телѣжной улицѣ. Но эта неинтеллигентная еврейка способна во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ для нея доступныхъ, на сознательную роль въ злодѣяніи, а ея прошлое таково, что оно подготовило ее къ такой роли. Участница въ процессѣ такъ называемомъ московскихъ соціалистовъ „пятидесяти“, признанная еще

тогда виновною въ принадлежности къ партіи, она была приговорена къ двухъ-лѣтнему заключенію въ рабочемъ домѣ и освобождена въ маѣ 1879 года; освободилась и немедленно принялась за старое, опять пошла туда же, откуда вышла, и стала примѣнять свои посильныя знанія къ дѣлу, которому она служитъ. Она въ одно и то же время и наборщица „Рабочей Газеты", и исполняетъ неинтеллигентныя обязанности, являясь хозяйкою конспиративной квартиры, имѣющей такое роковое значеніе въ настоящемъ дѣлѣ.

Затѣмъ, если изъ всего того, что я сказалъ о каждомъ изъ подсудимыхъ въ отдѣльности, мы пожелаемъ выдѣлить нѣкоторыя общія родовыя черты, которыя, если намъ и не объяснятъ причину злодѣянія, то по крайней мѣрѣ дадутъ указаніе на то, какъ подсудимые дошли до него, то мы получимъ поучительный и грустный отвѣтъ. Отсутствіе и слабость въ жизни большинства подсудимыхъ семейныхъ связей, плохое вліяніе школы, допускающей, что во время пребыванія въ школѣ юноши, пришедшіе въ нее за полезными знаніями, направляются не на ученье, не на занятіе. а въ сторону, на политику, на агитацію, на идеи, которыхъ человѣкъ, еще въ школѣ находящійся, не можетъ усвоить себѣ сознательно—вотъ тѣ грустныя явленія въ жизни нашей молодежи, которыя даютъ намъ Рысаковыхъ, Кибальчичей и даже Желябовыхъ, готовыхъ на все безнравственное и ужасное, лишь бы этимъ достигались соціально-революціонныя цѣли.

Фактическая сторона обвиненія, насколько было возможно—исчерпана. Установлены обстоятельства какъ злодѣянія 1 марта, такъ и другихъ предметовъ обвиненія, выяснено совершеніе ихъ подсудимыми и точно распредѣлены между ними доли соучастія, наконецъ, доказано и совершеніе злодѣянія путемъ заговора, составленнаго тайнымъ сообществомъ, которое называетъ себя вообще „русской соціально-революціонной партіей", а въ частности партіей „Народной Воли". Но я не исполнилъ бы своей обязанности, если бы ограничилъ ее указанными мною предѣлами: уже самая наличность тайнаго революціоннаго сообщества, какъ предмета обвиненія, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ источника злодѣянія 1 марта, обязываетъ меня войти въ разсмотрѣніе его взглядовъ, цѣлей и преступной дѣятельности. Я могу сдѣ-

лать это лишь въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, на основаніи однако же вполнѣ достовѣрнаго и богатаго матеріала, который заключается въ оффиціально опубликованныхъ отчетахъ о политическихъ процессахъ за послѣднее десятилѣтіе и въ имѣющихся при настоящемъ дѣлѣ вещественныхъ доказательствахъ. Я позволю себѣ надѣяться, что вы, милостивые государи, вмѣстѣ со мною признаете, что пора же, наконецъ, привести въ извѣстную систему наиболѣе выпуклыя и яркія черты пресловутой „партіи“, познакомиться съ ея дѣйствительнымъ значеніемъ и тенденціями, пора сорвать маску съ этихъ непрошенныхъ благодѣтелей человѣчества, стремящихся добыть осуществленіе излюбленной ими химеры кровью и гибелью всего, что съ нею не согласно... Глубоко убѣжденный въ томъ, что между истинно честными людьми не найдется и не можетъ найтись ни одного сколько нибудь сочувствующаго имъ человѣка, я думаю, что при изслѣдованіи ихъ ученія мы не вправѣ оказывать имъ ни малѣйшаго снисхожденія, такъ какъ снисхожденіе могло бы быть объясняемо только пагубно-ложными представленіями о ихъ ошибочныхъ, но будто бы въ концѣ-концовъ идеальныхъ намѣреніяхъ. Русскому обществу нужно знать разоблаченную на судѣ правду о заразѣ, разносимой соціально-революціонною партіей, и я хотѣлъ бы сказать эту правду теперь, серьезно и возможно спокойно, безъ рѣзкихъ словъ и натяжекъ, побивая врага его же оружіемъ, изображая его у него же взятыми красками, его же мыслями и дѣйствіями.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о болѣе или менѣе извѣстномъ и для суда прямаго значенія не имѣющемъ происхожденія и постепенномъ развитіи соціально-революціоннаго движенія, я обращусь непосредственно къ тѣмъ обстоятельствамъ и условіямъ, при которыхъ оно приняло свое теперешнее кровавое, террористическое направленіе. Мы знаемъ изъ процесса шестнадцати террористовъ, разсмотрѣннаго петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что еще въ 1878 году, не раздѣляя воззрѣній, рекомендовавшихъ постепенное революціонное воспитаніе народа въ борьбѣ съ существующимъ экономическимъ строемъ, нѣкоторые болѣе нетерпѣливые члены за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ образовавшагося

тайнаго сообщества, принявшаго наименованіе русской соціально-революціонной партіи, озлобленные неудачами и преслѣдованіемъ, порѣшили, что для защиты ихъ дѣла противъ Правительства нужны политическія убійства, и если окажется возможнымъ—посягательство на цареубійство. Кромѣ своеобразнаго понимавія партіонныхъ интересовъ, здѣсь кажется дѣйствовало и революціонное честолюбіе—репутаціи Геделя, Нобплинга и другихъ не давали спать русскимъ ихъ единомышленникамъ. И вотъ потянулись длиннымъ рядомъ всѣмъ намъ еще хорошо памятныя преступленія, начавшіяся выстрѣломъ Вѣры Засуличъ и дошедшія до покушенія 2-го апрѣля 1879 года. То были глухіе удары, раскаты приближающагося землетрясенія, говорится въ одномъ изъ подпольныхъ листковъ; то были пробные взмахи расходившейся руки убійцы, предвкушеніе кровожаднаго инстинкта, почуявшаго запахъ крови—скажемъ мы. Новое направленіе оказалось вполнѣ соотвѣтствующимъ настроенію извѣстной части партіи и повлекло за собою расколъ между ея членами. Одни не хотѣли прибавлять крови и прямаго бунта къ своей преступной дѣятельности, другіе же, напротивъ, видѣли весь успѣхъ своего дѣла въ политической борьбѣ, и разумѣли подъ нею тайныя убійства, цареубійство и затѣмъ открытое возстаніе, съ цѣлью создать новый государственный строй, котораго требуетъ будто бы народная воля. Для разъясненія этого раскола и составленія обусловленной имъ новой программы дѣйствій, для того чтобы разобраться, сосчитаться и сговориться между собою, лѣтомъ 1879 года въ городѣ Липецкѣ состоялся съѣздъ дѣятелей партіи, получающій въ настоящее время особенно преступное, гибельное значеніе, такъ какъ на немъ и вслѣдствіе его совѣщаній окончательно сформировалась фракція террористовъ и былъ рѣшенъ тотъ образъ дѣйствій, который завершился злодѣяніемъ 1-го марта. На липецкомъ съѣздѣ послѣдователи новаго революціоннаго направленія круто поставили вопросъ о политической борьбѣ, какъ о единственномъ средствѣ для достиженія цѣлей партіи. Центръ тяжести политической борьбы, гласитъ далѣе террористическое рѣшеніе, лежитъ въ цареубійствѣ, поэтому на него-то и должны быть направлены всѣ усилія партіи. Но совершать его нужно уже не по прежнему; револьверъ и кин-

жалъ дискредитированы и забракованы: на сцену выступаютъ динамитъ и разрушительные взрывы. Таковы были рѣшенія липецкаго съѣзда, а вмѣстѣ и исходная точка террористовъ-цареубійцъ, поднявшихъ свой кровавый красный флагъ надъ новою подпольною газетой „Народной Волей". Вслѣдъ затѣмъ террористы принялись за работу, и послѣдовательными результатами ихъ систематической дѣятельности были три, одно за другимъ совершенныя покушенія на жизнь нынѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора—18-го ноября 1879 года близь города Александровска, 19-го того же ноября близь Москвы и 5 го февраля 1880 года въ Зимнемъ Дворцѣ, и неудавшіяся приготовленія къ четвертому такому же покушенію близь города Одессы. Четыре взрыва не удались—стали готовить пятый, достигшій, по волѣ Провидѣнія, своей ужасной цѣли. Таково было развитіе злодѣйскаго сообщества и воздвигшей его злодѣйской мысли. Посмотримъ же дѣятелей этого сообщества поближе въ ихъ проявленіяхъ и собственныхъ о себѣ свидѣтельствахъ.

Останавливаясь прежде всего на внѣшней и наиболѣе рельефной сторонѣ дѣятельности террористическаго направленія, я хотѣлъ бы подвести перечневой итогъ ея трехлѣтнимъ подвигамъ. Онъ знаменателенъ: рядъ убійствъ должностныхъ лицъ, и нападеній па нихъ, гибель и изувѣченіе множества лицъ случайно стоявшихъ на дорогѣ злодѣянія. Въ этомъ морѣ пролитой крови конечно тонутъ и безконечно умаляются всѣ общія уголовныя преступленія, членами партіи совершонныя. Но, увы, мы знаемъ, что этимъ не исчерпывается злодѣйскій списокъ: огненными клеймами сверкаютъ на его страницахъ пять посягательствъ на жизнь усопшаго Монарха и завершающее ихъ цареубійство.

Во имя чего же совершены всѣ эти злодѣянія, чего хотятъ, или, лучше сказать, хотѣли подсудимые, вооружаясь на политическую борьбу, или точнѣе на политическія убійства? Въ найденной у Рысакова и у Ельникова программѣ „рабочихъ членовъ партіи Народной Воли" категорически указаны основанія ихъ политическаго идеала, въ его новѣйшемъ, исправленномъ, повидимому, въ самомъ послѣднемъ его изданіи. Судите о немъ сами: (*прокуроръ читаетъ выдержки изъ указанной имъ программы*). Таковъ ихъ идеалъ,

выкроенный по образцамъ крайнихъ теорій западнаго соціализма и сулящій, по мнѣнію партіи, общее благополучіе. Но того, чтобы его провозглашать и стремиться къ его осуществленію, необходимо своеобразное, съ нимъ согласное отношеніе и къ окружающимъ началамъ существующаго строя,—и русскіе соціалисты въ томъ оказываются послѣдовательными. Существующій народный строй вѣритъ въ Бога Всемогущаго и Всеблагаго, исповѣдуетъ Христа-Спасителя, въ религіи ищетъ и находитъ утѣшеніе, силы и спасеніе. Какое это наивное и опасное заблужденіе въ глазахъ террористовъ, и какъ спѣшатъ они, все упраздняя, упразднить и эту вредную имъ религію. Правда, нѣкоторые изъ нихъ устами Желябова, произнесшаго въ отвѣтъ на вопросъ первоприсутствующаго объ его вѣроисповѣданіи, подготовленную и бьющую на эффектъ фразу, и заявляютъ, что, снисходительно относясь къ религіи, они отводятъ ей мѣсто въ ряду ихъ нравственныхъ убѣжденій, исповѣдуя, что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. Теперь я спрошу Желябова: какія это дѣла, безъ которыхъ вѣра мертва? Тѣ ли, которыя совершены 1 марта на Екатерининскомъ каналѣ; тѣ ли, которыя совершаются кровью, убійствомъ, посягательствомъ на преступленіе? Относясь отрицательно къ современному государственному строю и его религіи, террористы столь же безпощадны по отношенію къ нравственности, исторіи и обществу. За то о себѣ самой социально-революціонная партія мнѣнія самаго высокаго, и не устаетъ превозносить себя, свои подвиги, свое значеніе. Герои, мученики, свѣточи народа, провозвѣстники свободы—это наиболѣе скромные эпитеты изъ тѣхъ, которыми они любятъ надѣлять себя. Но они идутъ и дальше, а дальше можно далеко оставить за собою геркулесовы столбы безсмыслія и наглости.

Познакомившись со взглядами стоящихъ передъ нами террористовъ, перейдемъ къ ихъ мыслямъ о формѣ, путяхъ и средствахъ предпринятой ими политической борьбы. Мы уже знаемъ, что форма эта—терроръ, пути—политическія убійства, а средство—динамитъ и цѣлая система взрывовъ и взрывчатыхъ приспособленій. Но мы должны знать еще и то, что это терроръ не простой, а возведенный въ политическую теорію, пути эти—не случайные, а строго выра-

ботанные и обдуманные; средства не общеупотребительныя — а усовершенствованныя наукой и практическимъ упражненіемъ. Вотъ та изумительная террористическая теорія, какъ она выражена въ брошюрѣ нѣкоего Морозова: „Террористическая борьба", которую не обинуясь можно назвать краткимъ руководствомъ, настольною книжкою террориста. Террористическая борьба, по словамъ брошюры, представляетъ собою совершенно новый пріемъ борьбы: она справедлива потому, что убиваетъ только тѣхъ, которые этого заслуживаютъ и виновны. И потому террористическая революція представляетъ собою самую справедливую изъ всѣхъ формъ революціи. Въ Россіи, говорятъ они, дѣло террора значительно усложняется, оно потребуетъ можетъ быть цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и цареубійствъ. Но не въ одномъ этомъ должна заключаться его цѣль. Оно должно сдѣлать свой способъ борьбы популярнымъ, историческимъ, традиціоннымъ, должно ввести его въ жизнь. Наступитъ время, говорятъ террористы, когда не систематическія попытки террористовъ сольются въ общій потокъ, противъ котораго не устоять тогда никому. Задача русскихъ террористовъ только обобщить и систематизировать на практикѣ ту форму революціонной борьбы, которая ведется давно, борьбу посредствомъ политическихъ убійствъ. Вотъ перспектива, которую обѣщаютъ намъ террористы. Нельзя пожаловаться на неясность программы, нельзя отказать ей въ своеобразности и новизнѣ. Осуществиться ей не суждено, но авторы ея могутъ все-таки гордиться: ихъ не забудетъ думающій міръ. Онъ слышалъ до сихъ поръ много самыхъ разнообразныхъ, самыхъ несбыточныхъ и странныхъ системъ, теорій и ученій. Но онъ еще не слышалъ системы цареубійства, теоріи кровопролитія, ученія рѣзни: это могло быть только новымъ словомъ, и это новое слово повѣдали изумленному міру русскіе террористы. Но чего же другаго и ожидать отъ нихъ, когда, говоря печатно о новыхъ формахъ покушеній на цареубійство, они восторгаются въ своихъ подпольныхъ изданіяхъ „тщательностью отдѣлки всѣхъ деталей", съ гордостью заявляютъ, что „это прогрессивное усовершенствованіе способовъ борьбы составляетъ чрезвычайно утѣшительный фактъ и останавливаются съ умиленіемъ на томъ, что въ настоящее время возмож-

ность совершенія цареубійства связывается съ возможностью спасенія для убійцъ. Злодѣяніе совершается, но его исполнители могутъ остаться живы. Возможность уцѣлѣть—есть. Мы знаемъ, что многіе изъ участниковъ перваго покушенія уцѣлѣли, и еще теперь предъ глазами каждаго изъ нихъ, на основаніи этой теоріи, стоитъ въ перспективѣ побѣгъ за границу, и это знаменитое право убѣжища, которое гораздо правильнѣе и точнѣе назвать, если можно, правомъ укрывательства и безнаказанности убійцъ. Итакъ, милостивые государи, въ такомъ видѣ представляется дѣятельность соціалистовъ; но то, что я имѣлъ честь изложить передъ вами—еще не все: Кромѣ убійствъ и крови, надъ соціально-революціонной партіей тяготѣетъ и еще одинъ великій, тяжкій грѣхъ. Она признаетъ сама—а настоящее состояніе и недавнее прошлое русскаго общества горько подтверждаетъ—что важную и существенную отрасль ея агитаторской работы составляетъ возможно широкое раскидываніе сѣтей и ловля въ нихъ добычи. И въ этомъ дѣлѣ, нужно отдать имъ справедливость, они достигли значительной степени совершенства, почти такого же, какъ и въ приготовленія взрывчатыхъ веществъ и рытьѣ подкоповъ. Только славы для нихъ отъ этого немного, потому что добыча попадается имъ слабая и беззащитная, дающая имъ мало пользы и лишь сама себя ни за что, ни про что губящая. Я говорю о той злополучной русской юности, среди которой рыскаютъ тайные агенты и эмиссары партіи, жадно высматривая свою добычу. Оклеветанная партіей, которая при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ выставляетъ ее своей союзницей или по крайней мѣрѣ сочувствующею ей силой, русская молодежь страдаетъ отъ нея больше всѣхъ другихъ сферъ общества. Еще не окрѣпшая, къ строгой критикѣ не привыкшая, нерѣдко получающая неправильное направленіе, которое отклоняетъ ее отъ ученія, она естественно представляетъ для соціально-революціонныхъ ловцовъ меньше сопротивленія, чѣмъ всѣ другія сферы. Молодость воспріимчива, податлива, увлекается, и вотъ зараза ядовитою змѣею извивается въ ея средѣ. Одного ужалитъ, другаго запятнаетъ, а третьяго совсѣмъ обхватитъ въ свои кольца, и жертвы падаютъ, гибнутъ молодыя силы, нужныя родной землѣ.

Отдавая на вашъ судъ, гг. сенаторы, гг. сословные представители, взгляды и стремленія подсудимыхъ и ихъ партіи, я, само собою разумѣется, весьма далекъ отъ мысли ихъ опровергать, съ ними полемизировать. Не говоря уже о томъ, что это было бы не согласно съ достоинствомъ государственнаго обвиненія, которое призвано лишь изобразить злодѣяніе въ его настоящемъ видѣ, лжеученія соціально-революціонной партіи такъ очевидны въ мысляхъ и дѣлахъ ея, что изобличеніе ихъ едва-ли и нужно для суда, тѣмъ болѣе, что и оружіе у насъ неравное; у нихъ софизмъ и цинизмъ, у обвиненія—неотразимые, еще дымящіеся кровью факты, простое человѣческое чувство и безхитростный здравый смыслъ. Тѣмъ не менѣе, я не могу оставить безъ вниманія рядъ общихъ выводовъ, который грозно, самою очевидностью и правдой выдвигается изъ всего того, что совершилось, что мы знали прежде и узнали вновь. Не смотря на весь ужасъ и всю боль изслѣдованной язвы, въ данныхъ этого изслѣдованія есть, мнѣ кажется, и нѣкоторые задатки горькаго утѣшенія, насколько оно для насъ еще возможно. Сомнѣнія нѣтъ и быть не можетъ—язва неорганическая, не духъ наносный, пришлый, приходящій, русскому уму несвойственный, русскому чувству противный. Русской почвѣ чужды и лжеученія соціально-революціонной партіи, и ея злодѣйства, и она сама. Не изъ условій русской дѣйствительности заимствовала она исходныя точки и основанія своей доктрины. Соціализмъ выросъ на западѣ и составляетъ уже давно его историческую бѣду. У насъ ему не откуда было взяться—у насъ не было и, славу Богу, нѣтъ до сихъ поръ ни антагонизма между сословіями, ни преобладанія буржуазіи, ни традиціонной розни и борьбы общества съ властью. Многомилліонная масса русскаго народа не пойметъ соціалистическихъ идей. Пропогандисты 1874 года знаютъ, какимъ непониманіемъ, смѣхомъ или враждою встрѣчали ихъ въ любой избѣ. Сторонниками новаго ученія являются у насъ люди, которымъ безъ соціализма некуда было бы преклонить голову, нечѣмъ заниматься, нечего ѣсть, не о чемъ думать. Огромное движеніе, умственное, общественное и экономическое движеніе, вызванное великими реформами Великаго Царя-Мученика, подняло и передвинуло всѣ элементы русской жизни, взволновавъ ее

со дна и до поверхности. Но, процѣживаясь и осѣдая, движеніе дало никуда негодные отбросы отъ стараго отставшіе, къ новому неприставшіе и на все готовые. Явились люди безъ нравственнаго устоя и собственнаго внутренняго содержанія, но воспріимчивые къ чужому, постороннему вліянію, только бы оно сулило поприще обширное, заманчивое, легкое, льстящее самолюбію, скромнаго неблагодарнаго труда не требующее. Явились люди, могущіе за неимѣніемъ или нежелающіе другого дѣла—только „дѣлать" революцію. А западныя лжеученія дали имъ нѣчто готовое, съ виду красивое, звонкими фразами обставленное, страсти будящее, разжигающее... Слабыя головы закружились въ вихрѣ соціально-революціонныхъ приманокъ и перспективъ, и не оглядываясь бросились на скользкій, покатый путь. А ни на немъ, ни въ собственномъ умѣ и сердцѣ ухватиться было не за что, и вотъ стали блѣднѣть и исчезать, какъ дымъ, остатки здраваго смысла, совѣсти, человѣчности, стыда... Все стало у этихъ людей свое, особенное, не русское, даже какъ будто не человѣческое, а какое-то—да будетъ позволено мнѣ такъ выразиться—соціально-революціонное... У нихъ выработались одно—закалъ и энергія, но этотъ закалъ и эта энергія способны только на мрачное, для всѣхъ другихъ людей преступно-дурное. На Россію они стали смотрѣть не какъ на отечество, а какъ на объектъ соціально-революціонныхъ мѣропріятій, для которыхъ всѣ средства хороши. Но для Россіи, которая смотритъ на нихъ не ихъ, а своими собственными, не отведенными глазами—они не могутъ не представляться отверженцами, достойными безпощаднѣйшаго осужденія.

Подведемъ послѣдній, окончательный итогъ. Что сдѣлала соціально-революціонная партія за нѣсколько лѣтъ ея подпольной дѣятельности для блага того народа, польза и счастье котораго у нея не сходитъ съ языка? Она исписала и распространила горы бумаги, наполненной фантазіями и софизмами, отъ которыхъ ни одному бѣдняку жить не стало легче; она совратила и погубила множество поддавшихся ей людей, убила въ нихъ вѣру въ себя и въ будущее, оторвала ихъ отъ близкихъ, отъ родины, отъ честнаго труда. Что же сдѣлалъ дѣйствующій передовой отрядъ этой соціально-революціонной партіи, ея боевая дружина,

открывшая активную борьбу, ея надежда и единственная дѣятельная сила—террористы? Они убили и изувѣчили нѣсколько десятковъ вѣрныхъ слугъ Престола и Отечества, вызывая тѣмъ временную панику среди мирныхъ гражданъ; они прорыли нѣсколько подкоповъ, извели нѣсколько пудовъ динамиту и при его посредствѣ усовершенствовали способы уничтоженія беззащитныхъ людей; они выработали и написали цѣлую доктрину такого уничтоженія, связавъ ее навѣки съ своею памятью; они заставили Россію и весь цивилизованный міръ говорить о себѣ, какъ о новой общественной формаціи организованныхъ, систематическихъ, интеллигентныхъ убійцъ. Наконецъ 1-го марта нынѣшняго года они достигли завѣтной цѣли своихъ желаній и апогея своихъ дѣяній: они предательски убили Великаго Монарха, Освободителя и Реформатора новой Россіи. Повидимому, соціально-революціонная партія, въ лицѣ подсудимыхъ, думаетъ, что 1-го марта она одержала огромную кровавую побѣду и достигла своей ближайшей и труднѣйшей цѣли. Она ошибается,—она въ этотъ день своими руками нанесла себѣ смертельный ударъ, она сама произнесла надъ собою свой приговоръ. Отнынѣ глубокое, мучительное отвращеніе всего, въ чемъ бьется человѣческое сердце и мыслитъ умъ еще способный мыслить—ея единственный удѣлъ. И стоютъ ли ея исчадія другого къ себѣ отношенія? Сомнѣвается ли кто-нибудь въ томъ, что ихъ явно заявленная цѣль—разрушить существующій міръ и на мѣсто его возвести міръ соціалистическій,—есть химера, недостижимая и безумная? А вѣдь за этою химерою, кичащеюся своимъ идеализмомъ, таятся во тьмѣ, прикрытые ея гостепріимнымъ знаменемъ, тысячи мелкихъ личныхъ, совсѣмъ не идеальныхъ побужденій и интересовъ: зависть бѣднаго къ достаточному, бѣдствующаго тунеядца къ процвѣтающему труженику, порыванія разнузданныхъ инстинктовъ къ дикому разгулу, честолюбіе и властолюбіе вожаковъ партіи.

Моя задача приходитъ къ концу; скоро настанетъ торжественный часъ исполненія вашей великой судебной обязанности, и въ совѣщательной комнатѣ предъ вашимъ умственнымъ взоромъ вновь предстанетъ все, что послужитъ основаніемъ вашего приговора, все, что вы видѣли и слышали на судѣ. Не мнѣ говорить, не вамъ слушать о необ-

ходимомъ значеніи того рѣшенія вопросовъ виновности, которые изрекутъ вашими устами высшая человѣческая справедливость и законъ, ея совершеннѣйшій выразитель. Вы знаете и безъ моихъ указаній, что совѣсть Россіи ждетъ этого рѣшенія, и возмущенная успокоится только тогда, когда услышитъ его властный голосъ. Но чрезвычайный, грозный смыслъ вашего согласія съ выводами обвиненія—а въ этомъ согласіи я не хотѣлъ бы сомнѣваться—такъ чутко отзывается въ человѣческомъ сердце, такъ настойчиво требуетъ примиренія чувствъ съ разсудкомъ, что я прошу позволенія именно объ этомъ конечномъ нравственно-юридическомъ смыслѣ предстоящаго вамъ сужденія сказать нѣсколько заключительныхъ словъ. На основаніи всей совокупности данныхъ судебнаго слѣдствія, на основаніи приведенныхъ мною доказательствъ виновности подсудимыхъ, я имѣю честь предложить вамъ произвести о нихъ безусловно обвинительный приговоръ. Только такой приговоръ вытекаетъ изъ представленныхъ вамъ доказательствъ, только его карательныя послѣдствія соразмѣрны съ злодѣяніемъ 1-го марта и виною всѣхъ шести изобличенныхъ въ этомъ злодѣяніи подсудимыхъ. Безнадежно-суровы и тяжки эти послѣдствія, опредѣляющія ту высшую кару, которая отнимаетъ у преступника самое дорогое изъ человѣческихъ благъ—жизнь; но она законна, необходима, она должна поразить преступниковъ цареубійства. Она законна, а въ неуклонномъ примѣненіи дѣйствующихъ законовъ, въ благоговѣйномъ преклоненіи передъ ними, въ строжайшемъ охраненіи установленнаго ими правильнаго гражданскаго строя—вся наша гражданская сила въ настоящее трудное время—все намъ спасеніе. Она необходима потому, что противъ цареубійцъ и крамольниковъ нѣтъ другаго средства государственной самозащиты. Человѣческое правосудіе съ ужасомъ останавливается передъ ихъ преступленіями и съ содроганіемъ убѣждается, что тѣмъ, кого оно заклеймило, не можетъ быть мѣста среди божьяго міра. Отрицатели вѣры, бойцы всемірнаго разрушенія и всеобщаго дикаго безначалія, противники нравственности, безпощадные развратители молодости, всюду несутъ они свою страшную проповѣдь бунта и крови, отмѣчая убійствами свой отвратительный слѣдъ. Даль-

ше имъ идти некуда: 1 марта они переполнили мѣру злодѣйствъ. Довольно выстрадала изъ-за нихъ наша Родина, которую они запятнали драгоцѣнною Царскою кровью—и въ вашемъ лицѣ Россія свершитъ надъ ними свой судъ. Да будетъ же убіеніе величайшаго изъ Монарховъ послѣднимъ дѣяніемъ ихъ земнаго преступнаго поприща. Людьми отвергнутые, Отечествомъ проклятые, передъ правосудіемъ Всевышняго Бога пусть дадутъ они отвѣтъ въ своихъ злодѣяніяхъ, и потрясенной Россіи возвратятъ ея миръ и спокойствіе. Россія раздавитъ крамолу, и, смиряясь передъ волею Промысла, пославшаго ей тяжкое испытаніе, въ пережитой борьбѣ почерпнетъ новыя силы, новую горячую вѣру въ свѣтлое будущее. Не того хотѣли мрачные заговорщики 1 марта; но всѣ ихъ кровавые замыслы и злодѣйства разобьются о вѣрную русскую грудь, разлетятся въ прахъ передъ яснымъ разумомъ, волею и любовью русскихъ людей. Крамола могла тайнымъ ударомъ пресѣчь преходящее теченіе хрупкой человѣческой жизни, хотя бы, по Божіей волѣ, то была жизнь великаго Государя Россіи, но крамола была и всегда будетъ безсильна поколебать вѣковую русскую преданность Престолу и существующему государственному порядку. Съ корнемъ вырветъ русскій народъ адскіе плевелы Русской Земли, и тѣсно, дружно сомкнувшись несчетными рядами благомыслящихъ гражданъ, бодро послѣдуетъ за своею несокрушимою, единою священной надеждой, за своимъ, нынѣ вступившимъ на Царство Августѣйшимъ Вождемъ!

Затѣмъ первоприсутствующій предоставилъ слово защитникамъ подсудимыхъ.

Присяжный повѣренный Унковскій (защитникъ подсудимаго Рысакова). Гг. сенаторы, гг. сословные представители! Приступая къ исполненію возложенной на меня тяжелой обязанности, я прежде всего долженъ просить у васъ о снисхожденіи къ себѣ, такъ какъ задача эта выше моихъ силъ и средствъ. Нужно ли говорить о трудности защиты по настоящему дѣлу, когда еще находишься подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта, о которомъ такъ подробно и хорошо говорилъ господинъ обвинитель. Я понимаю, что очень многимъ приходитъ въ голову то, что защита по

настоящему дѣлу совершенно невозможна, что защиты быть не можетъ. И дѣйствительно, обстоятельства настоящаго дѣла таковы, что подобная мысль можетъ придти въ голову. Но во всякомъ случаѣ обязанность защитниковъ, назначенныхъ отъ суда, священна. Мы обязаны исполнять эту задачу уже потому, что великій составитель судебныхъ уставовъ, на основаніи которыхъ происходитъ въ настоящее время судъ надъ подсудимыми, сказалъ въ изданномъ имъ законѣ, что никто не можетъ быть обвиненъ за преступленіе иначе, какъ на основаніи этихъ уставовъ, въ которыхъ защита является такимъ же факторомъ правосудія, какъ и обвиненіе. Само собою разумѣется, я не являюсь здѣсь защитникомъ совершеннаго злодѣянія; я защищаю только лицо, которое его совершило. Я долженъ отдать справедливость обвинителю: обдумавъ въ подробностяхъ его рѣчь, я долженъ заявить, что въ ней исчислены подробно всѣ обстоятельства, которыя говорятъ въ пользу подсудимаго, защита коего поручена мнѣ судомъ, и если я могу прибавить что либо къ сказанному имъ, то лишь потому, что обвинитель смотритъ на преступника не совсѣмъ такими глазами, какъ смотритъ на него защита. Защитникъ, ознакомившись частнымъ образомъ съ подсудимымъ, какъ бы ни было гнусно совершенное имъ злодѣяніе, скорѣе можетъ въ немъ отыскать черты, которыя объясняютъ совершенное имъ преступленіе. Я полагаю, что пользуясь, тѣми же чертами подсудимаго, которыя уже намѣчены г. прокуроромъ, я могу вывести изъ нихъ нѣсколько иное заключеніе. Я не говорю объ ужасѣ совершеннаго преступленія, но полагаю, что во всякомъ случаѣ мы не можемъ обращать этого дѣла въ дѣло мести, хотя бы изъ благоговѣнія къ священной памяти Царя, погибшаго отъ рукъ убійцъ, находящихся въ настоящее время предъ судомъ. Я думаю, что они должны пользоваться всѣми гарантіями правосудія, которыя установлены покойнымъ Государемъ Императоромъ. А потому я считаю долгомъ изложить все то, что могу сказать въ пользу подсудимаго Рысакова.

Самъ обвинитель уже объяснилъ вамъ, что Рысаковъ, участвовавшій въ злодѣяніи 1 марта, едва вышелъ изъ отроческаго возраста, имѣетъ за собой хорошее прошлое,

извѣстенъ своею хорошею нравственностью и былъ вовлеченъ въ это преступленіе примѣромъ и убѣжденіями другихъ лицъ. Я полагаю, что едва ли въ этомъ можно сомнѣваться. Я напомню вамъ показанія, которыя дали набожная старушка, пріѣхавшая изъ Череповца, и ея племянница. Онѣ удостовѣрили предъ вами, что въ теченіе пяти лѣтъ, которыя прожилъ подсудимый вмѣстѣ съ ними въ одномъ домѣ, онъ былъ извѣстенъ имъ за мальчика хорошей нравственности и самаго мягкаго характера. Само собой разумѣется, что общая мѣрка нравственности не можетъ быть приложима къ политическимъ преступленіямъ, и что лицо, извѣстное за честнаго человѣка и даже благоразумнаго, будучи увлечено политическими заблужденіями, можетъ совершить подобное злодѣяніе. Но въ настоящее время мы имѣемъ дѣло не только съ человѣкомъ хорошей нравственности, но даже и съ человѣкомъ мягкаго характера. Когда защита этого лица была поручена мнѣ и когда я удостовѣрился изъ производства дѣла въ томъ, что въ Череповцѣ и вообще въ Новгородской губерніи, откуда онъ появился сюда въ 1879 году, всѣ знали его за мальчика мягкаго характера, я пришелъ въ совершенное недоумѣніе и полагалъ, что преступленіе совершено было имъ подъ вліяніемъ какого-нибудь психоза. Я искалъ, нѣтъ ли въ немъ какой-нибудь органической болѣзни, которая могла бы дѣйствовать на мозгъ, и вслѣдствіе этого просилъ объ экспертизѣ. Мое ходатайство было уважено судомъ, но такой болѣзни въ подсудимомъ Рысаковѣ не найдено. Поэтому я остался въ совершенномъ недоразумѣніи; но въ настоящее время судебное слѣдствіе отчасти разъяснило, какимъ образомъ этотъ человѣкъ дошелъ до того злодѣянія, которое онъ совершилъ 1 марта текущаго года. Изъ объясненій моихъ съ подсудимымъ оказывается, что онъ прибылъ въ Петербургъ въ сентябрѣ 1879 года. Я прошу васъ, господа судьи, припомнить, что въ то время Петербургъ кишѣлъ людьми, принадлежащими революціонной партіи, что это было самое горячее время ихъ дѣятельности, когда приготовлялись ими покушенія. Такимъ былъ именно конецъ 1879 года. Затѣмъ Рысаковъ, какъ объяснилъ уже прокуроръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года былъ арестованъ по подозрѣнію въ политической неблагонадежности, вслѣдствіе

того, что онъ приходилъ въ квартиру государственнаго преступника Ширяева за его вещами, и что онъ жилъ тогда съ сожительницею этого Ширяева (Долгорукою) на одной квартирѣ. Я долженъ обратить ваше вниманіе на то, что это было совершенною случайностью. Рысаковъ вовсе не помѣщался на одной квартирѣ съ Долгорукою, но онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ случайно жила и Долгорукая, и познакомился съ нею вслѣдствіе отношеній, которыя обыкновенно бываютъ между жильцами сосѣднихъ комнатъ. Притомъ она была тогда въ болѣзненномъ положеніи. Поэтому знакомство съ нею и всякая услуга, оказанная ей Рысаковымъ, совершенно понятны и вполнѣ объясняются независимо отъ политическаго значенія Ширяева. Кромѣ того, я еще долженъ замѣтить, что подсудимый Рысаковъ никогда не видѣлъ Ширяева, и что вся услуга Долгорукой съ его стороны заключалась лишь въ томъ, что онъ ходилъ, по ея просьбѣ, на квартиру Ширяева за ея вещами, и такимъ образомъ этотъ случай объясняется весьма просто. По этой только причинѣ подсудимый Рысаковъ былъ арестованъ въ квартирѣ Ширяева, но затѣмъ его дня чрезъ два или три освободили. Очевидно, что это незначительное само по себѣ обстоятельство могло его случайно познакомить и завязать у него сношенія съ лицами, принадлежащими къ революціонной партіи, но съ его стороны не было къ тому ни малѣйшаго повода. Такимъ образомъ ясно, что онъ совершенно случайно попалъ въ ту среду, въ которой и заразился, какъ говоритъ господинъ прокуроръ, революціонными идеями. Когда всмотришься въ характеръ этого мальчика и вспомнишь злодѣяніе, совершенное имъ 1 марта, то приходишь къ совершенному убѣжденію, что преступленіе Рысакова можетъ быть объяснено случайнымъ стеченіемъ печальныхъ обстоятельствъ, и что одно лишь знакомство его съ Долгорукою, съ которой онъ жилъ въ сосѣдствѣ, случайно привело его въ сношенія съ нѣкоторыми изъ лицъ, принадлежавшихъ къ такъ называемой революціонной партіи. Такимъ образомъ очевидно, что скорѣе эта партія увлекла Рысакова, а не онъ искалъ ея. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ вовлеченъ въ революціонную дѣятельность другими, болѣе сильными людьми и конечно вовлеченъ помимо его воли. Я думаю, что

едва-ли нужно доказывать это. Изъ судебнаго слѣдствія видно, что люди, съ которыми онъ встрѣтился, обладали такой энергіей, такимъ характеромъ, что всякое сопротивленіе ихъ волѣ со стороны всякаго мальчика едва ли было возможно, а тѣмъ болѣе со стороны такого, какимъ представляется, по удостовѣренію свидѣтелей, Рысаковъ. Одно уже это обстоятельство говоритъ въ его пользу. Наконецъ я долженъ привести и то соображеніе, что изъ самой рѣчи господина прокурора ясно видно, что корнемъ всего зла въ настоящее время является отсутствіе въ обществѣ нравственныхъ принциповъ, отсутствіе въ немъ семейныхъ началъ и другія подобныя тому общія причины. Нельзя же ставить эти общественные недостатки въ вину подсудимому, котораго я защищаю. Конечно, если бы въ той средѣ, къ которой принадлежитъ Рысаковъ, существовали болѣе твердые нравственные принципы, то не могло бы случиться то печальное событіе, о которомъ идетъ дѣло. Тогда бы и Рысаковъ могъ оказать сопротивленіе тому вліянію, которое имѣли на него вожаки революціонной партіи. Однимъ словомъ, его участіе въ преступленіи было чистою случайностью. Поэтому, признаюсь, меня поразило заключеніе господина прокурора, что въ настоящемъ случаѣ этому человѣку, являющемуся лишь физическимъ виновникомъ событія 1 марта, не можетъ быть оказано никакого снисхожденія и что онъ долженъ быть подведенъ подъ ту мѣрку, подъ какую подходятъ остальные подсудимые. Я полагаю, что съ этимъ нельзя согласиться. Нашъ законъ, въ числѣ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину, а слѣдовательно и мѣру наказанія, прямо ставитъ тотъ случай, когда преступленіе совершено по легкомыслію и убѣжденію другихъ лицъ. Такимъ образомъ, я полагаю, что законъ даетъ мнѣ юридическую почву для того, чтобы просить судъ, при обсужденіи виновности Рысакова, принять это обстоятельство во вниманіе. Наконецъ, я думаю, что свѣтлый образъ Царя-Освободителя, погибшаго отъ рукъ подсудимыхъ, даетъ мнѣ право просить о снисхожденіи, такъ какъ настоящее дѣло, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ подсудимому Рысакову, живо напоминаетъ случай, въ которомъ Спаситель сказалъ: „Господи, прости имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ“.

Присяжный повѣренный Хартулари (защитникъ подсудимаго Михайлова). Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Кто-то совершенно справедливо замѣтилъ, что защита подсудимыхъ есть дань несчастью, не заплатить которую значитъ не исполнить своей профессіональной обязанности, значитъ извратить смыслъ и назначеніе одного изъ тѣхъ учрежденій, вызванныхъ къ жизни судебными уставами 20 ноября 1864 года, которыя, въ числѣ другихъ, составляютъ славу и величіе минувшаго царствованія!

Только сознаніе этого долга и та благоговѣйная признательность, съ какой каждый изъ насъ, какъ членъ одной и той же судебной семьи, долженъ отнестись къ Державной Власти за распространеніе ею дѣйствія общаго процессуальнаго закона на преступленіе, далеко выходящее изъ ряда обыкновеннаго,—только эти два чувства, повторяю я, долга и признательности, должны раскрыть защитѣ уста, нѣмѣющія при одномъ воспоминаніи о страшномъ событіи 1 марта, безпримѣрномъ въ исторіи русскаго народа!.. Къ сожалѣнію, мы не призваны ко всесторонней оцѣнкѣ упомянутаго прискорбнаго факта, глубоко возмутившаго общественную совѣсть... Подъ тяжелымъ гнетомъ того, общаго намъ всѣмъ, впечатлѣнія, отъ котораго невозможно отрѣшиться ни на одну минуту, защитѣ предстоитъ ограничить свою дѣятельность въ болѣе скромныхъ, предначертанныхъ ей рамкахъ силою закона и обстоятельствами настоящаго дѣла, а именно—заняться охраненіемъ законныхъ правъ обвиняемыхъ здѣсь на судѣ и содѣйствіемъ правосудію къ болѣе правильному освѣщенію совершеннаго преступленія со всѣми его активными и пассивными соучастниками.

И вотъ, приступая къ исполненію этой обязанности, защита подсудимаго Михайлова считаетъ необходимымъ оговориться, что девизомъ для своихъ предстоящихъ объясненій она избрала тотъ всемірный законъ, который управляетъ судьбами всѣхъ государствъ, обществъ и отдѣльнаго человѣка. На основаніи приведеннаго закона, всякій человѣкъ отвѣчаетъ предъ своею совѣстью и предъ людьми только за одни свои дѣйствія, если они при этимъ обнаружены, доказаны и имѣютъ прямую и непосредственную связь съ предметомъ направленнаго противъ него обвиненія.

Между тѣмъ, опираясь на этотъ законъ и сопоставляя между собою обвиненіе Михайлова и тѣ факты, на которыхъ оно основано, я долженъ замѣтить, соединяя глубокое уваженіе къ суду съ таковымъ же уваженіемъ къ правдѣ, что намѣревъ оспаривать основательность той части обвиненія моего клiента, которая приписываетъ ему, между прочимъ, участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для совершенія извѣстнаго злодѣянія.

Обращаясь съ этою цѣлью къ обстоятельствамъ дѣла, или, выражаясь точнѣе, къ отвѣтамъ, данннымъ подсудимымъ особому присутствію на предложенные ему вопросы объ отношеніяхъ къ настоящему обвиненію, слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе, что въ этихъ отвѣтахъ подсудимый Михайловъ обрисовался, по мнѣнію моему, человѣкомъ, пожелавшимъ говорить на судѣ одну только правду, безъ хвастовства и безъ всякихъ опасеній за послѣдствія, заранѣе имъ предвидѣнныя.

3 марта настоящаго года, въ $10^1/_2$ часовъ утра, какъ гласитъ обвинительный актъ, въ домъ № 5, по Тележной улицѣ, вошелъ подсудимый Михайловъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во 2 этажъ, гдѣ находилась квартира № 5, былъ встрѣченъ дворникомъ означеннаго дома Мирономъ Сергѣевымъ, и на вопросъ сего послѣдняго, куда онъ идетъ, отвѣтилъ: въ квартиру № 12. Вслѣдствіе чего Михайловъ, показавшійся дворнику подозрительнымъ, былъ приглашенъ имъ и городовымъ, стоявшимъ на одной изъ площадокъ лѣстницы, въ квартиру № 5, гдѣ и былъ задержанъ, а во время обыска его, выхвативъ изъ кармана револьверъ, произвелъ шесть послѣдовательныхъ, одинъ за другимъ, выстрѣловъ въ задерживающихъ его полицейскихъ чиновниковъ.

Таковъ прологъ обвиненія, за которымъ послѣдовало убѣжденіе слѣдственной власти о принадлежности Михайлова къ той же преступной ассоціаціи, къ которой принадлежали ранѣе уже заарестованные въ той же квартирѣ лица, и которая имѣла цѣлью, посредствомъ насильственнаго переворота, ниспровергнуть существующій въ Россіи государственный и общественный строй. Однако же, добытыя розыскомъ и дознаніемъ данныя ничего не прибавили къ тому, что уже было выяснено собственнымъ сознаніемъ

Михайлова относительно его личности и той роли, какую онъ игралъ въ означенномъ преступномъ сообществѣ.

Тѣмъ не менѣе, прокурорская власть признала возможнымъ обвинить подсудимаго Михайлова и въ участіи въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ для покушенія на жизнь священной Особы въ Бозѣ почившаго Государя Императора, ссылаясь при этомъ частію на обнаруженный дознаніемъ фактъ знакомства подсудимаго со всѣми остальными обвиняемыми по дѣлу, соединенными, по словамъ прокуратуры, другъ съ другомъ общностью превратныхъ воззрѣній и преступной дѣятельности, частью же на оговоръ подсудимаго Рысакова.

Но прежде нежели мы разсмотримъ приведенныя основанія, съ цѣлью доказать виновность подсудимаго Михайлова, да позволено намъ будетъ предварительно исполнить желаніе обвиняемаго приведеніемъ краткаго его біографическаго очерка, на что онъ имѣетъ неотъемлемое право, такъ какъ, обвиняясь въ столь важномъ государственномъ преступленіи, онъ можетъ сказать своимъ обвинителямъ и судьямъ: „прослѣдите мою жизнь и подумайте, кто я".

Крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гаврилково, Тимоѳей Михайловъ родился 22 января 1859 года. До пятнадцатилѣтняго возраста, т. е. до 1874 года, онъ занимался сельскими работами и, какъ самъ выразился, воспитывался около сохи и бороны, и такимъ образомъ трудъ пахаря былъ первою его школою, которая пробудила въ немъ самосознаніе и указала на полную несоотвѣтственность примѣняемаго труда съ его плодами. Обстоятельство это побудило Михайлова отправиться на заработки въ Петербургъ въ 1874 году, и съ этого времени въ теченіе почти 6 лѣтъ начинается, если можно такъ выразиться, скитаніе подсудимаго по фабрикамъ и заводамъ Петербурга и Кронштадта, работы на которыхъ привели его къ новому убѣжденію о непроизводительности личнаго труда и въ этой сферѣ дѣятельности рабочаго сословія. Онъ замѣтилъ здѣсь, что личный трудъ является предметомъ неограниченной эксплуатаціи со стороны фабрикантовъ и заводчиковъ. 19 лѣтъ отъ роду подсудимый сталъ учиться грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ своихъ товарищей, въ свободныя отъ тяжелаго тру-

да минуты, назначенныя для отдыха. Наставникъ его, вмѣстѣ съ грамотою, при бесѣдахъ съ нимъ, сталъ впервые преподавать ему соціальныя идеи, въ примѣненіи ихъ къ рабочему сословію, и идеи эти, какъ наиболѣе соотвѣтствовавшія наболѣвшему въ его жизни мѣсту, въ такой степени охватили подсудимаго, что онъ вскорѣ не только сталъ членомъ соціально-революціонной партіи, но даже сдѣлался апостоломъ ея среди фабричнаго населенія, и впослѣдствіи, когда распространился слухъ, что пропаганда, такъ успѣшно начатая среди рабочаго населенія, обнаруживается, то онъ, по предложенію своихъ руководителей, членовъ центральной агитаціонной партіи соціально-революціоннаго движенія, къ которой принадлежали между прочимъ и всѣ обвиняемые по настоящему дѣлу, принялъ участіе въ организаціи боевой рабочей дружины, представлявшей собою террористическую фракцію рабочей организаціи, имѣвшую исключительною цѣлію охраненіе рабочихъ отъ шпіоновъ и нелюбимыхъ мастеровъ.

При таковыхъ условіяхъ и при той органической связи, какая, по объясненію Желябова, данному здѣсь на судѣ, существовала между членами рабочаго движенія, какъ видоваго учрежденія, и агитаціонною партіею соціально-революціоннаго сообщества, къ которой принадлежали онъ, Желябовъ, и всѣ остальные обвиняемые, можетъ ли представляться фактъ знакомства Михайлова съ Желябовымъ и другими обвиняемыми какою-либо уликою противъ Михайлова въ такомъ преступленіи, какъ цареубійство, бывшее дѣломъ только одной агитаціонной партіи? Не думаю.

Этимъ же отношеніемъ рабочаго движенія къ центральной агитаціонной партіи, которая, по объясненію Желябова, не переставала слѣдить и руководить рабочимъ движеніемъ, объясняется посѣщеніе Михайловымъ своихъ руководителей на ихъ квартирахъ, на одной изъ которыхъ онъ и былъ задержанъ 3 марта. Справедливость сказаннаго нами относительно личности обвиняемаго и той роли, какую онъ игралъ въ общемъ дѣлѣ агитаціонной партіи, подтверждается не только актами дознанія, но и тѣмъ вполнѣ изолированнымъ положеніемъ, какое онъ занимаетъ на судѣ въ кругу остальныхъ обвиняемыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, обвиненіе Михайлова въ знаніи, а также и въ участіи въ при-

готовительныхъ дѣйстіяхъ для покушенія на жизнь Священной Особы Государя Императора тогда имѣло бы мѣсто, если бы хотя однимъ свидѣтельскимъ показаніемъ, выслушаннымъ нами здѣсь на судѣ, или хотя однимъ вещественнымъ доказательствомъ, найденнымъ у него при обыскѣ, можно было бы установить тотъ фактъ, что подсудимый принималъ если не прямое, то косвенное участіе въ означенномъ преступленіи. Затѣмъ, какое же еще другое обстоятельство выставлено прокурорскою властію въ подтвержденіе того, что подсудимый Михайловъ принималъ участіе въ приготовительныхъ дѣствіяхъ къ преступленію, совершенному 1 марта? Такимъ доказательствомъ оказывается оговоръ подсудимаго Рысакова.

Не говоря уже о томъ, что оговоръ однимъ подсудимымъ другаго представляетъ собою самое несовершенное доказательство виновности и едва ли можетъ быть принятъ во вниманіе судомъ, если онъ не подкрѣпляется другими данными слѣдственнаго производства, тѣмъ болѣе при обвиненіи въ такомъ преступленіи, которымъ человѣкъ поставленъ между жизнію и смертію. Но если даже разсматривать показаніе Рысакова безотносительно, то и тогда, по смыслу своему, оно представляется болѣе гадательнымъ, нежели положительнымъ. Такъ, напримѣръ, упоминая о томъ или другомъ изъ приготовительныхъ дѣйствій къ совершенію извѣстнаго преступленія, относительно участія Михайлова, онъ выражается словами: „кажется, былъ и Тимоѳей Михайловъ", или „кажется, былъ Тимоѳей Михайловъ, если онъ того не отрицаетъ". Вотъ почему при оцѣнкѣ подобнаго показанія представляется необходимымъ сопоставить его и съ показаніями другихъ подсудимыхъ, которыя заслуживаютъ, по мнѣнію моему, безусловнаго довѣрія, вслѣдствіе отсутствія у нихъ какого-либо интереса извращать факты, относящіеся къ подсудимому Михайлову. Но есть еще одно соображеніе, есть еще болѣе положительное доказательство невинности Михайлова въ преступленіи 1 марта, на которое я прошу особое присутствіе правительствующаго сената обратить свое вниманіе. Въ то время, когда производились обыски въ различныхъ квартирахъ, въ которыхъ проживали обвиняемые, почти у всѣхъ, какъ видно изъ актовъ дознанія, найдены были тѣ или другія ве-

щественныя доказательства, обнаружившія приготовленія къ совершенію настоящаго преступленія; между тѣмъ, при обыскѣ въ квартирѣ Михайлова, актъ котораго находится въ слѣдственномъ производствѣ, не обнаружено никакихъ доказательствъ прикосновенности обвиняемаго къ тому же преступленію. Идемъ далѣе. Ни одна изъ хозяекъ тѣхъ квартиръ, въ которыхъ проживали прикосновенныя къ преступленію лица, не признала въ Михайловѣ сходства съ тѣми, которые посѣщали ихъ жильцовъ. Таковы тѣ немногіе доводы и соображенія, которые защита подсудимаго Михайлова признала необходимыми представить на усмотрѣніе особаго присутствія правительствующаго сената, для доказательства исключительной виновности обвиняемаго только въ такихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, въ совершеніи которахъ онъ сознался и которыя соотвѣтствуютъ 2 отд. ст. 250 и ст. 1.459 улож. о наказ.

Первоприс. Это вы уже касаетесь вопроса о наказаніи, о которомъ въ настоящее время не можетъ быть еще рѣчи, такъ какъ вопросъ разбирается еще по существу.

Прис. пов. Хартулари. Но если бы особое присутствіе правительствующаго сената пришло къ какому-нибудь иному заключенію относительно виновности подсудимаго Михайлова, то я прошу васъ, гг. судьи, предварительно вникните строго аналитически въ обстоятельства дѣла, касающіяся личности обвиняемаго, и если затѣмъ, какъ я надѣюсь, вы убѣдитесь въ томъ, что при нѣкоторой неразвитости подсудимый едва ли могъ представлять собою того грознаго агента соціально-революціоннаго кружка и того яраго пропагандиста соціальныхъ идей среди рабочаго населенія, какимъ старалась выставить его прокурорская власть, и чтобы обвиняемый скорѣй дѣйствовалъ подъ какимъ-то неотразимо фатальнымъ вліяніемъ, то вы не примѣните къ дѣйствіямъ его наказанія, о которомъ я даже не рѣшаюсь упомянуть. Я полагаю, что особое присутствіе правительствующаго сената согласится со мною, что недостаточно еще, чтобы наказаніе послужило назидательнымъ примѣромъ для другихъ, недостаточно и того, что оно наведетъ ужасъ и содроганіе на массу общества. Нѣтъ, мм. гг., необходимо, чтобы наказаніе отомстило за общество, чтобы оно лишило виновнаго того, чѣмъ онъ наиболѣе всего дорожитъ на

свѣтѣ. Но развѣ обвиняемые дорожатъ своею жизнью, развѣ вы не замѣтили, съ какимъ возмутительнымъ спокойствіемъ они ожидаютъ вашего приговора. Развѣ показаніями своими, которыми они сами себя обличаютъ въ преступленіи, они не напоминаютъ намъ тѣхъ самоубійцъ, которые хладнокровно осматриваютъ оружіе, долженствующее лишить ихъ жизни? Вотъ почему, если вы, гг. судьи, желаете, чтобы наказаніе Михайлова соотвѣтствовало своей цѣли, то приговорите его къ жизни, къ этому лучшему реформатору нравственнаго направленія человѣка и его прошлыхъ юныхъ заблужденій.

Присяжный повѣренный Герке 1-й (защитникъ посудимой Гельфманъ). Гг. сенаторы! Гг. сословные представители! Въ большомъ смущеніи приступаю къ исполненію возложенной на меня тяжкой обязанности — представить защиту подсудимой Геси Гельфманъ; я боюсь, что не справлюсь съ задачей этой обязанности.—Во всякомъ случаѣ, я не въ состояніи представить такой защиты, которая по силѣ и по подробностямъ отвѣчала бы сильной и подробной обвинительной рѣчи. Статья 566 уст. угол. судопр. предписываетъ, по просьбамъ подсудимаго, назначать ему защитника преимущественно изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ въ мотивахъ къ этому закону объяснено, что назначенные отъ суда защитники должны исполнять свои обязанности усердно, добросовѣстно, и помнить, что назначеніе ихъ судомъ замѣняетъ личное довѣріе, которое имѣютъ подсудимые къ защитникамъ, избраннымъ ими самими. Посему, чтобы служить защитѣ подсудимаго, задачею защитника должно быть уясненіе себѣ и суду всего того, что говоритъ въ свое оправданіе самъ подсудимый. Но этимъ не исчерпывается защита: защитникъ, обязанный, по ст. 744 уст. угол. судопр., объяснить всѣ обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется взведенное противъ подсудимаго обвиненіе, всецѣло или въ части, долженъ дѣйствовать не только отъ имени и какъ представитель подсудимаго, но вполнѣ самостоятельно, съ своей точки зрѣнія, отъ своего лица. Что же могу я прежде всего представить въ защиту подсудимой Геси Гельфманъ, становясь на ея точку зрѣнія, стараясь говорить ея языкомъ? Она признаетъ, что занималась революціонными дѣлами, при-

надлежа по убѣжденіямъ къ революціонно-соціалистической партіи, раздѣляла програму „Народной Воли", была хозяйкою конспиративныхъ квартиръ, гдѣ, между прочимъ, завѣдомо для нея, бывали собранія лицъ, принадлежавшихъ къ террористической фракціи, и гдѣ говорилось о цареубійствѣ; но, по заявленію Гельфманъ, она въ собраніяхъ не участвовала и активнаго участія въ цареубійствѣ не принимала. Это отрицаніе Геси Гельфманъ вполнѣ правдиво и согласно съ обстоятельствами дѣла. Прокуроръ не вѣритъ этому признанію и говоритъ, что Гельфманъ утаиваетъ нѣкоторую часть виновности своей, измѣняетъ нѣсколько свое признаніе, что она не все признаетъ за собою изъ того, что на нее возводитъ обвинительная власть. Но я полагаю, что въ дѣлѣ нѣтъ данныхъ, которыя опорочивали бы ея показаніе. Никто изъ свидѣтелей не утверждаетъ, чтобы Гельфманъ принимала какое-либо активное участіе въ совѣщаніяхъ о цареубійствѣ, или чтобы она была участницею въ собраніяхъ, на которыхъ разбирались, обсуждались и рѣшались вопросы о цареубійствѣ. Напротивъ, подсудимый Рысаковъ объяснилъ здѣсь на судѣ, что когда въ квартирѣ были собранія, то Гельфманъ надѣвала пальто и уходила изъ квартиры, а подсудимый Кибальчичъ заявилъ на судѣ, что Гельфманъ была хозяйкою конспиративной квартиры, но вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Гельфманъ показаніями своими прямо старается объяснить, что она имѣла въ революціонной организаціи свою опредѣленную, такъ сказать, должность, которую исполняла вслѣдствіе своихъ убѣжденій; но должность эта не имѣла первенствующаго, рѣшительнаго значенія при приведеніи въ исполненіе заговора о цареубійствѣ. На вопросы мои, какъ сложились обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ Гельфманъ приняла участіе въ революціонной дѣятельности,—она указала на то, что первоначально занималась мирною пропагандою среди народа, на югѣ Россіи; въ сентябрѣ 1875 года была подвергнута предварительному аресту по обвиненію въ принадлежности къ противозаконному политическому сообществу, по 2-й половинѣ ст. 250 улож. о наказ.; она была привлечена тогда къ такъ называемому дѣлу о 50 лицахъ; почти два года она провела въ предварительномъ заключеніи и затѣмъ была приговорена къ 2-хъ годичному

заключенію въ рабочемъ домѣ, и по отбытіи наказанія освобождена въ маѣ 1879 года. Какъ этотъ четырехлѣтній арестъ, такъ и послѣдствіе его — полицейскій надзоръ въ Старой Русѣ, куда подсудимая была отправлена по этапу, значительно повліяли на жизнь и настроеніе Гельфманъ: она не могла ни съ кѣмъ познакомиться, не могла жить такъ свободно, какъ-бы ей того хотѣлось; она старалась найти работу—шить на швейной машинѣ, но магазины не хотѣли войти съ нею въ соглашеніе; всѣ знакомые старались отвернуться отъ нея; она скрылась отъ полицейскаго надзора и вновь примкнула къ дѣятельности революціонной партіи. Съ своей точки зрѣнія Гельфманъ, на вопросъ о виновности, отвѣчала суду, что она не признаетъ себя виновною; но Гельфманъ вполнѣ понимаетъ, что особое присутствіе, руководствуясь законами, не можетъ принять за смягчающее обстоятельство ни то, что она исполняла обязанности, возложенныя на нее ея партіею. Прокуроръ обвиняетъ ее какъ пособницу въ цареубійствѣ, но изъ сопоставленія этого обвиненія съ сознаніемъ Гельфманъ слѣдуетъ, что будетъ-ли судомъ признана та мѣра виновности Гельфманъ, которую указываетъ прокуроръ, или другая, согласно ея сознанію, по которой виновность Гельфманъ выиграетъ можетъ быть качественно, но по послѣдствіямъ своимъ едва-ли будетъ какая-нибудь разница. Покончивъ съ изложеніемъ защиты Гельфманъ съ ея точки зрѣнія, я перейду къ тѣмъ объясненіямъ, которыя считаю себя обязаннымъ представить лично отъ себя. Прежде всего, не оспаривая фактической стороны дѣла, установленной обвиненіемъ, скажу два слова о запискѣ, найденной въ квартирѣ Гельфманъ. Г. прокуроръ говоритъ, что въ ней значится слѣдующее: „Нужно лицо на неинтеллигентную роль. Попросите интеллигентную Гельфманъ пріѣхать для этого; если она несогласна, то пусть завѣдуетъ всѣми дѣлами и пусть пріѣдетъ А. М.“. Но это мѣсто записки можетъ быть истолковано и не такъ, какъ толкуетъ его г. прокуроръ; можно сдѣлать выводъ о томъ, что нужно было лицо неинтеллигентное, и вотъ просили, чтобы пріѣхала Гельфманъ, считая ее неинтеллигентною: на случай нежеланія ея пріѣхать, предлагали оставить въ Петербургѣ на ея попеченіе всѣ дѣла, но какія? можетъ быть, такія же второстепенныя дѣла, какъ-то: содержаніе

квартиръ, которыми она занималась; но отнюдь подъ всѣми дѣлами нельзя понимать заговоръ и его исполненіе. Сверхъ того, я просилъ бы васъ, гг. судьи, такъ какъ вы судите лицъ, противъ которыхъ возводится общее обвиненіе, подробно взвѣсить, что относительно каждаго подсудимаго въ дѣлѣ доказано, и не признавать каждаго отдѣльнаго подсудимаго виновнымъ лишь въ виду общей цѣли, которую связываетъ ихъ обвиненіе. Съ своей стороны, я полагаю, что Гельфманъ содержала конспиративныя квартиры, на которыхъ происходили собранія для установленія плана цареубійства; если она не знала, какъ я предполагаю, подробностей совѣщаній, то тѣмъ не менѣе очевидно она была единомышленницею тѣхъ, кто составлялъ заговоръ и приводилъ его въ исполненіе. Я считаю долгомъ обратить вниманіе суда на ту первоначальную побудительную причину, по которой Гельфманъ дѣйствовала такъ, а не иначе, на ту обстановку жизни Гельфманъ, которая, по моему мнѣнію, много способствовала къ установленію воззрѣній, вѣрованій и убѣжденій ея, настолько одностороннихъ, что быть можетъ нѣкоторые люди признаютъ ихъ граничащими съ аффектомъ. Мнѣ разрѣшено ссылаться на прежнее дѣло, по которому судилась Гельфманъ; изъ производства кіевскаго жандармскаго управленія по тому дѣлу видно, что Геся Гельфманъ родилась въ 1854 году въ небольшомъ городкѣ Мозырѣ, Минской губерніи. Городъ этотъ, какъ кажется, считаетъ Кіевъ болѣе близкимъ для себя городомъ, чѣмъ свой губернскій городъ Минскъ. Отецъ Геси Гельфманъ, мѣщанинъ города Мозыря, кромѣ нея, имѣлъ еще четырехъ дочерей. Мать Геси Гельфманъ умерла, когда подсудимая была двухлѣтнимъ ребенкомъ. Воспитаніе Гельфманъ получила домашнее въ гор. Мозырѣ. Въ 1872 году, 18 лѣтъ, Геся Гельфманъ переѣхала въ Кіевъ, чтобы тамъ заняться изученіемъ акушерства; въ 1874 году выдержала экзаменъ и уѣхала въ гор. Мозырь; оттуда возвратилась въ Кіевъ въ январѣ 1875 года съ цѣлью пріискать себѣ мѣсто. Въ сентябрѣ 1875 года, когда ея документы были въ Гадячѣ, куда она хотѣла пристроиться акушеркою; она была арестована въ Кіевѣ по обвиненію въ содержаніи квартиры, въ которую приходили письма на имена разныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ тайному сообществу пропаганды въ народѣ, и въ которой собирались подобныя лица.

Въ это время о цареубійствѣ и даже о террорѣ не было еще рѣчи. Съ 1875 по 1875 годъ Гельфманъ была подъ предварительнымъ арестомъ; въ 1877 году была приговорена къ двухъ-лѣтнему содержанію въ рабочемъ домѣ—за принадлежность къ помянутому противозаконному сообществу. Такимъ образомъ, изъ этого очерка молодости Гельфманъ на преступную дорогу; оно заключалось въ побужденіи, собственно говоря, весьма благовидномъ. Вступивъ въ противозаконное сообщество Гельфманъ едва ли всецѣло въ началѣ понимала, что она идетъ на скользкій путь. Она вступила въ сообщество, съ тѣмъ чувствомъ любви къ народу, которое само по себѣ похвально. Этой любви къ народу наше поколѣніе научилось отъ того великаго Преобразователя Царя—Освободителя, который далъ примѣръ Своимъ подданнымъ—какъ слѣдуетъ любить народъ, который Самъ даровалъ свободу народу. Въ манифестѣ 19-го февраля 1861 года, покойный Государь Императоръ указалъ тотъ путь, который Онъ считалъ для народа лучшимъ. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ—залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Въ томъ же манифестѣ Государь Императоръ указалъ на то, что „свободно пользующійся благами общества взаимно долженъ служить благу общества исполненіемъ обязанностей; всякая душа должна повиноваться властямъ предержащимъ, воздавать всѣмъ должное и въ особенности кому должно урокъ, дань, страхъ, честь". Если таково значеніе свободы, которую долженъ имѣть народъ,—если Государь находилъ, что народъ прежде всего долженъ трудиться и трудомъ развивать свое благосостояніе, то многія лица, которыя желали помочь народу, думали о возможности помочь народу не устройствомъ его труда, а насильственною перемѣною тѣхъ исторически сложившихся обстоятельствъ, при которыхъ жилъ народъ, и которыя были неустранимы иначе, какъ естественнымъ ходомъ жизни. Очень многіе молодые люди, шедшіе въ народъ, были увлечены совершенно безсознательно революціонными соціальными идеями; они все болѣе и болѣе желали приблизиться къ народу, между тѣмъ какъ сами отъ него постоянно удалялись, такъ что между ними и народомъ образовалась цѣлая пропасть; они,

желавшіе быть помощниками народу, сдѣлались отверженными имъ. Въ то время, когда Геся Гельфманъ вступила въ сообщество, за которое была судима, она не была подготовлена къ ясному пониманію политическихъ правъ и обязанностей: ни Мозырь, ни Кіевъ не объяснили ей достаточно серьезно этихъ правъ и обязанностей. Этому отсутствію пониманія политическихъ правъ и обязанностей и слѣдуетъ приписать зародышъ тѣхъ убѣжденій Гельфманъ, которыя привели ее на скамью подсудимыхъ сначала по дѣлу о 50-ти лицахъ и которыя, продолжаясь безъ измѣненія во время четырехлѣтняго ареста, привели ее и послѣ того къ участію въ соціально-революціонной партіи. Покойный Государь Императоръ въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 13 мая 1866 года, на имя князя П. П. Гагарина, по поводу каракозовскаго дѣла, указалъ, между прочимъ, что „Провидѣнію благоугодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ. Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направлено въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка“, и далѣе: „Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами благочестія и съ вѣрноподданическими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду, что видамъ Моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія“. Очевидно, здѣсь Государь Императоръ обращается ко всему русскому обществу, а не только къ правительственнымъ воспитательно-образовательнымъ учрежденіямъ, которыя были подъ непосредственнымъ начальствомъ лицъ, Имъ избранныхъ; Онъ обращался къ тому обществу, къ той средѣ семейной, надъ которой начальства нѣтъ. Государь желалъ, чтобы само русское общество болѣе принимало участія въ разъясненіи своимъ сочленамъ возника-

ющихъ заблужденій. Между тѣмъ это общество не вполнѣ оправдало ожиданія Государя. Дѣйствительно, мы видимъ, что семейная жизнь у насъ не особенно крѣпка, общество съ своей стороны чуждается многихъ своихъ членовъ, которые стоятъ особнякомъ. Мнѣ кажется, что вовсе не такое отношеніе между сочленами общества желательно. Государь Императоръ указалъ, что общество должно обращаться съ любовью къ своимъ сочленамъ, и если бы этою любовью были проникнуты и общество, и семья, то тогда и школы болѣе любовно обращались бы къ своимъ питомцамъ; тогда не было бы тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которыя мы такъ часто видимъ именно въ политическихъ процессахъ. Мы видимъ много оторванныхъ отъ семьи членовъ ея: она не знаетъ, гдѣ ея члены, что эти послѣдніе дѣлаютъ? А отошедшіе отъ семьи члены ея совершенно забываютъ свою семью. Если бы общество болѣе заботилось о себѣ, не было бы тѣхъ прискорбныхъ случаевъ, что лица, пріѣзжающія изъ провинціи въ большіе университетскіе города и желающія учиться, становятся совершенно раздѣльно, уединяются. Такое равнодушіе семьи и общества особенно къ молодежи лишаетъ ее правильнаго, естественнаго сообщества, дѣлаетъ ее одичалою съ нашей точки зрѣнія, неуживчивою въ убѣжденіяхъ, легко поддающеюся призрачнымъ, несбыточнымъ надеждамъ. Въ этомъ равнодушіи общеста и семьи можно видѣть отчасти обстоятельство, которое повліяло и на подсудимыхъ, теперь сидящихъ передъ вами, гг. судьи. Четыре года, проведенные въ арестѣ, не исправили политическихъ убѣжденій Гельфманъ; по самому устройству рабочихъ домовъ, не приспособленныхъ вполнѣ къ роли исправленія политическаго образованія, они не могли имѣть того относительнаго вліянія, которое требуется отъ уголовнаго наказанія и которое могло бы имѣть мѣсто при другомъ устройствѣ наказаній за политическія преступленія. Гельфманъ, такъ или иначе, вышла послѣ ареста не только съ убѣжденіями перерожденными или исправленными, но, какъ видно, вышла еще и озлобленною. Въ настоящее время Гельфманъ обвиняется въ дѣяніяхъ, совершенно похожихъ на тѣ, въ которыхъ она обвинялась въ 1875 году: она и тогда была содержательницею квартиры съ запрещенною закономъ цѣлью. Заканчивая свои объясненія, я прошу судъ отдѣлить Гесю Гельф-

манъ отъ главныхъ виновныхъ. Она не можетъ быть подведена подъ разрядъ главныхъ обвиняемыхъ. Гельфманъ еще не окончательно испорченная личность; она можетъ быть возвращена обществу, изъ котораго первоначально вышла. Вы слышали, господа судьи, что когда пришли ее арестовать, то она предохранила пришедшихъ лицъ отъ могущаго произойти несчастія, которое вѣроятно случилось бы, если бы эти лица безъ осторожности вошли въ слѣдующую комнату. Вотъ всѣ тѣ соображенія, которыя я считалъ необходимымъ представить суду, какъ защитникъ Гельфманъ.

Прис. пов. Герардъ (защ. подс. Кибальчича). Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Громадность и важность того преступленія, о которомъ вы произнесете вашъ приговоръ, близость дня, въ который совершилось событіе 1-го марта съ сегодняшнимъ днемъ суда надъ нимъ, вполнѣ объясняютъ въ моихъ, по крайней мѣрѣ, глазахъ ту страстность, съ которою все общество ждетъ вашего суда, ту страстность, благодаря которой люди, весьма серьезно относящіеся къ событіямъ, встрѣчающимся имъ жизни, привыкшіе анализировать причины и послѣдствія этихъ событій, не могутъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ событія 1-го марта поступить въ данномъ случаѣ такъ, какъ они поступаютъ обыкновенно. Они видятъ предъ собою только ужасающій фактъ смерти усопшаго Государя отъ руки убійцъ и далѣе этого ни впередъ, ни назадъ не идутъ. Мнѣ понятна и та страстность, съ которой была сказана обвинительная рѣчь. Я вполнѣ понимаю, что съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ г. прокуроръ на самое событіе и съ которой, повторяю, смотритъ все общество, нельзя къ нему относиться иначе. Но вы, гг. судьи, должны отрѣшиться отъ всякой страстности; судъ не можетъ дѣйствовать подъ впечатлѣніемъ страсти, не можетъ судить одно происшествіе; онъ долженъ взвѣсить и причины. Судя подсудимыхъ, онъ не можетъ останавливаться только передъ дѣйствіями преступника; онъ долженъ непремѣнно углубиться въ то, что могло его привести съ пути законности къ преступленію, и чѣмъ оно важнѣе, чѣмъ дальдальше путь отъ этой законности къ совершенному преступленію, тѣмъ строже вы должны исполнить эту вашу обязанность. Въ этомъ отношеніи исторія подсудимаго Кибаль-

чича весьма, на мой взглядъ, назидательна. Кибальчичу теперь 27 лѣтъ. Въ 1871 году, слѣдовательно 17 ти лѣтъ, онъ окончилъ курсъ въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Если онъ кончилъ курсъ 17-ти лѣтъ, то это уже указываетъ на человѣка, который былъ одаренъ отъ природы прилежаніемъ и способностями, выходящими изъ ряда. Въ этомъ возрастѣ рѣдко оканчиваютъ курсъ. И такъ въ 1871 году онъ окончилъ курсъ гимназіи съ медалью и явился въ Петербургъ для полученія высшаго образованія. Мы видимъ, что до 1873 онъ воспитывается въ институтѣ путей сообщенія, но затѣмъ въ 1873 году онъ переходитъ въ медико-хирургическую академію. До 1875 года, когда, помимо его воли, теченіе ученія прекратилось, онъ не бездѣйствовалъ въ академіи. Въ 1875 году онъ былъ на 3 курсѣ, слѣдовательно онъ въ теченіе этого времени аккуратно переходилъ изъ курса въ курсъ. Занятія шли успѣшно, но въ октябрѣ 1875 года были прерваны его арестомъ. Дѣло о прежней судимости Кибальчича передъ вами, и я считаю своею обязанностію указать на это дѣло, какъ указано и въ обвинительномъ актѣ, но только съ большею подробностью. За что же былъ арестованъ въ 1875 году Кибальчичъ и за что онъ судился въ 1878 году? Лѣтомъ 1875 года онъ провелъ каникулы въ имѣніи своего брата, въ Кіевской губерніи, Липовецкаго уѣзда. Намъ говорятъ, онъ сближался съ крестьянами. Да, но потому, что тамъ другаго-то общества не было, и понятное дѣло, что желаніе познакомиться съ народомъ, я не стану этого отрицать, желаніе сблизиться съ нимъ было у Кибальчича и тогда. При этомъ общеніи съ народомъ онъ никому не говорилъ ничего противозаконнаго, ничего такого, что могло бы быть поставлено ему въ упрекъ на судѣ. Онъ многимъ крестьянамъ раздавалъ большое количество разныхъ книгъ, и всѣ, за исключеніемъ одной, оказались дозволенными къ чтенію. Только одному крестьянину Притулѣ онъ передалъ книжку подъ названіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ", книжку противозаконнаго содержанія. Вотъ, гг. судьи, эта-то книжка поступила къ этому свидѣтелю съ такими предисловіями и указаніями, что свидѣтель, передавъ ее другому, не вынесъ изъ чтенія ея ничего противозаконнаго. У него не осталось впечатлѣнія, что это была книга запрещенная. То же самое было и

съ тѣмъ крестьяниномъ, которому онъ ее передалъ, а затѣмъ и третьему, но наконецъ получилъ эту книжку священникъ и представилъ ее по начальству. Началось дознаніе, которое выяснило именно то, что я сейчасъ изложилъ. Кибальчичъ тѣмъ временемъ продолжалъ учиться въ медико-хирургической академіи. Въ одно утро въ академіи къ нему обращается инспекторъ и говоритъ, что приходила полиція и спрашивала его. Кибальчичъ до такой степени чувствовалъ себя невиннымъ предъ закономъ и Правительствомъ, что немедленно отправился въ полицію и спросилъ, зачѣмъ его искали. Тутъ онъ былъ арестованъ, причемъ былъ сдѣланъ обыскъ въ его квартирѣ, и дѣйствительно въ этой квартирѣ, которую посѣщала масса болѣе или менѣе знакомыхъ ему людей, нашли тюкъ съ запрещенными книгами и разными паспортами; тюкъ совершенно задѣланный, котораго за два или за три дня передъ тѣмъ, по показанію квартирной хозяйки, не было у Кибальчича. Когда онъ былъ спрошенъ, то заявилъ, что тюкъ этотъ принесенъ ему однимъ знакомымъ, котораго онъ не назвалъ, и объяснилъ, что онъ не зналъ, что въ немъ находится, и надо думать, онъ сказалъ правду, потому что если бы онъ зналъ, что въ немъ находится, то неужели, узнавъ, что его ищетъ полиція, онъ не побѣжалъ бы прежде въ квартиру, чтобы скрыть этотъ тюкъ. И такъ, 11 октября 1875 года онъ былъ арестованъ по обвиненію въ передачѣ запрещенной книжки крестьянину Притулѣ, былъ арестованъ и препровожденъ въ кіевскій тюремный замокъ, но сначала произведено дознаніе въ Петербургѣ, продолжавшееся до іюня 1876 года; Кибальчичъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ и приступлено было къ производству формальнаго слѣдствія черезъ члена судебной палаты.

Первоприсутствующій. Я пригласилъ бы васъ, г. защитникъ, эту часть вашей рѣчи сократить, такъ какъ Особое Присутствіе, разрѣшившее вамъ ссылаться на производство дѣла о Кибальчичѣ, находящееся въ виду присутствія, тѣмъ самымъ считаетъ своею обязанностію ознакомиться съ нимъ во всей подробности.

Прис. пов. Герардъ. Я прошу только позволенія хронологически повторить ходъ этого дѣла, потому что, по моему глубокому убѣжденію, то направленіе, которое отъ 1874 до 1878 года наша судебная администрація давала полити-

ческимъ процессамъ, играетъ громадную роль при разъясніи всего настоящаго дѣла. Въ виду исключительной важности настоящаго дѣла я и прошу разрѣшить мнѣ только бѣгло указать вамъ въ хронологическомъ порядкѣ главные фазисы того дѣла..

Первоприсутствующій. Къ этому я васъ и приглашаю.

Прис. пов. Герардъ. Въ ноябрѣ 1876 года слѣдствіе было кончено и представлено въ Министерство Юстиціи. Въ февралѣ 1877 года оно внесено въ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената, разбиравшее тогда дѣла по политическимъ преступленіямъ. Обвинительный актъ былъ составленъ, но въ него вкралась ошибка, вслѣдствіе чего Особое Присутствіе, въ февралѣ 1877 года, возвратило обвинительный актъ товарищу оберъ-прокурора для исправленія этой ошибки. Ошибка была исправлена въ декабрѣ, наконецъ 1 мая 1878 года состоялся судъ надъ Кибальчичемъ, т. е. чрезъ 2 года и 8 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія. Особое Присутствіе Правительствующаго Сената не признало возможнымъ обвинить Кибальчича въ томъ грозномъ обвиненіи, которое было выставлено противъ него. Оно признало, что въ данныхъ дѣйствіяхъ Кибальчича нѣтъ признака этого преступленія. Когда сегодня представитель обвинительной власти говорилъ о прежнихъ приговорахъ Особаго Присутствія, онъ указалъ на то, что на судѣ противъ такого-то подсудимаго улики оказались недостаточными для обвиненія во взведенномъ на него преступленіи. Но вѣдь это не такъ. Улики на судѣ въ Особомъ Присутствіи всегда однѣ и тѣ же, которыя имѣются на дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи. Особое Присутствіе—не судъ присяжныхъ засѣдателей, предъ вами открыты всѣ акты и дознанія предварительнаго слѣдствія, такъ какъ Особому Присутствію эти производства открыты. Они конечно провѣряются на судѣ и эта провѣрка можетъ ихъ поколебать, опровергнуть, но не дѣлаетъ пробѣла въ уликахъ. И такъ Кибальчичъ былъ признанъ виновнымъ только въ такомъ преступленіи, которое можетъ влечь за собою лишь дисциплинарное взысканіе. Онъ и подвергся одномѣсячному тюремному заключенію, которое и отбылъ. Въ началѣ іюня 1878 года онъ вышелъ изъ тюрьмы почти послѣ трехлѣтняго заключенія до суда и одномѣсячнаго заключенія по

приговору суда. Выйдя такимъ образомъ на свободу, Кибальчичъ подалъ прошеніе въ медико-хирургическую академію о поступленіи въ нее вновь и сталъ хлопотать объ этомъ, но къ сожалѣнію въ это время революціонная партія вступила уже на террористическій путь... Въ августѣ 1878 года въ Петербургѣ было совершено убійство генерала-адъютанта Мезенцова и вслѣдствіе этого одною изъ первыхъ административныхъ мѣръ была высылка изъ Петербурга всѣхъ лицъ, которыя когда-либо привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ по политическимъ процессамъ, независимо отъ того, были ли они обвинены или оправданы. Эта мѣра должна была постигнуть и Кибальчича, потому что у него еще не было опредѣленныхъ занятій, онъ еще хлопоталъ о поступленіи въ академію. Можетъ быть, если бы онъ поступилъ, то по заступничеству начальства академіи его могли бы оставить, но тутъ онъ зналъ навѣрное, что будетъ высланъ административнымъ порядкомъ... Я не буду говорить о несправедливости этой мѣры, полагая, что она уже осуждена...

Первоприс. Это не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я укажу только на практическую непригодность этой мѣры, какъ показали всѣ процессы...

Первоприс. Этотъ предметъ не подлежитъ нашему обсужденію.

Прис. пов. Герардъ. Я хотѣлъ только сказать, что людей энергичныхъ, которые готовы рѣшиться на дѣйствительно дѣятельную борьбу съ Правительствомъ,—эта мѣра никогда почти не касается; имъ открывается сейчасъ-же путь нелегальнаго положенія, и вотъ это-то нелегальное положеніе поставило Кибальчича на то мѣсто, на которомъ вы его видите. Разъ вступивъ на путь нелегальнаго человѣка, тутъ уже до всякихъ крайнихъ теорій, даже до терроризма, одинъ только шагъ, а однажды человѣкъ вступаетъ на путь терроризма, то само собой разумѣется человѣкъ уже погибшій. Гг. судьи, г. прокуроръ часть своей рѣчи посвятилъ на изысканіе причинъ, откуда можетъ являться террористическая партія въ Россіи. Конечно, къ изысканію этихъ причинъ, я въ этомъ убѣжденъ, г. прокурора привела мысль о томъ, да какъ же избавиться отъ той тревоги, въ которой террористическая партія держитъ цѣлую Рос-

сію. Я совершенно также постоянно мыслилъ объ этомъ предметѣ, онъ постоянно меня тревожилъ и тревожитъ, и много разъ, слѣдя за прежними процессами, участвуя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ качествѣ защитника, я старался понять, откуда можетъ произойти у насъ подобное явленіе, и прихожу къ тому заключенію, что въ тѣхъ мѣрахъ, съ которыми прежде относилась къ преслѣдуемымъ по политическимъ процессамъ наша судебная администрація, много таится. Мнѣ скажутъ: но вѣдь эти случаи единичны. Нѣтъ, вглядитесь въ процессъ 193-хъ и вы увидите, что по оному было привлекаемо по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ болѣе 1000 человѣкъ.

Первоприс. Вы отвлекаетесь отъ предмета защиты, отъ фактовъ настоящаго дѣла. Вы можете указывать на это въ общихъ чертахъ, но возбуждать вопросъ о дѣлахъ давно минувшихъ, разбирать ихъ, входить почти въ существо производства—не представляется надобности. Я уже указывалъ вамъ, что, во-первыхъ, Особое Присутствіе будетъ имѣть въ виду эти производства, и, во-вторыхъ, вы утомляете вниманіе Особаго Присутствія вещами, не подлежащими его сужденію, такъ какъ оно желаетъ и конечно будетъ неутомимо для всего серьезнаго, какъ въ интересахъ защиты по настоящему дѣлу, но только по настоящему дѣлу. Поэтому я приглашаю васъ освободить Особое Присутствіе отъ излишнихъ подробностей, по моему мнѣнію, не имѣющихъ для настоящаго дѣла никакого вліянія и весьма мало разъясняющихъ его.

Герардъ. Я думалъ, что если бы я могъ указать на факты, хотя мало разъясняющіе это важное дѣло, то мнѣ не будетъ это поставлено въ упрекъ.

Первоприс. Конечно, это вліяніе будетъ имѣть значеніе, если вы обратите вниманіе Особаго Присутствія на процессъ о 193-хъ по отношенію къ настоящему дѣлу. . .

Герардъ. Я въ этомъ отношеніи и прошу васъ обратить вниманіе на процессъ 193 хъ. Изъ этого процесса вы почерпнете очень много данныхъ для сужденія о причинахъ появленія у насъ террористической партіи. Затѣмъ обращаюсь къ подсудимому Кибальчичу. Я прошу васъ прежде всего замѣтить, что г. прокуроръ, выставляя одно общее положеніе, что у всѣхъ обвиняемыхъ одинаковая программа

дѣйствій, одинаковыя задачи, одинаковыя мысли, одинаковыя эмблемы, которыя доказываютъ принадлежность ихъ къ соціально-революціонной партіи, ничего не могъ указать въ этомъ смыслѣ по отношенію къ Кибальчичу. Свои указанія на принадлежность къ террористической партіи г. прокуроръ раздѣлилъ на двѣ части: на революціонное прошлое и на тѣ предметы, которые оказались по обыску какъ имъ принадлежащіе. Относительно революціоннаго прошлаго я уже сказалъ. Что могу я сказать относительно того, что у Кибальчича было найдено? Печатныя и рукописныя изданія и замѣтки. Я считаю своей обязанностью обратить вниманіе Особаго Присутствія на книги и рукописи, найденныя у подсудимаго. У него не было найдено ничего такого, на что указывалъ г. прокуроръ, какъ на признакъ дѣйствительной принадлежности къ террористической партіи. Напротивъ того, я прошу обратить вниманіе на рукопись, озаглавленную „Переходное положеніе для земства". Кибальчичъ писалъ эту рукопись очевидно въ самое послѣднее время, даже, какъ видно, онъ перебѣлялъ ее уже послѣ 1-го марта. Само собою разумѣется, что если вамъ говорятъ, что террористъ занимался вопросомъ о положеніи земства, то вамъ прежде всего представляется слѣдующая картина: что долженъ былъ писать этотъ террористъ? Онъ долженъ былъ писать уже никакъ не объ отношеніяхъ земства и администрація, потому что для террориста никакой администраціи не нужно; для него нужна полная нивеллировка всего. Такъ дѣйствительно и проповѣдуется въ программѣ террористической партіи. Я прошу васъ прочесть хотя три, четыре страницы этой рукописи Кибальчича, и вы увидите, что онъ задается самыми скромными идеалами о большей самостоятельности земства по отношенію къ администраціи. Напримѣръ, онъ находитъ, что земство не имѣетъ достаточно самостоятельности, и онъ желаетъ, чтобы оно имѣло ее болѣе. Такимъ образомъ я думаю, что въ самомъ участіи Кибальчича въ этомъ дѣлѣ есть громадное недоразумѣніе. Когда я явился къ Кибальчичу, какъ назначенный ему защитникъ, меня прежде всего поразило, что онъ былъ занятъ совершенно инымъ дѣломъ, вовсе не касающимся настоящаго процесса. Онъ былъ погруженъ въ изысканіе, которое онъ дѣлалъ о какомъ-то

воздухоплавательномъ снарядѣ; онъ жаждалъ, чтобы ему дали возможность написать свои математическія изысканія объ этомъ изобрѣтеніи. Онъ ихъ написалъ и представилъ по начальству. Вотъ съ какимъ человѣкомъ вы имѣете дѣло. Я далекъ отъ мысли сказать какое-нибудь слово въ оправданіе цареубійства, сказать слово въ оправданіе террора—нѣтъ: какъ то, такъ и другое вполнѣ отвратительно, но я долженъ вамъ сказать, господа, что то наказаніе, назначить которое вамъ предлагаетъ г. прокуроръ...

Первоприс. О наказаніи вы будете говорить въ свое время.

Герардъ. Но за обвиненіемъ слѣдуетъ наказаніе и я говорю объ обвиненіи. Г. прокуроръ, требуя наказанія, видитъ въ немъ лѣченіе отъ того зла, съ которымъ намъ всѣмъ нужно бороться, а я говорю, что это наказаніе только и будетъ наказаніемъ, а не лѣченіемъ.

Прис. пов. Кедринъ (защитникъ подсудимой Перовской). Гг. сенаторы и гг. сословные представители! Не безъ волненія приступаю я къ исполненію своей тяжелой обязанности. Я долженъ сознаться, что нахожусь подъ впечатлѣніемъ рѣчи прокурора и передо мною рисуется та картина, которую онъ съ такимъ талантомъ нарисовалъ; эта тяжелая картина мѣшаетъ, по моему мнѣнію, спокойному, безпристрастному отношенію къ дѣлу; самъ прокуроръ, который обѣщалъ въ началѣ своей рѣчи хладнокровно обсудить всѣ обстоятельства дѣла,—перешелъ къ нѣсколько страстной формѣ. Я постараюсь отвлечь ваше вниманіе отъ этой тяжелой картины къ другой картинѣ: обратить ваши мысли къ личности подсудимой. Я просилъ бы васъ забыть объ этомъ преступленіи, насколько окажется это мыслимо, и прослѣдить за мною жизнь подсудимой. Когда вы услышали въ первый разъ, что въ этомъ преступленіи участвуетъ женщина, то у васъ, вѣроятно, родилась мысль, что эта женщина является какимъ-то извергомъ, неслыханною злодѣйкою. Когда же вы встрѣтились съ нею на судѣ, то это впечатлѣніе, я думаю, оказалось діаметрально противоположнымъ. По крайней мѣрѣ подсудимая на меня произвела совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ то, которое у меня до встрѣчи съ нею составилось. Я увидѣлъ скромную дѣвушку, съ такими манерами, которыя не напоминали ничего

звѣрскаго, ничего ужаснаго. Гдѣ же причина этому явленію? Можетъ быть она желаетъ порисоваться, представить себя въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ? Я этого не думаю; я полагаю, что то признаніе, которое она предъ вами сдѣлала, не выгораживая себя нисколько, идя впередъ на встрѣчу обвиненію, которое надъ ней тяготѣетъ, прямо говоритъ за то, что въ ней нѣтъ и тѣни лицемѣрія. Какая же причина, гдѣ корень того, что въ этомъ дѣлѣ являются Перовская и Рысаковъ, лица ранѣе безукоризненнаго поведенія? Чтобы обсудить этотъ вопросъ, намъ необходимо познакомиться съ жизнью подсудимой, и эту задачу я считаю для себя обязаннымъ выполнить предъ вами. Изъ рѣчи господина прокурора извѣстно, что Перовская привлекалась къ дѣлу въ 1871 году; революціонное ея прошлое, по мнѣнію обвиненія, велико: но я не раздѣляю этого убѣжденія, думаю, что ея революціонное прошлое начинается очень недавно. Правда, въ 1871 году она привлекалась къ дознанію о какомъ-то тайномъ сообществѣ, имѣвшемъ связь съ революціонной дѣятельностью, но впослѣдствіи оказалось, что это сообщество преслѣдовало благотворительныя цѣли, почему и слѣдствіе надъ Перовской было, по Высочайшей волѣ, прекращено. Въ 1872 году Перовская привлекалась по дѣлу о 193 лицахъ. Слѣдствіе тянулось пять лѣтъ, но уликъ собрано противъ нея не было. Правительствующій Сенатъ оправдалъ ее; это даетъ полное основаніе утверждать, что подсудимая была не виновна. Если состоялось судебное рѣшеніе, оправдывающее подсудимую, то прежде всего слѣдуетъ остановиться на предположеніи о невиновности и на обязанности прокурора лежитъ доказать противное. Такимъ образомъ я полагаю, что Перовская дѣйствительно была невиновна въ томъ преступленіи, которое ей приписывалось, и совершенно правильно была оправдана Правительствующимъ Сенатомъ.

До суда о 193 лицахъ подсудимая жила въ Симферополѣ, съ своей матерью. Подъ ея вѣдомомъ и управленіемъ находилось два барака „Общества Краснаго Креста". Послѣ оправданія Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената уѣхала Перовская къ матери въ Симферополь, и снова начала заниматься дѣломъ, которому она осталась бы преданною и посвятила ему всю жизнь, если

бы не случилось одного обстоятельства. Она была арестована и административнымъ порядкомъ сослана, но дорогою ей удалось бѣжать, и вотъ Перовская очутилась въ положеніи „нелегальномъ". Явиться къ роднымъ ей было нельзя, такъ какъ паспортъ выдавалъ ее вездѣ, и вотъ она должна была попасть въ среду лицъ, которыя находились въ такомъ же положеніи, т. е. въ положеніи нелегальномъ; это состояніе, въ которомъ каждый шагъ, каждый часъ, каждую минуту должно наблюдать за собою, бояться и дрожать за свою судьбу. Такое состояніе неотразимо дѣйствуетъ на нравственное чувство человѣка и невольно возбуждаетъ въ немъ инстинкты, которыхъ слѣдовало бы избѣгать. Вспомнимъ, что между таковыми нелегальными людьми соціально-революціонныя идеи необходимо получаютъ громадную силу. Члены революціонныхъ кружковъ, сталкиваясь только между собою, не слыша безпристрастной научной критики ихъ идей, естественно все болѣе и болѣе проникаются ими и доходятъ до самыхъ разрушительныхъ теорій. Такимъ образомъ и идеи Перовской постепенно принимали болѣе и болѣе красный оттѣнокъ, все болѣе и болѣе побуждали ее идти по дорогѣ революціи... Если только вы согласитесь со мной, что дѣйствительно первымъ толчкомъ, который побудилъ Перовскую идти по этому скользкому пути, была административная ссылка и что, благодаря этой ссылкѣ и той интензивности идей, замкнутыхъ въ средѣ небольшаго кружка, которая мѣшала строгой ихъ критикѣ, подсудимая дошла до настоящаго положенія, то въ этихъ обстоятельствахъ вы должны усмотрѣть данныя, которыя до извѣстной степени объясняютъ судьбу Перовской. Вслѣдствіе сего я ходатайствую предъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената о возможно болѣе снисходительномъ отношеніи къ участи подсудимой.

Подсудимый Желябовъ (не пожелавшій имѣть защитника). Гг. судьи, дѣло всякаго убѣжденнаго дѣятеля дороже ему жизни. Дѣло наше было здѣсь представлено въ болѣе извращенномъ видѣ, чѣмъ наши личныя свойства. На насъ, подсудимыхъ, лежитъ обязанность, по возможности, представить цѣль и средства партіи въ настоящемъ ихъ видѣ. Обвинительная рѣчь, на мой взглядъ, сущность нашихъ цѣлей и средствъ изложила совершенно неточно. Ссылаясь

на тѣ же самые документы и вещественныя доказательства, на которыхъ г. прокуроръ основываетъ обвинительную рѣчь, я постараюсь это доказать. Программа рабочихъ послужила основаніемъ для г. прокурора утверждать, что мы не признаемъ государственнаго строя, что мы безбожники, и т. д. Ссылаясь на точный текстъ этой программы рабочихъ, говорю, что мы государственники, не анархисты. Анархисты—это старое обвиненіе. Мы признаемъ, что Правительство всегда будетъ, что государственность неизбѣжно должна существовать, поскольку будутъ существовать общіе интересы. Я впрочемъ желаю знать впередъ, могу ли я касаться принципіальной стороны дѣла или нѣтъ?

Первоприс. Нѣтъ. Вы имѣете только предоставленное вамъ закономъ право оспаривать тѣ фактическія данныя, которыя прокурорскою властью выставлены противъ васъ и которыя вы признаете неточными и невѣрными.

Подсудимый Желябовъ. И такъ, я буду разбирать по пунктамъ обвиненіе. Мы не анархисты, мы стоимъ за принципъ федеральнаго устройства государства, а какъ средства для достиженія такого строя мы рекомендуемъ очень опредѣленныя учрежденія. Можно ли насъ считать анархистами? Далѣе, мы критикуемъ существующій экономическій строй и утверждаемъ...

Первоприс. Я долженъ васъ остановить. Пользуясь правомъ возражать противъ обвиненія, вы излагаете теоретическія воззрѣнія. Я заявляю вамъ, что Особое Присутствіе будетъ имѣть въ виду всѣ тѣ сочиненія, брошюры и изданія, на которыя стороны указывали; но выслушиваніе теоретическихъ разсужденій о достоинствахъ того или другаго государственнаго и экономическаго строя оно не считаетъ своею обязанностью, полагая, что не въ этомъ состоитъ задача суда.

Подсудимый Желябовъ. Я въ своемъ заявленіи говорилъ и отъ прокурора слышалъ, что наше преступленіе—событіе 1-го марта, нужно разсматривать какъ событіе историческое, что это не фактъ, а исторія. И совершенно вѣрно. Я совершенно согласенъ съ прокуроромъ, и думаю, что всякій согласится, что этотъ фактъ нельзя разсматривать особнякомъ, а что его нужно разсматривать въ связи съ другими фактами, въ которыхъ проявилась дѣятельность партіи.

Первоприсутствующій. Злодѣяніе 1-го марта—фактъ дѣйствительно принадлежащій исторіи, но судъ не можетъ заниматься оцѣнкой ужаснаго событія съ этой стороны; намъ необходимо знать ваше личное въ немъ участіе, поэтому о вашемъ къ нему отношеніи, и только о вашемъ можете вы давать объясненія.

Подс. Желябовъ. Обвинитель дѣлаетъ отвѣтственными за событіе 1-го марта не только наличныхъ подсудимыхъ, но и всю партію, и считаетъ самое событіе логически вытекающимъ изъ цѣлей и средствъ, о какихъ партія заявляла въ своихъ печатныхъ органахъ.

Первоприс. Вотъ тутъ-то вы и вступаете на ошибочный путь, на что я вамъ указывалъ. Вы имѣете право объяснить свое участіе въ злодѣяніи 1 марта, а вы стремитесь къ тому, чтобы войти въ объясненіе отношенія къ этому злодѣянію партіи. Не забудьте, что вы собственно не представляете для Особаго Присутствія лицо уполномоченное говорить за партію, и эта партія для Особаго Присутствія, при обсужденіи вопроса о вашей виновности, представляется не существующею. Я долженъ ограничить вашу защиту тѣми предѣлами, которые указаны для этого въ законѣ, т. е. предѣлами фактическаго и вашего нравственнаго участія въ данномъ событіи, и только вашего. Въ виду того однако, что прокурорская власть обрисовала партію, вы имѣете право объяснить суду, что ваше отношеніе къ извѣстнымъ вопросамъ было иное, чѣмъ указанное обвиненіемъ отношеніе партіи. Въ этомъ я вамъ не откажу, но, выслушивая васъ, я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы засѣданіе Особаго Присутствія не сдѣлалось мѣстомъ для теоретическихъ обсужденій вопросовъ политическаго свойства, чтобы на обсужденіе Особаго Присутствія не предлагались обстоятельства, прямо къ настоящему дѣлу не относящіяся, и, главное, чтобы не было сказано ничего такого, что нарушаетъ уваженіе къ закону, властямъ и религіи. Эта обязанность лежитъ на мнѣ, какъ на предсѣдателѣ, я исполню ее.

Подс. Желябовъ. Первоначальный планъ защиты былъ совершенно не тотъ, котораго я теперь держусь. Я полагалъ быть краткимъ и сказать только нѣсколько словъ. Но въ виду того, что прокуроръ пять часовъ употребилъ на извращеніе того самаго вопроса, который я уже считалъ

выясненнымъ, мнѣ приходится считаться съ этимъ фактомъ, и я полагаю, что защита въ тѣхъ рамкахъ, какія вы мнѣ теперь опредѣляете, не можетъ пользоваться тою свободою, какая была предоставлена раньше прокурору.

Первоприс. Такое положеніе создано вамъ существомъ предъявленнаго къ вамъ обвиненія и характеромъ того преступленія, въ которомъ вы обвиняетесь. На столько однако, на сколько представляется вамъ возможность, не нарушая уваженія къ закону и существующему порядку, пользоваться свободой преній, вы можете ею воспользоваться.

Подс. Желябовъ. Чтобы не выйти изъ рамокъ, вами опредѣленныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставить свое дѣло необороненнымъ, я долженъ остановиться на тѣхъ вещественныхъ доказательствахъ, на которыя здѣсь ссылался прокуроръ, а именно на разныя брошюры, напримѣръ, на брошюру Морозова и литографированную рукопись, имѣвшуюся у меня. Прокуроръ ссылается на эти вещественныя доказательства. На какомъ основаніи? Во-1-хъ, литографированная программа соціалистовъ-федералистовъ найдена у меня. Но вѣдь всѣ эти вещественныя доказательства находятся въ данный моментъ у прокурора. Имѣю ли я основаніе и право сказать, что они суть плоды его убѣжденія, поэтому у него и находятся? Неужели одинъ лишь фактъ нахожденія литографированной программы у меня, свидѣтельствуетъ о томъ, что это мое собственное убѣжденіе? Во-2-хъ, нѣкій Морозовъ написалъ брошюру. Я ее не читалъ; сущность ея я знаю; къ ней, какъ партія, мы относимся отрицательно, и просили эмигрантовъ не пускаться въ сужденія о задачѣ русской соціально-революціонной партіи, пока они за границей, пока они безпочвенники. Насъ дѣлаютъ отвѣтственными за взгляды Морозова, служащіе отголоскомъ прежняго направленія, когда дѣйствительно нѣкоторые изъ членовъ партіи, узко смотрѣвшіе на вещи, въ родѣ Гольденберга, полагали, что вся наша задача состоитъ въ расчищеніи пути чрезъ частыя политическія убійства. Для насъ въ настоящее время отдѣльные террористическіе факты занимаютъ только одно изъ мѣстъ въ ряду другихъ задачъ, намѣчаемыхъ ходомъ русской жизни. Я тоже имѣю право сказать, что я русскій человѣкъ, какъ сказалъ о себѣ прокуроръ (*Въ публикѣ движеніе, ропотъ негодованія и шиканье.*

Желябова на нѣсколько миновскій останавливается. Затѣмъ продолжаетъ). Я говорилъ о цѣляхъ партіи. Теперь я скажу о средствахъ. Я желалъ бы предпослать прежде маленькій историческій очеркъ, слѣдуя тому пути, которымъ шелъ прокуроръ. Всякое общественное явленіе должно быть познаваемо по его причинамъ, и чѣмъ сложнѣе и серьезнѣе общественное явленіе, тѣмъ взглядъ на прошлое долженъ быть глубже. Чтобы понять ту форму революціонной борьбы, къ какой прибѣгаетъ партія въ настоящее время, нужно познать это настоящее въ прошедшемъ партіи, а это прошедшее имѣется: немногочисленно оно годами, но очень богато опытомъ. Если вы, гг. судьи, взглянете въ отчеты о политическихъ процессахъ, въ эту открытую книгу бытія, то вы увидите, что русскіе народолюбцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами, что въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною.

Первоприс. Подсудимый, вы выходите изъ тѣхъ рамокъ, которыя я указалъ. Говорите только о своемъ отношеніи къ дѣлу.

Подс. Желябовъ. Я возвращаюсь. И такъ, мы переиспытавъ разные способы дѣйствовать на пользу народа въ началѣ 70 годовъ, избрали одно изъ средствъ, именно положеніе рабочаго человѣка, съ цѣлью мирной пропаганды соціалистическихъ идей. Движеніе крайне безобидное по средствамъ своимъ, и чѣмъ оно окончилось? Оно разбилось исключительно о многочисленныя преграды, которыя встрѣтило въ лицѣ тюремъ и ссылокъ. Движеніе совершенно безкровное, отвергавшее насиліе, не революціонное, а мирное— было подавлено. Я принималъ участіе въ этомъ самомъ движеніи, и это участіе поставлено мнѣ прокуроромъ въ вину. Я желаю выяснить характеръ движенія, за которое несу въ настоящее время отвѣтъ. Это имѣетъ прямое отношеніе къ моей защитѣ.

Первоприс. Но вы были тогда оправданы.

Подс. Желябовъ. Тѣмъ не менѣе прокуроръ ссылается на привлеченіе мое къ процессу 193-хъ.

Первоприс. Говорите въ такомъ случаѣ только о фактахъ, прямо относящихся къ дѣлу.

Подс. Желябовъ. Я хочу сказать, что 1873, 1874 и 1875 годахъ я еще не былъ революціонеромъ, какъ опредѣляетъ

прокуроръ, такъ какъ моя задача была работать на пользу народа, ведя пропаганду соціалистическихъ идей. Я насилія въ то время не признавалъ, политики касался я весьма мало, товарищи—еще меньше. Въ 1874 году въ государственныхъ воззрѣніяхъ мы въ то время были дѣйствительно анархистами. Я хочу подтвердить слова прокурора. Въ рѣчи его есть много вѣрнаго. Но вѣрность такова: въ отдѣльности взятое частичками—правда, но правда, взятая изъ разныхъ періодовъ времени, и затѣмъ составленная изъ нея комбинація совершенно произвольная, отъ которой остается одинъ только кровавый туманъ...

Первоприс. Это по отношенію къ вамъ?

Подс. Желябовъ. По отношенію ко мнѣ... Я говорю, что всѣ мои желанія были дѣйствовать мирнымъ путемъ въ народѣ, тѣмъ не менѣе я очутился въ тюрьмѣ, гдѣ и революціонизировался. Я перехожу ко второму періоду соціалистическаго движенія. Этотъ періодъ начинается... Но по всѣй вѣроятности я долженъ буду отказаться отъ мысли принципіальной защиты и вѣроятно закончу рѣчь просьбою къ первоприсутствующему такого содержанія: чтобы рѣчь прокурора была отпечатана съ точностью. Такимъ образомъ она будетъ отдана на судъ общественный и судъ Европы. Теперь я сдѣлаю еще одну попытку. Непродолжительный періодъ нахожденія нашего въ народѣ показалъ всю книжность, все доктринерство нашихъ стремленій. Съ другой стороны убѣдилъ, что въ народномъ сознаніи есть много такого, за что слѣдуетъ держаться, на чемъ до поры до времени слѣдуетъ остановиться. Считая, что при тѣхъ препятствіяхъ, какія ставило Правительство, невозможно провести въ народное сознаніе соціалистическіе идеалы цѣлостью, соціалисты перешли къ народникамъ... Мы рѣшились дѣйствовать во имя сознанныхъ народомъ интересовъ уже не во имя чистой доктрины, а на почвѣ интересовъ, присущихъ народной жизни, имъ сознаваемыхъ. Это отличительная черта народничества. Изъ мечтателей-метафизиковъ оно перешло въ позитивизмъ, и держалось почвы—это основная черта народничества. Дальше. Такимъ образомъ измѣнился характеръ нашей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и средства борьбы,—пришлось отъ слова перейти къ дѣлу. Вмѣсто пропаганды соціалистическихъ идей высту-

паетъ на первый планъ агитаціонное возбужденіе народа во имя интересовъ, присущихъ его сознанію. Вмѣсто мирнаго слова мы сочли нужнымъ перейти къ фактической борьбѣ. Эта борьба всегда соотвѣтствуетъ количеству накопленныхъ силъ. Прежде всего ее рѣшились пробовать на мелкихъ фактахъ. Такъ дѣло шло до 1878 года. Въ 1878 году впервые, насколько мнѣ извѣстно, явилась мысль о борьбѣ болѣе радикальной, явились помыслы разсѣчь Гордіевъ узелъ, такъ что событіе 1-го марта по замыслу нужно отнести прямо къ зимѣ 1877—1878 годовъ. Въ этомъ отношеніи 1878 годъ былъ переходной, что видно изъ документовъ, напр., брошюра: „Смерть за смерть". Партія не уяснила еще себѣ вполнѣ значенія политическаго строя въ судьбахъ русскаго народа, и хотя всѣ условія наталкивали ее на борьбу съ политическою системою...

Первоприс. Вы опять говорите о партіи...

Подс. Желябовъ. Я принималъ участіе въ ней...

Первоприс. Говорите только о себѣ.

Подс. Желябовъ. Все толкало меня въ томъ числѣ на борьбу съ правительственною системой. Тѣмъ не менѣе я еще лѣтомъ 1878 года находился въ деревнѣ, дѣйствуя въ народѣ. Въ зиму 1878—79 года положеніе вещей было совершенно безвыходное, и весна 1879 года была проведена мною на югѣ въ заботахъ, относившихся прямо къ этого рода предпріятіямъ. Я зналъ, что въ другихъ мѣстахъ товарищи озабочены тѣмъ же, въ особенности на сѣверѣ, что на сѣверѣ этотъ вопросъ даже породилъ расколъ въ тайномъ обществѣ, въ организаціи „Земли и Воли"; что часть этой организаціи ставитъ себѣ именно тѣ задачи, какъ и я съ нѣкоторыми товарищами на югѣ. Отсюда естественно сближеніе, которое перешло на липецкомъ съѣздѣ въ сліяніе. Тогда сѣверяне, а затѣмъ часть южанъ, собравшись въ лицѣ своихъ представителей на съѣздѣ, опредѣлили новое направленіе. Рѣшенія липецкаго съѣзда были вовсе не такъ узки, какъ здѣсь излагалось въ обвинительной рѣчи. Основныя положенія новой программы были таковы: политическій строй...

Первоприс. Подсудимый, я рѣшительно лишу васъ слова, потому что вы не хотите слѣдовать моимъ указаніямъ. Вы постоянно впадаете въ изложеніе теоріи.

Желябовъ. Я обвиняюсь за участіе на липецкомъ съѣздѣ...

Первоприс. Нѣтъ, вы обвиняетесь въ совершеніи покушенія подъ Александровскомъ, которое, какъ объясняетъ обвинительная власть, составляетъ послѣдствіе липецкаго съѣзда.

Желябовъ. Если только я обвиняюсь въ событіи 1-го марта и затѣмъ въ покушеніи подъ Александровскомъ, то въ такомъ случаѣ моя защита сводится къ заявленію: да, такъ какъ фактически это подтверждено. Голое признаніе факта не есть защита...

Первоприс. Отношеніе вашей воли къ этому факту...

Подс. Желябовъ. Я полагаю, что уясненіе того пути, какимъ развивалось мое сознаніе, идея, вложенная въ это предпріятіе...

Первоприс. Объясненіе вашихъ убѣжденій, вашего личнаго отношенія къ этимъ фактамъ я допускаю. Но объясненія убѣжденій и взглядовъ партіи не допущу.

Подс. Желябовъ. Я этой рамки не понимаю.

Первоприс. Я прошу васъ говорить о себѣ, о своемъ личномъ отношеніи къ факту, какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, объ участіи вашей воли, о вашихъ дѣйствіяхъ.

Подс. Желябовъ. На эти вопросы кратко я отвѣчалъ въ началѣ судебнаго засѣданія. Если теперь будетъ мнѣ предоставлено говорить только также кратко, зачѣмъ тогда повторяться и обременять вниманіе суда...

Первоприс. Если вы болѣе ничего прибавить не имѣете...

Подс. Желябовъ. Я думаю, что я вамъ сообщилъ скелетъ. Теперь желалъ бы я изложить душу...

Первоприс. Вашу душу, но не душу партіи.

Подс. Желябовъ. Да, мою. Я участвовалъ на липецкомъ съѣздѣ. Рѣшенія этого съѣзда опредѣлили рядъ событій, въ которыхъ я принималъ участіе и за участіе въ которыхъ я состою въ настоящее время на скамьѣ подсудимыхъ. Поскольку я принималъ участія въ этихъ рѣшеніяхъ, я имѣю право касаться ихъ. Я говорю, что намѣчена была задача не такая узкая, какъ говоритъ прокуроръ: повтореніе покушеній, и, въ случаѣ неудачи, совершеніе удачнаго покушенія во что бы то ни стало. Задачи, на липецкомъ съѣздѣ поставленныя, были вовсе не такъ узки. Основное положе-

ніе было такое, что соціально-революціонная партія—и я въ томъ числѣ, это мое убѣжденіе—должна удѣлить часть своихъ силъ на политическую борьбу. Намѣченъ былъ и практическій путь: это путь насильственнаго переворота путемъ заговора, для этого организація революціонныхъ силъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. До тѣхъ поръ я лично не видѣлъ надобности въ крѣпкой организаціи. Въ числѣ прочихъ соціалистовъ я считалъ возможнымъ дѣйствовать, опираясь по преимуществу на личную иниціативу, на личную предпріимчивость, на личное умѣнье. Оно и понятно. Задача была такова: уяснить сознаніе возможно большаго числа лицъ, среди которыхъ живешь; организованность была нужна только для полученія такихъ средствъ, какъ книжки, и доставка ихъ изъ-за границы, печатаніе ихъ въ Россіи было также организовано. Все дальнѣйшее не требовало особой организованности. Но разъ была поставлена задача насильственнаго переворота, задача, требующая громадныхъ организованныхъ силъ, мы, и я между прочимъ, озаботились созиданіемъ этой организаціи въ гораздо большей степени, чѣмъ покушенія. Послѣ липецкаго съѣзда, при такомъ взглядѣ на надобность организаціи, я присоединился къ организаціи, въ центрѣ которой сталъ исполнительный комитетъ, и содѣйствовалъ расширенію этой организаціи; въ его духѣ я старался вызвать къ жизни организацію единую, централизованную, состоящую изъ кружковъ автономныхъ, но дѣйствующихъ по одному общему плану, въ интересахъ одной общей цѣли. Я буду резюмировать сказанное. Моя личная задача, цѣль моей жизни было служить общему благу. Долгое время я работалъ для этой цѣли путемъ мирнымъ, и только затѣмъ былъ вынужденъ перейти къ насилію. По своимъ убѣженіямъ я оставилъ бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своихъ идей, мирной организаціи своихъ сторонниковъ. Въ своемъ послѣднемъ словѣ, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, я сказалъ бы еще слѣдующее: мирный путь возможенъ; отъ террористической дѣятельности, я напримѣръ, отказался бы, если бы измѣнились внѣшнія условія ..

Первоприс. Болѣе ничего не имѣете сказать въ свою защиту?

Подс. Желябовъ. Въ защиту свою ничего не имѣю. Но я долженъ сдѣлать маленькую поправку къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя я дѣлалъ во время судебнаго слѣдствія. Я позволилъ себѣ увлечься чувствомъ справедливости, обратилъ вниманіе гг. судей на участіе Тимоѳея Михайлова во всѣхъ этихъ дѣлахъ, именно, что онъ не имѣлъ никакого отношенія ни къ метательнымъ снарядамъ, ни къ подкопу на Малой Садовой. Я теперь почти убѣжденъ, что, предупреждая гг. судей отъ возможности поступить ошибочно по отношенію къ Михайлову, я повредилъ Тимоѳею Михайлову, и если бы мнѣ вторично пришлось участвовать на судебномъ слѣдствіи, то я воздержался бы отъ такого заявленія, видя, что прокуроръ и мы, подсудимые, взаимно своихъ нравственныхъ побужденій не понимаемъ.

Первоприс. Объявляю пренія сторонъ прекращенными.

Затѣмъ *первоприсутствующій* обратился къ подсудимымъ съ вопросомъ, не желаютъ ли они воспользоваться правомъ послѣдняго слова.

Подсудимый Рысаковъ. Я воспользуюсь этимъ правомъ для того, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу рѣчи прокурора, въ которой онъ, не смотря на мое заявленіе, старался сдѣлать меня членомъ террористической фракціи. Я не знаю, можно ли мнѣ отказаться голословно, всецѣло и безусловно отъ принадлежности къ террористической фракціи, или же я имѣю право подтвердить это какими нибудь доказательствами чисто научнаго свойства?

Первоприсутств. Теперь судебное слѣдствіе уже окончено. Вы должны основываться на данныхъ, которыя были провѣряемы во время судебнаго слѣдствія: никакихъ новыхъ данныхъ, не провѣренныхъ на судебномъ слѣдствіи, теперь приводить нельзя. Но въ послѣднемъ вашемъ словѣ вы можете сказать все, что находите нужнымъ о вашемъ отношеніи къ преступленію, въ которомъ вы обвиняетесь.

Подс. Рысаковъ. Я пользуюсь словомъ для того, чтобы сказать, что я не принадлежу къ террористической фракціи такъ всецѣло, какъ указано г. прокуроромъ. Я отрицаю свою принадлежность всецѣло къ террористической фракціи, такъ какъ партія „Народной Воли“ не есть террористическая партія. Я отрицаю свое соучастіе съ этой фракціей на слѣдующихъ основаніяхъ. Террору, какъ постоянному сред-

ству борьбы, я не сочувствую. Я только здѣсь услышалъ и узналъ о систематической террористической борьбѣ, о ея организаціи, противъ чего я въ настоящую минуту протестую. Я не сочувствую террору, даже исходя изъ интересовъ соціально-революціонной партіи, потому что извѣстно, что терроръ лишаетъ почвы умѣренныхъ соціалистовъ.

Первоприсутствующій. Это не имѣетъ отношенія къ дѣлу. Вы объясняете значеніе террора, что представляется совершенно излишнимъ. Вы объясните намъ свое отношеніе къ дѣлу. Васъ обвиняютъ въ принадлежности къ террористической фракціи. Вы объясните, почему вы находите, что не принадлежали къ этой фракціи; но въ изложеніи относительныхъ достоинствъ того или другаго взгляда, той или другой фракціи—не представляется надобности.

Подс. Рысаковъ Я иначе не могу объяснить... Слѣдовательно я не могу воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ...

Первоприс. О себѣ, о своемъ убѣжденіи вы можете сказать. Вы говорите, что не принадлежали къ этой фракціи ..

Подс. Рысаковъ. Но это будетъ голословное заявленіе...

Первоприс. Впрочемъ, говорите такъ, какъ знаете; я вижу, что вы затрудняетесь, а это ваше послѣднее слово.

Подс. Рысаковъ. Я могу указать на то, что говорилось въ нумерахъ „Народной Воли“, что говорилось въ послѣднемъ 5 нумерѣ о террористическихъ дѣйствіяхъ, о враждебномъ отношеніи къ Верховной власти. Этому положенію, по моему убѣжденію, по моему взгляду, я тоже не сочувствую. Я убѣжденъ, что явное возстаніе не можетъ привести къ цѣли... Террористическія дѣйствія, систематизированный терроръ я всецѣло отрицаю. Затѣмъ относительно рѣчи прокурора я высказать ничего не могу. Прибавлю только, что мой голосъ противъ террора не одинъ: второй голосъ—Гольденберга.

Подс. Михайловъ. Такъ какъ мое развитіе не достаточно, то я могу заявить на указаніе г. прокурора, что онъ показываетъ, что я принадлежу къ соціально-революціонной партіи... Я сознаюсь, что я принадлежу, но къ той партіи, которая защищаетъ среду рабочихъ, а не къ той, которая достигаетъ цѣли переворота, потому что если я недостаточно развитъ, я даже не имѣлъ объ этомъ никако-

го понятія. Я это отрицаю. Кромѣ того, я могу сказать г. прокурору одно: онъ заявилъ, что эта идея заблужденіе. Но я не могу разъяснить ее, потому что я не могу ее опредѣлить по недостатку образованія.

Подс. Гельфманъ. Въ защиту себя я ничего не желаю говорить. Но я хочу исправить нѣкоторыя указанія защитника, въ которыхъ онъ высказалъ какъ будто бы мои слова. Онъ дѣйствительно разсказалъ мою прошлую жизнь, объяснилъ, почему я была арестована, сколько лѣтъ просидѣла. Это вѣрно. Но онъ сказалъ, что послѣ ареста я была сослана въ Старую-Русу, и только вслѣдствіе преслѣдованія полиціи я должна была оставить Старую-Русу и примкнуть къ партіи „Народной Воли". Я только разсказала ему о своей прошлой жизни, о прошломъ арестѣ, что дѣйствительно я была арестована въ 1875 году за то, что на моей квартирѣ были получены письма, что у меня, по показанію хозяйки, собирались молодые люди. Вотъ тѣ улики, которыя существовали противъ меня въ 1875 году. Я была арестована и просидѣла до 1879 года, когда была сослана въ Старую-Русу. Онъ меня спрашивалъ, почему я послѣ тюремнаго заключенія поспѣшила въ Петербургъ. Я ему говорила, что когда я была освобождена отъ тюремнаго заключенія и когда меня привезли въ Старую-Русу, я нѣсколько времени пробовала жить, послѣ четырехъ-лѣтняго заключенія я хотѣла нѣсколько осмотрѣться, но никакой возможности не было жить. Черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія я уѣхала и пріѣхала въ Петербургъ, но не потому, что полиція преслѣдовала, а потому, что когда меня освободили, я задалась цѣлью служить тому дѣлу, которому служила.

Подс. Кибальчичъ. О своемъ фактическомъ отношеніи къ событію 1 марта я говорилъ уже раньше. Теперь, пользуясь правомъ слова, мнѣ предоставленнымъ, я скажу о своемъ нравственномъ отношеніи, о томъ логическомъ пути, по которому я пришелъ къ извѣстнымъ выводамъ. Я, въ числѣ другихъ соціалистовъ, признаю право каждаго на жизнь, свободу, благосостояніе и развитіе всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ человѣческой природы. Съ этой точки зрѣнія лишеніе жизни человѣка, и не съ этой только, но и вообще съ человѣческой точки зрѣнія — является вещью ужасною. Г. прокуроръ въ своей рѣчи, бле-

стящей и красивой, заявилъ сомнѣніе на мое возраженіе, высказанное раньше, что для меня лично и для партіи вообще желательно прекращеніе террористической дѣятельности и направленіе силы партіи исключительно на дѣятельность другую; онъ выставилъ въ частности меня и вообще партію лицами, проповѣдывающими тарроръ для террора, выставилъ лицами, предпочитающими насильственныя дѣйствія мирнымъ средствамъ только потому, что онѣ насильственныя, Какая это странная, невѣроятная любовь къ насилію и крови! Мое личное желаніе и желаніе другихъ лицъ, какъ мнѣ извѣстно, мирное рѣшеніе вопроса.

Первоприсутствующій. Я приглашаю васъ касаться только вашей защиты.

Подс. Кибальчичъ. Г. прокуроръ говорилъ, что весьма важно выясненіе нравственной личности подсудимаго. Я полагаю, что то, что я говорю, относится къ характеристикѣ моей нравственной и умственной личности, если я заявляю свое мнѣніе объ извѣстныхъ существенныхъ вопросахъ, которые теперь волнуютъ всю Россію и обращаютъ на себя вниманіе. Я внимательно слѣдилъ за рѣчью г. прокурора, и именно затѣмъ, какъ онъ опредѣляетъ причину революціоннаго движенія, и вотъ, что я вынесъ: Произошли реформы, всѣ элементы были передвинуты, въ обществѣ образовался негодный осадокъ, этому осадку нечего было дѣлать, но чтобы изобрѣсти дѣло этотъ осадокъ изобрѣлъ революцію. Вотъ отношеніе г. прокурора къ этому вопросу. Теперь въ отношеніи къ вопросу о томъ, какимъ-же образомъ достигнуть того, чтобы эти печальныя событія, которыя всѣмъ извѣстны, больше не повторялись; какъ вѣрное для этого средство, имъ указывается на то, чтобы не давать ни какихъ послабленій, чтобы карать и карать; но, къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ г. прокуромъ въ томъ, чтобы рекомендованное имъ средство привело къ желательному результату. Затѣмъ уже по частному вопросу я имѣю сдѣлать заявленіе на счетъ одной вещи, о которой уже говорилъ мой защитникъ. Я написалъ проектъ воздухоплавательнаго аппарата. Я полагаю, что этотъ аппаратъ вполнѣ осуществимъ. Я представилъ подробное изложеніе этого проекта съ рисунками и вычисленіями. Такъ какъ, вѣроятно, я уже не буду имѣть возможности выслушать взгляда

эспертовъ на этотъ проектъ и вообще не буду имѣть воз можности слѣдить за его судьбою, и возможно предусмотрѣть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этимъ моимъ проектомъ, то я теперь публично заявляю, что проектъ мой и эскизъ его, составленный мною, находится у г. Герарда.

Подс. Перовская. Много, очень много обвиненій сыпалось на насъ со стороны г. прокурора. Относительно фактической стороны обвиненій я не буду ничего говорить: я всѣ ихъ подтвердила на дознаніи, но относительно обвиненія меня и другихъ въ безнравственности, жестокости и пренебреженію къ общественному мнѣнію, относительно всѣхъ этихъ обвиненій я позволяю себѣ возражать, и сошлюсь на то, что тотъ, кто знаетъ нашу жизнь и условія, при которыхъ намъ приходится дѣйствовать, не броситъ въ насъ ни обвиненія въ безнравственности, ни обвиненія въ жестокости.

Подс. Желябовъ. Я имѣю сказать только одно: на дознаніи я былъ очень кратокъ, зная, что показанія, данныя на дознаніи, служатъ лишь цѣлямъ прокуратуры, а теперь я сожалѣю и о томъ, что говорилъ здѣсь, на судѣ.—Больше ничего.

Первоприс. Особое Присутствіе удаляется для постановки вопросовъ.

Въ 3 часа ночи Особое Присутствіе возвратилось изъ совѣщательной комнаты въ залу засѣданія, и г. первоприсутствующій прочелъ проектъ вопросовъ (которые приведены ниже вмѣстѣ съ отвѣтами). Стороны противъ этого проекта вопросовъ возраженій не представили. Особое Присутствіе, утвердивъ вопросы, вновь удалилось въ совѣщательную комнату для разрѣшенія вопросовъ.

По возвращеніи Особаго Присутствія въ залу засѣданія, г. первоприсутствующій прочелъ слѣдующіе вопросы и отвѣты на нихъ Особаго Присутствія:

1. Виновенъ ли крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ, въ томъ, что принадлежалъ къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспровергнуть, посредствомъ насильственнаго переворота, существующій въ Имперіи государственный и общественный

строй, и предпринявшему для достиженія этой цѣли рядъ посягательствъ на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ?— О. Да, виновенъ.

2. Виновна ли въ томъ же преступленіи дворянка Софья Львова Перовская, 27 лѣтъ?—О. Да, виновна.

3. Виновенъ ли въ томъ же преступленіи сынъ священника Николай Ивановъ Кибальчичъ, 27 лѣтъ?—О. Да, виновенъ.

4. Виновенъ ли въ томъ же преступленіи Тихвинскій мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ?—О. Да, виновенъ.

5. Виновна ли въ томъ же преступленіи Мозырская, Минской губерніи, мѣщанка Геся Гельфманъ, 26 лѣтъ?—О. Да, виновна.

6. Виновенъ ли въ томъ же преступленіи крестьянинъ Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, деревни Гавриловки, Тимоѳей Михайловъ, 21 года?—О. Да, виновенъ.

7. Если подсудимый Тимоѳей Михайловъ не виновенъ въ принадлежности къ обществу, указанному въ 1-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принадлежалъ къ сообществу, имѣющему цѣлью возбужденіе вражды между хозяевами и рабочими и стачекъ между послѣдними, причемъ означенное сообщество возбуждало рабочихъ къ избіенію частныхъ лицъ, признаваемыхъ имъ враждебными рабочему сословію?—Не треубетъ разрѣшенія.

8. Виновенъ ли подсусимый Николай Рысаковъ въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому въ 1 вопросѣ сообществу, согласился съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Михайловымъ, Гельфманъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича 1 марта 1881 года, посредствомъ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ, одинъ изъ которыхъ, брошенный въ этотъ день другимъ соучастникомъ злодѣянія, причинилъ Государю Императору тяжкія раны, повлекшія за собою кончину Его Величества, причемъ самъ Рысаковъ бросилъ предъ тѣмъ подъ карету Его Им-

ператорскаго Величества метательный взрывчатый снарядъ, произведшій подъ тою каретой взрывъ?—О. Да, виновенъ.

9. Виновенъ ли подсудимый Андрей Желябовъ въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому въ первомъ вопросѣ сообществу и умысливъ посягательство на жизнь Государя Императора Александра Николаевича, согласилъ на него Рысакова и другихъ лицъ, приготовительными дѣйствіями которыхъ руководилъ до своего ареста 27 февраля 1881 года, сводя ихъ между собою на особо предназначенныхъ для подобныхъ сходокъ квартирахъ, для совѣщаній объ означенномъ злодѣяніи?—О. Да, виновенъ.

10. Виновна ли подсудимая Софья Перовская въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и согласившись въ цѣляхъ онаго съ Желябовымъ, Кибальчичемъ, Рысаковымъ, Михайловымъ и Гесею Гельфманъ, или съ нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, руководила дѣйствіями исполнителей и самымъ совершеніемъ злодѣянія 1 марта сего года, а именно: устроила постоянное наблюденіе за выѣздами Государя Императора Александра Николаевича, въ день злодѣянія 1 марта принесла въ подготовленную для собранія соучастниковъ онаго квартиру два предназначенныхъ для злодѣянія взрывчатыхъ метательныхъ снаряда, которые и передала злоумышленникамъ, начертила планъ мѣстности и указала собравшимся въ квартирѣ злоумышленникамъ назначенный каждому изъ нихъ пунктъ, а затѣмъ на Михайловской улицѣ подала знакъ, по которому злоумышленники должны были идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ждать проѣзда Государя Императора Александра Николаевича, для приведенія въ исполненіе своего злодѣйскаго умысла?—О. Да, виновна.

11. Виновенъ ли подсудимый Николай Кибальчичъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному въ первомъ вопросѣ сообществу и согласившись, въ цѣляхъ онаго, съ Желябовымъ, Перовской, Рысаковымъ, Михайловымъ и Гельфманъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, онъ изготовилъ и приспособилъ для этой цѣли четыре метательныхъ снаряда, посредствомъ которыхъ совершено было 1 марта 1881 года злодѣйское пося-

гательство на жизнь Его Императорскаго Величества, причемъ однимъ изъ этихъ снарядовъ произведенъ былъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія раны, отъ которыхъ того же 1 марта Государь Императоръ скончался?—О. Да, виновенъ.

12. Виновенъ ли подсудимый Тимоѳей Михайловъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному въ первомъ вопросѣ сообществу и согласившись, въ цѣляхъ онаго, съ Желябовымъ, Перовской, Кибальчичемъ, Рысаковымъ и Гесею Гельфманъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами, лишить 1 марта 1881 года жизни Государя Императора Александра Николаевича, участвовалъ въ приготовительныхъ къ сему злодѣянію дѣйствіяхъ пробою 28 февраля предназначеннаго для этой цѣли метательнаго взрывчатаго снаряда, и затѣмъ 1 марта, вооруженный метательнымъ снарядомъ, находился на мѣстѣ совершенія злодѣянія для принятія въ немъ участія?—О. Да, виновенъ, но на мѣстѣ совершенія преступленія не былъ.

13. Виновна ли подсудимая Геся Гельфманъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному въ первомъ вопросѣ сообществу и согласившись, въ цѣляхъ онаго, съ Желябовымъ, Перовской, Кибальчичемъ, Рысаковымъ и Михайловымъ или нѣкоторыми изъ нихъ, а также и съ другими лицами на лишеніе жизни 1 марта 1881 года Государя Императора Александра Николаевича, она завѣдывала, въ качествѣ хозяйки, служащими для сбора злоумышленниковъ квартирами, въ которыхъ происходили, съ ея вѣдома, совѣщанія о семъ злодѣяніи, и въ одну изъ которыхъ, съ ея же вѣдома, принесены были 1 марта взрывчатые метательные снаряды, предназначенные для сего злодѣянія?—Отв. Да, виновна.

14. Виновенъ ли подсудимый Андрей Желябовъ въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому сообществу и дѣйствуя въ его цѣляхъ, согласился съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, для чего принималъ непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ по устройству подкопа, окончательно устроеннаго и проведеннаго изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, по Малой Садовой улицѣ, со снарядомъ для взрыва полотна улицы при проѣздѣ Государя Императора Алексан-

дра Николаевича?—О. Да, виновенъ.

15. Виновенъ ли подсудимый Николай Кибальчичъ въ томъ, что, принадлежа къ вышеуказанному сообществу и дѣйствуя въ его цѣляхъ, согласился съ прочими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича и принималъ участіе техническими указаніями и изготовленіемъ запала для взрыва въ устройствѣ вышеупомянутаго въ предыдущемъ вопросѣ подкопа?—О. Да, виновенъ.

16. Виновна ли подсудимая Софья Перовская въ томъ, что, принадлежа къ упомянутому сообществу и дѣйствуя въ его цѣляхъ, согласилась съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, для чего, вполнѣ завѣдомо ея Перовской, устроенъ былъ вышеупомянутый подкопъ?—О. Да, виновна.

17. Виновенъ ли въ преступленіи, изложенномъ въ 16 вопросѣ, подсудимый Николай Рысаковъ?—О. Нѣтъ, не виновенъ.

18. Виновенъ ли въ преступленіи, изложенномъ въ 16 вопросѣ, подсудимый Тимоѳей Михайловъ?—О. Нѣтъ, не виновенъ.

19. Виновна ли въ преступленіи, изложенномъ въ 16 вопросѣ, подсудимая Геся Гельфманъ?—О. Нѣтъ, не виновна.

20. Виновенъ ли подсудимый Андрей Желябовъ въ томъ, что, принадлежа къ тому же названному преступному сообществу, 18 ноября 1879 года, близъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, вмѣстѣ съ другими лицами, съ цѣлью лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, устроилъ подъ полотномъ желѣзной дороги мину для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться Его Императорское Величество, и при проходѣ означеннаго поѣзда сомкнулъ проведенные чрезъ мину проводники гальваническаго тока, причемъ однако же, по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ подсудимаго Желябова, взрыва не послѣдовало?—О. Да, виновенъ.

21. Виновна ли подсудимая Софья Перовская въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и съ тою же цѣлью лишенія жизни Государя Императора Александра Николаевича, принимала вмѣстѣ съ другими лицами непосредственное участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги, близь города

Москвы, при проходѣ же Императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія 19 ноября 1879 года наблюдала за приближеніемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по котому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ однако же, по обстоятельствамъ отъ подсудимой не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, находившимся въ поѣздѣ?—О. Да, виновна.

22. Виновенъ ли подсудимый Николай *Кибальчичъ* въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу и согласившись съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву 18-го ноября 1879 года полотна желѣзной дороги при проходѣ Императорскаго поѣзда изъ города Александровска, Екатеринославской губерніи, посредствомъ доставленія одному изъ участниковъ означеннаго взрыва, Андрею Желябову, необходимой для совершенія преступленія спирали Румкорфа?—*Отв. „Да, виновенъ“.*

23. Виновенъ ли подсудимый Николай *Кибальчичъ* въ томъ, что, принадлежа къ тому же преступному сообществу согласившись съ другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, принималъ участіе въ приготовленіяхъ въ 1879 году взрыва на одесской желѣзной дорогѣ близъ города Одессы, посредствомъ храненія у себя всѣхъ нужныхъ для совершенія этого преступленія снарядовъ, и между прочимъ посредствомъ пріобрѣтенія и приспособленія спиралей Румкорфа?—*Отв. „Да, виновенъ“.*

24. Виновенъ ли подсудимый Тимоѳей *Михайловъ* въ томъ, что 3-го марта 1881 года, при задержаніи его въ квартирѣ № 5 дома № 5 по Телѣжной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого-либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Ефиму Денисову и контузію помощнику участковаго пристава Слуцкому?—*Отв. „Да, виновенъ“.*

Затѣмъ *первоприс.* предложилъ прокурору дать заключеніе по вопросу о томъ, какому, по закону, подсудимые подлежатъ наказанію за состоявшимся рѣшеніемъ суда.

Прокуроръ. Приговоромъ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената всѣ подсудимые признаны виновными въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 241, 242 и 249

ст. улож. о наказ., а Михайловъ кромѣ того въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1,459 улож. о наказ. За эти преступленія наказаніе по закону опредѣляется по 1 степ. 17 ст. улож. о наказ., причемъ несовершеннолѣтній подсудимый Рысаковъ долженъ быть, согласно ст. 139 улож. о наказ., подвергнутъ наказанію за преступленіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ, какъ совершеннолѣтній. На основаніи изложеннаго, подсудимые: Желябовъ, Рысаковъ, Кибальчичъ, Гельфманъ, Перовская и Михайловъ должны быть приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни.

Прис. пов. Унковскій. Я съ своей стороны не могу согласиться съ заключеніемъ г. прокурора касательно примѣненія къ Рысакову смертной казни по слѣдующимъ соображеніямъ: 139 ст. улож. о наказ., говорящая о несовершеннолѣтнихъ болѣе 14 лѣтъ, но недостигшихъ еще 21-лѣтняго возраста, подвергаетъ ихъ за преступленія, влекущія за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія,—наказанію какъ и совершеннолѣтнихъ, но съ тою разницею, что время работъ сокращается на одну треть, а высшимъ наказаніемъ установляетъ для нихъ каторжныя работы лишь на 20 лѣтъ. Едва ли смыслъ этой статьи можетъ подлежать спору и сомнѣнію, ибо хотя въ ней не упомянуто о непримѣненіи къ нимъ смертной казни, но изъ сопоставленія этой статьи съ предыдущею 139-ю статьею, а также и потому, что въ ней не упоминается о смертной казни, слѣдуетъ заключить, что законодатель вовсе не имѣлъ въ виду допустить примѣненіе смертной казни къ лицамъ несовершеннолѣтнимъ. Такое толкованіе этого закона совершенно согласно не только съ буквальнымъ его содержаніемъ и съ предыдущею статьею, но и со всѣми кодексами европейскихъ странъ, которые не допускаютъ примѣненія къ несовершеннолѣтнимъ ни смертной казни, ни наказаній свыше 20-ти-лѣтняго срока, и которые имѣлись въ виду при редакціи нашего уложенія о наказаніяхъ. Если же толковать эту статью иначе, т. е. такимъ образомъ, что въ ней не говорится о смертной казни, то о смягченіи этого наказанія не можетъ быть и рѣчи и для лицъ, не достигшихъ 14-ти-лѣтняго возраста, ибо въ 138-й ст., относящейся къ малолѣтнимъ, о смертной казни также не говорится. Всѣмъ извѣстно, что въ нашей странѣ

человѣческій организмъ развивается гораздо медленнѣе, нежели въ большей части европейскихъ государствъ; обязательное ученіе въ Германіи начинается съ шести лѣтъ, тогда какъ у насъ мальчики, въ особенности изъ крестьянскаго сословія, еще и въ 8 или 9 лѣтъ недостаточно развиты для того, чтобы посѣщать школы. Очень многіе женатые крестьяне наши имѣютъ видъ несовершеннолѣтнихъ мальчиковъ. Между тѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ кодексахъ европейскихъ государствъ смертная казнь къ лицамъ, недостигшимъ извѣстнаго возраста, вовсе не примѣняется. Во Франціи, напримѣръ, для лицъ, не достигшихъ 16 лѣтъ, не полагается вовсе ни казни, ни пожизненнаго наказанія, ни даже ссылки, и высшимъ наказаніемъ установляется заключеніе на 20 лѣтъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ Code Pénal (ст. 67 и 68). Въ уложеніи баварскомъ (ст. 61), также въ уложеніяхъ бельгійскомъ и португальскомъ примѣненіе смертной казни къ несовершеннолѣтнимъ не дозволяется: въ Болгаріи до 21 года, въ Бельгіи—до 18, а въ Португаліи—до 19 лѣтъ. Въ новомъ германскомъ уложеніи 1872 года, въ ст. 57 говорится, что лица, не достигшія 18-ти лѣтняго возраста, за дѣянія, влекущія за собою смертную казнь или пожизненное заключеніе въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), подвергаются заключенію отъ 3 до 15 лѣтъ.

Въ австрійскомъ уложеніи 1852 года въ § 52, въ тѣхъ же случаяхъ несовершеннолѣтніе до 20 лѣтъ подвергаются лишь заключенію отъ 10 до 20 лѣтъ. Такимъ образомъ очевидно, что, сопоставляя приведенную мною ст. 139 улож. о наказан., изд. 1876 года, со всѣми европейскими кодексами ясно, что нашъ законодатель, не упоминая въ ней о смертной казни, не могъ имѣть даже и мысли примѣненія этого наказанія къ лицамъ отъ 14 до 21 лѣтняго возраста, ибо въ противномъ случаѣ нужно предположить, что нашъ законъ допускаетъ эту кару для 14-ти лѣтнихъ, т. е. для лицъ не достигшихъ ни одного изъ возрастовъ, опредѣленныхъ для примѣненія ея въ другихъ государствахъ, въ которыхъ человѣческій организмъ развивается гораздо ранѣе. Вслѣдствіе всего этого я считаю долгомъ просить о примѣненіи къ Рысакову высшаго наказанія, опредѣленнаго 139 ст. улож., для несовершеннолѣтнихъ.

Прис. пов. Хартулари. Я ничего не имѣю заявить.

Прис. пов. Герке 1-й. Если судъ найдетъ возможнымъ, я прошу принять во вниманіе то обстоятельство, что подсудимая играла второстепенную роль, и примѣнить къ ней ст. 134 п. 6 и ст. 135 улож., и смягчить наказаніе; а если это будетъ признано выходящимъ за предѣлы милости, которую судъ можетъ оказать, то я прошу: не будетъ-ли признано возможнымъ ходатайствовать объ этомъ.

Остальные защитники и подсудимый Желябовъ никакого заявленія не предъявили.

Тов. прок. Муравьевъ. Въ интересахъ закона и справедливости я считаю долгомъ возразить защитнику подсудимаго Рысакова. Онъ ссылается на ст. 139 улож. о нак., но соображенія защиты лишены, по моему мнѣнію, законнаго основанія. Защита прежде всего указываетъ на то, что если по ст. 139 должна быть примѣнена къ подсудимому 1 степ. 17 ст., то слѣдовательно и предыдущая, ст. 138, опредѣляетъ тоже наказаніе и для малолѣтнихъ, недостигшихъ еще 14-ти лѣтняго возраста. Я полагаю, что это заключеніе ошибочно потому, что въ разъясненіе 138 ст. имѣется извѣстное Особому Присутствію Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ которомъ относительно случаевъ примѣненія 1 степени 17 ст. допускается смягченіе наказанія лишь для малолѣтнихъ, т. е. недостигшихъ 14-ти лѣтняго возраста. Что же касается до совершеннолѣтнихъ въ возрастѣ, упомянутомъ 139 ст., то по сопоставленіи этой статьи съ ст. 140 и послѣдующими, слѣдуетъ признать, что на основаніи точнаго смысла закона, исключающаго всякія сомнѣнія, признаніе несовѣршеннолѣтняго виновнымъ въ такомъ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, устраняетъ, за силою этого послѣдняго карательнаго признака, всякое смягченіе наказанія вслѣдствіе несовѣршеннолѣтія. Слѣдовательно наказаніе должно быть назначено Рысакову на точномъ основаніи 139 ст., какъ совершеннолѣтнему. Затѣмъ едва ли нужно упомянуть о томъ, что ссылка защиты на иностранные кодексы, изданные до нашего уложенія и содержащіе въ себѣ правило о желаемомъ имъ смягченіи наказанія, не можетъ имѣть для Особаго Присутствія никакого юридическаго значенія.

Прис. пов. Унковскій. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ прокурора. Я не приводилъ иностранныхъ уложеній для того, чтобы Правительствующій Сенатъ могъ на нихъ основать свое рѣшеніе. Я приводилъ ихъ лишь въ доказательство того, что составители уложенія 1876 года имѣли многіе изъ этихъ кодексовъ въ виду, и если бы они допускали примѣненіе смертной казни къ лицамъ, не достигшимъ 21 лѣтняго возраста, то они упомянули бы объ этомъ. Между тѣмъ въ 139 ст. говорится о несовершеннолѣтнихъ, начиная съ 14-лѣтняго возраста, о смертной казни не сказано ни слова. Упомянутое г. прокуроромъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, не вошедшее въ законъ—мнѣ вовсе неизвѣстно, и я вовсе не понимаю, почему по ст. 139, относящейся ко всѣмъ случаямъ совершенія лицами, не достигшими 21 года, преступленій, влекущихъ за собою наказаніе, сопряженное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, съ 17-лѣтняго возраста должны быть примѣняемы всѣ виды наказаній, изложенные въ ст. 17 улож., а въ томъ числѣ и первый видъ, т. е. лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь, которой для лицъ, недостигшихъ полнаго совершеннолѣтія, вовсе не установлено. Очевидно, что такое толкованіе несогласно съ истиннымъ смысломъ этой статьи. На этомъ основаніи я ходатайствую о замѣнѣ для несовершеннолѣтняго Рысакова смертной казни другимъ наказаніемъ.

Затѣмъ Особое Присутствіе Правительствующаго Сената поставило на свое разрѣшеніе вопросъ: какому подлежатъ наказанію, за состоявшимся рѣшеніемъ, подсудимые: Желябовъ, Перовская, Кибальчичъ, Рысаковъ, Михайловъ и Гельфманъ, послѣ чего удалилось для совѣщанія по постановленію приговора.

Въ 6 часовъ 20 минутъ утра 29-го марта Особое Присутствіе Правительствующаго Сената вышло въ залу засѣданія, и г. первоприсутствующій провозгласилъ резолюцію, объявивъ, что приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ осужденнымъ 30-го марта въ 4 часа пополудни.

Резолюція Особаго Присутствія Правительствующаго Сената, объявленная 29 марта 1881 года, въ 6 часовъ по полуночи, по дѣлу о совершенномъ 1-го сего марта злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, постановилъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, деревни Николаевки, Андрея Иванова Желябова, 30 лѣтъ; дворянку Софью Львову Перовскую, 27 лѣтъ; сына священника Николая Иванова Кибальчича, 27 лѣтъ; Тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова Рысакова, 19 лѣтъ; Мозырскую, Минской губерніи, мѣщанку Гесю Мирову Гельфманъ, 26 лѣтъ, и крестьянина Смоленской губерніи, Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилково, Тимоѳея Михайлова, 21 года, на основаніи ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1.459 (по прод. 1876 г.), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на основаніи 945 ст. уст. уг. судопр. (*на предметъ лишенія ея, Перовской, дворянскаго достоинства*) представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Вчера, 30-го марта, въ 4 часа по полудни, осужденнымъ по дѣлу о злодѣйскомъ покушеніи 1-го марта былъ объявленъ, въ присутствіи сенатора А. И. Синицына, товарища прокурора Н. В. Муравьева, при оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ, приговоръ Особаго Присутствія Правительствующаго Сената слѣдующаго содержанія:

ПРИГОВОРЪ.

1881 года, марта 28/29-го дня.

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, въ Особомъ Присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ слѣдующемъ составѣ:

Г. Первоприсутствующій Э. Я. Фуксъ.

Гг. сенаторы: Н. Н. Биппенъ, Н. С. Писаревъ, П. Н. Орловъ, А. П. Синицынъ, А. В. Бѣлостоцкій; предводители дворянства: с.-петербургскій, графъ А. А. Бобринскій, петергофскій уѣздный баронъ М. Н. Корфъ, московскій городской голова С. М. Третьяковъ и волостной старшина А. А. Гелькеръ.

При оберъ-секретарѣ В. В. Половѣ.

Въ присутствіи исполняющаго обязанности прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената Н. В. Муравьевѣ—

Разсматривалъ дѣло о мѣщанинѣ Николаѣ Рысаковѣ, крестьянахъ Андреѣ Желябовѣ, Тимоѳеѣ Михайловѣ, сынѣ священника Николаѣ Кибальчичѣ, дворянкѣ Софьѣ Перовской и мѣщанкѣ Гесѣ Гельфманъ, преданныхъ суду Особаго Присутствія, на основ. 1032 и 1052 ст. уст. угол. суд., по прод. 1879 г., и особыхъ Высочайшихъ повелѣній отъ 6-го и 13-го марта 1881 г., по обвиненію ихъ въ злодѣяніи, жертвою котораго палъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, и въ другихъ преступленіяхъ.

1-го марта 1881 года, въ воскресенье, въ началѣ третьяго часа по полудни, въ С.-Петербургѣ совершено было величайшее злодѣяніе, поразившее Россію роковымъ ударомъ, положившимъ безвременно предѣлъ драгоцѣнной жизни возлюбленнаго Монарха, Благодѣтеля Отечества, Государя Императора Александра Николаевича. Въ тотъ день Его Императорское Величество изволилъ присутствовать на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, а изъ манежа посѣтить Михайловскій Дворецъ, откуда и возвращался по Инженерной улицѣ и затѣмъ, направо изъ оной, по набережной Екатерининскаго канала. Когда карета Государя, въ сопрово-

жденіи обычнаго конвоя, проѣзжала мимо сада Михайловскаго Дворца, на разстояніи около 50 саж. отъ угла Инженерной улицы, подъ лошадей кареты былъ брошенъ разрывной снарядъ. Разрывомъ этого снаряда были ранены нѣкоторыя лица и разрушена задняя стѣнка Императорской кареты, но самъ Государь остался невредимъ. Человѣкъ, бросившій снарядъ, хотя и побѣжалъ по набережной канала, по направленію къ Невскому проспекту, но въ нѣсколькихъ саженяхъ былъ задержанъ и назвался первоначально мѣщаниномъ Глазовымъ, а затѣмъ показалъ, что онъ мѣщанинъ Рысаковъ. Между тѣмъ Государь, приказавъ кучеру остановить лошадей, изволилъ выйти изъ кареты и направиться къ задержанному преступнику; когда же Его Величество возвращался назадъ къ мѣсту взрыва, по панели канала, послѣдовалъ второй взрывъ, ужаснымъ послѣдствіемъ котораго было нанесеніе Государю крайне тяжелыхъ ранъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣнъ. Вѣнценосный Страдалецъ былъ доставленъ въ Зимній Дворецъ почти уже въ безсознательномъ состояніи, и въ тотъ же день, въ 3 часа 35 минутъ по полудни—въ Бозѣ почилъ. По осмотрѣ мѣстности злодѣянія и по даннымъ, обнаруженнымъ дознаніемъ, эксперты пришли къ заключенію, что означенные взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными въ жестяныя оболочки и состоявшими изъ ударнаго состава и взрывчатаго вещества въ количествѣ до 5-ти фунтовъ въ каждомъ снарядѣ.

На лицо, бросившее къ ногамъ почившаго Государя второй разрывной снарядъ, прямыхъ указаній сначала не было; только крестьянинъ Петръ Павловъ, при первоначальномъ дознаніи показалъ, что когда Государь, отойдя отъ задержаннаго Рысакова, направился по панели канала, то неизвѣстный человѣкъ, стоявшій прислонившись къ рѣшеткѣ набережной, выждалъ приближенія Государя на разстояніе не болѣе двухъ аршинъ и бросилъ что-то на панель, отъ чего и послѣдовалъ второй взрывъ. Показаніе это, повторенное Павловымъ и на судебномъ слѣдствіи, вполнѣ подтвердилось слѣдующими данными: указанный Павловымъ человѣкъ былъ поднятъ на мѣстѣ преступленія въ безсознательномъ состояніи, и по доставленіи въ придворный госпиталь конюшеннаго вѣдомства умеръ чрезъ 8 часовъ;

по судебно-медицинскому осмотру и вскрытію трупа этого лица на немъ оказалось множество пораненій, причиненныхъ взрывомъ, который, по мнѣнію экспертовъ, долженъ былъ произойти въ весьма близкомъ разстояніи, не далѣе какъ на три шага отъ умершаго. Этотъ человѣкъ, придя редъ смертью нѣсколько въ себя и отвѣтивъ на вопросъ о своемъ имени—„не знаю", проживалъ, какъ обнаружено дознаніемъ и судебнымъ слѣдствіемъ, по подложному паспорту на имя виленскаго мѣщанина Николая Степанова Ельникова, и между своими соумышленниками назывался „Михаиломъ Ивановичемъ" и „Котикомъ".

Изъ свиты и конвоя покойнаго Государя при означенныхъ взрывахъ было ранено девять человѣкъ, изъ которыхъ одинъ умеръ, а изъ числа чиновъ полиціи и постороннихъ лицъ, находившихся на мѣстѣ злодѣянія, ранено десять, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ одинъ.

Обстоятельства, относящіяся до страшнаго злодѣянія 1-го марта, а равно и стоящія въ непосредственной съ нимъ связи, какъ они установлены судебнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ по настоящему дѣлу, представляются въ слѣдующихъ чертахъ:

I.

Нѣкоторыя изъ лицъ, принадлежащихъ къ тайному сообществу, называемому одними подсудимыми „Русской соціально-революціонной партіей", а другими партіею „Народной Воли", поставившему себѣ задачею измѣненіе и ниспроверженіе, посредствомъ насильственнаго переворота, существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, имѣли въ іюнѣ 1879 года въ городѣ Липецкѣ съѣздъ, въ числѣ около 15 человѣкъ, для пересмотра программы партіи и для обсужденія дальнѣйшихъ мѣръ къ достиженію цѣли ихъ сообщества. Результатомъ таковаго совѣщанія было рѣшеніе предпринять цѣлый рядъ покушеній на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя посредствомъ взрывовъ динамитомъ Императорскихъ поѣздовъ.

Въ съѣздѣ принималъ участіе подсудимый Желябовъ, подъ именемъ Чернявскаго, и затѣмъ онъ же, подъ именемъ Борисова, принималъ участіе въ сходкахъ въ сентябѣ того же года въ городѣ Харьковѣ, гдѣ обсуждались вопросы о ближайшихъ способахъ послѣдовательнаго осуществленія посягательствъ на жизнь Государя, причемъ было рѣшено: Желябову, Тихонову и Окладскому (послѣдніе двое уже осуждены за это преступленіе приговоромъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, состоявшимся 31-го октября 1880 года) произвести взрывъ близь города Александро .ска, Екатеринославской губерніи, во время слѣдованія Императорскаго поѣзда по пути изъ Крыма, а другимъ лицамъ произвести таковой же взрывъ близь гор. Одессы въ случаѣ, если Государь Императоръ изволитъ прослѣдовать изъ Крыма на Одессу. Съ этою цѣлью Желябовъ прибылъ въ октябрѣ 1879 года въ Александровскъ, назвавшись ярославскимъ купцомъ Черемисовымъ, подъ предлогомъ устройства кожевеннаго завода, и поселился, вмѣстѣ съ неизвѣстною женщиною, называвшею себя его женою, въ домѣ мѣщанина Бовенко. На 4-й верстѣ отъ города, по пути къ станціи Лозовой, преступниками были заложены подъ шпалы желѣзной дороги два мѣдныхъ цилиндра съ динамитомъ, на такомъ разстояніи одинъ отъ другаго, чтобы, по показанію Желябова на судебномъ слѣдствіи по настоящему дѣлу, взрывъ могъ обнять поѣздъ съ обоихъ концовъ, и къ нимъ прикрѣплена проволока, шедшая къ ближайшему цинковому листу, который въ свою очередь сообщался со вторымъ листомъ, уложеннымъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ проѣзжей дороги; отъ сего послѣдняго листа минныя проволоки спускались по насыпи желѣзнодорожнаго пути и оврагу и выходили на грунтовую дорогу, гдѣ и должны были имѣть соединеніе съ аппаратомъ, помѣщеннымъ въ телѣгѣ. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что Государь Императоръ послѣдуетъ чрезъ городъ Александровскъ 18 ноября, то утромъ въ этотъ день Тихоновъ, Желябовъ, Окладскій и Прѣсняковъ, помѣстивъ въ телѣгу аппаратъ, поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ у нихъ были заложены минныя проволоки, и здѣсь Окладскій, вынувъ изъ земли концы проволоки, передалъ ихъ Желябову. Какъ только Императорскій поѣздъ вышелъ со станціи и нѣсколько вагоновъ его прошли то

мѣсто, гдѣ была заложена мина, Желябовъ сомкнулъ цѣпь, но взрыва не произошло, и Императорскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно. По изслѣдованіи цилиндровъ, найденныхъ подъ шпалами, экспертъ нашелъ, что цилиндры эти представляютъ собою двѣ мины, снаряженныя магнезіальнымъ динамитомъ и снабженныя электрическими запалами, причемъ одинъ цилиндръ сполна наполненъ динамитомъ, а другой только до половины.

II.

Одновременно съ этимъ подготовлялись взрывы Императорскихъ поѣздовъ въ Одессѣ и подъ Москвою. Обстоятельства приготовленія къ взрыву на желѣзной дорогѣ близь Одессы, насколько они относятся до лицъ, преданныхъ суду Особаго Присутствія, состоятъ въ слѣдующемъ: Подсудимый Кибальчичъ, предложивъ весною 1879 года, чрезъ Квятковскаго (казненный уже государственный преступникъ), свои услуги революціонной партіи, и полагая, что ей придется, по его объясненію, въ ея борьбѣ съ Правительствомъ прибѣгнуть къ такимъ веществамъ какъ динамитъ, рѣшился изучить приготовленіе взрывчатыхъ веществъ и для того перечиталъ все, что могъ достать по литературѣ этого предмета. Затѣмъ, когда ему удалось у себя въ комнатѣ добыть небольшое количество нитроглицерина, онъ убѣдился въ возможности приготовлять какъ это вещество, такъ равно динамитъ и гремучій студень домашними средствами, и съ того времени постоянно участвовалъ въ приготовленіи для партіи взрывчатыхъ веществъ. Послѣ липецкаго съѣзда онъ, Кибальчичъ, поселился въ Одессѣ подъ именемъ коллежскаго регистратора Максима Петрова Иваницкаго, съ женою Елисаветою. Получая свѣдѣнія о всѣхъ покушеніяхъ на жизнь Государя Императора, предпринятыхъ осенью 1879 года, Кибальчичъ принималъ дѣятельное участіе въ приготовленіяхъ къ взрыву Императорскаго поѣзда близь Одессы, причемъ имѣлъ у себя всѣ матеріалы, необходимые для взрыва; съ этою цѣлью онъ отдалъ въ магазинъ Левенталя для починки спираль Румкорфа, а когда починка была произведена неудовлетворительно, купилъ новую спираль въ магазинѣ Розенталя; когда же узналъ,

что Государь на обратномъ пути изъ Крыма не поѣдетъ чрезъ Одессу, счелъ нужнымъ отвезти одну изъ спиралей въ городъ Александровскъ, гдѣ имѣвшаяся у сообщниковъ его спираль была въ неудовлетворительномъ видѣ.

III.

19-го ноября 1879 года, въ одиннадцатомъ часу вечера, на третьей верстѣ отъ московской станціи московско-курской желѣзной дороги, во время слѣдованія въ Москву поѣзда съ Императорскою Свитою, былъ произведенъ взрывъ полотна желѣзной дороги, вслѣдствіе чего произошло крушеніе поѣзда, въ которомъ злоумышленники предполагали присутствіе въ Бозѣ почившаго Государя. Входившіе въ составъ этого поѣзда два паровоза и первый багажный вагонъ оторвались, одинъ багажный вагонъ перевернулся вверхъ колесами и восемь вагоновъ сошли съ релсовъ, съ болѣе или менѣе значительными поврежденіями, но при этомъ ни лица, слѣдовавшія на поѣздѣ, ни постороннія лица не понесли никакихъ поврежденій. При осмотрѣ мѣста взрыва было обнаружено, что онъ произведенъ посредствомъ мины, заложенной подъ полотно желѣзной дороги и проведенной изъ нижняго этажа дома, расположеннаго въ 20 саженяхъ отъ желѣзнодорожнаго пути и купленнаго незадолго передъ тѣмъ личностью, именовавшеюся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ; изъ нижняго этажа этого дома была выведена, имѣвшая видъ трехгранной призмы, галлерея, обшитая въ основаніи и по бокамъ досками. При осмотрѣ упомянутаго дома оказалось, что взрывъ произведенъ при посредствѣ спирали Румкорфа, находившейся въ сундукѣ, стоявшемъ въ верхнемъ этажѣ, и гальванической баттареи, помѣщенной въ сараѣ. Два проводника, покрытые слоемъ земли, шли отъ баттареи по двору до стѣны дома и затѣмъ поднимались по плинтусамъ во второй этажъ, гдѣ они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стѣнѣ въ нижній этажъ дома и затѣмъ вступали въ галлерею, ведущую къ минѣ, заложенной на глубинѣ около двухъ саженъ подъ рельсами. Около баттареи, въ сараѣ, имѣлось отверстіе, чрезъ которое можно было наблюдать за желѣзнодорожнымъ путемъ. По заключенію экспертовъ, на уст-

ройство означеннаго подкопа потребовалось не менѣе 20-ти дней, причемъ работа эта, по ихъ мнѣнію, производилась не менѣе, чѣмъ двумя, а скорѣе и большимъ числомъ лицъ; самый взрывъ былъ произведенъ однимъ изъ взрывчатыхъ составовъ, относящихся къ группѣ содержащихъ въ себѣ нитроглицеринъ. Помянутый Сухоруковъ появился въ Москвѣ въ первыхъ числахъ сентября 1879 года съ женщиною, именовавшеюся его женою, и 13 сентября пріобрѣлъ покупкою домъ у мещанина Кононова; 19 сентября переѣхалъ въ этотъ домъ, и, удаливъ оттуда жильцовъ, подъ предлогомъ необходимыхъ въ домѣ передѣлокъ, приступилъ, какъ онъ объяснилъ, къ вырытію въ нижнемъ этажѣ дома погребной ямы. Послѣ того, окна нижняго этажа были наглухо заколочены, двери заперты, а въ домъ были привезены доски и желѣзныя трубы, найденныя впослѣдствіи въ минной галлереѣ. Сухоруковъ оставался въ Москвѣ вмѣстѣ съ жившею съ нимъ женщиною до взрыва Императорскаго поѣзда, а вслѣдъ за взрывомъ оба они скрылись. По подложному паспорту на имя Сухорукова проживалъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Николаевъ Гартманъ, скрывающійся въ настоящее время за границей; проживавшая же съ Гартманомъ женщина, именовавшая себя его женою, была дворянка Софья Львова Перовская. Въ устройствѣ подкопа и мины принимали участіе между прочимъ Гартманъ и Софья Перовская. Сообщниками этого преступленія было рѣшено, что для самаго производства взрыва должны остаться въ домѣ Сухорукова—Ширяевъ и Перовская, а остальные участники должны выѣхать оттуда наканунѣ прибытія въ Москву Императорскаго поѣзда. Перовской было поручено наблюдать у полотна желѣзной дороги за приближеніемъ поѣзда и дать знать о его приближеніи, а Ширяеву сомкнуть цѣпь по сигналу, данному Перовскою. Передъ самымъ проѣздомъ Государя, состоявшееся у нихъ рѣшеніе о распредѣленіи занятій при взрывѣ было измѣнено, причемъ вмѣсто него, Ширяева, въ домѣ остались для производства взрыва Гартманъ и Перовская.

IV.

Преступная дѣятельность упомянутаго выше тайнаго сообщества и послѣ того не прекращалась, и многіе изъ

его членовъ, переселившись въ С.-Петербургъ, продолжали здѣсь составлять новые планы для дальнѣйшихъ посягательствъ на жизнь въ Бозѣ почившаго Императора. Въ печатныхъ объявленіяхъ отъ такъ называемаго „Исполнительнаго Комитета", появлявшихся послѣ каждаго изъ означенныхъ покушеній, а равно и послѣ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля 1880 года, злоумышленники не только признавали ихъ совершеніе дѣломъ своей партіи, но и дерзостно бросали въ лицо русскаго народа заявленіе о намѣреніи своемъ продолжать свою злодѣйскую дѣятельность.

Кибальчичъ прибылъ въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1879 года и проживалъ подъ именемъ Агаческулова сперва по Забалканскому проспекту въ домѣ № 10-й, въ Серапинской гостинницѣ, послѣ—по Подольской улицѣ, домъ № 11-й, съ неизвѣстною женщиною, называвшеюся его женою, гдѣ у него въ квартирѣ и помѣщалась тайная типографія, по Невскому проспекту домъ № 124 и, наконецъ, въ концѣ января 1880 года, подъ именемъ аккерманскаго мѣщанина Николая Ланскаго, по Лиговкѣ, въ домѣ № 83, въ квартитѣ № 2. Перовская, подъ именемъ землемѣра Лидіи Антоновой Войновой, съ осени 1879 года, проживала въ Петербургской части, 1 участка, на углу Большой и Малой Бѣлозерскихъ улицъ, д. № 32—4, вмѣстѣ съ женщиною, называвшеюся дочерью священника Ольгою Сиповичъ (еще неразысканною), а въ іюнѣ 1880 года переѣхала въ д. № 17—18 по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, гдѣ съ октября того же года, по отъѣздѣ Сиповичъ, поселился и Желябовъ, подъ именемъ брата Войновой, Николая Слатвинскаго. Независимо отъ этого обнаружены и особыя квартиры, долженствовавшія служить общимъ цѣлямъ сообщества, называемыя подсудимыми „конспиративными", по Большой Подъяческой улицѣ, д. № 37, гдѣ изготовлялся динамитъ, въ чемъ непосредственное участіе принималъ Кибальчичъ по Троицкому переулку, домъ № 27/11 кв. № 25, гдѣ до 17 февраля 1881 года проживалъ неизвѣстный человѣкъ, называвшійся московскимъ мѣщаниномъ Андреемъ Николаевымъ, съ женою Елисаветою Андреевою, оказавшеюся Гельфманъ, и по Тележвой улицѣ, домъ № 5, кв. № 5, гдѣ по переѣздѣ изъ Троицкаго переулка проживала та же Гельфманъ, вмѣстѣ съ осужденнымъ въ государственномъ преступленіи Саблинымъ, подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ.

Новое посягательство на Священную Особу Государя Императора Александра Николаевича злоумышленники рѣшили осуществить посредствомъ мины на Малой Садовой и метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Желябовъ, умысливъ это злодѣяніе, согласилъ на совершеніе онаго Рысакова, Михайлова, лицо, называемое „Михаиломъ Ивановичемъ" и другихъ, и распоряжался приготовительными ихъ къ этому злодѣянію дѣйствіями. Другіе злоумышленники, между ними и Желябовъ, принимавшій непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ, устроили мину; Кибальчичъ занялся изготовленіемъ метательныхъ снарядовъ; Перовская образовала постоянное наблюденіе за выѣздами Государя, въ чемъ принимали участіе Рысаковъ, „Михаилъ Ивановичъ" и другія лица. Помянутыя лица сходились для совѣщаній о приготовленіяхъ къ злодѣянію 1 марта преимущественно въ квартирѣ въ Телѣжной улицѣ, предназначенной исключительно для подготовленій къ цареубійству, хозяевами которой были Гельфманъ и Саблинъ, подъ именемъ жены и мужа Фесенко-Навроцкихъ. Эту квартиру посѣщали Желябовъ, Рысаковъ, Перовская, называвшійся „Михаиломъ Ивановичемъ", Михайловъ и Кибальчичъ, который, по принесеннымъ имъ образцамъ, объяснялъ устройство метательныхъ снарядовъ. 28 февраля Рысаковъ, Кибальчичъ, Михайловъ и „Михаилъ Ивановичъ" ходили за городъ въ пустынное мѣсто пробовать образецъ снаряда. Хотя Желябовъ и былъ арестованъ 27-го февраля, тѣмъ не менѣе участники задуманнаго злодѣянія, въ числѣ ихъ Рысаковъ, помянутый „Михаилъ Ивановичъ" и Михайловъ, собрались, согласно состоявшемуся уговору, 1-го марта въ 9 часовъ утра, на квартирѣ въ Телѣжной улицѣ, куда вскорѣ прибыли Перовская и Кибальчичъ, принесшіе каждый по два метательныхъ снаряда, изготовленныхъ послѣднимъ въ ночь на 1-е марта. Перовская начертила на конвертѣ планъ мѣстности, обозначивъ на немъ пункты для каждаго изъ участниковъ и дала всѣ указанія для совершенія злодѣянія. Указанія эти состояли въ слѣдующемъ: при проѣздѣ Государя въ Михайловскій манежъ, по Малой Садовой, долженъ былъ произойти взрывъ мины; но на случай неудачнаго взрыва, на обоихъ концахъ Малой Садовой должны были находиться лица, вооруженныя метательными снаря-

дами, которыми и были снабжены: Рысаковъ, прозывавшійся „Михаиломъ Ивановичемъ“ и двое другихъ лицъ. Если же Государь не последуетъ по Малой Садовой, то метальщикамъ, по условленному съ Перовскою сигналу, слѣдовало идти на Екатерининскій каналъ и тамъ ждать возвращенія Государя въ Зимній Дворецъ, послѣ обычнаго посѣщенія Имъ Михайловскаго Дворца. Когда же оказалось, что Его Величество, не проѣхавъ по Малой Садовой и такимъ образомъ благополучно миновавъ устроенный на ней подкопъ съ миной, направился изъ манежа въ Михайловскій Дворецъ, Перовская, находившаяся все время вблизи, для наблюденій за направленіемъ пути Государя, подала на Михайловской улицѣ лицамъ, имѣвшимъ снаряды, условный знакъ, указывавшій, что они должны были идти для дѣйствія на Екатерининскій каналъ, гдѣ и произошло то роковое событіе, которое оплакиваетъ нынѣ Русскій народъ.

V.

Рысаковъ, какъ упомянуто выше, былъ схваченъ на мѣстѣ злодѣянія. Прозывавшійся Михаиломъ Ивановичемъ (онъ же Котикъ и Ельниковъ) умеръ отъ ранъ, полученныхъ при взрывѣ брошеннаго имъ втораго снаряда. Желябовъ задержанъ былъ еще 27-го февраля. Въ квартирѣ, гдѣ проживалъ Желябовъ, подъ именемъ Слатвинскаго, вмѣстѣ съ женщиною, именовавшею себя Лидіею Войновою, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, кромѣ разныхъ принадлежностей химическихъ опытовъ, могущихъ служить и для приготовленія взрывчатыхъ веществъ, были найдены, между прочимъ, четыре жестянки съ остатками чернаго вещества, а также двѣ каучуковыя красныя трубки. По заключенію экспертовъ, означенное вещество оказалось чернымъ динамитомъ, а каучуковыя трубки—подобными тѣмъ, которыя были употреблены при устройствѣ метательныхъ взрывчатыхъ снарядовъ. Женщина же, проживавшая вмѣстѣ съ Желябовымъ подъ именемъ Войновой и скрывшаяся изъ вышеуказанной квартиры на другой же день его ареста, 28-го февраля, вечеромъ, была задержана лишь 10-го марта и оказалась дворянкою Софьею Львовою Перовскою. По обыску у нея были, между прочимъ, найдены печатныя прокламаціи по поводу злодѣянія 1-го марта.

VI.

Вслѣдствіе свѣдѣній, полученныхъ при производствѣ разслѣдованія по настоящему дѣлу, о томъ, что по Тележной улицѣ, въ домѣ № 5-й, находится квартира, въ которой собирались злоумышленники и производились приготовленія къ злодѣянію 1-го марта, въ означенной квартирѣ № 5 сдѣланъ былъ въ ночь на 3-е марта внезапный обыскъ. При объявленіи должностными лицами, явившимися на обыскъ, о ихъ прибытіи лицу, спросившему ихъ о томъ чрезъ запертую наружную дверь квартиры, въ этой послѣдней послышалось нѣсколько выстрѣловъ и затѣмъ женщина отперла дверь, чрезъ которую должностныя лица и проникли въ квартиру. Въ первой комнатѣ они нашли лежащимъ на полу, окровавленнымъ, только что повидимому застрѣлившагося человѣка. Не выходя изъ безсознательнаго состоянія, неизвѣстный вскорѣ умеръ. По осмотру домовой книги оказалось, что онъ проживалъ въ квартирѣ № 5 вмѣстѣ съ упомянутою, задержанною въ ней, женщиною подъ именемъ супруговъ Фесенко-Навроцкихъ, по подложному паспорту. Застрѣлившійся мужчина былъ дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, а женщина оказалась Мозырскою мѣщанкою Гесею Мировою Гельфманъ. Послѣдняя, въ виду предстоявшаго обыска, предупредила, что со многими, находящимися въ ея квартирѣ вещами слѣдуетъ обращаться крайне осторожно, такъ какъ онѣ наполнены взрывчатыми веществами. По обыску въ означенной квартирѣ найдены вещественныя доказательства, имѣющія непосредственную связь съ злодѣйскимъ дѣяніемъ 1-го марта, въ числѣ коихъ: 1) двѣ жестянки съ метательными снарядами, взрывающимися отъ удара при паденіи, заключающими въ себѣ взрывчатый аппаратъ, по системѣ особыхъ, сообщающихся другъ съ другомъ частей снарядовъ; 2) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположенію эксперта, часть модели метательнаго снаряда; 3) планъ г. С.-Петербурга съ карандашными отмѣтками, въ видѣ неправильныхъ круговъ на зданіи Зимняго Дворца и со слабыми карандашными же линіями, проведенными отъ зданія Михайловскаго манежа по Инженерной улицѣ, по зданіямъ Михайловскаго Дворца и по Екатерининскому каналу, и 4) сдѣланный карандашомъ

на оборотѣ конверта планъ, безъ соблюденія масштаба, представляющій, по сличенію его съ планомъ города С.-Петербурга, сходство съ мѣстностью между Екатерининскимъ каналомъ, Невскимъ проспектомъ, Михайловскимъ Дворцомъ и Караванной улицей, съ обозначеніемъ Михайловскаго манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На планѣ этомъ, между прочимъ, имѣются знаки на Екатерининскомъ каналѣ, Манежной площади и кругъ посрединѣ Малой Садовой.

3-го марта, утромъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутаго обыска, когда въ квартирѣ той были оставлены чины полиціи для задержанія лицъ, имѣющихъ туда придти,—явился человѣкъ и, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находилась означенная квартира, былъ встрѣченъ дворникомъ Сергѣевымъ. На вопросъ послѣдняго—»Куда онъ идетъ?«—неизвѣстный, спросивъ какого-то кучера, указалъ на квартиру № 12, которая была не занята, вслѣдствіе чего былъ приглашенъ въ квартиру № 5, гдѣ и задержанъ. Когда же было приступлено къ производству у него обыска, то онъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ, сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ задержавшихъ его полицейскихъ чиновъ, причемъ нанесъ городовому Денисову опасную рану, а помощнику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слуцкому контузію. Означенный человѣкъ оказался крестьяниномъ Тимоѳеемъ Михайловымъ, проживающимъ подъ именемъ Черниговскаго мѣщанина Сергѣя Лапина.

VII.

4-го марта 1881 года, вслѣдствіе заявленія дворниковъ дома графа Менгдена, находящагося на углу Малой Садовой и Невскаго проспекта, о томъ, что содержатель сырной лавки въ подвальномъ этажѣ того же дома, крестьянинъ Евдокимъ Кобозевъ скрылся вмѣстѣ съ женою своею Еленою Ѳедоровою, а въ самой лавкѣ найдена земля и разныя орудія землекопанія, произведенъ былъ осмотръ означенной лавки, причемъ изъ жилья, смежнаго съ лавкою, подъ ближайшимъ къ ней окномъ былъ обнаруженъ подкопъ подъ улицу Малую Садовую; въ самой лавкѣ, на прилавкѣ, разложены сыры, въ стоящихъ здѣсь же бочкѣ и кадкѣ, подъ соломою и за деревянною обшивкою нижней части задней и боко-

выхъ стѣнъ, а равно въ смежномъ жильѣ и подвалахъ сложена земля и въ разныхъ мѣстахъ разбросаны землекопательные и минные инструменты. Въ жильѣ стѣна подъ окномъ пробита и въ ней открывается отверстіе, ведущее въ подземную галлерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на двѣ слишкомъ сажени до средины улицы. Въ отверстіи оказалась стклянка съ жидкостью для заряженія гальванической баттареи, элементы которой найдены тутъ же въ корзинѣ, а отъ баттареи шли по минѣ проводы, оканчивавшіеся снарядомъ, состоявшимъ изъ чернаго динамита, количествомъ около двухъ пудовъ, капсюли съ гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитаннаго нитроглицериномъ. Такое устройство снаряда, по отзыву экспертовъ, вполнѣ обезпечивало взрывъ, отъ котораго должна была образоваться среди улицы воронка до $2^1/_2$ саженъ въ діаметрѣ, а въ сосѣднихъ домахъ были бы вышиблены оконныя рамы и вѣроятно обвалились бы печи и потолки. Слѣдствіемъ обнаружено, что называвшіе себя супругами Кобозевыми наняли лавку въ домѣ графа Менгдена, въ декабрѣ 1880 года, и, переѣхавъ въ январѣ настоящаго года, открыли торговлю сыромъ при такой обстановкѣ, которая скоро обратила на себя вниманіе многихъ, какъ не соотвѣтствовавшая свойствамъ, образу жизни и внѣшности обыкновенной торговли и обыкновенныхъ торговцевъ.

Обсудивъ изложенныя обстоятельства дѣла и предъявленныя противъ подсудимыхъ обвиненія, Особое Присутствіе останавливается прежде всего на обвиненіи всѣхъ ихъ въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе, посредствомъ насильственнаго переворота, существующаго въ Имперіи государственнаго и общественнаго строя, и предпринявшему съ сею цѣлью рядъ посягательствъ на жизнь Священной Особы Государя Императора Александра Николаевича, убійствъ и покушеній на убійство должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ, и въ этомъ отношеніи находитъ, что самими подсудимыми Желябовымъ, Кибальчичемъ и Перовскою дерзостно провозглашаются не только принадлежность ихъ къ такому сообществу, именуемому ими „Соціально-революціонною партіею", или партіею „Народной воли" и въ частности „террористическимъ отдѣломъ", но и всѣ зло-

дѣянія, совершенныя ими, выставляются заслугою ихъ предъ этимъ сообществомъ; что подсудимая Гельфманъ также заявляетъ о своей принадлежности къ этому сообществу, и что хотя подсудимые Рысаковъ и Тимоѳей Михайловъ, сознаваясь въ принадлежности къ особому, организованному Желябовымъ и имъ направляемому, тайному сообществу, и даютъ отличныя отъ прочихъ подсудимыхъ объясненія какъ о цѣляхъ этого сообщества, такъ и о средствахъ, примѣняемыхъ онымъ для достиженія этихъ цѣлей, но объясненія эти не заслуживаютъ уваженія, и по удостовѣреннымъ даннымъ о близкихъ связяхъ Рысакова и Михайлова съ прочими подсудимыми и по прочимъ обстоятельствамъ дѣла, Особое Присутствіе приходитъ къ убѣжденію о принадлежности и ихъ, Рысакова и Михайлова, къ тому же сообществу, преступными принципами котораго руководились и прочіе подсудимые. Переходя къ обвиненію подсудимыхъ въ страшномъ злодѣяніи 1-го марта, Особое Присутствіе находитъ, что, независимо отъ сознанія самихъ подсудимыхъ, всѣми несомнѣнными данными дѣла всѣ они вмѣстѣ изобличаются въ предварительномъ какъ между собою, такъ и съ другими обнаруженными (застрѣлившійся Саблинъ и умершій 1-го марта человѣкъ, проживавшій подъ ложнымъ именемъ Ельникова) и необнаруженными по дѣлу лицами, соглашеніи лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, 1-го сего марта, имѣвшемъ своимъ ужаснымъ послѣдствіемъ причиненіе Его Императорскому Величеству, посредствомъ метательнаго снаряда, тяжкихъ ранъ и затѣмъ страдальческую кончину Его Величества. Что же касается до различнаго соучастія подсудимыхъ въ приведеніи этого соглашенія въ исполненіе, то оказываются виновными: 1) Желябовъ—въ томъ, что, умысливъ это посягательство на Священную жизнь Монарха, согласилъ на него Рысакова и другихъ лицъ, руководилъ приготовительными ихъ дѣйствіями до своего ареста (27-го февраля 1881 г.), сводя ихъ для совѣщаній объ этомъ между собою на особо предназначенныхъ для подобныхъ сходокъ квартирахъ, и принялъ непосредственное участіе въ земляныхъ работахъ по устройству подкопа, проведеннаго изъ подвальной лавки подъ Малую Садовую улицу, со снарядомъ для взрыва полотна улицы, при проѣздѣ Государя. 2) Перовская—въ томъ, что руководила дѣйствіями исполнителей и самымъ соверше-

ніемъ злодѣянія, именно: устроила предъ тѣмъ постоянное наблюденіе за выѣздами Его Императорскаго Величества, а 1 марта принесла въ подготовленную для собранія соучастниковъ квартиру два предназначенныхъ для сего злодѣянія взрывчатыхъ метательныхъ снаряда, и, зная о вышепомянутомъ подкопѣ на Малой Садовой, начертила планъ мѣстности и, передавъ принесенныя ею два метательныхъ снаряда собравшимся въ означенной квартирѣ злоумышленникамъ, указала каждому изъ нихъ пунктъ, и затѣмъ на Михайловской улицѣ подала знакъ, по которому злоумышленники должны были идти на Екатерининскій каналъ и здѣсь ожидать проѣзда Государя для приведенія своего умысла въ исполненіе. 3) Кибальчичъ—въ томъ, что техническими указаніями и приготовленіями запала для взрыва принялъ участіе въ устройствѣ подкопа подъ Малой Садовой улицей, а затѣмъ изготовилъ и приспособилъ четыре метательныхъ снаряда, однимъ изъ которыхъ и былъ произведенъ тотъ взрывъ, который повлекъ за собою кончину Его Величества. 4) Рысаковъ—въ томъ, что бросилъ подъ карету Государя первый метательный взрывчатый снарядъ, произведшій подъ тою каретою взрывъ. 5) Гельфманъ—въ томъ, что завѣдывала, въ качествѣ хозяйки, квартирами, которыя служили для сбора злоумышленниковъ, въ которыхъ происходили съ вѣдома ея, Гельфманъ, совѣщанія о приготовлявшемся злодѣяніи и въ одну изъ которыхъ, съ ея же вѣдома, были 1-го марта принесены взрывчатые метательные снаряды, предназначенные для злодѣянія, и 6) Михайловъ—въ томъ, что участвовалъ въ приготовительныхъ къ злодѣянію 1-го марта дѣйствіяхъ, предварительною накануне онаго пробою предназначавшагося для злодѣянія метательнаго взрывчатаго снаряда. Затѣмъ, по предъявленнымъ противъ подсудимыхъ Желябова, Кибальчича и Перовской обвиненіямъ въ другихъ посягательствахъ на Священную Особу Государя Императора Александра Николаевича, они, по несомнѣннымъ обстоятельствамъ дѣла, въ связи съ ихъ собственнымъ сознаніемъ, должны быть признаны виновными: Желябовъ—въ устройствѣ вмѣстѣ съ другими лицами, въ ноябрѣ 1879 года, подъ полотномъ желѣзной дороги, близь города Александровска мины для взорванія динамитомъ поѣзда, въ которомъ изволилъ находиться Его Императорское Величество, при проходѣ 18-го того

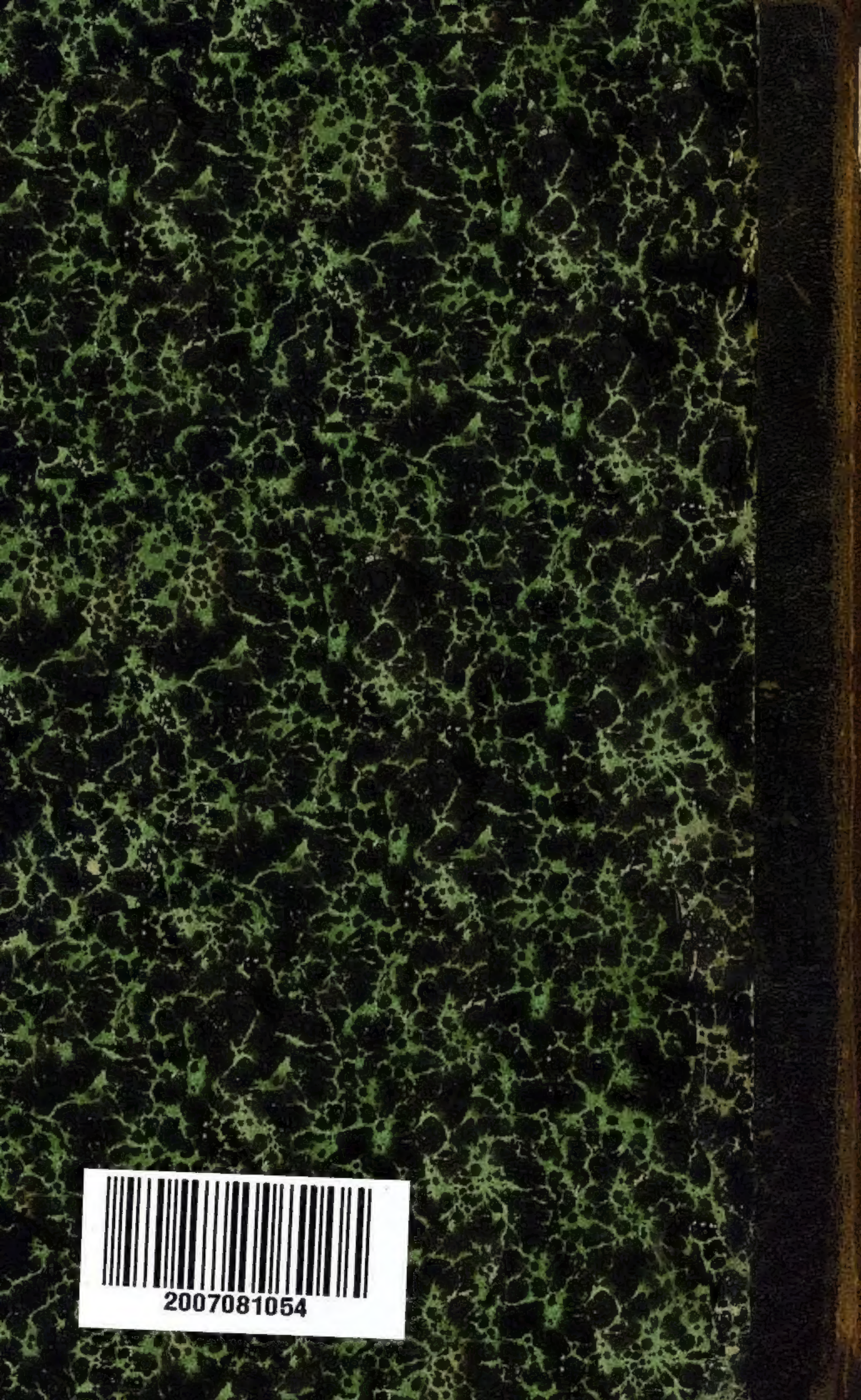
ноября означеннаго поѣзда, онъ, Желябовъ, сомкнулъ проведенные чрезъ мину проводники гальваническаго тока, но взрыва не послѣдовало по обстоятельствамъ, отъ Желябова не зависѣвшимъ; Кибальчичъ—въ принятіи участія въ приготовленіяхъ какъ къ взрыву Императорскаго поѣзда на одесской желѣзной дорогѣ близь Одессы, въ томъ же ноябрѣ 1879 года, храненіемъ у себя всѣхъ нужныхъ для сего снарядовъ и пріобрѣтеніемъ и приспособленіемъ спиралей Румкорфа, такъ и къ означенному выше взрыву 18-го ноября 1879 года, близь города Александровска, посредствомъ доставленія Желябову необходимой для совершенія этого преступленія спирали Румкорфа, и Перовская—въ принятіи, по соглашенію съ другими лицами, непосредственнаго участія въ приготовленіяхъ ко взрыву полотна московско-курской желѣзной дороги, близь Москвы, при проѣздѣ Императорскаго поѣзда, во время каковаго прохожденія 19-го ноября 1879 года наблюдала за прибытіемъ означеннаго поѣзда и подала лицу, имѣвшему произвести взрывъ, сигналъ, по которому взрывъ дѣйствительно и послѣдовалъ, не причинивъ однако же, по обстоятельствамъ отъ нея, Перовской, не зависѣвшимъ, никакого вреда лицамъ, въ поѣздѣ находившимся. Наконецъ, Тимоѳей Михайловъ, по показаніямъ свидѣтелей и другимъ обстоятельствамъ дѣла, долженъ быть признанъ виновнымъ въ томъ, что при задержаніи его, 3-го марта 1881 года, въ квартирѣ № 5, домъ № 5, по Тележной улицѣ, умышленно, съ цѣлью лишить жизни кого либо изъ задержавшихъ его лицъ, сдѣлалъ въ нихъ шесть выстрѣловъ изъ револьвера, чѣмъ причинилъ опасную рану городовому Еѳиму Денисову и контузію помощнику пристава Слуцкому.

Законныя послѣдствія установленныхъ такимъ образомъ фактовъ виновности подсудимыхъ должны быть слѣдующія: 1) за принадлежность къ означенному выше тайному сообществу и за злоумышленное соучастіе въ посягательствахъ на Священную Особу Государя Императора подсудимые, на основ. 241, 242, 243 и 249 ст. улож. о нак., должны подлежать лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, видъ которой опредѣляется судомъ (18 ст. улож.); 2) тому же наказанію долженъ подлежать и подсудимый Рысаковъ, не смотря на его несовершеннолѣтіе, по точной

силѣ 139 ст. улож., на основаніи которой несовершеннолѣтніе, отъ 14-ти до 21 года, за учиненіе преступленій, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, подвергаются тѣмъ же наказаніямъ, какъ и совершеннолѣтніе, съ сокращеніемъ лишь срока каторжныхъ работъ, если они подлежатъ таковымъ, и 3) что вооруженное сопротивленіе, оказанное Тимоѳеемъ Михайловымъ при задержаніи его 3-го марта 1881 года, должно быть подведено подъ дѣйствіе 1459 ст. улож., по прод. 1876 года.

Посему Особое Присутствіе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: подсудимыхъ: крестьянина Таврической губ., Ѳеодосійскаго уѣзда, Петровской волости, дер. Николаевки, Андрея Иванова *Желябова*, 30 лѣтъ; дворянку Софью Львову *Перовскую*, 27 лѣтъ; сына священника Николая Иванова *Кибальчича*, 27 лѣтъ; Тихвинскаго мѣщанина Николая Иванова *Рысакова*, 19 лѣтъ; Мозырскую, Минской губ., мѣщанку Гесю Мирову *Гельфманъ*, 26 лѣтъ, и крестьянина Смоленской губ., Сычевскаго уѣзда, Ивановской волости, дер. Гаврилкова, Тимоѳея *Михайлова*, 21 года, на основ. ст. улож. о нак. 9, 13, 18, 139, 152, 241, 242, 243, 249 и 1459 (по прод. 1876 г.), лишить всѣхъ правъ состоянія и подвергнуть смертной казни чрезъ повѣшеніе. Приговоръ сей относительно дворянки Софьи Перовской, по вступленіи его въ законную силу, прежде обращенія къ исполненію, на основ. 945 ст. уст. угол. суд., представить чрезъ Министра Юстиціи на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Сенаторъ А. И. Синицынъ, объяснивъ осужденнымъ порядокъ обжалованія настоящаго приговора, объявилъ, что Особое Присутствіе Правительствующаго Сената опредѣлило для принесенія кассаціонныхъ жалобъ суточный срокъ, истекающій 31-го марта въ 5 часовъ по полудни.

2007081054